

VI 9/25

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ V.

Книга 23 (3).

Подъ редакціей профессоровъ Н. Я. Грота и Л. М. Лопатина.

МАЙ 1894 г.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №.
Пименовская ул., соб. д.
1894.

1. ... ..

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія. — Ф. А. Зеленогорскаго	197
Пространство и время, какъ формы явленій. — Кн. Д. Н. Цертелева	235
✓ О времени. — Н. Я. Грота	248

СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей. — А. А. Токарскаго	331
Философія Лаоси (<i>Окончаніе</i>). — Д. П. Конисси	363
Тао те кингъ Лаоси. Переводъ съ китайскаго Д. П. Конисси	380
Новая книга о философіи Канта. — В. Серебренникова	409
Современное состояніе вопроса о медіумизмѣ. — Влад. С. Соловьева	424

Критика и библиографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Pater. Plato and Platonism. — А. Н. Гилярова	438
Paulhan. Les caractères. — Е. А. Хлопниной	440
Chuquet. J. J. Rousseau. — А. Н. Гилярова	445
Lyon. Philosophie de Hobbes. — А. Н. Гилярова	447

II. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Philosophische Monatshefte.—А. П. Басяетова.	449
Vierteljahrsschrift f. wissenschaftliche Philosophie.—М. И. Петруневича	450
Книговѣдѣніе.—В. Я.	452

Психологическое Общество	455
------------------------------------	-----

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ:

Къ юбилею Лобачевского (Физико-математическое Общество при Казанскомъ университетѣ)	475
Комиссія по организаціи домашняго чтенія при Учебномъ Отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній	476
Касса взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	487
Объ изданіи сочиненій Г. С. Сквороды (отъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества)	489
Объявленія	491

Философія Григорія Саввича Сковорода, українського філософа XVIII столѣтія.

(Род. 1722 г., ум. 1794 г.).

Григорій Саввичъ Сковорода—прежде всего *философъ-моралистъ*. Онъ говоритъ о себѣ: „изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ тайная сила и маніе влекли меня къ нравоучительнымъ книгамъ“ („Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“). Когда онъ выступилъ на поприще дѣятельности, къ которой чувствовалъ призваніе, то старался вліять на нравственную жизнь тѣхъ, съ которыми онъ обращался и соприкасался. „Обучатися и купно обучати братію добродѣтели, якоже свыше заповѣдано мнѣ, сей мой единъ есть и жребій, и конецъ, и цвѣтъ, и плодъ жизни, и трудовъ моихъ успокоеніе“, писалъ онъ въ одномъ письмѣ (Хиждеу. Григорій Варсава Сковорода. „Телескопъ“. Часть XXVI, стр. 158). Въ этомъ направленіи онъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, своими бесѣдами съ близкими ему людьми, переходя съ одного мѣста на другое. У него слово не расходилось съ дѣломъ и убѣжденіе—съ дѣйствіями и поступками; поэтому его жизнь была лучшимъ примѣромъ высокой нравственности для тѣхъ, съ которыми онъ бесѣдовалъ. Но онъ не ограничивался лишь устными бесѣдами; онъ писалъ сочиненія для тѣхъ же близкихъ людей, которыя и передавалъ по назначенію, не предназначая, повидимому, ихъ для печати.

Благодаря тому, что сочиненія Г. С. Сковорода сохранились и дошли до насъ (напечатаны лишь немногія изъ

нихъ), мы имѣемъ теперь возможность на основаніи ихъ составить себѣ болѣе или менѣе цѣльное представленіе о томъ высокому нравственному идеалѣ, который создалъ Сковорода для своей жизни и проповѣдовалъ другимъ.

Главный недостатокъ своего времени Сковорода видѣлъ въ упадкѣ нравственности въ обществѣ и въ отсутствіи нравственного идеала. Этому идеалу онъ не находилъ не только въ своемъ отечествѣ, но и за границею, куда онъ попалъ, благодаря обстоятельствамъ, благопріятно для него сложившимся. „Черезъ странствованіе по Европѣ, говоритъ одинъ изъ почитателей Сковороды, онъ замѣтилъ, что не у насъ только, но и вездѣ богатому кланяются, а бѣднаго презираютъ, видѣлъ...., какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается подаеніемъ, какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ,—словомъ, онъ видѣлъ все, чтѣ можно видѣть каждый день на нашемъ земномъ шарѣ“ (статья о Сковородѣ Густава Гессъ де-Кальве, „Украинскій Вѣстникъ“ за 1817 годъ, апрѣль, 109 стр.). „Весь міръ спитъ и спитъ глубоко“, говоритъ Сковорода, разумѣя нравственный сонъ человѣчества. Въ другомъ мѣстѣ Сковорода называетъ міръ „мертвецомъ“ въ томъ же нравственномъ отношеніи („Брань Архистратига Михаила съ Сатаною“). Сковорода понималъ важность и значеніе наукъ и цивилизаціи, развившихся на Западѣ. „Я наукъ не хую,—говоритъ онъ,—и самое послѣднее ремесло хваю“ („Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“). Но *утилитарное* направленіе умовъ, развившееся подъ вліяніемъ естественно-научныхъ открытій, которое заглушало всѣ высшіе умственные и нравственные запросы человѣческаго духа, вызывало со стороны философа-моралиста сильное порицаніе. Во имя этихъ-то высшихъ требованій духа онъ и ратовалъ противъ матеріалистическаго направленія жизни, указывая на то, что эти требованія безотчетно сказываются въ человѣчествѣ въ видѣ испытываемой неудовлетворенности духа и мысли. „Я и саму часто дивлюсь,—говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ

„Разговоръ о душевномъ мирѣ“, — что мывъ постороннихъ околнчностяхъ черезчуръ любопытны, рачительны и проникательны: измѣрили море, землю, воздухъ, небеса и обезпокоили брюхо земное ради металловъ; размежевали планеты, доискались въ лунѣ горъ, рѣкъ и городовъ, нашли закомплетныхъ міровъ несчетное множество; строимъ непонятныя машины; засыпаемъ бездны; воспящаемъ и привлекаемъ стремленія водныя; что денно, новые опыты и дикія изображенія. Боже мой! чего мы не умѣемъ, чего не можемъ? Но то горе, что при всемъ томъ кажется, *чегось великаго недостаетъ*. Нѣтъ того, чего сказать не умѣемъ; одно только знаемъ, что недостаетъ чегось, а что оно такое, не понимаемъ. Похожи на безслеснаго младенца: онъ только плачетъ; не въ силахъ ни знать, ни сказать, въ чемъ ему нужда; одну только досаду чувствуеть. *Сіе явное души нашей неудовольствіе не можетъ ли намъ дать догадаться, что всѣ сіи науки не могутъ мыслей нашихъ насытити. Бездна душевная, видишь, снами не наполняется*“.

Не пайдя ни дома, ни за границею, ни въ жизни, ни въ философіи своего времени нравственнаго идеала, котораго искалъ, Сковорода обратился къ древности. Ученикъ и другъ Сковороды *Ковальнскій*, который написалъ біографію его, говорить, что „любимѣйшими писателями Сковороды были: Плутархъ, Филонъ Іудеянинъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Ниль, Діонисій Ареопагитскій и Максимъ Исповѣдникъ; а изъ новыхъ — относительные къ симъ; глава же всѣмъ Библія“ (Житіе Сковороды. Изданіе редакціи „Кіевской Старины“ 1886 г., стр. 23). Сковорода говорить о себѣ, что Библію онъ началъ изучать около 30-ти лѣтъ отъ рожденія. „Эта прекрасная книга надъ всѣми моими полюбовницами (излюбленными книгами) верхъ одержала, утоливъ мою долговременную алчбу и жажду“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). Съ Библіею не разставался онъ до самой смерти. Онъ зналъ ее такъ, какъ знали немногіе (что можно видѣть изъ его сочиненій). Для лучшаго пониманія ея онъ изучилъ еврейскій языкъ, насколько это было доступно ему. Его взглядъ на Библію не-

согласовался ни со взглядомъ тѣхъ, которыхъ онъ называлъ „спящими на Библии“, или (повторяя Ап. Павла) „почивающими на законѣ“, ни со взглядомъ рационалистовъ XVIII стол. (этотъ взглядъ выяснится дальше). Руководясь толкованіемъ Библии Филона Іудейскаго, Ап. Павла и нѣкоторыхъ отцовъ и учителей Церкви, Скворода видѣлъ въ ней книгу, научающую глубокому *самопознанію*, познанію Бога и природы, и указующую нравственный идеаль людямъ. Рядомъ съ изученіемъ Библии онъ изучалъ древне-классическую философію и древне-классическій міръ вообще. Тотъ же Филонъ, а затѣмъ Плутархъ, Цицеронъ и другіе обогащали его свѣдѣніями по древне-классической философіи, вызывали въ немъ сознаніе необходимости непосредственнаго знакомства съ сочиненіями Платона и Аристотеля и руководили его въ пониманіи и изученіи этихъ сочиненій. Чѣмъ болѣе знакомился Скворода съ древне-классическою философіею и древне-классическимъ міромъ, тѣмъ болѣе находилъ удовлетворенія своимъ душевнымъ потребностямъ и стремленіямъ, и тѣмъ отчетливѣе выяснялся предъ нимъ высокій *общечеловѣческій* нравственный идеаль. Взоры его, какъ философа-моралиста, обращены были прежде всего и болѣе всего на Сократа, всю жизнь свою посвятившаго на то, чтобы будить въ соотечественникахъ высшія нравственныя чувства и стремленія. О вліяніи личности и дѣятельности Сократа на Сквороду и его дѣятельность будетъ сказано нами отдѣльно. Это вліяніе засвидѣтельствовано самимъ Сквородою, который „восхотѣлъ быть Сократомъ на Руси“. Подобно Сократу, Скворода положилъ въ основаніе своей философіи изреченіе: „познай самого себя“—и на эту тему написалъ цѣлый рядъ діалоговъ и бесѣдъ. У Платона и Аристотеля онъ нашель глубокую умозрительную философію. У стоиковъ, кромѣ умозрительной философіи, онъ нашель начертаніе общечеловѣческаго нравственнаго идеала, и не только начертаніе, но и стремленіе осуществить его въ жизни. Особенно привлекалъ его римскій стоицизмъ. Самый характеръ римскаго народа, какъ онъ выразился въ древнѣйшую эпоху жизни

его, казался Сковородѣ весьма симпатичнымъ. „Какъ только я стану читать книжечку Цицеронову: „О старости“,—пишетъ онъ въ своемъ письмѣ къ Тевяшову (для котораго онъ перевелъ на русскій языкъ эту книжечку),—открывается мнѣ театр дренѣйшихъ римскихъ временъ, а на немъ представляется, на примѣръ, Камиллусъ, Корунканіусъ, Куріусъ и прочіи таковыи. Признаюся, что позорищемъ сихъ добротою сіяющихъ сердець плѣняется мое душевное око, и прихожу въ понятіе, что нѣтъ ничего ни любезнѣе, ни приманчивѣе, какъ добродушіе. Не могу довольно надивиться, какимъ образомъ они могли быть просты, но поважны, грубы, но дружелюбны, вспыльчивы, но незлобивы, ласковы, но не лукавы, сильны, но справедливы, побѣдительны, но милосердны, властительны, но безкорыстолюбны, немного ученые, но благоразумны, разумны, но безковарны, великолѣпны, но щедры, хвастуны, но не лгуны, стяжательны, но необидливы, спорники, но неправоненавистники, склонны къ заблужденію, но нежелатели его, защитники грѣха, но поколь лести его не узнали, честолюбцы и славолюбцы, но безпритворны и не мартышки, изобильны, но не сластолюбцы и не изнѣженные трудолюбцы, не христіане, но любители бессмертія“. Повидимому, Сковорода предпочиталъ характеръ римскаго народа характеру грековъ и въ частности — характеру аеинянъ. „Воздухъ бьетъ Катонъ (т. е. говоритъ), какъ аеиняне, но сердцемъ и грудью говоритъ римлянинъ, поражая востріемъ духа въ самую душевную точку и оставляя въ ней язвительное чувство, будто пчела жало. *Знать-то такова рѣчь, какова жизнь, а жизнь такова, какъ сердце*“, въ томъ же письмѣ говоритъ Сковорода. Видно, что нравственный характеръ Катона и другихъ подобныхъ ему римлянъ воодушевлялъ философа-моралиста, который самъ стремился къ тому, чтобы въ жизни слово и убѣжденія не расходились съ дѣломъ и поступками. Но завершеніе высокаго нравственного идеала онъ видитъ въ христіанствѣ. „Внимай,—говоритъ онъ въ „Разгорѣ о душевномъ мирѣ“,—внимай, что пишетъ Лука о первыхъ христіанахъ: бѣ въ нихъ едина душа и едино

сердце.... А что-жъ то? Какое въ нихъ сердце? Кромѣ согласной въ нихъ любви, вотъ какое! Они же убо радовахуся, яко за имя Господа Исуса сподобишася пріяти безчестіе.... Но вотъ еще геройское сердце! Хулими утѣшаемся! *) Радуюся въ страданіяхъ моихъ. Кто можетъ безъ удивленія прочесть ту часть его (Ап. Павла) письма, которая читается въ день торжества его? Она есть позорищемъ прекраснѣйшихъ чудесъ, плѣняющихъ сердечное око“. Какъ ни враждебно относился Скворода къ современному ему монашеству, въ которомъ подъ монашескою рясою нерѣдко скрывалось, по его выраженію, „мірское сердце“, несмотря на это, въ древнемъ монашествѣ, — въ такихъ подвижникахъ, какъ Павелъ Фивейскій, Антоній Египетскій, Савва Освященный, — онъ видѣлъ осуществленіе того же высокаго христіанскаго нравственнаго идеала, который отмѣтилъ у первыхъ христіанъ. „Уклонися отъ зла, — говоритъ онъ въ „Бесѣдѣ, нареченной: Двое“, — да явишися человѣкомъ. Стяжи мужей оныхъ (Павла Фивейскаго, Антонія Египетскаго, Саввы Освященнаго) сердце. Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружись съ терпѣніемъ, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ“.

Вышеизложеннымъ не исчерпывается все ученіе Сквороды о нравственности и нравственномъ идеалѣ. Оно соединено у него съ умозрѣніемъ и практическою философіей, о чемъ будетъ рѣчь впереди. Представленный нами бѣглый очеркъ Сквороды, какъ *философа-моралиста*, съ указаніемъ

*) Кстати привести здѣсь случай изъ жизни Сквороды, о которомъ онъ съ тяжелымъ чувствомъ стыда говоритъ въ томъ же сочиненіи — „Разговоръ о душевномъ мирѣ“: „Открою вамъ, други мои, слабость мою. Случилось мнѣ въ неподлой компаніи не безъ удачи быть участникомъ разговора. Радовался я тѣмъ, но радость моя вдругъ исчезла: двѣ персоны начали хитро ругать и осмѣивать меня, вкидая въ разговоръ такія алмазныя слова, кои тайно изображали подлый мой родъ и низкое состояніе и тѣлесное безобразіе. *Стыдно мнѣ вспомнить, сколь затревожилось сердце мое, а паче, что сего отъ нихъ не чаялъ; въ силу я по долгомъ размысленіи возвратилъ мой покой, вспомнивъ, что они — бабины сыны*“. [Что означаетъ послѣднее выраженіе, онъ объясняетъ при помощи басни о бабѣ, покулавшей горшки, которую (басню) приводитъ тутъ же; она же помѣщена въ числѣ „Харьковскихъ басней“.]

первоисточниковъ его нравственнаго идеала, показываетъ уже, насколько ошибаются тѣ, которые искали и ищутъ непосредственной зависимости Сковороды отъ кого-либо изъ западно-европейскихъ философовъ XVII или XVIII стол. Мнѣніе относительно этой зависимости составилось, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что Сковорода жилъ нѣкоторое время за границею, „гдѣ,—какъ говоритъ Ковалѣнскій—любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться наипаче съ людьми учеными и знаніями отлично славными тогда“. Это тѣмъ болѣе доступно ему было, что „онъ говорилъ весьма исправно и съ особенною чистотою латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ и довольно разумѣлъ еллинскій“ („еллинскій предпочиталъ всѣмъ иностраннымъ“, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Ковалѣнскій, стр. 47); онъ снискалъ „знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними пріобрѣлъ новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ“ (Ковалѣнскій, стр. 13). Густавъ Гессъ де-Кальве говоритъ, что „онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италиі“ („Украинскій Вѣстникъ“, часть VI, стр. 108). Но Ковалѣнскій говоритъ только о Венгріи, Вѣнѣ, Офенѣ и Пресбургѣ, „съ прочими окольными мѣстами“, куда путешествовалъ Сковорода. Въ этомъ случаѣ мы должны довѣряться болѣе показанію Ковалѣнскаго, какъ ближайшаго друга Сковороды, чѣмъ показанію Г. Гессъ де-Кальве; поэтому, кругъ заграничнаго путешествія Сковороды не былъ такимъ обширнымъ, какъ представилъ его этотъ послѣдній. Но, какъ бы то ни было, кажется, еще при жизни Сковороды нѣкоторые сравнивали его съ мартинистами; по крайней мѣрѣ, онъ въ бесѣдѣ съ Ковалѣнскимъ о разныхъ сектахъ счелъ нужнымъ высказаться о мартинистахъ: „я не знаю мартинистовъ, ни разума, ни ученія ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобы быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего не для чего бы имъ обособничествовать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты“ и т. д. (Ковалѣнскій, стр. 41). Тѣмъ болѣе нельзя ставить его въ зависимость отъ кого-либо изъ другихъ

извѣстныхъ мистиковъ XVIII стол. Особенно Сковорода не обнаруживалъ наклонности къ видѣніямъ духовъ и умершихъ и къ теургіямъ, что, какъ извѣстно, практиковалось въ мистическихъ сектахъ того времени. Тѣмъ не менѣе названіе „мистика“ оставалось за Сковородою до послѣдняго времени (Ибервегъ-Гейнце: „Исторія новой философіи“, 533 стр.). Въ настоящемъ году въ статьѣ журнала „Недѣля“ (январь 1894 г.) высказанъ иной взглядъ на Сковороду, совершенно противоположный вышеуказанному. Здѣсь Сковорода названъ „раціоналистомъ *rig sang*“ (стр. 21). Авторъ этой статьи усмотрѣлъ „средство“ философіи Сковороды съ философіею Спинозы, хотя при этомъ предупредилъ читателей, что онъ не имѣетъ „ни малѣйшихъ внѣшнихъ доказательствъ какого бы то ни было знакомства Сковороды съ сочиненіями Спинозы или кого-либо изъ его учениковъ и послѣдователей“ (тамъ же).

Нужно сознаться, что сочиненія Сковороды были мало извѣстны. Большинство тѣхъ, которые писали о Сковородѣ, едва ли имѣло подъ руками настолько достаточное количество ихъ, чтобы оцѣнить ихъ достоинство надлежащимъ образомъ (см. статью въ „Недѣль“, стр. 21, примѣч.). Да и тѣ, которые имѣли подъ руками значительное количество ихъ, не имѣли терпѣнія, ни даже желанія прочитывать ихъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ Халявскій (Данилевскій): „онъ (Сковорода) писалъ тяжело, темнымъ и страннымъ языкомъ, о предметахъ отвлеченныхъ, туманныхъ, способныхъ заинтересовать кругъ слишкомъ ограниченный, почти не замѣтный“ („Основа“ за 1862 годъ, сентябрь, 67 стр.); „прослѣдить большую часть его разсужденій теперь, по странному, тяжелому и вычурному языку ихъ, добровольно сдѣлаешь развѣ записной библіоманъ“ (стр. 68). Дѣйствительно, указанный авторъ прибѣгъ къ выпискѣ изъ „Исторіи философіи“ архимандрита Гавріила, чтобы дать понятіе читателямъ о философіи Сковороды, заявивши при этомъ, что арх. Гавріиль изучалъ печатныя и неизданныя сочиненія Сковороды. Мы позволимъ себѣ усомниться въ томъ, что арх. Гавріиль

изучаль сочиненія Сквороды, иначе мы вправѣ были бы ожидать отъ него, какъ спеціалиста, ббльшаго, чѣмъ сколько изложено имъ о философіи Сквороды въ его „Исторіи философіи“; да и то, что имъ изложено здѣсь, заимствовано, повидимому, изъ статьи Хиждеу, подъ заглавіемъ: „Григорій Варсава Скворода“, напечатанной въ *Телескопѣ* за 1835 годъ (часть 26); она даетъ намъ относительно философіи Сквороды больше, чѣмъ другія. Видно, что этотъ почитатель Сквороды и его философской дѣятельности усердно изучаль сочиненія его и старался уразумѣть его философію. Онъ располагаль большими средствами, чѣмъ располагаемъ мы въ настоящее время (онъ дѣлаеть указанія на такія сочиненія Сквороды, которыхъ никто, кромѣ него, не указываетъ). Результатомъ его изученія сочиненій Сквороды было подробное изслѣдованіе, написанное имъ для нѣмецкаго профессора-историка Гѣрреса (Görges). То, что напечатано въ „Телескопѣ“, есть, по его собственному заявленію, только краткое (афористическое) извлеченіе изъ рукописи, написанной на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Gregor Scoworoda's Lebenswandel und Wirkungskreis, oder historisch-kritische Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zur einer Geschichte der Slavischen Volksweisheit, in Briefen an Joh. Jos. Görges, Professor an der Universität zu München“. Была ли напечатана гдѣ-либо эта рукопись Хиждеу, намъ неизвѣстно; напечатанное же въ *Телескопѣ*, хотя весьма цѣнно для насъ, особенно по выдержкамъ изъ неизвѣстныхъ намъ сочиненій Сквороды, крайне недостаточно для полного знакомства съ философіею Сквороды. Вообще, можно безъ преувеличенія сказать, что философія Сквороды была доселѣ почти неизвѣстна русской публикѣ.

Сократическая дѣятельность Сквороды.

Въ противоположность другимъ (исключая Хиждеу), мы ставимъ Сквороду въ зависимость отъ древне-классической философіи тамъ, гдѣ дѣло касается его философіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Оттуда онъ черпаль философскія идеи,

переработывая ихъ согласно собственному настроенію и тенденціямъ, а также согласно мѣсту, духу времени и потребностямъ общества, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ. Древне-классическая философія положила свой отпечатокъ на философское мышленіе Сковороды. Быть можетъ, этимъ онъ существенно отличается отъ мистиковъ, съ которыми его сопоставляютъ. Повидимому, онъ былъ склоненъ по природѣ къ мистицизму; но изученіе древне-классической философіи вывело его на болѣе здравый путь мышленія. Онъ иногда говоритъ языкомъ рационалистовъ XVIII стол., и въ этомъ случаѣ мы не отвергаемъ совершенно вліянія на него мыслителей этого вѣка. Но наибольшее вліяніе производила на него древне-классическая философія, чѣмъ и объясняется то, что онъ не послѣдовалъ за отрицательною философіей XVIII стол. Сочиненія Сковороды показываютъ глубокое пониманіе твореній великихъ философовъ древности: онъ хорошо понимаетъ общеміровое ихъ значеніе. Задумавши вызвать русское національное самосознаніе, онъ избираетъ своимъ руководителемъ Сократа.

„Куда мы слѣпы,—говоритъ Сковорода,—въ томъ, что нужно намъ есть. Въ Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли *изъ науки Сократовой*, ка.ъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолѣ не быть ни своему Платону, ни другому философу. Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Скоро ли ниспослешь къ намъ Сократа, который бы научилъ насъ наипервѣе познанію себя, а когда мы себя познаемъ, тогда мы изъ себя выведемъ науку, которая будетъ наша, своя, природная („Софросина, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что намъ нужно есть“. Телескопъ, статья Хиждеу, стр. 41). Сковорода чувствуетъ, что настало время народненія философіи въ Россіи. „Оно уже треплется во чревѣ матери своей; но только Анна слышитъ, какъ взыгрался младенецъ во чревѣ Маріиномъ“ (тамъ же). Но, замѣчаетъ Сковорода, „многое прежде

предлежит развалить, разломать и искрошить, чѣмъ придетъ время строить на старомъ грунтѣ новую храмину“ (тамъ же). Въ чемъ же Сковорода видитъ знаменіе времени, т.-е. близость появленія философіи въ Россіи? Онъ замѣчаетъ обнаружившееся въ его время раздвоеніе среди русскаго общества: съ одной стороны, онъ видитъ господство темнаго, непрогляднаго невѣжества и суевѣрія, а съ другой—начавшее распространяться безбожіе и атеизмъ (послѣдній сталъ проникать къ намъ изъ Франціи при помощи французской литературы и французскихъ воспитателей дѣтей высшаго класса). Объ этомъ говоритъ онъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Израильскій змій“, которое считается однимъ изъ первыхъ его сочиненій: „благочестивое сердце между высыпанными курганами *буйнаго безбожія* и между подлыми болотами *рабострастнаго суевѣрія*“ и т. д. . . . или: „презирающій во лжѣ библейскую истину подался къ сторонѣ *безбожниковъ* *), а гоняй вѣтры и насыщаяся лжею есть суевѣрь, ползушій и грязь со змиемъ ядушій. Тотъ наглъ и недогадливъ, а сей глупъ и гнусенъ“. Повидимому, Сковорода находилъ тогдашнее положеніе русскаго общества *аналогичнымъ* положенію афинскаго общества при Сократѣ; поэтому, и свою дѣятельность опредѣлилъ въ духѣ и по примѣру Сократа. „Да святится имя Твое въ мысли и помыслѣ раба твоего, который *замыслилъ умомъ и пожелалъ волею быть Сократомъ въ Руси*; но земля Русская обширнѣе

*) Сковородѣ приходилось сталкиваться съ такими атеистами. Г. Гессъ де-Кальве передаетъ одинъ случай такого столкновенія. „Г.... умный и ученый,—говоритъ онъ,—человѣкъ, но атеистъ и сатирикъ (онъ былъ воспитанъ по-французски), хотѣлъ однажды осмѣять его (Сковороду). „Жаль,—говоритъ онъ между прочимъ Сковородѣ,—что ты, обучившись такъ хорошо, живешь, какъ сумасшедшій, безъ цѣли и безъ всякой пользы для отечества“.—„Ваша правда—отвѣчалъ философъ:—я до сихъ поръ не сдѣлалъ еще никакой пользы; но надобно сказать—и никакого вреда; но вы, сударь, однимъ безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла: человѣкъ безъ вѣры есть ядовитое животное въ природѣ.... Совѣсть наша и тогда уже бываетъ спокойна, когда мы никому не вредимъ, если судьба поставила на такое мѣсто, гдѣ не можемъ приносить большей пользы“ („Украинскій Вѣстникъ“, часть VI, 1817 г., стр. 115—116).

греческой и не то-то легко будетъ обхватить проповѣдію своею. Да придетъ царствіе Твое, а тогда зерно, по слову Твоему сѣмое, взойдетъ, яко кринь, и тогда я выпилъ бы стаканъ кокуты (т.-е. цукуты), какъ соты медовыя. Non fugio mortem, si famam assequar et cedo dummodo absolver cinis. Да будетъ воля Твоя святая на мнѣ во всѣхъ путяхъ моихъ и начинаніяхъ моихъ, ибо я разсуждаю, что знаніе не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и обжираются, но должно переходить на весь народъ и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду сказать: и я человекъ и мнѣ, что человеческое, не чуждо („Софросина“. Телескопъ, стр. 42, статья Хиждеу). Къ этой дѣятельности влечетъ его сама натура: онъ чувствуетъ призваніе къ этому и внутреннее побужденіе. „Согрѣлось сердце мое,—говоритъ онъ,—и въ поученіи моемъ возгарается огонь, ибо что я говорю, я глаголю отъ избытка сердца, и не для того только, чтобы говорить или чтобы не молчать. Я цѣлую жизнь промолчалъ бы, какъ Минерва *) моя не велѣла бы мнѣ говорить; и коль наболталь, отъ избытка сердца наболталь много: amoge recipiendum est, quod amoge donatur“ (письмо къ протопопу Залѣсскому изъ Обуховки, 1765 года). Съ другой стороны, его воодушевляетъ на предпріятомъ имъ поприщѣ святость и величіе совершаемаго имъ дѣла и картина будущаго общества, которую онъ подготовлялъ своею дѣятельностію, пробуждая къ новой жизни отечество. „Когда умъ мой и сердце мое водворятся въ домъ, который Премудрость создала себѣ въ святой Руси, и упиваюсь отъ тука дому сего, я блаженъ, какъ тотъ, который имѣетъ племя въ Сіонѣ, ибо въ горней Руси вижу все новое: новыхъ людей, новую тварь, новое твореніе и новую славу. О какъ мнѣ тогда и легко, и весело, и мило, и любо, и вольно! Мысль моя летаетъ безпредѣльно въ высоту, въ

*) Минерва—то же, что натура, природная наклонность, какъ божественное дарованіе и призваніе (см. ниже „о природныхъ наклонностяхъ“ въ отдѣлѣ *практической философіи*).

глубину, въ широту, — не мѣшаютъ ей ни горы, ни моря, ни степи: она провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядываетъ въ прежде бывшее, объемлетъ сущее, проникаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана, входитъ сквозь двери заключенныя; глаза ея голубиныя, крылья орлиныя, проворность оленя, дерзость львиная, вѣрность горличная, благодарность Пеларгова, агнцево незлобіе, быстрота соколя, доброта журавля; ведетъ же ее духъ вкуса, духъ вѣры, духъ надежды, духъ милосердія, духъ совѣта, духъ прозрѣнія, духъ чистосердечія; облекается она въ гласъ грома, въ слово нечаянное, какъ молнія“ („Книжечка о любви до своихъ, нареченная Ольга православная“. Хиждеу, стр. 155). При этомъ Сковорода видѣлъ, что тѣ, которые призваны дѣлать предпринятое имъ дѣло, т. е. ученые, оказались ниже своего призванія и назначенія. „О, какъ тяжело и грустно изъ сей горней широты обращаться къ долу, — продолжаетъ онъ, — гдѣ мудрецы очами бочутъ, устами гогочутъ, что, мнится, бѣсы ихъ мучать, и шевелятся и красуются, какъ обезьяны, болтаютъ и велерѣчатъ, какъ римская Цитерія, чувствуютъ какъ кумиръ, мудрствуютъ какъ идолъ, осязаютъ какъ преисподній кротъ, щупаютъ какъ безокій, у него же только слѣпые очи, гордятся какъ безумный, измѣняются какъ луна, беспокоятся какъ сатана, поучаются какъ паучина, алчны какъ песь, жадны какъ водная болѣзнь, лукавы какъ змій, ласковы какъ крокодилъ, постоянны какъ море, вѣрны какъ вѣтеръ, надежны какъ ледъ, рассыпчаты какъ прахъ, исчезаютъ какъ сонъ. И они — люди? люди! Но сколь много есть Гловацкихъ, у нихъ же нѣтъ головы“ (тамъ же, стр. 156).

По крайней мѣрѣ, полжизни посвятилъ Сковорода на просвѣтительную дѣятельность и на борьбу съ невѣжествомъ. Но разсмотрѣніе этой дѣятельности, какъ она выразилась въ практической жизни Сковороды, не входитъ въ нашу задачу. Мы ограничимся лишь тѣмъ, что заключается въ сочиненіяхъ его. Здѣсь особенно обращаетъ на себя вниманіе его борьба съ суевѣріемъ. Суевѣріе онъ считаетъ болѣе

вреднымъ и болѣе опаснымъ, чѣмъ атеизмъ. „Изъ суевѣрій,—говоритъ онъ,—родились вздоры, споры, секты, вражды междуусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и проч. Нѣтъ жолчнѣе и жестоковѣннѣе суевѣрія и нѣтъ дерзновеннѣе, какъ бѣшенность, разжженная слѣпымъ, но ревностнымъ глупаго повѣрія жаромъ, тогда, когда сія ехидна, предпочитая нелѣпныя и нестаточныя враки подѣ милость и любовь и онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, гонитъ своего брата, дыша убійствомъ, и симъ мнится службу приносить Богу“ („Израильскій змій“). Предисловіе). И далѣе говоритъ: „нѣтъ вреднѣе, какъ тое, что сооружено къ главному добру, а сдѣлалось растлѣннымъ. И нѣтъ смертоноснѣе для общества язвы, какъ суевѣріе: лицевѣрамя, маска мошенникамъ, стѣнь тунейдпамъ, стрѣкало и поджога дѣтоумнымъ. Оно разъярило премилосердную утробу Тита, загладило Іерусалимъ, раззорило Царь-градъ и обезобразило братнею кровію Парижскія улицы; сына на отца вооружило..... Суевѣръ скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится. Иной сердитъ, что погружаютъ, другой бѣсится, что обливаютъ крещаемаго. Иной клянеть квасъ, другой — оприсноки. Но кто сочтетъ всю суевѣрныхъ головъ паучину? Будто Богъ—варваръ, чтобы за мелочь враждовать“ (тамъ же). Дѣйствительно, Сковородѣ открывалось широкое поприще и самое трудное дѣло въ борьбѣ съ суевѣріемъ и предрасудками, какъ онъ понималъ ихъ. Объ этомъ то онъ и говоритъ, когда высказываетъ, что „многое нужно развалить, разломать и искрошить прежде, чѣмъ придетъ время строить на старомъ грунтѣ новую храмину“. Дѣйствуя самъ, онъ въ то же время призываетъ на помощь себѣ другихъ, въ которыхъ видитъ или, по крайней мѣрѣ, надѣется найти способныхъ воспринять его идеи. Наприм., въ письмѣ къ Тевяшову (которое составляетъ предисловіе къ сочиненію подѣ заглавіемъ „Израильскій змій“), объяснивши, что „нѣтъ слаще истины“, онъ пишетъ: „къ чему жъ сія рѣчь течетъ? Къ тому, что высокихъ фамилій люди

не только въ тяжбахъ, войнахъ, въ коммерціяхъ, домостроительствахъ, художествахъ, но и въ самомъ первомъ пунктѣ, сирѣчь въ мысляхъ, до Бога касающихся, должны находить истину, *а противостоятъ суевѣрію*“. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ Сковорода и на извѣстнаго уже намъ Ковалѣнскаго и на другихъ. Сознвая трудность борьбы съ суевѣріемъ, Сковорода, повидимому, твердо и глубоко вѣритъ въ то, что истина сама въ себѣ имѣетъ силу побѣждать, что она рано или поздно восторжествуетъ. Интересовавшіеся сочиненіями Сковороды всегда обращали вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ — весьма оригинальныя и странныя по содержанію, каковы, на примѣръ, сочиненія подъ заглавіемъ: „Пря Бесу съ Варсавою“ и „Брань Архистратига Михаила съ Сатанюю“. Это — поэтическія творенія, въ которыхъ Сковорода образно представилъ борьбу между старымъ, темнымъ, исполненнымъ суевѣрій и предразсудковъ, духомъ времени и новымъ, свѣтлымъ направленіемъ мысли и жизни, которое названо Сковородою *новою славою*. — „*Даймонъ*. Слышь, Варсава! Младенскій умъ, сердце безобразное, душа, исполненная паучины, не поучающая, а паучающая. Ты ли творецъ *новыя славы*? — *Варсава*. Мы-то, Божіею милостію, рабы Господни, и дерзаемъ благовѣстить новую славу. — *Даймонъ*. Нынѣ необинуясь провѣщай вину (причину), отъ чего мое ветхое жилище въ миріадѣ кратъ многлюднѣе твоего новаго? — *Варсава*. Темнорѣчить. Открой, если можешь, откровеннѣе сердца твоего бездну. — *Даймонъ*. О, апокалипта, странность въ словѣ, строптивость въ пути, трудность въ дѣлѣ, вотъ троеродный источникъ пустыни новыя. — *Варсава*. И лжешь, и темнорѣчишь. Кто можетъ поднять на пути золото или бисеръ, мнящій быть нѣчто бесполезное? Кій тетервакъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть или западню, почитая рогомъ изобилія? Кій агнецъ не устрашится матери, творящій ее волкомъ, и не прильнетъ къ волку, представляя его матерью? Не виню міра, не вини и славы новыя. Нѣтъ любви къ воспріятію ея, ибо сердце туго связано тугою и оглохло какъ аспидъ и студено какъ ледъ сотворилось къ матери своей....

Кто же виновенъ? Ты, враже, ты, *украшенная гробница* *). Народъ ходитъ поклоняться, мня найти нетлѣнныя мощи святыни, а она полна мертвыхъ костей и праха. Народъ приходитъ и зреть въ каждый разъ новое велелѣпіе украшений; ослѣпляется глазъ его новымъ свѣтомъ алмазовъ и камней, ярящихся блескомъ на гробницѣ, а не открываетъ крыши, да внутрь зазреть, что тамо въ срединѣ.—*Даймонъ*. Много наглаголалъ ты. Невнятно мнѣ слово твое. Како-же хочешь и мнишь ославить народъ толикимъ многословіемъ?—*Варсава*. Какъ?—а вотъ какъ: пойду къ гробницѣ и въ нѣмотѣ отверзу крышу ея и не скажу людямъ ни слова живаго, одно перстомъ укажу на средину гробницы и изъ ветхихъ костей, что—въ ней, и дрежняго праха, что—въ ней, *возстанетъ сама собою новая слава* и оживится и оживитъ, а гробница, кажущаяся все новою въ каждый разъ, разомъ обличится и *разсыплется* въ старую дрянь и ветошь во очахъ всѣхъ людей и такъ безъ слова ословлю народъ и запою новую славу: крѣпка, какъ смерть, любовь, и крылья ея—крылья огня“ („ПряБесусъВарсавою“.ХиждеувъТелескопѣ, стр.168—169). Такъ крѣпко былъ увѣренъ Сковорода въ томъ, что новая слава (какъ онъ выражается) восторжествуетъ надъ старымъ духомъ времени. Поэтому, въ своей дѣятельности на указанномъ поприщѣ онъ не смущался ничѣмъ. „Надо мною позорятся,—говоритъ онъ,—пускай позорятся; обо мнѣ бають, что я ношу свѣчу передъ слѣпцами, а безъ очей не зрѣтъ свѣточа,—пускай бають; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу,—пускай острятъ; они знаютъ свое, а я знаю мое и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя тяга мнѣ успокоеніе“ (письмо къ архіепископу Григорію Конисскому изъ Нѣжина, 1769 г. іюля 29. Хиждеу, 165 стр.). „Мудрствуютъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: простой народъ спитъ; пускай спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ, что лишь въ сказкахъ; но всякъ сонъ

*) Очевидно, образъ заимствованъ изъ Евангелія, гдѣ говорится о „поваленныхъ гробахъ“.

есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее,—когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, такъ очутится и забодрствуетъ и забудитъ“ („О внутреннемъ челоуѣкѣ“. Разговоръ I. Симфонія о народѣ. Гласъ II. Хиждеу стр. IIб).

Въ критикѣ суевѣрій и старыхъ узкихъ воззрѣній на религію руководить Сковородою та же широкая общечеловѣческая, общеміровая идея, которую мы видѣли, когда говорилось о высокому, общечеловѣческомъ нравственномъ идеалѣ Сковороды. Прежде всего онъ ведетъ борьбу противъ бездушной обрядности и внѣшности въ области религіи и нравственности. „Обрядъ безъ силы Божіей—пустошь“ говоритъ онъ (Предисловіе къ Харьковскимъ баснямъ). „Хочешь ли быть Павломъ Фивейскимъ, Антоніемъ Египетскимъ, или Саввою Освященнымъ? Лицемѣре! къ чему-жъ тебѣ финиковая епанча Павлова? Къ чему Антоніева борода? А Саввинъ монастырь? Капишонъ Пахоміевъ? *Сей есть воино только монашескій маскарадъ.* Кая-жъ польза сею маскою скрывать тебѣ мірское сердце?“ („Бесѣда, нареченная: Двое“). Въ сочиненіи: „Брань Архистратига Михаила съ Сатаною“ Сковорода чрезвычайно рѣзко высказывается противъ лицемѣровъ. „Они, говоритъ онъ, мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ; непрестанно въ псалтырь барабанятъ; строятъ кирпичи и снабдѣвають; бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ; по лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе; сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбивы, ласкатели, сводники, немилосерды, непримирительны, радующіися зломъ сосѣдскимъ, полагающіи во прибыляхъ благочестіе; цѣлующіи всякій день заповѣди Господни и за алтынъ оныя продающіи; домашніи звѣри и внутренніи зміи, лютейшіи тигровъ, крокодиловъ и василисковъ. Сіи нетопыри между деснымъ и шуимъ путемъ суть ни мужскаго, ни женскаго рода; обоимъ враги, хромы на обѣ ноги; ни теплы, ни студены; ни звѣрь, ни птица. Шуй путь ихъ чуждается, яко имущихъ образъ благочестія; десный же отвергаетъ, яко силы его отвергшихся... О смердящій гро-

бы!... нѣтъ сего злѣе во всемъ адѣ. Опустошеніе церквамъ; церкви колебаніе; избранныхъ Божіихъ прельщеніе!“ Сковорода протестуетъ противъ узкаго пониманія православія: не отъ погруженія или обливанія зависитъ сущность крещенія („Израильскій змій“); равно протестуетъ противъ узкаго пониманія самаго христіанства. Истина, по его воззрѣнію, открывалась Богомъ не однимъ Іудеямъ и христіанамъ, но и язычникамъ; равно какъ добрая нравственность не есть лишь принадлежность однихъ христіанъ; въ древнемъ языческомъ мірѣ нерѣдко процвѣтала высокая нравственность. „Не могу себе увѣрить, говоритъ Сковорода послѣ приведенной нами выше характеристики римскаго народа древнѣйшей эпохи и людей, подобныхъ Катону,—не могу себе увѣрить, чтобы не касалось до ихъ слѣдующее слово Христово: иже нѣсть на вы, по васъ есть. Принуждень сказать съ Павломъ: или Іудеевъ токмо Богъ, а не и язычниковъ? Ей! и язычниковъ.... Се то-тѣ овцы, находящіяся не отъ двора Христова, и мужи, пророчествовавши не при Скинии Свидѣнія; однакожь пишется: препочи на нихъ Духъ и сіи быша отъ вписанныхъ и пророчествоваша“ (Письмо къ Тевяшову при переводѣ книжки Цицерона: „О старости“). Сковорода глубоко увѣренъ въ томъ, что божественное откровеніе истины было у язычниковъ такъ же, какъ у іудеевъ и христіанъ. Не говоря уже о греческихъ философахъ: Гераклитѣ, Пифагорѣ, Сократѣ, Платонѣ, Аристотелѣ и послѣдующихъ, пытливому уму которыхъ постепенно открывалась истина, она же заключалась подъ различными образами въ языческихъ религіозныхъ мифахъ. Божественное откровеніе началось не съ Моисея; оно всегда существовало въ мірѣ и человѣческомъ родѣ: Богъ раскрывалъ и раскрываетъ Себя, съ одной стороны, въ природѣ, съ другой—въ душѣ человѣка. Библия Моисея есть третій видъ божественнаго откровенія. Но и этотъ видъ откровенія не начинается съ Моисея, а продолжается. „Матерь Еврейскаго Богословія есть Египетское Богословіе“, говоритъ Сковорода (Наркисъ. Разговоръ: „познай себе“). „Моисей,

ревнуня священникамъ египетскимъ,—говорить въ другомъ мѣстѣ Сковорода,—собралъ въ одну громаду небесныя и земныя твари, придавъ родъ благочестивыхъ предковъ своихъ, слѣпилъ книгу Бытія, сирѣчь мірозданія“ („Израильскій змій“). „Истина безначальна“ — вотъ основное міровоззрѣніе Сковорода („Разговоръ, называемый Алфавитъ и Букварь міра“). „Пишетъ Плутархъ, что на Аполлоновомъ Дельфійскомъ храмѣ было написано: „узнай себе“. Древніе Египтяне слово сіе высоко почитали. Что значить: „Сфинксъ“? Имя его значить связь или узоль. Гаданіе сего уroda утаевало ту жь силу: „узнай себе“. Въ божественномъ мракѣ Моисейскихъ книгъ почти двадцать разъ находится сіе: „вонми себѣ“, „внемли себѣ“ и вмѣсто ключа ко всему предвручается то же, что — „узнай себе“. И недивно, что древніе Египтяне, Евреи и Еллины высоко почитали слово сіе. Знать-то отъ познанія себе самого входитъ въ душу свѣтъ вѣдѣнія Божія. Что компасъ въ кораблѣ, то Богъ въ человѣкѣ. Компасная въ сердцѣ корабельномъ стрѣла есть тайный языкъ, законъ, глава, око и царство корабельное“ (тамъ же). Очевидно, что въ данномъ мѣстѣ Сковорода говоритъ о божественномъ откровеніи, которое богословы называютъ *естественнымъ* въ противоположность *сверхъестественному*, божественному откровенію. Въ дѣлѣ богопознанія чрезъ естественное откровеніе Сковорода рекомендуетъ предпочтительно обращаться къ познанію себя, а не къ познанію природы внѣшней. „Развѣ Богъ въ человѣкѣ точію? Никакъ; но кто слѣпъ дома, тотъ—и въ гостяхъ“ (Разговоръ, называемый Алфавитъ міра). Что же касается такъ называемаго, сверхъестественнаго откровенія и чудесъ, то Сковорода, повидимому, не находитъ это нужнымъ, въ виду богатства естественныхъ источниковъ для познанія Бога, въ которыхъ Богъ открываетъ себя обильно и очевидно. Къ чему нарушеніе законовъ природы, когда существующая природа достаточно свидѣтельствуетъ о своемъ Творцѣ? Къ чему чудеса, когда вселенная представляетъ собою постоянное и непрерывное чудо? „Дѣтское есть сіе мудр-

ствованіе, обличающее наглость и непостоянность блаженныя природы, будто она когда-то, гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ. Все же то не великое, что ненужное. И все ненужное то, что не всегда и не вездѣ есть возможное... Кая жь слава и хвала дѣлать невозможное? Все, преграждаемое закономъ блаженныя природы, есть тѣмъ бесполезное, чѣмъ невозможное, а чѣмъ полезное, тѣмъ возможное“ („Израильскій змій“. Предисловіе). „Вся тварь есть то поле слѣдовъ Божіихъ“. „Вся дрянь дышетъ Богомъ и Вѣчностію“ и т. д. (тамъ же).

Съ этого пункта начинается у Сковороды суровая критика тѣхъ, которые останавливаются лишь на буквѣ Библии и принимаютъ за дѣйствительность то, что въ ней разсказывается и передается. Эта критика по своему отрицательному направленію напоминаетъ отрицательную литературу рационалистовъ XVIII стол., трактующую о томъ же предметѣ. Этимъ характеромъ отличаются по преимуществу два сочиненія Сковороды: „Израильскій змій“ и „Диалогъ, имя ему: Потопъ змінъ; бесѣдуютъ душа и нетлѣнный духъ“.

Возможно, что Сковорода былъ знакомъ съ нѣкоторыми сочиненіями западно-европейской отрицательной литературы, хотя невозможно съ достовѣрностію сказать, какія были сочиненія, которыя онъ читалъ въ этомъ направленіи *). Но для насъ важно то, что Сковорода не послѣдовалъ за рационалистами XVIII вѣка. Онъ признавалъ необходимость *отры* для человѣка. „Вѣра есть извѣщеніе невидимыхъ“. „Она, — говоритъ Сковорода, — есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстыя. Она едина видитъ свѣтъ, во тѣмъ стихійной свѣтящейся; видитъ, любить и благовѣститъ Его (нетлѣн-

---

*) Изъ нѣмецкой литературы, которая была доступна Сковородѣ при его знаніи нѣмецкаго языка, можно указать развѣ на сочиненіе *Реймаруса* (Reimarus. Abhandlungen von den vornehmsten Wahrheiten der natürlichen Religion. Hamb. 1754), который, съ точки зрѣнія рациональной религіи, отвергалъ необходимость сверхъестественнаго откровенія и находилъ много несообразностей въ томъ, что передается въ Библии.

наго челоуѣка—Христа Иисуса)“. „Едина токмо вѣра видить чуднаго онаго челоуѣка, коего тѣнь всѣ мы есмы“ („Разговоръ о древнемъ мірѣ“). Такимъ образомъ, авторъ указанной нами статьи въ „Недѣлѣ“ о Сковородѣ неправъ, когда называетъ Сковороду „раціоналистомъ *pur sang*“, приравнивая его къ раціоналистамъ XVIII стол. Сковорода ищетъ въ Библии высшаго смысла и разума, который скрытъ подъ образами. „Въ Библии, — говоритъ онъ, — иное на лицѣ, иное на сердцѣ“ („Израильскій змій. Катавасія“). По его взгляду, Библия есть то же, что поэтическое твореніе, которое, какъ и всякое поэтическое твореніе, скрываетъ истину подъ внѣшними образами. „Вотъ прямое, именуемое у древнихъ еллинъ *ποίημα*, сирѣчь твореніе... А такіе писатели (какъ Моисей) суть точные пѣнты“ („Израильскій змій. Катавасія“). „Она (книга Бытія) ни въ чемъ не трогаетъ обитательнаго міра, а только *слѣдами собранныхъ отъ него тварей пушеводствуесть насъ къ присносущному Началу*. А въ томъ не очень нужная мудрость, чтобы знать: прежде ли цвѣтъ созданъ, или родился грибъ?“ („Израильскій змій“). Такимъ образомъ критика направлена была Сковородою не противъ Библии, а противъ тѣхъ, которые понимали и понимаютъ ее въ буквальномъ смыслѣ, принимая за дѣйствительныя событія (а не образы) все, что въ ней передается. Сковорода былъ врагомъ атеистовъ и ненавидѣлъ атеизмъ; въ то же время онъ видѣлъ, что Библия, понимаемая въ буквальномъ смыслѣ, полна соблазна, представляетъ много несообразностей (съ точки зрѣнія новаго времени) и способствуетъ развитію атеизма. „Презирающій во лжѣ библейскую истину *подался къ сторонѣ безбожниковъ*“, говоритъ онъ („Израильскій змій. Предисловіе“). Поэтому онъ и взялся критиковать Библию, понимаемую въ буквальномъ смыслѣ, дабы показать глубокой внутренней смыслъ и разумъ, въ ней заключающійся. „Въ сей книжечкѣ представляю, — пишетъ онъ къ Тевяшову, — опыты, коимъ образомъ входитъ можно въ точный сихъ книгъ разумъ“ (тамъ же Предисловіе). Въ этомъ руководить его Филонъ Иудейнинъ,

а также нѣкоторые изъ отцовъ и учителей Церкви, для которыхъ Библія была поучительна настолько, насколько въ образахъ благовѣстила пришествіе на землю Іисуса Христа, Спасителя міра. Сковорода говоритъ: „для сего, чрезъ сего и ради сего человѣка (Богочеловѣка) весь громъ гремитъ библейскихъ облаковъ“ („Израильскій змій“).

Какъ бы то ни было, не замедлило явиться обвиненіе малороссійскаго Сократа въ томъ, что онъ отвергаетъ „отечественныхъ боговъ“. „Многіе, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клеветаютъ, — говоритъ Сковорода Ковалѣнскому, — яко бы я отвергаю исторію Ветхаго и Новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдаю въ оной *духовный разумъ, чувствую боописанный законъ и усматриваю Суцццо сквозь буквальный смыслъ*“. Ученикъ новаго Сократа передаетъ намъ и апологію своего учителя: „Я пополняю симъ исторію, а не раззоряю, пбо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и священное Писаніе безъ вѣры; вѣра же невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость, то симъ не уничтожаю нарядовъ его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава сей исторіи есть духъ воина, дѣла его. Когда я смотрю на прекрасный храмъ, превозношу похвалами симметрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя сіе къ искусству здателя, къ красотѣ цѣлаго, отвергаю ли кирпичъ, известь, желѣзо, песокъ, воду, каменщиковъ и проч., какъ будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тѣмъ не отмещу наружности онаго. Читая св. Писаніе въ намѣреніи научиться въ немъ богопочитанію, богобоязливости, любви ближняго, повиновенію начальству, покорности ко властямъ предержажимъ, усовершенію сердца во всѣхъ отношеніяхъ его, когда я найду, напримѣръ, исторію, какъ Ааронъ первосвященникъ золотого тельца жидовскаго, сдѣланнаго ими въ небытность его и покланяемаго отъ нихъ, бросилъ въ огонь и растопилъ, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, помня всегда, что Библія не есть наука химіи, но книга священная, научающая святости нравовъ человѣка, способнаго внимати

ученію ея. Я поучаюсь отъ ея исторіи, что сердце челоуѣческое не можетъ быть безъ упражненія и что когда удаляется отъ онаго мысль священная, понятіе истины, духъ разума, то оное мгновенно повергается въ занятія подлыя, неприличныя высокому роду его, и чтить, величаетъ, боготворить презрѣнное, ничтожное, суетное. Сей разумъ исторіи назидаетъ меня много больше и споспѣшествуетъ внутреннему моему усовершенствованію, нежели какъ если бы я, узнавши, какъ золото передѣлывать мгновенно изъ всего и все претворяютъ въ оное, занялся хотѣніемъ или упражненіемъ богатиться или химическовать.... Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ по соотвѣтствованію оныхъ и по единству всеисполненія исполняющаго духа. Но для чего добиваюсь я знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семь мірѣ въ исторіи, а не поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ—въ сердцѣ—раздѣлить смѣсь склонностей природы непорочныя и растлѣнныя и привести волку мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ въ свое время свободу мыслей, т. е. веселіе духа или, такъ называемое, счастье въ жизни. Не туда ли возвышаютъ насъ оныя слова, часто провозглашаемыя въ храмахъ нашихъ: „премудрость прости“? Что бо есть простое, еще не духъ? Что сложное, что смѣсь, составъ, сотканіе, еще не плоть, исторія, обрядъ, наружность? Сими словами высокими побуждаемся къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенія, выше буквального смысла, выше историческаго богопочитанія. Распространи разумніе словъ сихъ по всему кругу вселенной, по всему лицу бытія твоего,—и увидишь невидимаго, силу Божію, духъ Господень, воскресеніе. Что бо есть воскресеніе, еще не простота, очищенная отъ тлѣннаго состава, отъ множественности, отъ раздѣльности?... *Но сіи историческіе христіане, обрядные мудрецы, буквальные болословы, челоуѣка духа не имуще, хулятъ то, что не разумѣютъ*“ (Ковалѣнскій: „Житіе Сковороды“, стр. 41, 42 и 43).

Умозрительная философія Сковороды.

Такъ-то Сковорода стремился расширить религиозное міровоззрѣніе своихъ соотечественниковъ, нанести ударъ суевѣрію и разрушить его, а равно парализовать распространеніе безбожія и атеизма, направляя общество на средній, правильный путь развитія. „Благочестивое сердце, — говоритъ онъ, — между высыпанными курганами *буйнаго безбожія* и между подлыми болотами *рабострастнаго суевѣрія*, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво, прямо течетъ на гору Божию“ („Израильскій змій“. Предисловіе). Нельзя лучше намѣтить и опредѣлить потребности тогдашняго русскаго общества, какъ опредѣлили ихъ Сковорода, и трудно не согласиться съ тѣмъ, что именно таковы были потребности, навстрѣчу которымъ онъ шелъ. Поэтому, мы не можемъ согласиться съ авторомъ статьи въ „Недѣль“ (на которую указывали выше), что „онъ (Сковорода) явился въ ненадлежащее время и въ ненадлежащемъ мѣстѣ“ (январь, 1894 г., стр. 9). Для того, чтобы религиозное міровоззрѣніе было, съ одной стороны, чище и возвышеннѣе, а съ другой — тверже и прочнѣе, необходимо въ обществѣ философское образованіе, нужна *философія*.

На философію и философское образованіе Сковорода смотрѣлъ, повидимому, какъ на фундаментъ и центръ образованія вообще. Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ Сковороду, что такое философія? — „Главная цѣль жизни человѣческой, — отвѣчалъ Сковорода; — глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни, но не всякъ главную цѣль, т. е. не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву, иной — очамъ, иной — волосамъ, иной — ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же — одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобы дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всему“ (Ковалѣнскій. „Житіе Сковороды“, 38 стр.). Подъ житію духа Сковорода

разумѣть исканіе и пріобрѣтеніе истины; а отсюда происходитъ веселіе сердца и душевный міръ. „Боговидѣць Платонъ объясняетъ,—говоритъ Сковорода,—откуда сладость, услаждающая сердце: *нѣтъ сладчае истины*. А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворитъ владѣющее тѣломъ сердце наше... Видно, что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣживать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ.... Какъ правильная циркуляція крови въ звѣряхъ, а въ травахъ—соковъ рождаетъ благосостояніе тѣла ихъ, такъ истинныя мысли озаряютъ благодушіемъ сердце“ („Израильскій змій“. Предисловіе). Человѣкъ отличается отъ другихъ тварей тѣмъ, что имѣетъ разумъ; поэтому, чтобы выполнить свое назначеніе и цѣль въ жизни, онъ долженъ стремиться къ познанію истины. Сковорода усматриваетъ, повидимому, премудрость и благодать Творца въ томъ, что Онъ, давши человѣку разумъ, не сообщилъ ему истины, а предоставилъ ему изслѣдованіе и изысканіе оной; въ послѣднемъ-то и состоитъ истинная жизнь и веселіе человѣка. „Искать и удивляться значитъ то же,—говоритъ Сковорода.—*Сіе движеніе веселитъ и оживляетъ душу*, какъ стремленіе, какъ текущую по камняхъ воду. И при полномъ открытіи всего на всего исчезаетъ удивленіе. Тогда слабѣетъ аппетитъ, приходитъ насыщеніе, потомъ—скука и уныніе“ *) („Израильскій змій“). „Что такое душа, если не бездонная мыслей бездна?—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Сковорода.—Мысль есть тайная въ тѣлесной нашей машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея. А главѣ сей вся членовъ наружность, какъ обузданный скотъ, послѣдуетъ. И какъ пламень и рѣка, такъ и мысль никогда не почиваетъ. Непрерывное стремленіе ея есть то желаніе. Огонь угасаетъ, рѣка остановится, а не-

---

*) Это соотвѣтствуетъ изреченію Лессинга, который говорилъ, что „еслибы Богъ, держа въ одной рукѣ истину, а въ другой—исканіе истины, предложилъ мнѣ сдѣлать выборъ, то я избралъ бы исканіе истины“.

вещественная и безстихийная мысль, носящая на себѣ грубую брэнность, какъ ризу мертвую, движенія своего прекратить (хоть она въ тѣлѣ, хоть внѣ тѣла) никакъ не сродна ни на одно мгновение и продолжаетъ равнолинейное своего летанія стремленіе чрезъ неограниченні вѣчности, милліоны безконечніи. За чѣмъ же она стремится? Ищетъ своей сладости и покою. Покой ея не въ томъ, чтобы остановиться и протянуться, какъ мертвое тѣло; живой ея натурѣ или породѣ сіе несродно или чуждо, но противное сему. Она, будто въ странствіи находясь, ищетъ по мертвымъ стихіямъ своего сродства, и подлыми забавами не угасивъ, но пуще распаливъ свою жажду, тѣмъ стремительнѣе отъ раболѣпной вещественной природы возносится къ высшей господственной натурѣ, къ сродному своему и безначальному Началу“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). Словомъ, человѣку по природѣ свойственно быть философомъ.

Такой взглядъ Сковороды на философію обнаруживаетъ его зависимость отъ древне-классической философіи и въ частности—отъ философіи Платона. Кто знакомъ съ философіею Платона, для того это ясно и очевидно. Дѣйствительно, при чтеніи сочиненій Сковороды не разъ убѣждаешься въ томъ, что онъ непосредственно знакомъ былъ съ сочиненіями Платона и находился подъ сильнымъ вліяніемъ ихъ въ своей умозрительной философіи. Напримѣръ, опредѣленіе философіи составлено въ духѣ Платона, который ставилъ философію вышею и главною цѣлію жизни человѣка и высшее благо его—въ зависимости отъ достиженія этой цѣли. Платонъ говорилъ, что полное и совершенное знаніе принадлежитъ одному Богу, а человѣку свойственно быть только философомъ, т.-е. любомудромъ или искателемъ истины. Опредѣленіе души, ея природы и жизни тоже заимствовано у Платона, какъ объ этомъ говорится въ діалогахъ: „Федонъ“, „Федръ“, „Тимей“ и друг. „Душа есть регретiuum mobile, движимость непрерывная“, говоритъ Сковорода въ духѣ Платона („Разговоръ о душевномъ мирѣ“. Москва, 1837г.). Изреченіе: „познай самого себя“ истолковывается Сковоро-

дою также въ смыслѣ Платона и его философіи, т.-е. познай свою высшую природу, духъ, разумъ.

Особенно много разсужденій написано Сковородою о двойственности человѣческой природы. Сюда относится цѣлый рядъ разговоровъ и бесѣдъ на тему: „познай себе“, „Бесѣда, нарицаемая: Двое“, „Разговоръ о древнемъ мірѣ“ и т. д. Авторъ статьи въ „Недѣлѣ“, увлекшись нѣкоторыми мѣстами изъ сочиненій Сковороды, выражающими его пантеистическое міровоззрѣніе, назвалъ дуализмъ, такъ настойчиво развиваемый Сковородою, „совершенно внѣшнимъ“, „яко бы дуализмомъ“. По его мнѣнію, „этотъ яко бы дуализмъ вытекаетъ изъ требованій практической морали и вовсе не есть дуализмъ, въ философскомъ смыслѣ слова“ (стр. 23). Это мнѣніе автора, можетъ быть, имѣло бы нѣкоторое основаніе, если бы Сковорода ограничился ученіемъ о дуализмѣ исключительно только по отношенію къ человѣку и его природѣ и не распространялъ его на всю природу. Сковорода, напротивъ, всюду въ природѣ видитъ двойственность, т. е. *матерію* и *форму*, или *идею*. Этотъ дуализмъ развитъ имъ въ его сочиненіяхъ на почвѣ дуализма Платона и Аристотеля. Обратимся непосредственно къ сочиненіямъ Сковороды. Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Диалогъ: Потопъ зміинъ“ Сковорода, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „форму называетъ Платонъ идеею.... Идеи суть первородные міры, тайныя веревки, проходящую тѣнь, или матерію, содержащія.... Сѣнь, тѣнь, краска, абрисъ, руга таитъ за собою форму свою, идею свою, рисунокъ свой, вѣчность свою“. Формы или идеи не погибають, онѣ вѣчны и неизмѣнны; гибнуть же и исчезаютъ вещи. „Напиши,—говоритъ Сковорода,—циркуль (кругъ); сдѣлай изъ дерева или слѣпи его изъ глины. Потомъ опять его сотри и прочіе раззори. Теперъ скажи мнѣ: погибъ ли циркуль?—Погибъ писанный, деревянный и глиняный.—Правъ судъ твой. *Пошибъ видно видимый; невещественный и сущій циркуль нетлѣнень*, пребываетъ въ соковищахъ ума. Сей какъ не созданъ, такъ и раззориться не можетъ. Вещественные же циркулы—не циркулы суть, но прямѣе сказать: ложная тѣнь

есть и одежда циркулу истинному“. Никто не станетъ отрицать, что здѣсь Скворода повторяетъ Платона. „И догадался древній Платонъ, когда сказалъ: Θεὸς ὑπομετρεῖ“ (тамъ же). Сіи... слѣпые, тѣнь осязатели, называются у Платона подлостію, во мрачномъ рвѣ и адѣ сидяшею, одну темную тѣнь видяшею и ничего за сущую истину непочитающею, развѣ одно тое, что ощущать и въ кулакъ схватить могутъ“ (тамъ же).

У Сквороды есть діалогъ, въ которомъ онъ въ духѣ сейчасъ приведенныхъ мѣстъ старается наглядно представить и выяснитъ теорію идей Платона. Это сочиненіе Сквороды носитъ заглавіе: „Діалогъ или разглаголь о древнемъ мірѣ“ (написанный любезному другу Михаилу Іоанновичу Ковалѣнскому въ 1772 году, мая 15). Въ предисловіи къ этому діалогу Скворода говоритъ: „Ты родился любиться съ Богомъ. Прими сію мою лепту. Читай, мудрствуй, произрасти ее и возрасти ее“. Ковалѣнскаго, какъ своего ученика, Скворода считалъ, повидимому, наиболѣе способнымъ и подготовленнымъ воспринять его философію и философскія идеи, и не только воспринять, но и развивать ихъ. Это уже указываетъ на важность діалога, о которомъ мы говоримъ. „Какъ можно видѣть прошедшая времена?“ — спрашиваетъ въ этомъ діалогѣ одинъ изъ собесѣдниковъ. — „Тѣмъ же окомъ, коимъ смотришь на вчерашнее время, можно взирать на самыя Авраамскія времена. Аще кто видитъ днесъ, тотъ видитъ и вчера, и откровеніемъ единаго дня отверзается 1000 лѣтъ“. — „Какимъ же образомъ 1000 лѣтъ будетъ однимъ днемъ? — „Я бы могъ тебѣ сказать и сіе, что если кто единаго человѣка знаетъ, тотъ всѣхъ знаетъ. Единъ во тысящѣ и тысяща какъ человѣкъ единъ... И не тысяща, но всѣ наши всѣхъ вѣковъ человѣки во единомъ Господнемъ человѣкѣ тако обрѣтаются, какъ безсчетный всѣхъ нашихъ міровъ хоръ сокрывается въ Божиемъ мірѣ“. „Встань, если хотишь, на ровномъ мѣстѣ и вели поставитъ вокругъ себе сотню зеркалъ вѣнцемъ. Въ то время увидишь, что единъ твой тѣлесный болванъ владѣетъ сотнею видовъ, отъ единаго его завися-

шихъ. А какъ только отнять зеркала, вдругъ всѣ копии скрываются въ своей исконности или оригиналѣ, будто вѣтви въ зернѣ своемъ. Однакожь тѣлесный нашъ болванъ и самъ есть едина токмо тѣнь истиннаго человѣка. Сія тварь будто обезьяна образуеть лицевиднымъ дѣянiемъ невидимую и присносушную силу и божество того человѣка, коего всѣ наши болваны суть аки бы зеркаловидныя тѣни, то являющіяся, то исчезающія, при томъ какъ истина Господня стоитъ неподвижно во вѣки“. Такъ же слѣдуетъ разсуждать и о всемъ мiрѣ. И здѣсь „всѣ копии скрываются въ своемъ оригиналѣ или исконности“. Такъ какъ разговоръ начался съ того, какъ можно знать прошедшія времена, то далѣе идетъ рѣчь о томъ, что такое старый и новый мiръ. Подъ старымъ мiромъ разумѣется мiръ измѣнчивый, преходящій, а подъ новымъ—мiръ постоянный, неизмѣнный, всегда юный. „Какъ же старый мiръ помѣститъ съ новымъ?“—„Такъ, какъ тѣнь съ ея деревомъ... Тѣнь яблонѣ мѣститься не мѣшаетъ. Тѣнь преходитъ и непостоянствуетъ: то рождается, то исчезаетъ, то убываетъ, то уклоняется. Не многія ли тысячи тѣней въ яблонѣ? Мiръ Господень есть то древо жизни. А нашъ дряхлый, тѣнный и тлѣнный мiръ есть то древо смерти“. Не есть ли все это платонизмъ? И далѣе: чтобы познать мiръ, для этого нужно познать мiръ Господень, или постоянное и неизмѣнное въ мiрѣ. „Уразумѣй едино зерно яблочное,—говоритъ Сковорода,—и довлѣетъ тебѣ. Аще же едино въ немъ древо съ корнемъ, съ вѣтвями, съ листвiемъ и плодами скрылося, тогда можешь также обрѣсти безчисленные садовъ миллионъ; дерзаю сказать: и безчисленные мiры“. Но это познаніе возможно,—замѣчаетъ Сковорода въ духѣ Платона,—не иначе, какъ чрезъ познаніе видимаго мiра. „Если нѣчто узнать хочешь въ душѣ или истинѣ, усмотри прежде во плоти, сирѣчь—въ наружности, и увидишь въ ней запечатлѣнные слѣды Божіи, безвѣстная и тайная премудрости Его обличающіи и будто тропинкою къ ней ведущіи“.

Только малую долю выписали мы здѣсь изъ того, что

написано Сковородою о двойственности въ челоуѣкѣ и природѣ. Всюду нужно различать *двое* (какъ выражается Сковорода): „миръ и миръ, тѣло и тѣло, челоуѣка и челоуѣка; двое въ одномъ и одно въ двоихъ нераздѣльно и не слитно же, будто яблонь и тѣнь ея“ („Бесѣда, нарѣченная: *Двое*“).

И Библию Сковорода называетъ міромъ, только міромъ *символичнымъ*. „Суть три міра, говоритъ онъ. Первый есть всеобщій и миръ обитательный, гдѣ все рожденное обитаетъ. Сей составленъ изъ безчисленныхъ міровъ и есть высшій миръ. Другіи два суть частныи и малыи міры. Первый микрокосмосъ, сирѣчь мірокъ или челоуѣкъ. Второй—миръ *символическій*, сирѣчь Библия. *Всѣ три міры состоятъ изъ двоихъ*, едино составляющихъ естество, называемыхъ: *матерія* и *форма*. Въ великомъ и маломъ мірѣ вещественный видъ даетъ знать о угаенныхъ подъ нимъ формахъ или вѣчныхъ образахъ. Также и въ символическомъ или въ библиическомъ мірѣ собраніе тварей составляетъ *матерію*. Но Божіе естество, куда знаменіемъ ведетъ тварь, есть *форма*, сирѣчь, плоть и духъ, стѣнь и истина, смерть и жизнь“ („Потопъ змиць“) *).

---

*) Есть и другія мѣста въ сочиненіяхъ Сковороды, напоминающія философію Платона. Вспомнимъ, наприм., глубокою философію, заключающуюся въ діалогѣ Платона: «Симпосіонъ», гдѣ Платонъ изображаетъ міровую жизнь и намѣчаетъ несокрушимую, вѣчно дѣйствующую силу, двигающую всею жизнію въ природѣ, въ челоуѣкѣ и обществахъ челоуѣческихъ. Эту силу онъ назвалъ *Эросомъ*, т.-е. любовью. Это есть *эней*, который ниже боговъ и выше людей и занимаетъ среднее мѣсто между тѣми и другими. Въ концѣ «Разговора, называемаго Алфавитъ и Букварь міра», Сковорода присоединилъ символическіе рисунки. Среди нихъ есть изображеніе шара, пронзеннаго стрѣлами. Такъ какъ этотъ шаръ нарисованъ въ видѣ глобуса, то одинъ изъ собесѣдниковъ, понявши, что шаръ изображаетъ собою миръ, спрашиваетъ: кто скажетъ, что значить кругъ міра, со всѣхъ сторонъ пронзенъ стрѣлами? «Что есть стрѣла, если не стремленіе? Что есть стремленіе, если не Божіе побужденіе, всю тварь къ своему мѣсту своимъ путемъ движущее? Сіе то значить составлять и сей машинѣ движеніе давать. *Древнѣйшее мудрецовъ реченіе: любовь составляетъ миръ*. Поминаетъ о семъ и Цицеронъ въ книжечкѣ: «О дружбѣ». Тотъ же вкусъ и въ тѣхъ же рѣчахъ: *все побуждаетъ любовь*. О сей-то преблаженной, всѣмъ владѣющей любви и симпатіи невѣста въ Пѣсни Пѣсней: «крѣпка яко смерть любовь, жестока яко адъ ревность, крылья

Далѣе начинается у Сковороды отступленіе отъ философіи Платона. Сковорода говоритъ *о вѣчности міра и его безконечности въ пространствѣ и времени*. „Поколь яблонь, потоль и тѣнь ея, — говоритъ Сковорода въ „Разговорѣ: Потопъ зміинь“.—Тѣнь значитъ мѣстечко, яблонею отъ солнца заступаемое. Но древо вѣчности всегда зеленѣетъ. *И тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограничена*. Міръ сей и всѣ міры, если они безчисленны, есть та тѣнь Божія. Она исчезаетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно и въ различныя формы преобразуется видъ, однако же никогда не отлучаясь отъ своего живаго дерева. И давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: *materia aeterna* — вещество вѣчно есть сирѣчь всѣ мѣста и времена наполнило. Единъ только младенческой разумъ сказать можетъ, будто міра, великаго сего идола и Голіафа, когда-то не было и не будетъ“ *). Равнымъ образомъ, и въ другомъ сочиненіи: „Израильскій зміи“—Сковорода говоритъ: „если мнѣ скажутъ, что внѣшній міръ сей въ какихъ-то мѣстахъ и временахъ кончится, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я скажу, что кончится, сирѣчь начинается. Видишь, что одного мѣста граница есть она же и дверь, открывающая поле новыхъ пространностей. И тогда-жъ зачинается цыпленокъ, когда портится яйцо. Итакъ, всегда все идетъ въ безконечность. Вся исполняющее начало и міръ сей, находясь тѣнью его, границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблонѣ. Въ томъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умалается, то

ея крылья огня, угліе огненное—пламя ея». Теперь Наперсниково слово само изъяснилось: *Богъ любви есть*. Я также разсуждалъ о Ангелахъ природы, называемыхъ у древнихъ: *γένοιος*, коимъ они приносили жертвоприношеніи) и т. д. Равнымъ образомъ, объясняя рисунокъ, изображающій купидона, Сковорода говоритъ: «Купидонъ означаетъ желанія, еллински: *ἔρωσ*... *Крыла его значатъ непрерывное всю вселенную движущее движеніе*». («Алфавитъ міра» въ концѣ).

*) «Сею младенческою лжею въ исходѣ десятаго послѣ Р. Хр. вѣка всю христіанску вселенную столь поколебалъ, что мірокрушенія такъ всѣ трепетали, какъ мореходцы въ чрезвычайную бурю кораблекрушенія (вотъ слово, потрясшее вселенную: «связа сатану на тысящу лѣтъ»). Боялися, чтобы не развязался губитель»). Разговоръ: Потопъ зміинь.

преходить, то рождается, то исчезаетъ и есть ничто. *Materia aeterna*“ („Израильскій змій“).

О вѣчности міра училъ въ древности Аристотель; но рѣчь Сковороды такова, что въ ней усматривается *пантеистическое* міровоззрѣніе. Впрочемъ, этотъ пантеизмъ отнюдь не сходенъ съ пантеизмомъ Спинозы, какъ это усмотрѣлъ авторъ статьи въ „Недѣль“ . Прежде всего, языкъ и изложеніе Сковороды весьма напоминаютъ *стоическую* умозрительную философію. „А что есть Богъ,—говорится въ „Разговорѣ: Алфавитъ мира“,—если не вѣчная глава и тайный законъ въ тваряхъ?“ Въ „Разговорѣ о душевномъ мірѣ“ въ одномъ мѣстѣ трактуется о томъ, можно ли назвать Бога натурою, слѣдующимъ образомъ: „въ Библии Богъ именуется огнемъ, водою, вѣтромъ, желѣзомъ, камнемъ и прочими безчисленными именами; для чего-жъ Его не назвать *Натурою* (*Natura*)? Что до моего мнѣнія надлежитъ, нельзя сыскать важнѣе и Богу приличнѣе имени, какъ сіе. *Natura* есть римское слово, по нашему: природа, или естество. Симвъ словомъ означается все на все, что только раждается во всей міра сего машинѣ, а что находится *нерожденное*, какъ *огонь*, и все раждающееся вообще называется міръ, для чего...—Постой!—(говоритъ собесѣдникъ)—все вещественное родилось и раждается и самъ Господень огонь.— Не спорю, другъ мой, пускай все вещественное родилось, такъ точно; для чего-жъ всю тлѣнь заключающимъ именемъ, т.-е. *Натурою*, не называть Того, въ коемъ весь міръ съ рожденіями своими, какъ прекрасное цвѣтущее дерево, сокрывается въ зернѣ своемъ и оттуда-жъ является. Сверхъ того, слово сіе: *натура*—не точію всякое раждаемое и премѣняемое вещество значитъ, но тайну экономію той присносушной силы, которая имѣетъ свой центръ или среднюю главнѣйшую точку, а околичности своей нигдѣ—такъ, какъ шаръ, которымъ оная сила живописно изображается: кто яко Богъ? Она называется *натурою*, потому что все наружу происходящее или рождаемое отъ тайныхъ неограниченныхъ ея нѣдръ, какъ отъ всеобщей матери чрева, вре-

менное свое имѣть начало. А понеже сія мати раждая ни отъ кого не принимаетъ, но сама собою раждаетъ, для того называется отцомъ и началомъ, ни начала, ни конца не имѣющимъ, ни отъ мѣста, ни отъ времени не зависящимъ, а изображаютъ его живописцы кольцомъ, перстнемъ или зміемъ въ коло свитымъ, свой хвостъ своими-жъ держащимъ зубами. *Ся повсемственныя и премудрыя силы дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, правленіемъ или царствомъ, по всему матеріалу разлитымъ безконечно и безвременно, сирѣчь нельзя о ней спросить: когда она началась?—она всегда была; или поколь она будетъ? она всегда будетъ; или до коего мѣста простирается?—она всегда вездѣ* („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). „А какъ въ Богѣ раздѣленія нѣтъ,—говоритъ Сковорода,—то Онъ есть простирающееся по всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ единство, ибо Богъ, міръ Его и человекъ Его есть то *едино*“ („Разговоръ о древнемъ мирѣ“). „Начало и конецъ есть то же, что Богъ и вѣчность. Ничего нѣтъ и прежде ея, и послѣ ея. Все въ неограниченныхъ своихъ нѣдрахъ вмѣщаетъ. И не ей что-либо, но она всему началомъ и концомъ“ („Израильскій зміѣ“). „Царствіе блаженной природы, хотя утаенное, однако внѣшними не несвидѣлственно себѣ дѣлаетъ, печатая слѣды своя по пустому веществу—будто справедливѣйшій рисунокъ по живописнымъ краскамъ. Все вещество есть красная грязь и грязная краска и живописный порошокъ, *а блаженная натура есть сама началомъ*, т.-е. безначальною инвенціею или изобрѣтеніемъ и премудрѣйшею делинеаціею, всю видимую фарбуносящею, которая нетлѣнной своей силѣ и существу такъ сообразна, будто одежда тѣлу“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“).

Но было бы грубою ошибкой отождествлять пантеизмъ Сковороды съ матеріалистическимъ пантеизмомъ стоиковъ. Сковорода былъ далекъ отъ матеріалистическаго пантеизма стоиковъ; это показываетъ уже то, что было изложено нами выше, когда говорилось о зависимости его отъ Платона. Въ параллель съ вышеприведенными мѣстами, указывающими какъ бы на стоическій пантеизмъ Сковороды,

можно привести цѣлый рядъ мѣстъ изъ его сочиненій, гдѣ онъ говоритъ и выражается языкомъ *монотеиста* въ библейскомъ и христіанскомъ смыслѣ слова. Такъ, наприм., въ его сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчаются выраженія: *Богъ создалъ, сотворилъ* и т. д. Есть мѣста, указывающія на то, что Сковорода признавалъ Бога *трансцендентнымъ*, т. е. существующимъ внѣ міра. Напримѣръ, „вся тварь,—говорится въ „Разговорѣ: Потопъ Зміинъ“,—есть то сѣкомая натура. *Нѣсть ей причастія со всеобщемою оною Единницею*“ (т.-е. Богомъ)... „Святою Троицею нѣсть части твари“. „Все Тебѣ подобно,—говорится въ „Бесѣдѣ, нарѣченной *Двое*“,—и Ты всему. *Но ничто же есть Тобою и Ты ничѣмъ же, кромѣ Тебе*“. „Никто же единъ, токмо Единъ Богъ; вся тварь есть то плоть, разумѣй: сплетенная плетка, склеенный песокъ, слѣпленный прахъ“ („Потопъ зміинъ“). Отсюда видно, что Богъ и природа противопологаются, а не отождествляются, какъ въ пантеизмѣ. Равнымъ образомъ, о Богѣ говорится у Сковороды, что *Онъ дѣйствуетъ по своей волѣ и хотѣнію*. „*Воля Божія* есть верхъ и законъ законовъ“, говорится въ „Разговорѣ: Алфавитъ мира“. „Такъ Богъ хочетъ“ (тамъ же). „Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починаетъ, защищаетъ, и по *Своей же волѣ*, которая всеобщимъ закономъ зовется“, и т. д. („Начальная дверь къ христіанскому добронравію“). Также Ковалѣнскій передаетъ бесѣду, которую велъ съ нимъ Сковорода на тему: какое есть основаніе первоначальное тварей? „Ничто,—говоритъ здѣсь Сковорода.—*Воля вѣчная*, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленія видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. *Сіи желанія воли вѣчной* одѣлись въ мысленности, мысленности—въ виды, виды—въ вещественные образы“ и т. д. („Житіе Сковороды“, стр. 28).

Какъ же объяснить такія, повидимому, противорѣчивыя воззрѣнія Сковороды? Вліяніемъ той же древней философіи. Такія же противорѣчивыя воззрѣнія (каковыми они представляются намъ) мы встрѣчаемъ у *Филона Іудейскаго*, котораго Ковалѣнскій ставитъ въ числѣ „любимѣйшихъ авто-

ровъ“ Сковороды. Послѣ перваго же знакомства съ сочиненіями Сковороды убѣждаешься въ сходствѣ его сочиненій съ сочиненіями Филона, или вѣрнѣе: его воззрѣній съ воззрѣніями Филона. Филонъ занимается толкованіемъ Библии; то же дѣлаетъ Сковорода. Филонъ ищетъ въ Библии аллегорическаго смысла; Сковорода—то же самое. Филонъ усматриваетъ въ Библии зародышъ истины и всякаго знанія; такъ же смотритъ на Библию и Сковорода. Филонъ находитъ зачатки этой истины у Персидскихъ маговъ и индійскихъ гимнософистовъ; Сковорода, признавая то же самое, особенно указываетъ на Египетскихъ жрецовъ. Филонъ увлеченъ греческою философіею и руководится ею при объясненіи Библии; Сковорода не менѣе его питаетъ любовь къ этой философіи и проникается ея духомъ и направленіемъ. Филонъ платонизируетъ (πλατωνίζει); Сковорода также особенно симпатизируетъ философіи Платона и чаще указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ на Платона, чѣмъ на другихъ философовъ древности. Вмѣстѣ съ философіею Платона Филонъ наиболѣе воспользовался умозрительной философіею стоиковъ, хотя истолковалъ ее *по-своему*; тотъ же стоицизмъ мы видѣли у Сковороды. Послѣдній (стоицизмъ) могъ быть заимствованъ Сковородою у Филона, который нерѣдко въ своихъ сочиненіяхъ выражается языкомъ стоиковъ, хотя Сковорода могъ познакомиться съ философіею стоиковъ изъ сочиненій Плутарха и Цицерона, которыя онъ изучалъ. Ученіе Сковороды о Богѣ, существующемъ внѣ міра, единомъ и нераздѣльномъ по существу, свободно по своей волѣ и хотѣнію творящемъ міръ, находится также у Филона. Въ самомъ толкованіи идей Платона Сковорода руководится, повидимому, Филономъ же, потому что слишкомъ настаиваетъ на томъ, что вещи суть только отобразы, отпечатки идей, тѣнь идей, хотя въ то же время съ небольшою настойчивостію говоритъ о повсемѣстномъ въ мірѣ дѣйствіи божественной силы.

Не даромъ называютъ Филона *эклектикомъ*. Этотъ эклектизмъ и привелъ его къ противорѣчивымъ, съ нашей точки

зрѣнія, воззрѣніямъ. Эклектизмъ, или вѣрнѣе—синкретизмъ Филона состоитъ въ соединеніи философіи Платона, стоиковъ и библейскаго ученія о Богѣ. Ученіе Платона о Демиургѣ и идеяхъ преобразовалось въ ученіе Филона о „Логосѣ“ и идеяхъ. Ученіе стоиковъ о „духѣ (πνεῦμα), который, по ихъ представленію, есть матеріальное начало, перешло у Филона въ ученіе о божественномъ Духѣ въ библейскомъ смыслѣ („Духъ Божій ношашеся верху бездны“). По взгляду Филона, въ началѣ Библии начертано ученіе о Богѣ, которое въ греческой философіи раскрывалось лишь по частямъ. Соединивши такимъ образомъ, при помощи Библии, философію Платона и стоиковъ и дополнивши ее ученіемъ Библии о Богѣ, Филонъ создалъ философію, которая естественнымъ путемъ подготовляла человѣческой умъ къ воспріятію и усвоенію христіанскаго ученія о Троицѣ. Впрочемъ, у самого Филона нѣтъ ученія о Троицѣ; онъ остается монотеистомъ въ библейскомъ смыслѣ; о „Логосѣ“ и божественномъ „Духѣ“ онъ развиваетъ свое ученіе настолько, насколько оно помогаетъ ему выяснитъ вопросъ о происхожденіи міра и отношеніи Бога къ нему. „Логосъ“ и „Духъ“ суть высшія божественныя силы (δυνάμεις), чрезъ посредство которыхъ создается Богомъ міръ изъ матеріи, такъ какъ Самъ Богъ непосредственно не соприкасается съ матеріею (ὁ Θεὸς οὐκ ἐφαπτόμενος αὐτὸς τῆς ὕλης). Идеи суть также безтѣлесныя силы (ἀσώματοι δυνάμεις), которыя сообщаютъ форму безформенному (μορφὰς ἀμόρφοις) и качество безкачественному (ποιότητας ἀποίοις). Если „Логосъ“ раздѣляетъ, обособляетъ (λόγος τομεύς), то Духъ соединяетъ, распространяясь нераздѣльно по всему міру; чрезъ него сила божественная распространяется вездѣ и всюду по свойству духа (πνεῦμα). Выходитъ такимъ образомъ, что Самъ Богъ чрезъ посредство Духа Своего распространяетъ силу Свою въ мірѣ до послѣдняго единичнаго предмета (Τείνοντος τοῦ Θεοῦ τὴν ἀφ' ἑαυτοῦ δύναμιν διὰ τοῦ μέσου πνεύματος ἄχρι τοῦ ὑποκειμένου). Такое ученіе Филона о божественномъ Духѣ есть несомнѣнно стоическое, или, по крайней мѣрѣ, изложено примѣ-

нительно къ ученію стоиковъ, понимавшихъ „духъ“ (πνεῦμα) въ смыслѣ тонкой матеріи или газа, распространяющагося въ пространствѣ по свойству матеріи, находящейся въ газовомъ состояніи (πνευματικὸς τόνος). Это какъ разъ было подходяще къ ученію о единствѣ божественнаго естества, не допускающаго раздѣленія (τέμνεται γὰρ οὐδὲν τοῦ θείου κατ' ἀπάρτησιν, ἀλλὰ μόνον ἐκτείνεται). Здѣсь-то и заключается пунктъ соприкосновенія философіи Филона съ пантеизмомъ стоиковъ и пантеизмомъ вообще: Богъ чрезъ Духа Своего распространяется по всему міру, какъ бы самымъ существомъ Своимъ (οὐκ ἐπινοίχ.... ἀλλὰ καὶ οὐσιῶδες).

Сковорода воспитался въ христіанскомъ ученіи о Св. Троицѣ. Въ пониманіи этого ученія руководятъ его евангелистъ Іоаннъ и Ап. Павелъ, а также Св. Отцы и учителя Церкви. Это же ученіе онъ усматриваетъ и въ Библии. „Въ началѣ сотворилъ Боги сіе небо и сію землю“, читаетъ онъ въ книгѣ „Бытія“ согласно еврейскому тексту и говоритъ: „*сотворилъ*—сіе значитъ Единъ; *Боги*—сіе значитъ не Единъ“ („Потопъ змінивъ“). Но Сковорода не останавливается только на томъ, что находитъ въ Св. Писаніи, а развиваетъ и истолковываетъ ученіе о Богѣ и Св. Троицѣ, какъ философъ, на почвѣ философскаго міровоззрѣнія. И вотъ здѣсь-то видно вліяніе на него философіи Филона. Замѣчено выше, что чтеніе сочиненій Сковороды производитъ такое впечатлѣніе, что онъ былъ пантеистомъ. Въ этомъ отразилось вліяніе на него Филона и въ частности — его ученія о божественномъ Духѣ. „*Божественный Духъ*,—говоритъ Сковорода,—весь міръ, какъ машинистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержитъ и *Самъ бытіемъ есть всякому созданію. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распорядитъ, починаетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ зовется, опять въ грубую матерію обращается*“. „*Всѣ твари, вся природа суть пріятелище, риза, орудіе; все сіе обветшаетъ, свіется, измѣнится; Единъ Духъ Божій, исполняющій вселенную, пребываетъ*“ (Ковалѣнскій, стр. 29). Въ этомъ же смыслѣ нужно

понимать и тѣ мѣста изъ сочиненій Сквороды, въ которыхъ говорится, что Богъ простирается по всему міру; напимѣрь, „а какъ въ Богѣ раздѣленія нѣтъ, то Онъ есть простирающееся (у Филона употребляется глаголь *τείναι*) по всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ единство“ („Диалогъ о древнемъ мірѣ“). „Духъ животворитъ“ всю природу. „Взглянь, говоритъ Скворода, на слабосильнаго звѣрка—человѣка: онъ водитъ медвѣди и слоны. Взглянь на маленькую компасную коробочку и на малую часть корабля, на его руль: онъ правитъ теченіе, а тая указываетъ путь. Маленькая искра раззоряетъ городскія стѣны. Изъ крошечнаго зерна выходитъ толстая яблонь. Легонькій воздушный шумъ есть испущенное изъ устъ слово; но оно часто или смертно уязвляетъ или въ куражъ приводитъ и оживляетъ душу. Малая птица—пѣтухъ—пугаетъ льва, а мышь—слона. Невидная пружина въ составѣ движетъ всю часовую машину. Неосязаемая въ циркулѣ точка источникомъ есть всѣхъ фигуръ и машинъ. Десятифунтовая машина ворочаетъ стопудную тяжесть. Соломенный крутѣнь разбиваетъ кремень. Ничтожная гражданскихъ законовъ бумажка содержитъ гражданство. въ тишинѣ. Отцовская старость владѣетъ жестоковѣйными рабами и буйными сынами. Слабаго здоровья Государь управляетъ безсловесную свирѣпость народную. Все сіе по плоти ничтоже есть; но по сокровенному въ себѣ естеству сильное. *Духъ животворитъ*“ („Израильскій змій“).

Мы почти не сомнѣваемся въ томъ, что православный богословъ не найдетъ полнаго соотвѣтствія между православнымъ догматическимъ ученіемъ о Св. Троицѣ и философскимъ ученіемъ о томъ же предметѣ Сквороды. Но мы должны относиться къ ученію Сквороды, какъ ученію философскому, а не догматическому. Для насъ важно то, что *ученіе о троичности Божества Скворода кладетъ въ основаніе своей умозрительной философіи и считаетъ его исходнымъ пунктомъ философіи вообще.*

Ө. А. Зеленогорскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Пространство и время, какъ формы явленій.

Милліоны людей живутъ, мечтая о будущемъ и вспоминая прошедшее, но ни разу не задавая себѣ вопроса, что такое та роковая сила, которая непрерывно увлекаетъ ихъ впередъ? Для большинства изъ нихъ этотъ вопросъ является не только неразрѣшимымъ, но и не интереснымъ; дѣйствительность исчерпывается для нихъ тѣмъ, что они видятъ и слышатъ, а все остальное представляется болѣе или менѣе празднымъ мечтаніемъ.

Правда, что и передъ ними иногда вырастаетъ стѣна, за которой вдругъ исчезаетъ эта дѣйствительность, и невольно возникаетъ вопросъ о различіи между вещами и явленіями; но вопросъ этотъ настолько тревоженъ и непривыченъ, что они стараются отдѣлаться отъ него какъ можно скорѣе, заранѣе признавая задачу неразрѣшимой, или, по крайней мѣрѣ, для себя непосильной. Въ практической жизни нельзя заниматься рѣшеніемъ метафизическихъ задачъ, а надо предполагать ихъ или рѣшенными, или неразрѣшаемыми, иначе некогда было бы дѣйствовать.

Въ наукѣ, наоборотъ, точность и строгая послѣдовательность составляютъ необходимое требованіе, такъ какъ безъ нихъ могутъ являться иногда блестящія гипотезы, но онѣ, во всякомъ случаѣ, лишены будутъ прочнаго основанія.

Строгое различеніе необходимаго отъ частнаго и случайнаго составляетъ основное требованіе cadaго научнаго изслѣдованія; но какія бы мы ни взяли явленія, съ какой

бы точки зрѣнія ни рассматривали ихъ, они всегда будутъ представляться намъ во времени; а если мы будемъ рассматривать явленія внѣшняго міра, то и въ пространствѣ.

Каждое явленіе необходимо предполагаетъ два термина: того, кто воспринимаетъ, и то, что воспринимается; это относится одинаково и ко внутреннимъ, и ко внѣшнимъ явленіямъ,—къ психическимъ воспріятіямъ и къ впечатлѣніямъ внѣшняго міра. Для наивнаго реализма, на почвѣ котораго стоитъ большинство людей, почти не существуетъ различія между собственными представленіями и тѣми предметами, которые вызываютъ эти представленія. Однако, не только философы, но и естествоиспытатели знаютъ, что между ними нѣтъ почти ничего общаго, а можетъ существовать только нѣкоторый параллелизмъ, такъ что нѣкоторымъ измѣненіямъ во внѣшнихъ предметахъ могутъ соответствовать нѣкоторыя измѣненія въ нашемъ сознаніи, но явленія внѣшняго міра никакъ не могутъ отождествляться съ явленіями внутренняго сознанія, а могутъ только быть признаны ихъ причиной, и то лишь въ нѣкоторомъ смыслѣ: явленія внѣшняго міра никогда не воспринимаются непосредственно нашимъ сознаніемъ, которое воспринимаетъ только нѣкоторыя измѣненія внутри нашего организма и объективируетъ ихъ въ пространствѣ. Собственное тѣло наше всегда служитъ посредствующимъ звеномъ между нашимъ сознаніемъ и остальными тѣлами вселенной; оно можетъ считаться единственнымъ непосредственнымъ объектомъ всѣхъ нашихъ ощущеній.

Только законъ причинности даетъ намъ связующую нить между міромъ субъективныхъ представленій и ощущеній и міромъ объективныхъ, реальныхъ явленій.

Измѣненія во внѣшнихъ предметахъ являются причиной соответствующихъ измѣненій въ окружающей средѣ, которая такъ или иначе передаетъ эти измѣненія или движенія нашему тѣлу, гдѣ они въ свою очередь вызываютъ соответствующія измѣненія въ сознаніи.

Такимъ образомъ, движеніе, какъ съ философской, такъ и

съ естественно-научной точки зрѣнія, является необходимымъ звеномъ между нашимъ сознаниемъ и внѣшнимъ міромъ; но всякое движеніе предполагаетъ пространство и время. Что же такое эти необходимыя условія внѣшняго опыта? Составляютъ ли они неотъемлемыя свойства являющихся предметовъ или, наоборотъ, неизбѣжную форму воспринимающаго ихъ сознанія? Или, наконецъ, они только необходимая или, по крайней мѣрѣ, при данныхъ условіяхъ, неизбѣжная связь между познаваемымъ и познающимъ?

Пояснимъ это сравненіемъ: представимъ себѣ слѣпорожденного, который послѣ операціи получилъ бы способность видѣть предметы, но не различая цвѣтовъ. Положимъ, что всѣ они представлялись бы ему одинаково зелеными; причина этого заключалась бы въ немъ самомъ, въ устройствѣ его органа зрѣнія. Теперь допустимъ, что послѣ операціи слѣпой получилъ бы способность не только видѣть предметы, но и различать цвѣта ихъ, но почему-либо ему позволили бы смотрѣть исключительно на предметы зеленого цвѣта, такъ что комната и всѣ вещи, находящіяся въ ней, были бы зеленого цвѣта; тогда цвѣтовые впечатлѣнія второго оперированнаго были бы тождественны съ впечатлѣніями перваго, хотя причина этого тождества заключалась бы уже не въ немъ самомъ, а наоборотъ, въ воспринимаемыхъ имъ предметахъ. Наконецъ, представимъ себѣ третьяго слѣпорожденного, которому была сдѣлана такая же операція, какъ и второму, и съ такими же результатами; но вмѣсто того, чтобъ окружать его исключительно зелеными предметами, ему надѣли бы въ моментъ операціи зеленыя очки или пропустили бы сквозь зеленое стекло свѣтъ въ ту комнату, гдѣ онъ находится; тогда впечатлѣнія третьяго оперированнаго были бы также одинаковы съ впечатлѣніями первыхъ двухъ, хотя причина того, что онъ видитъ все въ зеленомъ свѣтѣ, была бы уже не въ немъ самомъ и не въ тѣхъ предметахъ, которые онъ видитъ, а въ посредствующихъ условіяхъ, дѣлающихъ для него возможнымъ видѣніе этихъ предметовъ.

Нѣчто аналогическое можемъ мы допустить и относи-

тельно пространства: предметы могутъ являться намъ протяженными, потому что протяженность есть свойство этихъ предметовъ; они могутъ казаться намъ протяженными потому, что пространство есть необходимая форма воспринимающаго ихъ сознанія, и, наконецъ, протяженіе можетъ быть лишь условіемъ перехода вліянія внѣшняго міра въ область сознанія. Иными словами, идея пространства можетъ быть неразрывно связана съ воспріятіемъ внѣшняго міра нашимъ интеллектомъ потому, что протяженность есть неотъемлемое свойство всѣхъ тѣлъ, или потому, что пространство есть форма этого интеллекта, въ которую необходимо должны вливаться всѣ внѣшнія впечатлѣнія, или, наконецъ, потому, что не будучи необходимо связано ни съ внутренней сущностью матеріальнаго міра, ни съ нашимъ интеллектомъ, оно есть необходимое отношеніе, такъ сказать, единственный уголь зрѣнія, подъ которымъ можетъ быть нами воспринятъ матеріальный міръ.

Обѣ первыя гипотезы достаточно разработаны въ исторіи философіи; мы остановимся только на третьей.

Возможно ли, чтобы сами по себѣ непротяженные предметы являлись сознанію, не безусловно связанному собственной формой (пространства),—протяженными? Возможно ли, чтобъ идея пространства возникала только изъ соприкосновенія этихъ совершенно разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ ни одинъ въ отдѣльности не имѣетъ съ пространствомъ ничего общаго? Что касается сознанія, то несомнѣнно, что въ немъ можетъ существовать цѣлый рядъ явленій, не имѣющихъ ничего общаго съ пространствомъ; но и въ матеріальномъ мірѣ, хотя всѣ явленія совершаются или, по крайней мѣрѣ, представляются намъ совершающимися въ пространствѣ, нельзя утверждать однако, чтобы та субстанція или принципъ, который лежитъ въ основаніи этихъ явленій, непременно былъ протяженнымъ; современная наука, наоборотъ, все болѣе склоняется къ тому, чтобы видѣть въ самыхъ тѣлахъ только явленія, въ основаніи которыхъ лежатъ непротяженные единицы силъ. Правда, что

въ такомъ случаѣ остается, повидимому, необходимость допущенія пространства, какъ чего-то реального, такъ какъ въ противномъ случаѣ невысказано было бы движеніе; но вѣдь и движеніе не есть нѣчто самостоятельное, независимое отъ того, что движется.

Итакъ, возможно, что протяженность не есть ни свойство тѣлъ, ни форма интеллекта; но если мы остановимся на этомъ вопросѣ, мы увидимъ, что, какъ бы то ни было, пространство есть необходимое условіе воспріятія нами явленій внѣшняго міра.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было пространства, не было бы движенія (даже въ субъективномъ смыслѣ), а если бы не было движенія, то невозможна была бы та смѣна ощущеній въ нашемъ сознаніи, на основаніи которой мы заключаемъ не только объ измѣненіяхъ, но и о самомъ бытіи внѣшняго міра.

Впечатлѣнія, вызываемыя внѣшнимъ міромъ, даже въ томъ случаѣ, если бы они были еще возможны, должны были бы оставаться безусловно неизмѣнными, — и мы совершенно лишены были бы способа не только различать ихъ между собой, но и отдѣлять ихъ отъ чисто субъективныхъ ощущеній.

Можно возразить противъ этого опредѣленія пространства, какъ формы явленій, что въ сущности оно не исключаетъ первыхъ двухъ гипотезъ и потому само недостаточно опредѣленно; это совершенно справедливо, но такая неопредѣленность, быть можетъ, не большая бѣда сравнительно съ внутренними противорѣчіями или съ бездоказательными утвержденіями, тѣмъ болѣе, что она оставляетъ открытое поле для дальнѣйшихъ изысканій.

Еще большее значеніе имѣетъ такое широкое опредѣленіе относительно времени; время само по себѣ совершенно ускользаетъ отъ нашего пониманія и не вмѣщается въ нашемъ сознаніи. Все, что мы знаемъ и видимъ, всѣ явленія внѣшняго и внутренняго міра — лежатъ или въ прошедшемъ, или въ будущемъ, — они или были, или будутъ; но какъ только они являются нашему сознанію, они становятся настоящими;

для сознанія, какъ такового, нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, и единственная форма его—настоящее; разница можетъ быть только въ яркости картинъ, а не въ ихъ реальности. Настоящее есть та математическая точка, которая дѣлится на двѣ половины безконечную линію времени: точка, гдѣ не можетъ умѣститься ни одно матеріальное явленіе, потому что, какъ бы оно ни было скоротечно, оно все-таки составляетъ нѣкоторую, хотя и чрезвычайно малую, но опредѣленную величину.

Если нѣтъ достаточнаго основанія признавать пространство исключительно субъективною формой нашего познанія, то, по крайней мѣрѣ, та ясность и точность, съ которой мы сознаемъ геометрическія истины, даетъ поводъ думать, что если и существуетъ, кромѣ того, реальное пространство, то законы его должны быть согласны съ законами нашего разума. Совсѣмъ другое дѣло—время: мы не только не въ состояніи ясно представить себѣ, что такое время, но оно является какъ будто постояннымъ фактическимъ отрицаніемъ того, что внутри себя мы сознаемъ всего яснѣе. Единственнымъ сколько-нибудь точнымъ способомъ измѣренія времени остается движеніе матеріальныхъ предметовъ, причемъ сравнивается въ сущности не время, а пути, пройденные тѣлами, т. е. опять-таки пространство, и дѣятельность ума состоитъ здѣсь не въ томъ, чтобы воспринимать впечатлѣнія времени, какъ нѣчто равномерно текущее, а только въ томъ, чтобы воскресить въ памяти то, что было, и сравнить съ тѣмъ, что есть: сдѣлать прошедшее настоящимъ, по крайней мѣрѣ, внутри сознанія.

Въ любомъ актѣ сознанія, не только въ мысляхъ, но и въ ощущеніяхъ есть сочетаніе множества явленій и движеній и, слѣдовательно, движенія эти воспринимаются одновременно. Если различіе въ цвѣтахъ и въ звукахъ зависитъ отъ числа колебаній ээира или воздуха, то отсюда уже ясно, что сознаніе схватываетъ, какъ единое, то, что въ природѣ безконечно множественно; безчисленный рядъ послѣдовательныхъ движеній массы отдѣльныхъ мельчайшихъ частицъ

сливается здѣсь въ одно неразрывное цѣлое. Но и не прибѣгая къ болѣе или менѣе сложнымъ научнымъ гипотезамъ, не трудно придти къ тому же результату,—самыя простыя наблюденія то и дѣло наводятъ на эту мысль. Стоитъ взглянуть на любое движущееся тѣло, чтобъ убѣдиться въ этомъ: такое тѣло или совсѣмъ не даетъ никакого отчетливаго впечатлѣнія, или же даетъ впечатлѣніе совершенно новое, не имѣющее ничего общаго съ перемѣщеніемъ частей или цѣлаго.

Будемъ смотрѣть, на примѣръ, на вращающееся колесо; спицы его будутъ мелькать, не давая никакого яснаго впечатлѣнія; но если оно будетъ вращаться еще быстрѣе, онѣ сольются въ одинъ сплошной кругъ, и получится новое, вполне отчетливое впечатлѣніе неподвижнаго и полупрозрачнаго тѣла. Возьмемъ горящій уголь и будемъ быстро двигать его въ темномъ помѣщеніи; вмѣсто свѣтящейся точки у насъ явится впечатлѣніе огненныхъ линій, и совершенно такое же впечатлѣніе получится, если вмѣсто того, чтобы передвигать свѣтящуюся точку, мы будемъ передвигать глазами. Зрѣніе, ясно схватывающее пространственныя отношенія и формы предметовъ, совершенно безсильно дать намъ представленіе о перемѣщеніи предметовъ, т. е. о движеніи въ собственномъ смыслѣ. Если мы будемъ слѣдить за движущимся предметомъ, мы можемъ видѣть его достаточно отчетливо, но все остальное сольется тогда въ болѣе или менѣе смутную массу; если, наоборотъ, смотрѣть, не переводя взгляда, на ту среду, гдѣ движется тѣло,—сразу исчезнетъ отчетливость видѣнія самого тѣла, такъ какъ каждая точка въ немъ превратится уже въ нѣкоторую линію и видѣніе отдѣльныхъ частей неизбежно сольется; но если даже самое движеніе, т. е. непрерывное перемѣщеніе, иногда вмѣсто представленія времени вызываетъ впечатлѣніе неподвижности, не имѣющее ничего общаго съ дѣйствительнымъ состояніемъ тѣлъ, то не странно ли предполагать, что время есть необходимая субъективная форма сознанія? Ясно, что мелодіи, на примѣръ, совсѣмъ не существовало бы, еслибы тѣ звуки,

которые отзвучали въ дѣйствительности, не продолжали еще существовать въ нашемъ сознаниі, пока ухо воспринимаетъ новые.

Переходя отъ ощущенийъ къ мышленію, мы можемъ еще яснѣе наблюдать внѣвременный характеръ сознанія; когда мы читаемъ что-нибудь, глаза наши перебѣгаютъ съ одной строки на другую, получается цѣлый рядъ быстро смѣняющихся свѣтовыхъ впечатлѣній, но въ результатѣ всѣхъ этихъ впечатлѣній остается одна мысль. Понятія, вызванныя свѣтовыми ощущеніями, не исчезаютъ, а продолжаютъ жить въ нашемъ сознаниі, когда ощущенія, вызвавшія ихъ, замѣнились уже другими.

Но можно возразить, что ощущенія и мысли такъ же мѣняются, какъ и внѣшнія явленія, которыми они вызваны. Отсюда не слѣдуетъ однако, чтобы такого рода смѣна была неизбѣжнымъ свойствомъ мышленія: ясно, что если явленія совершаются во времени, то въ сознаниі они не могутъ оставаться вѣчно, если только есть соотношеніе между познающимъ и познаваемымъ. Если же мы припомнимъ, что всѣ или почти всѣ наши чувства и мысли связаны съ нашимъ тѣлеснымъ организмомъ, который самъ есть только временное явленіе, то очевидно, что всѣ или почти всѣ наши мысли не могутъ находиться внѣ времени; впрочемъ, та непрерывная смѣна мыслей и ощущенийъ, которую мы наблюдаемъ въ нашемъ сознаниі, совсѣмъ не то, что смѣна явленій во внѣшнемъ мірѣ: она совсѣмъ не похожа на то представленіе, которое мы имѣемъ о матеріальномъ движеніи и о смѣнѣ явленій во внѣшнемъ мірѣ, гдѣ одинъ моментъ рѣзко отдѣляетъ безконечное прошлое отъ безконечнаго будущаго, гдѣ настоящее можно сравнить съ узкою щелью, сквозь которую мы видимъ быстро мелькающіе предметы, мгновенно появляющіеся и мгновенно исчезающіе.

Въ психическомъ мірѣ, наоборотъ, явленія не проносятся безслѣдно: они какъ будто постепенно выплываютъ изъ невидимой глубины, постепенно достигаютъ наибольшей яркости и снова блѣднѣютъ и заслоняются новыми явленіями, про-

должая однако бросать на нихъ свои отблески даже тогда, когда сами стали уже не узнаваемы. Кому, напримѣръ, не случилось испытывать какое-то неопредѣленное, томительное чувство, видѣть все въ черномъ свѣтѣ, не отдавая себѣ отчета, почему именно, и вдругъ вспомнить какое-нибудь тяжелое впечатлѣніе, иногда даже сонъ, вызвавшій это настроеніе? Не ясно-ли, что это впечатлѣніе не только сохранилось въ глубинѣ бессознательнаго, но и продолжало дѣйствовать на наше настроеніе, пока передъ нами смѣнялись и мелькали совершенно другія внѣшнія впечатлѣнія?

Я сказалъ, что почти всѣ наши представленія, впечатлѣнія и мысли лежатъ во времени, потому, что всѣ они относятся ко временному, а не потому, чтобы время было необходимою формою сознанія. Но это не единственная причина: сила нашего мышленія и ясность сознанія ограничены; поэтому, когда мы сосредоточиваемъ наше вниманіе на одномъ впечатлѣніи или мысли, остальныя блѣднѣютъ и почти исчезаютъ, какъ будто ихъ уже нѣтъ; но стоитъ намъ обратить на нихъ вниманіе— и они снова выступаютъ передъ нашимъ взоромъ; иногда это дѣлается совсѣмъ независимо отъ нашего желанія, и достаточно одного намека, чтобы живо возстановить передъ нами цѣлую картину, которая, казалось, безслѣдно исчезла изъ нашей памяти.

Но этимъ не ограничивается воздѣйствіе сознанія относительно времени, такъ какъ сознаніе не только вызываетъ изъ прошедшаго то, что минуло, но и рисуетъ, какъ настоящее, то, что еще не наступило. Мы постоянно предвидимъ, по крайней мѣрѣ, ближайшее будущее, такъ же, какъ постоянно носимъ въ себѣ, хотя бы смутное, впечатлѣніе прошедшаго; всѣ наши дѣйствія опредѣляются именно такимъ предвидѣніемъ будущаго, такъ какъ цѣль ихъ всегда находится въ будущемъ; но какъ бы ни была она сама по себѣ проблематична, намъ она представляется дѣйствительною. Конечно, въ предвидѣніи будущаго, основанномъ на умозаключеніи, возможна еще чаще ошибка, чѣмъ при воспоминаніи прошедшаго; но въ громадномъ большинствѣ слу-

чаевъ это предвидѣніе настолько оправдывается, что когда подобная ошибка встрѣчается, она вызываетъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, нежели то, которое явленіе вызвало бы само по себѣ; оно представляется намъ уже въ совсѣмъ особенномъ свѣтѣ, какъ нѣчто непредвидѣнное, и вызываетъ въ насъ чувство удивленія. Итакъ, во внутреннемъ психическомъ мірѣ прошлое и будущее, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, сливаются въ одномъ неразрывномъ впечатлѣніи настоящего, а это настоящее въ значительной степени зависитъ отъ нашей воли, отъ насъ самихъ. Наши впечатлѣнія не представляютъ собой вполне пассивнаго отраженія и простаго видоизмѣненія внѣшней дѣйствительности. Мы видимъ и слышимъ не то, что случайно поражаетъ нашъ слухъ и зрѣніе, а то, что мы хотимъ видѣть и слышать. Въ комнатѣ, гдѣ ведется множество разговоровъ, мы можемъ слушать одинъ изъ нихъ, причѣмъ остальные сливаются въ нестройный гулъ. На листѣ бумаги, гдѣ начерчено множество фигуръ и рисунковъ и гдѣ линіи перекрещиваются, мы можемъ слѣдить за одной изъ нихъ и видѣть одинъ образъ, такъ что все остальное теряетъ для насъ значеніе и почти не достигаетъ до нашего сознанія.

Тотъ актъ, посредствомъ котораго мы изъ безчисленнаго множества окружающихъ насъ явленій, мелькающихъ передъ нами предметовъ выбираемъ, закрѣпляемъ и воспринимаемъ немногое, есть своего рода внутреннее творчество. Нуженъ особый актъ психическаго внутренняго начала для того, чтобы превратить рядъ безчисленныхъ мелкихъ ощущений, одновременно получаемыхъ изъ внѣшняго міра, въ одинъ отчетливый образъ, соотвѣтствующій тому или другому предмету, который представляется намъ причиной, вызывающей всѣ эти ощущенія.

Весь міръ, поскольку онъ является намъ, существуетъ для насъ въ пространствѣ и во времени,—это не только опытный фактъ, но и логическая необходимость; но мы едва ли вправѣ заключать отсюда, чтобы пространство и время были только субъективными формами познанія: говоря, что

пространство есть субъективная форма познанія, мы предрѣшаемъ вопросъ, подразумѣвая тѣмъ самымъ, что ему ничто не соотвѣтствуетъ въ объектѣ. Утверждая то же самое относительно времени, мы не только впадаемъ въ ту же ошибку, но и въ нѣкоторое противорѣчіе съ нашимъ внутреннимъ опытомъ, который показываетъ намъ, что въ сознаніи нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а одно только настоящее. Идеи пространства и времени не могли быть заимствованы изъ опыта, такъ какъ онѣ предполагаются уже данными въ каждомъ опытѣ. Въ наблюденіи мы видимъ только дѣйствительность и, слѣдовательно, только настоящее. Съ другой стороны, точно также ни въ одномъ изъ нашихъ ощущеній не дано представленія о трехмѣрномъ пространствѣ, и оно составляетъ только логически необходимый, хотя и бессознательный выводъ изъ наблюдаемыхъ нами движеній. Въ виду этого, нельзя не признать, что идея пространства присуща нашему интеллекту, хотя отсюда нисколько не слѣдуетъ, чтобы ей ничто не соотвѣтствовало внѣ насъ.

Наоборотъ, безъ врожденныхъ идей мы не имѣли бы ни малѣйшаго понятія о внѣшнемъ мірѣ,—слѣдовательно, о наблюденіи и объ опытѣ. Если бы не было въ насъ самихъ идеи причинности, въ нашемъ сознаніи непрерывно чередовался бы только рядъ ощущеній и впечатлѣній, которыя намъ не могло бы придти въ голову объективировать внѣ насъ. Всѣ логическія истины составляютъ такого рода врожденные идеи, откуда не слѣдуетъ, конечно, чтобы новорожденный познавалъ ихъ въ той же формѣ и съ такою же ясностью, какъ философъ или математикъ; но и ребенокъ, который не умѣетъ еще говорить, бессознательно руководствуется ими: когда онъ протягиваетъ руку, чтобы схватить какой-нибудь предметъ, онъ, конечно, не разсуждаетъ о томъ, что прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, но инстинктивно протягиваетъ руку прямо къ предмету, хотя не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое третье измѣреніе пространства, и хотя измѣреніе это не дано ему ни въ одномъ

изъ его ощущеній. Точно также, когда онъ проситъ чего-нибудь или чего-нибудь боится, онъ не разсуждаетъ о томъ, что предметъ его желанія или страха не зависитъ отъ его воли и потому есть нѣчто реальное и несубъективное, — а слѣдовательно, долженъ имѣть другую причину; однако, и желаніе, и страхъ этотъ, несомнѣнно, основаны на безсознательномъ примѣненіи закона причинности, который одинъ выводитъ и ребенка, и мыслителя изъ области чисто субъективныхъ представленій. Можно, конечно, сомнѣваться и въ законѣ причинности, но тогда обрывается единственная прочная нить, связующая мышленіе съ внѣшнимъ міромъ, и не существуетъ уже не только никакой почвы для опытныхъ изслѣдованій, но и внутри нашего сознанія остается мѣсто только для безграничной фантазіи. Наоборотъ, признавая не только субъективное, но и реальное значеніе врожденныхъ идей, мы получаемъ единственную твердую почву, на которой возможно существованіе и развитіе математическихъ, а вслѣдъ за ними и остальныхъ точныхъ наукъ.

Если иногда изъ самыхъ очевидныхъ апріорныхъ истинъ, служащихъ основаніемъ всего нашего мышленія, вытекаютъ кажущіяся противорѣчія и несообразности, то все-таки проще усомниться въ точности того логическаго процесса, который приводитъ къ такому заключенію, нежели въ тѣхъ аксіомахъ, которыя служатъ основаніемъ всякаго мышленія. Если допустить даже, что мыслительный процессъ этотъ былъ безусловно правиленъ, то и тогда онъ лишенъ всякаго значенія, такъ какъ самъ же приводитъ къ заключенію, что тѣ основанія его, которыя все время подразумѣвались, были невѣрны. Сознаніе наше способно схватывать съ достаточной ясностью только конечные предметы, но всѣ эти предметы, не исключая нашего собственнаго тѣла, лежатъ въ пространствѣ и во времени и находятся въ непрерывномъ движеніи; это вызываетъ иллюзію, что и самъ познающій субъектъ находится во времени. И дѣйствительно, пока передъ нимъ непрерывно мѣняется рядъ образовъ и впечатлѣній, ему кажется, что и самъ онъ мѣняется совершенно такъ же,

какъ эти внѣшніе образы; но когда передъ нимъ вырастаетъ идея смерти и невозможнымъ становится смѣшеніе собственнаго тѣла, непосредственнаго, но все же временнаго объекта познанія, съ познающимъ субъектомъ, тогда невольно возникаетъ вопросъ, что станется съ этимъ субъектомъ, когда разрушится связь его съ собственнымъ тѣломъ: исчезнетъ ли тогда и самое сознаніе, будетъ ли оно имѣть другой органъ, или же, освободившись отъ соприкосновенія съ матеріальными предметами, находящимися въ пространствѣ и во времени, оно получитъ способность яснѣе созерцать вѣчное? Ни философія, ни положительныя науки не могутъ дать отвѣта на эти вопросы, которые относятся уже къ области религіи. Наука, религія и философія согласны однако въ томъ, что время можетъ измѣнить и разрушить только явленія, а не внутреннюю сущность вещей, и тотъ, кто сознаетъ или вѣритъ, что самъ онъ не есть случайная совокупность случайныхъ явленій, а нѣчто реальное, само себѣ равное, для того и смерть, существующая только во времени, не можетъ представляться концомъ его дѣйствительнаго бытія, и распаденіе тѣла, связующаго его съ міромъ протяженныхъ предметовъ, не можетъ служить доказательствомъ невозможности сохраненія сознанія вообще.

Кн. Д. Цертелевъ.

О времени *).

I.

Вопросъ о природѣ *времени*, какъ мы показали въ предыдущей статьѣ, имѣеть первенствующее значеніе для будущей судьбы *психологіи* и *метафизики*.

Психологія находится въ томъ фазисѣ развитія, въ которомъ ей или предстоитъ окончательно стать частью и отдѣломъ нервной физиологіи или столь же окончательно и навсегда отстоять свою независимость—доказать, что попытки отождествленія ея съ физиологіей мозга и органовъ чувствъ въ корнѣ своемъ ошибочны и являются плодомъ полного смѣшенія понятій двухъ разнородныхъ порядковъ. И кто ясно видитъ послѣдствія этой грубой ошибки въ разсужденіяхъ многихъ выдающихся современныхъ ученыхъ и мыслителей, тотъ обязанъ отыскать ея существенную причину, и найдетъ ее именно въ ходячемъ ученіи о природѣ времени.

Точно также метафизика переживаетъ, какъ извѣстно, критическій моментъ въ своемъ развитіи. Стремленіе превратить ее всецѣло въ теорію познанія содержитъ въ себѣ скрытое предрѣшеніе вопроса. Если ничто, кромѣ явленій и законовъ ихъ послѣдовательностей и сосуществованій, для нашего изученія недоступно, то какая еще возможна

---

*) См. статью «Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи» въ № 21 „Вопросовъ Филос. и Психол.“.

теорія познанія, кромѣ психологическаго ученія объ ассоціаціи идей и того ученія о функціяхъ мозга, которое, составляя область физиологіи, такъ обманчиво, наивно и банально разрѣшаетъ вѣковые вопросы объ отношеніяхъ субъекта и объекта, познанія и бытія, идеи и реальности? Зачѣмъ тогда и особая *метафизическая* теорія познанія? Если же у этой науки есть особыя задачи, основы и методы изслѣдованія, — если есть въ доступной нашему уму дѣйствительности что-либо соотвѣтствующее этимъ особымъ „метафизическимъ“ приемамъ изслѣдованія, то именно ученіе объ *этой особой сферѣ* дѣйствительности должно дать существенное положительное содержаніе метафизикѣ, какъ наукѣ не только о познаніи, но и о самомъ *объектѣ* этого познанія, который есть, по меньшей мѣрѣ, нашъ собственный познающій и мыслящій субъектъ въ его своеобразной природѣ, въ его особыхъ законахъ и формахъ дѣятельности. Но тогда метафизика уже превратится въ науку о сущемъ, реальномъ, дѣйствительномъ, — въ одну изъ наукъ, изучающихъ природу, жизнь, міръ въ его цѣломъ, а психологія перестанетъ быть наукою только о душевныхъ явленіяхъ и ихъ физиологическомъ механизмѣ.

Что же можетъ рѣшить судьбу психологіи и метафизики въ томъ или другомъ смыслѣ?

То міросозерцаніе, которое опредѣляетъ теперешнее ложное отношеніе къ предмету, задачамъ и приемамъ этихъ наукъ, — отношеніе, которое превращаетъ психологію въ отдѣлъ физиологіи, а метафизику — въ теорію познанія, составляющую часть психологіи, и вмѣстѣ съ нею, въ концѣ концовъ, прикладную область физиологіи мозга, — міросозерцаніе это называется *позитивизмомъ*; но позитивизмъ въ своихъ основаніяхъ и крайнихъ выводахъ есть родное и законное дѣтище *эмпиризма*. А эмпиризмъ есть то философское міросозерцаніе, которое признаетъ, что все дѣйствительно существующее дано человѣку только какъ *явленіе во времени*, какъ преходящее звено послѣдовательнаго ряда, — и что, слѣдовательно, только то и реально, что дано во времени,

т. е. въ опытѣ. Опытъ понимается именно какъ *процессъ*, какъ смѣна во времени явленій сознанія и какъ познаніе или сознаніе этой смѣны.

Ясно, что въ основѣ современнаго міросозерцанія, какъ и прежняго эмпиризма, ведущаго начало отъ древности, лежитъ опредѣленное ученіе *о времени*, какъ формѣ познанія всякаго бытія, существованія и какъ условіи всякой реальности. А между тѣмъ время признавалось выдающимися философами: Платономъ, Августиномъ, Лейбницемъ, Кантомъ и многими другими—субъективнымъ продуктомъ духа, формою или мѣрою самой мысли, которою она пользуется въ субъективномъ процессѣ познанія міра. Платонъ совершенно послѣдовательно считаетъ высшею и главною задачею знанія отрѣшеніе отъ условій времени, проникновеніе въ сферу вѣвременнога, вѣчнаго, неизмѣннаго бытія, лежащаго въ основѣ всего переменчиваго, преходящаго, рождающагося и умирающаго. Такова задача діалектики или метафизики. И знаменитый эмпирикъ Аристотель, ученикъ Платона и фактическій основатель „метафизики“, какъ *особой* науки, признаетъ все-таки смыслъ и самостоятельное значеніе великой задачи познанія вѣчнаго, неизмѣннаго, вѣвременнога, для чего предполагаетъ у человѣка даже особый высшій органъ познанія—дѣятельный умъ, независимый отъ физической организаціи.

И со временъ Платона и Аристотеля до самаго Канта, а затѣмъ и послѣ него—въ ученіяхъ Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра и другихъ представителей германскаго идеализма, эта задача философіи, какъ науки, отрѣшающейся отъ условій времени, отъ видимой смѣны явленій, и познающей самый корень вещей, природу ихъ неизмѣнной основы и самую причину и происхожденіе времени, считалась реальною и выполнимою.

Лишь въ послѣднія десятилѣтія французскій позитивизмъ и англійскій эмпиризмъ проникли и въ Германію и создали ту странную смѣсь понятій позитивно-физико-математическихъ, эмпирико-химико-біологическихъ и трансценденталь-

но-теоретико-познавательныхъ, которая подъ именами *новокантіанства*, „научной философіи“ и т. п. выдаетъ себя въ Германіи за послѣднее слово философіи и своимъ мнимымъ отвлеченно-раціоналистическимъ глубокомысліемъ отталкиваетъ отъ философіи и метафизики всякую живую душу.

Что же сдѣлалось съ нѣмцами?

Явленіе объясняется довольно просто. Быстрые и изумительные успѣхи естествознанія обратили нынѣ лучшіе германскіе умы, самыхъ геніальныхъ нѣмцевъ, къ изученію и разработкѣ естественныхъ наукъ—физики, физиологіи, медицины. Гельмгольцы, Кирхгофы, Дюбуа - Реймоны, Вирховы сдѣлали рядъ чудесныхъ открытій. Умы средніе обратились къ эксплуатированію ихъ открытій въ видахъ усовершенствованія и исправленія старыхъ философскихъ системъ. Сложное и гармоническое философское зданіе, возведенное Кантомъ въ его „Критикѣ чистаго разума“, стало главнымъ исходнымъ пунктомъ этихъ философскихъ манипуляцій. И незаконнымъ дѣтищемъ крайне произвольнаго и во многихъ частяхъ своихъ даже фантастическаго кантовскаго ученія о *чистомъ разумѣ* и современной нѣмецкой физики явилось нынѣ модное въ Германіи „новокантіанство“.

Кантъ сдѣлалъ величественное и мощное усиліе съ цѣлью примиренія задачъ эмпирической науки и метафизики; но не имѣя для своихъ построеній твердой почвы въ современной ему *психологіи*, онъ создалъ массу лишнихъ словъ, ложныхъ понятій, искусственныхъ терминовъ и классификацій, частью представляющихъ собою перегонку прежнихъ аристотелевско-схоластическихъ понятій и терминовъ, взятыхъ имъ изъ системъ его предшественниковъ школы Хр. Вольфа, частью вновь имъ придуманныхъ,—и въ результатѣ получилось величественное и сложное, но и тяжеловѣсное и чисто-искусственное зданіе понятій,—историческій памятникъ германской философской готики, къ которому нѣмцы относятся съ понятнымъ и вполне естественнымъ благоговѣніемъ, охраняя въ немъ каждый камень и благочестиво возстанов-

ляя обваливающіеся устои его, но которое для современной философской мысли стало совершенно необитаемо.

Главный грѣхъ Канта заключался въ его ученіи о времени. И всѣ важнѣйшія недоразумѣнія современной философской мысли зиждутся на непониманіи коренного и ничѣмъ не устранимаго противорѣчія въ ученіи Канта о времени.

Это ученіе Канта о времени мы ниже подробно разберемъ, а теперь скажемъ одно: или время есть формальное, субъективное (какъ думалъ Кантъ) условіе всякихъ явленій чувственного опыта и, какъ таковое, есть представленіе и созданіе самой души, ея мѣра, прилагаемая къ распорядку явленій внѣшней дѣйствительности, неприменимая къ изученію законовъ и условій существованія самой мысли, занимающейся распорядкомъ этихъ явленій,—или время есть законъ *духовнаго* существованія и бытія (что также признавалъ Кантъ) и, какъ таковой, не можетъ быть формою и закономъ распорядка того, что служитъ объектомъ духовной дѣятельности, т.-е. содержанія внѣшняго опыта. Но такъ какъ послѣднее, т.-е. то, что время является формою и закономъ психическаго распорядка явленій, есть не гипотеза, а фактъ, то остается предположить, что время, какъ субъективная форма воспріятія явленій опыта, также какъ и пространство, не есть законъ самого духовнаго бытія и, какъ форма воспріятія явленій внѣшняго опыта, не применимо къ изученію законовъ дѣятельности самой упорядочивающей все „во времени“ мысли, — той творческой силы, которая сама создала время, какъ мѣру изученія явленій.

Изъ этой дилеммы выхода нѣтъ, а послѣдствія рѣшенія ея во второмъ смыслѣ для психологіи и метафизики будутъ громадны. Принятіе этой второй точки зрѣнія, какъ мы покажемъ далѣе, должно произвести совершенный переворотъ въ основаніяхъ метафизики, психологіи, логики, этики, эстетики, социологіи и другихъ наукъ, изучающихъ законы духовнаго существованія человѣка.

Теперь перейдемъ къ болѣе подробному критическому разсмотрѣнію ученія Канта о времени.

II.

Нашъ анализъ будетъ имѣть сначала *формальный* характеръ. Мы изложимъ ученіе Канта о пространствѣ и времени и покажемъ *внутреннюю противорѣчивость* и несостоятельность его опредѣленій времени, а затѣмъ перейдемъ къ разслѣдованію Кантовскаго ученія и самаго вопроса о природѣ времени *по существу*.

Кантъ опредѣляетъ *пространство*, какъ субъективную форму воспріятій „внѣшнихъ“ чувствъ, *время*—непосредственно какъ форму „внутренняго“ чувства (*des inneren Sinnes*), т.-е. созерцанія нашего *я* и нашего внутренняго состоянія (*des Anschauens unserer selbst und unseres inneren Zustandes*), и далѣе время оказывается *посредственно* (*mittelbar*) также субъективною формою и условіемъ внѣшнихъ явленій, ибо внѣшнія явленія воспринимаются нами чрезъ посредство нашихъ представленій, т.-е. внутреннихъ состояній, переживаемыхъ нами въ условіяхъ времени (см. *Kritik der reinen Vernunft, Transcendentale Elementarlehre. I Theil.*)

Изъ этого кореннаго воззрѣнія Канта на пространство и время вытекаетъ, что отношенія времени и пространства, какъ субъективныхъ формъ воспріятія, у него тройкія: съ одной стороны, эти формы воспріятія *противуположны* и какъ бы исключаютъ другъ друга, какъ условія *внѣшняго* и *внутренняго* чувства и опыта; съ другой стороны, онѣ дополняютъ другъ друга и *соответственны* одна другой, какъ двѣ необходимыя апріорныя формы воспріятія *внѣшнихъ* явленій; и въ-третьихъ, онѣ *не соответственны* и, такъ сказать, не пропорціональны другъ другу, такъ какъ время есть форма воспріятія *всѣхъ вообще* явленій и, въ частности, явленій духовныхъ, а пространство оказывается *только частною* формою воспріятія одной группы внѣшнихъ явленій.

Такое разнообразное отношеніе между двумя предметами мысли, частью противуположными, частью подобными, частью совершенно различными по объему и значенію, съ *логической* точки зрѣнія, является уже *a priori* подозрительнымъ.

По крайней мѣрѣ, между *понятіями* такія отношенія невозможны.

Если допустить, что пространство и время—*понятія*, то они относятся у Канта, во-первыхъ, къ категоріи *сравнимыхъ*, ибо имѣютъ между собою *нѣчто общее*, могущее служить *основаніемъ* для сравненія (*tertium comparationis*). Это „нѣчто общее“ есть то, что они оба выражаютъ собою, по Канту, *субъективныя* условія или формы воспріятія дѣйствительности.

Но затѣмъ, во-вторыхъ, вникая глубже въ *логическія* отношенія этихъ понятій, мы должны признать ихъ, по терминологіи логики, въ одно и то же время *согласными* и *несогласными*. Какъ выраженія двухъ параллельныхъ формъ воспріятія внѣшнихъ явленій, эти понятія *согласны*, ибо, какъ таковыя, имѣютъ признаки общіе, а прочіе признаки ихъ въ этой роли ихъ не противорѣчатъ другъ другу. Но за то, какъ выраженія двухъ противоположныхъ субъективныхъ условій воспріятія — *внѣшнихъ* и *внутреннихъ* явленій, эти понятія очевидно противоположны, т.-е. *не согласны* (*notiones oppositae*). Одновременно съ этимъ легко доказать, что понятія пространства и времени находятся у Канта въ отношеніи ¹ *соподчиненія* и *подчиненія*: 1) соподчиненія, ибо они входятъ какъ два *равноправныхъ* ингредиента въ общее понятіе „субъективныхъ формъ опыта“—внѣшняго и внутренняго,—2) подчиненія, ибо время есть всеобщая форма воспріятія *всякихъ* явленій, а пространство только *частная* форма воспріятія одной группы этихъ явленій,—явленій внѣшняго опыта,—причемъ, съ этой же точки зрѣнія, они уже не противоположны, а *противорѣчивы*, ибо пространство есть по отношенію ко времени, въ примѣненіи къ внутреннему опыту, *отрицательное* понятіе, ибо не выражаетъ собою ни въ какомъ смыслѣ (непосредственномъ или посредственномъ) условій внутренняго опыта, тогда какъ нельзя сказать (какъ это необходимо при противоположности понятій), что и время есть въ *извѣстномъ* смыслѣ отрицательное понятіе по отношенію къ пространству, ибо оно является субъективною формою не только внутренняго, но и внѣшняго опыта.

Одни и тѣ же понятія, въ своихъ логическихъ отношеніяхъ, конечно, не могутъ быть одновременно и подчиненными, и соподчиненными, и согласными, и несогласными, и въ случаѣ несогласія, одновременно—противуположными и противорѣчивыми. Поэтому, если время и пространство—*понятія*, то ученіе Канта прямо въ *формально-логическомъ* смыслѣ не выдерживаетъ никакой критики.

Но этого упрека Кантъ искусно избѣгъ упорнымъ утверженіемъ, что пространство и время—съ его точки зрѣнія—*не понятія* (Begriffe), а *воззрѣнія* или *созерцательныя* (чувственные) *представленія* (Anschauungen). Въ этомъ утверженіи и лежитъ, однако, главный корень ошибокъ Канта въ его ученіи о пространствѣ и времени? Почему это—не понятія, а „Anschauungen?“ Да и что такое значитъ Anschauung? „Schauen“ значитъ смотрѣть, глядѣть, зрѣть. Anschauung значитъ „воззрѣніе“. Но какой смыслъ можетъ имѣть этотъ терминъ съ строго научной, *психологической* точки зрѣнія? Пространство мы еще можемъ *зрѣть*, но время—никакъ, развѣ въ смыслѣ фигуральномъ, переносномъ, метафорическомъ, въ какомъ нѣкоторые средневѣковые философы и новые мистики говорили „о внутреннемъ зрѣніи“. Такой фигуральный терминъ едва ли годится въ строго-философскомъ изслѣдованіи. На языкѣ психологіи, Кантъ хотѣлъ сказать, что пространство и время, какъ условія опыта, суть прежде всего не отвлеченныя понятія, а *непосредственныя и конкретныя формы* ощущенія, воспріятія, представленія, т.-е. что мы находимъ въ нихъ извѣстные *конкретныя образы*. Но это нисколько не мѣшаетъ нашей мысли обработать эти образы и представленія въ понятія нашего ума, и это сдѣлалъ самъ Кантъ, давъ рядъ ясныхъ и точныхъ, съ его точки зрѣнія, *опредѣлений* этихъ понятій. Всякое *опредѣленіе* есть сужденіе, сужденіе о необходимомъ содержаніи и признакахъ понятія, о *существенныхъ* признакахъ предмета, родовыхъ, видовыхъ и единичныхъ. Можно смѣло сказать, что если мы въ своей головѣ, при воспріятіи явленій опыта, можемъ имѣть дѣло съ пространствомъ и временемъ, какъ конкретными

образами, то Кантъ, въ своихъ опредѣленіяхъ существенныхъ и необходимыхъ признаковъ пространства и времени въ „Критикѣ чистаго разума“, могъ имѣть дѣло исключительно только съ *понятіями* пространства и времени, и если въ этихъ опредѣленіяхъ допустилъ такую группировку признаковъ этихъ понятій, которая противорѣчитъ требованіямъ и правиламъ логики, то, очевидно, гдѣ-то и въ чемъ-то, въ ходѣ разсужденій своихъ, сдѣлалъ ошибку или рядъ ошибокъ *).

Доводы, которые Кантъ приводитъ въ пользу того, что пространство и время не понятія, а „*geine Anschauungen*“, не выдерживаютъ критики. По его мнѣнію, это невозможно потому, что пространство *одно* (man kann sich nur *einen einigen* Raum vorstellen), и „когда говорятъ о многихъ пространствахъ, то разумѣютъ при этомъ только части одного и того же пространства“, которыя мыслятся въ немъ самомъ. Тотъ же аргументъ онъ повторяетъ и относительно времени, присоединяя еще указаніе на то, что пространство и время мыслятся „какъ безконечныя величины“ (*unendliche Grössen*). Но если такъ, то нельзя говорить и о понятіяхъ Бога, вселенной и другихъ *единичныхъ* предметовъ, а особенно еще и *безконечныхъ*, каковыми мыслятся въ различныхъ значеніяхъ (какъ и время и пространство) Богъ и вселенная. Нельзя говорить и о понятіяхъ „науки, искусства, философіи и религіи“, ибо, хотя существуетъ много наукъ, но „наука“, какъ показалъ еще Платонъ, *одна*. Одно въ своемъ цѣломъ и искусство, одна—философія. Однако, обо всякомъ единич-

---

*) На значеніе пространства и времени, какъ *понятій*, съ точки зрѣнія кантовскихъ опредѣленій, не разъ указывалось въ литературѣ, хотя—насколько намъ извѣстно—не въ той формѣ, въ какой мы это сдѣлали. Въ нашей литературѣ проф. А. А. Козловъ, изслѣдуя *происхожденіе* пространства и времени, ясно показываетъ, съ совершенно другой (психологической) точки зрѣнія, что пространство и время, въ томъ значеніи, которое даетъ имъ Кантъ,—*понятія*, и притомъ очень сложныя и позднія (см. «Свое Слово», философско-литературный сборникъ, №№ 3 и 4. Кіевъ. 1890 и Спб. 1892), хотя вмѣстѣ съ Кантомъ онъ отрицаетъ ихъ «эмпирическое» происхожденіе.

номъ предметъ, явленіи, событіи, можетъ быть понятіе (частно-единичное): объ Александрѣ Македонскомъ, о башнѣ Эйфеля, и о любомъ домѣ, о пожарѣ Рингъ-театра въ Вѣнѣ, о Мараѳонской битвѣ и о французской революціи, о логикѣ и философіи.

Какъ только мы начинаемъ опредѣлять существенные или необходимые признаки данныхъ предметовъ мысли, въ отличіе отъ несущественныхъ или случайныхъ, мы уже имѣемъ дѣло съ *понятіемъ* о предметѣ, а не съ представленіемъ о немъ. Такимъ опредѣленіемъ существенныхъ признаковъ мы и *создаемъ понятіе* о вещи, явленіи, событіи, и далѣе—о видѣ или родѣ вещей и явленій. И Кантъ, конечно, опредѣляетъ въ „Трансцендентальной эстетикѣ“ „понятія“ о пространствѣ и времени, а не „представленія“ о нихъ, и даже то, что онъ ихъ опредѣляетъ какъ представленія или чистыя субъективныя возрѣнія (*reine Anschauungen*) есть уже опредѣленіе ихъ, *какъ понятій*. Это, по Канту, одинъ изъ *необходимыхъ* (если только это вѣрно) признаковъ ихъ природы, какъ непосредственныхъ субъективныхъ условий и формъ опыта и явленій. Поэтому *всѣ правила*, обязательныя при опредѣленіи понятій и ихъ отношеній, были обязательны для Канта при опредѣленіи пространства и времени, а между тѣмъ, какъ мы это видѣли, они не были имъ соблюдены.

Чтобы сдѣлать это послѣднее положеніе еще болѣе очевиднымъ, мы разберемъ теперь всѣ опредѣленія Канта въ подробностяхъ, расчленивъ ихъ по группамъ.

Прежде всего приведемъ въ системѣ *общія и одинаковыя* опредѣленія пространства и времени, какъ *положительныя*, такъ и *отрицательныя*:

1. Пространство и время не суть *эмпирическія* понятія, отвлеченныя отъ опыта и отъ ощущеній, такъ какъ ими уже подразумѣваются (мы пока не будемъ разбирать его утвержденій по существу).

2. Пространство и время суть *необходимыя представленія* (*notwendige Vorstellungen*) а priori, которыя лежатъ въ основаніи опыта.

3. Пространство и время не суть вообще дискурсивныя общія понятія объ отношеніяхъ вещей, но чистыя воззрѣнія.

4. Пространство и время представляются нами, какъ *безконечныя величины*.

5. Изслѣдованіе пространства и времени есть *трансцендентальное* изслѣдованіе ихъ, какъ основныхъ условій возможности „синтетическихъ сужденій a priori“.

6. Пространство и время *не суть* свойства вещей „въ самихъ себѣ“ (irgend einer Dinge an sich).

7. Пространство и время суть формы чувствъ, или *субъективныя* условія человѣческаго ощущенія.

8. Поэтому пространство и время внѣ представленій человѣка—*ничто* (gar nichts).

9. Это—субъективныя условія человѣческаго воззрѣнія, которое всегда *чувственно* (subjective Bedingungen unserer menschlichen Anschauung, welche jederzeit sinnlich ist, d. i. sofern wir von Gegenständen afficirt werden *).

10. Тѣмъ не менѣе, пространство и время *объективны*, какъ *условія опыта*. Не имѣя абсолютной реальности (въ смыслѣ свойствъ самихъ вещей), они обладаютъ однако *эмпирическою реальностью*, какъ условія возможности опыта, и вмѣстѣ съ тѣмъ *трансцендентально-идеальны* потому, что они суть только *идеальныя* условія опыта, а не выраженія свойствъ самихъ вещей.

Таковы общія и даже *тождественныя* опредѣленія пространства и времени у Канта. Мы привели ихъ только для того, чтобы показать, что Кантъ опредѣлялъ именно необходимые родовые и видовые признаки „понятій“ пространства и времени, а не „представленія“ о нихъ, такъ какъ представленія вообще нельзя вовсе „опредѣлять“—понятіями, а можно только „описывать“—образами. И вторыхъ, мы дали предыдущую классификацію для того, чтобы показать, насколько понятія пространства и времени для Канта совпадаютъ въ *основныхъ* своихъ признакахъ. Въ

*) Это—опредѣленіе времени (Elementarlehre I, § 6, с.), которое тѣмъ болѣе примѣнимо къ пространству.

главныхъ, „существенныхъ“ признакахъ они суть понятія о предметахъ *одного рода и вида*. Какіе же еще остаются „существенные“ признаки, *стличающіе* эти два понятія?

Отличающіе признаки мы собственно уже привели:

1. Пространство—необходимая субъективная и апіорная форма внѣшняго опыта, воспріятія внѣшнихъ явленій.

2. Время есть непосредственно-необходимая субъективная и апіорная форма внутренняго опыта, воспріятія явленій душевныхъ, —самихъ представлений о вещахъ, и—*посредственно*—необходимая же субъективная и апіорная форма внѣшняго опыта, воспріятія явленій внѣшнихъ (физическихъ).

Кромѣ того, пространство имѣеть *три* измѣренія, время—*только одно*, но за то время служитъ формою воспріятія *всякаго измѣненія* и между прочимъ *движенія въ пространство*, ибо только благодаря времени можно давать одной и той же вещи противорѣчивыя опредѣленія (*kontradiktorisch-entgegenetzte Bestimmungen*).

То отличіе, что время имѣеть одно измѣреніе, а пространство три, мы оставимъ пока въ сторонѣ. Это очень сложный и спорный пунктъ. Если время есть форма воспріятія всякихъ измѣненій—въ интенсивности, экстенсивности и другихъ качествахъ явленій, то, можетъ быть, у него окажется и болѣе измѣреній, чѣмъ предполагаетъ Кантъ. Но, съ другой стороны, и три измѣренія пространства суть измѣренія *движенія во времени*, —движенія точки, линіи, плоскости, т.-е. измѣренія трехъ моментовъ движенія—и, можетъ быть, времени. Оставимъ этотъ вопросъ теперь въ сторонѣ, такъ какъ даже полная противоположность пространства и времени, *съ точки зрѣнія измѣреній*, не можетъ насъ смутить. Само пространство и время суть *различныя измѣренія дѣйствительности*.

Гораздо важѣе вопросъ о первомъ, отмѣченномъ нами, различіи пространства и времени, какъ *непосредственныхъ* формъ: первое внѣшняго, второе—внутренняго опыта, которое призналъ Кантъ. Какія основанія онъ привелъ для

этого различія? Чѣмъ онъ доказалъ, что время есть субъективная форма *внутренняю*, а не *внѣшняю* чувства и опыта, субъективною формою котораго онъ все-таки принуждѣнъ былъ, далѣе, признать время въ *посредственномъ* смыслѣ и значеніи (*mittelbar*).

Кантъ въ „Критикѣ чистаго разума“ говоритъ буквально слѣдующее: „Время есть не что иное, какъ форма внутренняго чувства, т.-е. воспріятія самого себя и своего состоянія. Ибо время не можетъ быть опредѣленіемъ *внѣшнихъ* явленій: оно не относится къ ихъ виду или положенію и т. под., но за то опредѣляетъ отношеніе представленій въ нашемъ внутреннемъ состояніи. И именно потому, что наше внутреннее воспріятіе не даетъ никакихъ зрительныхъ представленій, мы и ищемъ возмѣститъ этотъ недостатокъ аналогіями, и представляемъ себѣ послѣдовательность времени, какъ протянутую въ безконечность линію, въ которой разнообразіе размѣщено въ одномъ рядѣ, имѣющимъ лишь одно измѣреніе, и заключаемъ отъ свойствъ этой линіи къ свойствамъ времени,—кромѣ того лишь отношенія, что части первой даны одновременно, а части времени всегда лишь послѣдовательно. Отсюда слѣдуетъ, что представленіе о времени всегда само есть чувственное воззрѣніе, такъ какъ всѣ его отношенія могутъ быть выражены при помощи *внѣшняю* воззрѣнія *)“.

Это классическое мѣсто, рѣшающее всю дальнѣйшую судьбу Кантовскаго ученія о времени, содержитъ въ себѣ въ пользу его положенія, что время—форма внутренняго опыта, только *одинъ* аргументъ, но довольно странный: время „не составляетъ опредѣленія внѣшнихъ явленій, ибоне касается *вида и положенія* и т. под. свойствъ вещей въ пространствѣ“; однако, тутъ же удостовѣряется, что представленіе о времени *чувственно*, такъ какъ всѣ его отношенія выразимы при помощи „внѣшняго“ воззрѣнія.

Противорѣчіе явное: время можно выразить лишь въ

*) Крит. чист. разума, Elementarl. I, § 6, b.

формѣ линіи движенія въ пространствѣ, и представленіе о немъ совершенно чувственно, что Кантъ утверждаетъ и въ приведенныхъ нами *общихъ* опредѣленіяхъ отношеній времени и пространства. Но, съ другой стороны, время не выражаетъ внѣшняго вида вещей, и потому составляетъ форму *внутреннюю*, а не внѣшняго опыта. Что это значитъ? „Время не есть пространство. Продолжительность не есть протяженность“, — вотъ единственный смыслъ всего аргумента Канта въ пользу того, что время — форма внутреннего опыта.

Но это мы и безъ того знали: звукъ — не свѣтъ, свѣтъ не — звукъ. Пространство — не время, время — не пространство. Протяженіе не одно и то же, что продолжительность. Продолжительность явленій не есть протяженность вещей. Все это само собою разумѣется. Но все-таки время, какъ родъ явленій, по Канту, можно конкретно представить себѣ, по аналогіи, какъ *линію*, т.-е. какъ *движеніе* или *смѣну точекъ въ пространствѣ*.

Очевидно, въ указанномъ опредѣленіи „времени“ заключается крупное недоразумѣніе; никто никогда не требовалъ, чтобы „время было пространством“, опредѣлялось непременно тремя измѣреніями и включало въ себя представленіе о внѣшнемъ видѣ, положеніи и другихъ подобныхъ атрибутахъ зримыхъ вещей, ибо время *не зримо*, хотя, какъ справедливо сказалъ Кантъ, время есть одна изъ формъ *чувственной* воспріятія, *конкретнаго* представленія.

Кантъ, съ одной стороны, явно смѣшиваетъ и сливаетъ въ одно — понятія *внѣшняго* и *пространственнаго* (протяженнаго), съ другой — различаетъ *чувственное* отъ *пространственно-протяженнаго*. И такимъ образомъ, воспріятіе времени оказывается одновременно „чувственнымъ“ и однако же „не внѣшнимъ“, а чисто внутреннимъ. Мы согласны, что воспріятіе времени чувственно, ибо многіе предметы *чувственнаго* воспріятія воспринимаются *во времени*, а не какъ протяженные величины, напримѣръ, *звуки, запахи, вкусы* (только зрительныя воспріятія, осязательныя и температурныя безусловно связаны

съ воспріятіемъ протяженныхъ поверхностей и тѣлесныхъ формъ),—что не мѣшаетъ намъ, *на основаніи опыта*, приурочивать ихъ къ протяженнымъ предметамъ. Но именно потому понятія „протяженнаго“ и „внѣшняго“ не вполнѣ покрываютъ другъ друга. Понятіе „внѣшняго“ шире понятія „пространственно-протяженнаго“, ибо понятіе *внѣ*, въ примѣненіи къ нашему я, къ сознанію, — чисто-отрицательное: оно обнимаетъ всю ту дѣйствительность, которая лежитъ за предѣлами *нашего субъекта*. Поэтому чувства, мысли, желанія и другія душевныя состоянія иныхъ живыхъ существъ суть тоже внѣшнія по отношенію къ намъ, когда мы ихъ встрѣчаемъ, хотя они совершенно не протяженны и не пространственны, какъ и наши собственныя душевныя состоянія. Конечно, и чужія душевныя *состоянія внутренни намъ*, какъ факты *нашего* воспріятія, но въ *этомъ смыслѣ* внутренни *всѣ* воспріятія и представленія протяженныхъ тѣлъ, и даже самого пространства. На этомъ тонкомъ различеніи Кантъ и сбился. Внѣшнимъ можетъ быть для насъ, въ психологическомъ смыслѣ, не только все чувственное, что *не протяженно*, но и не чувственное, какъ напримѣръ, чужія души и чужія абстрактныя идеи. Отсюда ясно, что отождествленіе пространственнаго и внѣшняго, въ ученіи Канта, было логическою ошибкой *restitutio principii*, заставившей его съ предвзятой точки зрѣнія приступить къ анализу времени, какъ субъективной формы опыта и явленій.

Итакъ, если принять во вниманіе все предыдущее разсужденіе, то окажется, что Кантъ сдѣлалъ, въ формальномъ отношеніи, двѣ главныя и крупныя ошибки. Онъ 1) думалъ, что можетъ освободиться отъ законовъ логики, назвавъ пространство и время „воззрѣніями“, хотя опредѣлялъ ихъ какъ „понятія“, и 2) призналъ время субъективною формою внутренняго, а не внѣшняго опыта, и воспріятія внутреннихъ, а не внѣшнихъ явленій *только потому*, что время *не протяженно* въ смыслѣ пространственномъ и не обладаетъ тремя измѣреніями пространства. Эти двѣ логическія ошибки для будущаго философіи нашего вѣка были

фатальны. Но здѣсь не мѣсто разсматривать всѣ послѣдствія ошибокъ Канта. Скажемъ только, что своимъ учениемъ о времени онъ далъ опору той эмпирической и ассоціативной психологіи, которая ошибочно думаетъ, что въ душевной жизни изученію доступны *только явленія*, — ряды событій *во времени*, что внѣвременная сущность душевной жизни непознаваема, какъ непознаваема и сущность явленій „внѣшняго“ опыта, что вся задача психологіи—въ опредѣленіи послѣдовательностей, сосуществованій, соединеній, раздѣленій и осложненій „явленій“ сознанія. А этимъ онъ подорвалъ и свое собственное ученіе о вѣчныхъ и необходимыхъ формахъ чувственного познанія, мышленія, разсудочной дѣятельности, и ученіе свое о необходимыхъ и неизмѣнныхъ формахъ нравственной и эстетической оцѣнки,—вообще, всѣ истинныя основы психологіи, логики, этики и эстетики, какъ наукъ о *сверхвременныхъ* формахъ и законахъ нашего духовнаго бытія, чрезъ изученіе которыхъ мы познаемъ сверхвременную же сущность и законы бытія *неизмѣнной основы вѣсѣхъ перемѣнъ, движеній и событій въ міръ*—сущность Бога, міровой субстанции, — и притомъ, какъ мы убѣдимся ниже, сущность личнаго Бога, а не безличной, неопредѣленной и непознаваемой первоосновы вещи (Ur- и Ungrund'a германскихъ мистиковъ). Вѣдь всѣ формы и безусловныя основы нашего познанія, чувства и поведенія суть свойства *нашей личности, личнаго духовнаго бытія*. Духовное бытіе можетъ быть *только личнымъ*, ибо все въ немъ относится къ „я“, субъекту, личности. Слѣдовательно, если есть духовное бытіе, внѣ механической смѣны и комбинаціи во времени „явленій сознанія“, — а такое бытіе несомнѣнно есть, ибо наше „я“ въ его цѣломъ подчинено непреложнымъ и неизмѣннымъ законамъ мышленія и познаванія, чувствованія и эстетической оцѣнки, хотѣнія и нравственной дѣятельности, — то въ изученіи этого бытія мы находимъ не только путь къ уразумѣнію *нашего духа*, какъ личности и сверхвременной основы нашихъ индивидуальныхъ душевныхъ состояній или явленій, но и ключъ къ уразумѣнію природы той *абсолют*

ной, всеобщей личности, того личнаго разумнаго творческаго начала, эманацией котораго является и въ насъ все, что составляетъ нашу духовную личность, чрезъ которую проходитъ во времени потокъ „явленій“ сознанія.

Говоря такъ, мы конечно отличаемъ личность отъ индивидуальности, духовный субъектъ нашъ отъ животнаго существа, между тѣмъ какъ обыкновенно эти два понятія смѣшиваются. Современемъ мы выяснимъ подробнѣе основанія этого различія, а теперь возвратимся къ ученію Канта.

Вся „трансцендентальная діалектика“ Канта, составляющая третью часть его „Критики чистаго разума“ и отвергающая познаваемость Безусловнаго—безусловной природы духа, свободы, Бога—представляется намъ печальнымъ недоразумѣніемъ и несчастнымъ результатомъ ошибочнаго ученія Канта о времени. Онъ забылъ о безусловности своихъ собственныхъ субъективныхъ и апріорныхъ формъ чувственнаго опыта, о безусловности своихъ категорій разсудка и логическаго мышленія, и познавъ, хотя и не вполнѣ ясно и отчетливо, но въ общемъ вѣрно, эти безусловныя или абсолютныя основы „духовнаго бытія“, отвергъ затѣмъ объективное теоретическое значеніе идей, въ которыхъ суммируются или слагаются въ общій итогъ эти и другія, позднѣе открытыя имъ безусловныя формы и законы духовнаго существованія (категорическій императивъ долга, законъ безкорыстной оцѣнки прекраснаго и т. под.), т. е. значеніе идей духа, свободы, Бога.

Это было страннымъ и вопіющимъ противорѣчіемъ—признать всѣ слагаемыя и множители и отвергнуть вытекающія изъ нихъ суммы и произведенія,—точнѣе говоря, признать и положить безусловное въ основу всего анализа душевной жизни и дѣятельности человѣка, какъ единственное объясненіе реальной въ познаніи, жизни, дѣятельности,—и затѣмъ отвергнуть безусловность и реальность того, что фактически является для нашего ума только цѣлостнымъ единствомъ всѣхъ этихъ безусловностей, основою всѣхъ реальностей, т. е. безусловность и реальность самого чистаго

разума, критикою котораго Кантъ занимался во всѣхъ своихъ „критикахъ“.

Ошибка Канта до того очевидна, до того поразительна и изумительна, что не вѣрится въ ея возможность. А ргіогі мы скорѣе готовы повѣрить въ то, что сами допустили какую-нибудь ошибку въ ея раскрытіи и разоблаченіи. И однако, ошибка Канта есть *несомнѣнный историческій фактъ*, могущій только служить полезнымъ урокомъ логики для человѣчества. Все объясненіе ошибки Канта—въ его ученіи о времени. Ставь твердо на почву своего основного положенія, что время—форма *внутренняго* опыта, что все душевное, какъ и физическое, познается *въ условіяхъ* времени и подлежитъ имъ, Кантъ уже не могъ открыто признать теоретическую познаваемость „безусловнаго“, хотя само время, будучи *условіемъ* опыта, есть одно изъ тѣхъ „безусловныхъ“, которыя *его* „обуславливаютъ“. И затѣмъ, Кантъ не спросилъ себя: *какъ* мы познаемъ самое время: *въ условіяхъ* времени, или *нѣтъ*? Само представленіе времени *временно*, или *нѣтъ*? Вѣдь поставилъ же онъ себѣ вопросъ: „пространственно ли представленіе о пространствѣ“, и отвѣтилъ: *нѣтъ*. Еще маленькій шагъ, еще одинъ маленький вопросъ; котораго Кантъ себѣ не задалъ,—и всю „Критику чистаго разума“ пришлось бы переделывать и свѣтъ не увидѣлъ бы „Трансцендентальной діалектики“ Канта, которая есть *строго-логическое* развитіе невѣрныхъ посылокъ Канта о природѣ времени и объ его значеніи въ познавательной дѣятельности человѣка. Все кантовское ученіе *о призрачности трансцендентныхъ сужденій и идей* въ „Трансцендентальной діалектикѣ“ есть послѣдовательное, логическое примѣненіе его ученія о времени, какъ „чувственной формѣ нечувственнаго внутренняго опыта“. Роковая ошибка привела къ роковымъ послѣдствіямъ.

И сколько вреда, сколько заблужденій, ненужныхъ словопреній и лишнихъ книгъ породила эта ошибка Канта! Конечно, возможна и другая точка зрѣнія—историческая. Съ точки зрѣнія *философіи исторіи*, ошибка Канта, можетъ быть, была очень полезна. Временная плотина, которою Кантъ

задержалъ неудержимый разливъ беспочвенныхъ метафизическихъ умозрѣній и иногда чисто-словесныхъ построений, тѣсно примыкавшихъ къ средневѣковому Аристотелю (въ школѣ Вольфа), была необходима для успѣха и развитія точныхъ наукъ опыта, результаты которыхъ позволяютъ намъ теперь сознательнѣе и глубже утвердить основанія *истиннаго идеализма*. Но все-таки Кантъ сталъ родоначальникомъ новой схоластики XIX вѣка, и человѣка логически мыслящаго не можетъ не поразить странная судьба человѣческихъ мыслей и знаній. Всю жизнь занимаясь „Критикой безусловныхъ формъ чистаго разума“, Кантъ отвергъ *теоретическую* познаваемость и безусловную реальность этого самаго разума.

Но примѣръ ошибокъ Канта не удержитъ отъ философствованія тѣхъ, кто убѣжденъ, что рядомъ съ индивидуальнымъ заблужденіемъ человѣку доступна *всеобщая истина*, что всякая ошибка индивидуальнаго ума можетъ быть *исправлена* и что въ томъ именно и состоитъ коллективная работа „безусловнаго“ въ своихъ основахъ человѣческаго разума, чтобы постепенно, *маленькими шагами*, идти впередъ къ абсолютной истинѣ, къ высшему, доступному для человѣка, познанію вещей. Самъ Кантъ сдѣлалъ въ общемъ и цѣломъ много такихъ, очень важныхъ, маленькихъ и даже большихъ шаговъ въ приближеніи къ истинѣ. И еще одинъ, очень маленькій, но важный шагъ къ истинѣ постараемся сдѣлать и мы въ послѣдующемъ анализѣ идеи времени.

III.

Въ ученіи Канта о пространствѣ и времени есть одинъ чрезвычайно интересный пунктъ, выясненіемъ котораго мы и начнемъ анализъ вопроса по существу.

Какъ истинный идеалистъ и глубокій мыслитель, Кантъ раздѣлялъ, конечно, воззрѣніе, вошедшее въ плоть и кровь философии со временъ Декарта, хотя оно и ранѣе лежало въ основаніи всякаго идеализма, а именно, что всѣ *ощущенія*

нашихъ внѣшнихъ чувствъ субъективны и составляютъ психически свойственный намъ способъ воспріятія явленій внѣшняго міра. Въ мірѣ, какъ признають и точныя физическія науки, нѣтъ цвѣтовъ, звуковъ, ароматовъ, вкусовъ и т. д., а есть только (и то это лишь *предположеніе* науки) различныя движенія ээира, воздуха, вообще тѣлесной среды, насъ окружающей, которая при разложеніи ея на составныя части приводится гипотетически къ непротяженнымъ, ибо недѣлимымъ, атомамъ или отвлеченнымъ центрамъ силъ. Ощущенія этихъ движеній среды, ээира и воздуха — въ формѣ различныхъ цвѣтовъ, звуковъ, тоновъ, ароматовъ и т. д. совершенно *субъективны*, т.-е. суть способы отраженія этихъ *движеній въ субъектъ*, въ сознаніи *). Эта истина лежитъ въ основаніи философіи Декарта и его преемниковъ—идеалистовъ XVII и XVIII вв., причемъ ее принимаютъ съ извѣстными оговорками и философы другихъ школъ, напримѣръ, матеріалистъ Гоббесъ и эмпирикъ Локкъ. Беркли строитъ на аксіомѣ субъективности ощущеній свою глубокую идеалистическую систему, свое сомнѣніе въ существованіи матеріи. Понятно, что и Кантъ признаетъ эту истину неоспоримой.

Но отчего же, зная о субъективности *всѣхъ* ощущеній, Кантъ не считаетъ цвѣта, звука, аромата и пр. *апріорными* субъективными *формами* нашего воспріятія явленій внѣшняго опыта, пространство же признаетъ таковымъ? Это зависѣло, конечно, отъ того, что Кантъ признавалъ *апріорнымъ* въ нашемъ знаніи только то, что лежитъ въ основѣ нашихъ, независимыхъ отъ опыта, т.-е. апріорныхъ, синтетическихъ сужденій, а таковыми онъ признавалъ сужденія математическія, которыя невозможны безъ представленія о пространствѣ. На этомъ основаніи онъ и говоритъ (*Transcend. Aesth.* § 3, *schlusse*), что „кромѣ пространства, нѣтъ никакого другого субъективнаго и къ внѣшнему міру относящагося представленія, которое можно было бы признать а ргіогі объективнымъ. Ибо ни изъ одного изъ нихъ (онъ здѣсь разумѣетъ другія

*) См. подробнѣе нашу статью „Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности“. Москва, 1889 г., глава 5.

субъективныя представленія внѣшнихъ чувствъ) нельзя вывести синтетическихъ сужденій а priori, какъ это возможно изъ воззрѣнія пространства“. „И потому имъ (т.-е. прочимъ субъективнымъ представленіямъ) собственно несвойственно *никакой идеальности* (keine Idealität), хотя они имѣютъ то общее съ представленіемъ о пространствѣ, что относятся, въ ощущеніяхъ цвѣтовъ, тоновъ, тепловыхъ и пр., только къ субъективнымъ свойствамъ того или другого рода воспріятія (der Sinnesart), какъ, напримѣръ, зрѣнія, слуха, общаго чувства; но такъ какъ они суть ощущенія, а не воззрѣнія (Anschauungen), то они сами по себѣ не даютъ возможности познать какой-либо объектъ, въ особенности же а priori“.

Вотъ это-то положеніе Канта, съ одной стороны, ясно утверждающее субъективность всѣхъ нашихъ внѣшнихъ воспріятій, съ другой—устанавливающее различіе между ощущеніемъ и воззрѣніемъ (Anschauung), а вмѣстѣ съ тѣмъ и между „априорною формою“ и „апостериорнымъ содержаніемъ“ нашего опыта, мы и намѣрены теперь ближе разсмотрѣть, оцѣнивъ его по существу.

Какъ извѣстно, современная эмпирическая и, въ особенности, точная наука совершенно отрицаетъ въ нашихъ знаніяхъ всякія априорности и априорныя формы. Даже тѣ ученые, которые, какъ Спенсеръ, склонны признавать невозможность выведенія изъ опыта основнаго нашего „опытнаго“ представленія о пространствѣ, считаютъ возможнымъ объяснить его нѣкоторую прирожденность человѣческому и даже животному уму посредствомъ наслѣдственности, т. е. накопленія опытовъ многихъ поколѣній живыхъ существъ. Даже математическія аксіомы и другія основныя истины пыгались вывести, и притомъ такіе авторитетные ученые, какъ Гельмгольць,—изъ опыта. И хотя споръ между *натурвизмомъ* и *эмпиризмомъ*, въ ученіи объ основныхъ формахъ нашего познанія, до сихъ поръ продолжается, и *натурвисты* по-прежнему отстаиваютъ Кантовскую точку зрѣнія о прирожденности нашему уму формъ опыта и мышленія, но

споръ перешель нынѣ на такую почву, почву фактовъ *внѣшняго* опыта, — наблюдений надъ животными, дикарями, дѣтьми, — на которой онъ *философски* разрѣшенъ быть не можетъ. Наблюдения другихъ существъ будутъ всегда давать спорные результаты, такъ какъ мы лишь *косвенно*, на основаніи сомнительныхъ внѣшнихъ признаковъ, можемъ заключать о томъ, что и какъ сознаютъ, познаютъ и понимаютъ другія индивидуальныя существа низшаго развитія, чѣмъ мы сами. Всякія отрицательныя заключенія рискованны, ибо если, напримѣръ, ребенокъ чего-либо не познаетъ и не сознаетъ, то мы не можемъ получить отъ него словеснаго въ этомъ удостовѣренія. А, можетъ быть, онъ познаетъ и даже знаетъ, но не можетъ выразить своего знанія словами или не понимаетъ нашего вопроса, нашей рѣчи. Поэтому если, напримѣръ, проф. А. А. Козловъ, говоря о происхожденіи времени и пространства, утверждаетъ, что животныя и маленькія дѣти *не знаютъ* ни того, ни другого (см. „Свое слово“, вып. 3, стр. 43 и др., и вып. 4, стр. 32 и слѣд.), то это несомнѣнная истина только въ томъ смыслѣ, что они, вѣроятно, не знаютъ пространства и времени такъ отчетливо, какъ ихъ знаютъ проф. Козловъ и другіе взрослые люди и, тѣмъ болѣе, философы. Но совсѣмъ ли они не знаютъ пространства и времени, или отчасти знаютъ ихъ и представляютъ себѣ, это — вопросъ. Тутъ можно было бы привести и такіе факты, которые повидимому доказываютъ знакомство съ этими формами дѣйствительности даже новорожденныхъ животныхъ. Изъ того, что маленькія дѣти путаются выраженія: вчера, сегодня и завтра, и не могутъ сначала пайти дороги изъ своей дѣтской въ столовую и обратно, ровно ничего не слѣдуетъ. Путать *слова* и образы, и даже времена и мѣста свойственно и взрослымъ, отлично знающимъ, что такое пространство и время.

Но если нельзя рѣшить вопроса объ апіорности пространства и времени на основаніи такъ-называемыхъ „фактовъ“ или данныхъ „внѣшняго“ опыта, то отсюда не слѣдуетъ, что его вообще можно рѣшить совершенно *a priori*, безъ

всякаго участія опыта, а именно собственнаго опыта, но не внѣшняго, а внутренняго. Откуда самъ Кантъ взялъ, что пространство и время будто-бы *априорныя* субъективныя формы опыта? Этого вопроса Кантъ также, къ сожалѣнію, не поставилъ себѣ прямо и ясно.

Онъ выводитъ свое положеніе изъ анализа сужденій, между которыми различаетъ аналитическія и синтетическія; послѣднія, какъ выходящія за предѣлы непосредственно даннаго предмета мысли, онъ считаетъ единственнымъ орудіемъ познанія, т.-е. приобрѣтенія новыхъ знаній; синтетическія сужденія дѣлитъ на опытные, дающія знаніе *отдѣльныхъ* фактовъ, и такія, которыя нельзя считать основанными на опытѣ, такъ какъ они даютъ истины *необходимыя* и *всеобщія*, утверждающія *больше*, чѣмъ сколько можетъ дать чувственный опытъ, изъ котораго мы узнаемъ только о *данной* (можетъ быть, случайной и только частной) связи явленій. Образецъ такихъ необходимыхъ и всеобщихъ синтетическихъ сужденій мы находимъ въ истинахъ математическихъ. Слѣдовательно, въ *условіяхъ* опыта должно быть нѣчто *всеобщее* и *необходимое*, и это именно—предваряющія всякій опытъ субъективныя формы пространства—(для внѣшняго опыта) и времени (для внутренняго).

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, насколько вѣренъ этотъ ходъ разсужденій Канта, спросимъ себя объ одномъ: на чемъ онъ построенъ? откуда Кантъ взялъ для него *матеріалъ*? гдѣ и въ чемъ его *логическія основанія*?

Если Кантъ излагаетъ намъ въ своихъ первыхъ главахъ „Критики чистаго разума“ и „Пролегоменъ ко всякой будущей метафизикѣ“ не откровенія свыше, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ передаетъ выводы изъ своего опыта, обобщенія изъ области наблюденія фактовъ „внутренняго порядка“, которыя и нашему наблюденію, опыту и обобщенію доступны, причемъ, конечно, эти выводы и обобщенія сдѣланы имъ по всѣмъ законамъ логики, т.-е. общечеловѣческой умственной дѣятельности, и если онъ ошибся, то только развѣ въ какихъ-нибудь посылкахъ своихъ, не принявши во вниманіе

нѣкоторыхъ фактовъ внутренняго опыта, наблюдений и соображеній, доступныхъ человѣческому уму *).

Еслибы самъ Кантъ или кто-нибудь другой сказалъ, что эти истины онъ открылъ „а priori“, то можно было бы отвѣтить: *не a priori же своею ума и мысли*, т.-е. не ранѣе размышленія о фактахъ мысли, или, по-просту, не ранѣе „мышленія“, которое, конечно, имѣетъ дѣло съ предметами мысли.

Если же онъ свои построения объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ, объ опытѣ и его свойствахъ, и о формахъ опыта, получилъ помощью *мышленія* или размышленія о предметахъ, доступныхъ мысли, то это значитъ, что онъ ихъ приобрѣлъ путемъ *опыта мысли*, ибо мышленіе, себя изучающее, и есть „опытъ мысли“.

Если на это замѣтятъ намъ, что Кантъ могъ и эти истины открыть а priori, ибо призналъ и перечислилъ самъ апіорныя субъективныя формы „опыта мысли“ или мышленія (или дѣятельности *разсудка*—въ своей системѣ *категорій*), то придется спросить: а какъ онъ открылъ *эти* апіорныя формы разсудочной дѣятельности и мышленія,—не путемъ ли того же опыта мысли, т.-е. размышленія надъ матеріаломъ, предметами или фактами мысли?

Такъ какъ иначе онъ сдѣлать этого открытія не могъ, то указаннымъ вопросомъ Кантовскій апіоризмъ ставится въ безвыходное положеніе въ послѣднемъ возможномъ для него убѣжищѣ.

Или откровеніе свыше, или работа мысли надъ фактами умственнаго опыта,—изъ этой дилеммы нѣтъ выхода никуда. Но откровеніе свыше „критикъ чистаго разума“ всего менѣе могъ бы положить въ основу своихъ разсужденій. Слѣдовательно, Кантъ работалъ надъ представленіями мы-

---

*) Мы продолжаемъ держаться убѣжденія, подробно мотивированнаго нами въ сочиненіи «Къ вопросу о реформѣ логики», что мысль, подчиняясь логическимъ законамъ, не можетъ ошибаться: источникъ всѣхъ ошибокъ мысли — въ невѣрномъ или недостаточномъ наблюденіи и знаніи фактовъ и, слѣдовательно, въ невѣрныхъ сужденіяхъ или послылкахъ.

сли и понятіями ума, которыя находилъ все время въ своемъ собственномъ опытѣ мысли, какъ и Аристотель, когда онъ строилъ свои знаменитыя теоріи силлогизма и доказательства.

Но этотъ его собственный, *Кантовскій*, опытъ мысли, какъ и *Аристотелевскій*, какъ и *Декартовскій* (напримѣръ, при открытіи *cogito ergo sum*), безъ сомнѣнія, хотя и ихъ *личный*, но не ихъ *индивидуальный* опытъ, ибо если другія личности не сдѣлали и почему-либо не могли или не захотѣли сдѣлать этихъ ихъ выводовъ и построений, то все-таки всѣ прочія мыслящія индивидуальности, если захотятъ этого и вдумаются, — *поймутъ* заключенія Аристотеля, Канта и Декарта и, въ той или другой степени, *примутъ* ихъ, какъ истинныя и вѣрныя. Истина стоитъ, такимъ образомъ, *выше индивидуальности*, хотя и не выше личности, ибо открыть ее можетъ только та или другая личность. Это очень важный результатъ анализа, такъ какъ онъ показываетъ намъ, что Кантъ былъ правъ въ различеніи и противуположеніи частныхъ и случайныхъ (т. е. индивидуальныхъ) и, съ другой стороны, всеобщихъ и необходимыхъ (сверхъ-индивидуальныхъ) знаній и истинъ, но напрасно Кантъ связалъ ихъ противуположность съ понятіями апіорнаго и апостеріорнаго, или опытнаго, познанія, ибо и въ основаніи всеобщаго и необходимаго лежитъ тоже *особый опытъ*, опытъ мысли, къ которому уже, конечно, не подходятъ правила и критеріи чувственного опыта. Это опытъ „сверхчувственный“, и ошибка Канта состояла именно въ полномъ отождествленіи понятій „опыта“ и „чувственного опыта“, между тѣмъ какъ первое понятіе шире.

Итакъ, Кантъ имѣлъ дѣло съ „опытомъ мысли“: его факты онъ обобщалъ и его результаты посильно формулировалъ въ своемъ ученіи объ апіорныхъ формахъ опыта и мышленія, но этотъ опытъ мысли не былъ индивидуальнымъ и далъ въ итогъ своемъ не частныя и случайныя, а, по мнѣнію Канта и его послѣдователей, „всеобщія и необходимыя“ истины о формахъ опыта и даже самаго мышленія.

Кантъ думаль, что изъ этого источника онъ узналъ формы „всякаго опыта“, но это-то и невѣрно, такъ какъ очевидно, что опытъ мысли—не *тотъ* чувственный опытъ, формы или субъективныя условія котораго онъ самъ открываетъ. *Эти* условія суть пространство и время, какъ формы всякаго чувственного опыта. Но тотъ сверхчувственный опытъ мысли, который открываетъ ихъ, какъ это очевидно изъ логическаго закона противорѣчія, не можетъ имѣть условіемъ тѣ самыя условія, которыя онъ ставитъ чувственному опыту. Это было бы противорѣчивымъ утвержденіемъ. Слѣдовательно, тотъ опытъ, интеллектуальный, есть опытъ отчасти безусловный (относительно *этихъ* условій), и если самъ чѣмъ-либо обусловленъ, то только организаціей мысли, ея логическими законами. И оттого въ извѣстномъ смыслѣ Кантъ былъ правъ, утверждая, что есть апріорная по отношенію къ опыту, а именно—къ *чувственному* опыту, работа мысли, хотя она и имѣетъ сама источникомъ особый „опытъ мысли“. Понятіе *апріорнаго* здѣсь совершенно *относительное*, ибо „апріорное“ не синонимъ „внѣопытнаго“, а выражаетъ лишь работу мысли, независимую отъ *чувственной* опыта, внѣ-или сверхчувственную. Такимъ образомъ, интеллектуальный опытъ можно назвать сверхчувственнымъ (и только въ этомъ смыслѣ—апріорнымъ).

Но тогда возникаетъ слѣдующій вопросъ: если вѣрно положеніе Канта, что время есть форма *чувственного опыта* (*der Sinnlichkeit*), то очевидно невѣрно, что время—форма *всякаго* внутренняго опыта, чувственного и сверхчувственного.

Понятіе внутренняго опыта—двусмысленное: Подъ внутреннимъ опытомъ мы часто разумѣемъ опытъ организма, свой тѣлесный и мозговой опытъ, переживаніе, въ субъективной формѣ „представленія“, состояній и перемѣнъ въ нашемъ организмѣ. Этотъ опытъ есть, конечно, *чувственный* опытъ. Его даже можно назвать *внѣшнимъ*, особою *формою* внѣшняго опыта, ибо организмъ, или тѣло, есть внѣшній для нашего духа и сознанія предметъ, или объектъ. Но есть

другой, *настоящей* внутренней опытъ, духовный или сверхчувственный опытъ, путемъ котораго мы познаемъ *непременные законы человеческой мысли* (а также, какъ мы увидимъ ниже, — *воли и чувства*). Если время есть форма чувственного опыта, открываемая при содѣйствіи сверхчувственного, то время не можетъ быть формою „внутренняго“ опыта въ подлинномъ значеніи этого слова. И дѣйствительно, если бы время было формою внутренняго опыта, путемъ котораго Кантъ открылъ время, какъ субъективную апріорную форму опыта, то оно не могло бы быть въ кантовскомъ смыслѣ *апріорною*, предваряющею всякій опытъ, формою познанія, ибо она была бы открыта Кантомъ *a posteriori*, изъ самаго, *подчиненнаго времени*, опыта мысли. Вышло бы полное противорѣчіе въ утвержденіяхъ Канта; и потому нельзя не задать себѣ вопроса по существу: подчинено ли мышленіе закону времени, какъ закону *чувственного опыта*? Есть ли идея Канта о времени — „чувственное явленіе, данное во времени“?

Конечно, если разумѣть, что Кантъ открылъ, что время есть форма (синтетическихъ) апріорныхъ сужденій, положимъ, 18 апрѣля 1771 года, за десять лѣтъ до выхода „Критики чистаго разума“, то придется согласиться съ тѣмъ, что идея Канта о времени есть „явленіе во времени“. Но тогда надо быть послѣдовательнымъ и признать, что это также явленіе „въ пространствѣ“, такъ какъ эта идея возникла у Канта въ его головѣ, на какой-нибудь улицѣ Кенигсберга, въ Пруссіи, въ Европѣ и на земномъ шарѣ. Признать что-либо „явленіемъ во времени и пространствѣ“ — значитъ признать это нѣчто продолжительнымъ и протяженнымъ, долгимъ или краткимъ, длиннымъ или короткимъ и т. п. Но всѣ эти опредѣленія пространства и времени къ мысли мало подходятъ.

При размышленіи о природѣ *идей*, невольно навязываются уму слѣдующія соображенія:

1. Идея, разъ возникнувъ, оказывается вѣчною, ибо если бы мы даже признали ее ложною, то все же она навѣки

останется дѣйствительнымъ и неизмѣннымъ фактомъ, какъ идея Канта, или Аристотеля, или Декарта, или иного человѣческаго ума. Какъ таковая, она никогда не измѣнится и не можетъ измѣниться.

2. Если по этому поводу замѣчаютъ, что она все-таки *возникла* въ извѣстный моментъ времени и въ извѣстной точкѣ пространства, въ такой - то годъ, мѣсяцъ и день, въ такой странѣ, городѣ и мозгу, то это все-таки не даетъ ей никакихъ временныхъ и пространственныхъ опредѣленій, ибо съ совершенно тѣмъ же содержаніемъ она могла возникнуть и, можетъ быть, уже возникала въ другое время, годъ и мѣсяцъ, въ другой странѣ и головѣ. Идея есть актъ свободной творческой работы духа, подчиненный только законамъ мысли, или логическимъ, а не причинамъ и сцѣпленіямъ физическимъ, временнымъ и пространственнымъ. Для того, кто признаетъ свободное творчество мысли, невозможно ставить его въ зависимость отъ времени и пространства. *Свободный актъ творчества* можетъ *всегда* и *вездѣ* начаться. Если и можно сказать съ натяжкой, что „Анна Каренина“ Льва Толстого никогда бы не возникла, если бы Толстой не жилъ въ Москвѣ и Ясной Полянѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX вѣка, ибо въ этомъ романѣ много образовъ, приуроченныхъ къ извѣстному времени и пространству, то можно, съ другой стороны, сказать, что если бы были Москва и Ясная Поляна, были 60-е и 70-е годы, и не было бы творческаго генія Л. Толстого, то не было бы и „Анны Карениной“, которая есть свободное созданіе его духа. Но точно также можно сказать, *mutatis mutandis*, что и весь міръ возникъ во времени, но, будучи свободнымъ творческимъ актомъ предвѣчнаго духа, онъ возникъ и *вне времени*, какъ свободный актъ творенія, который именно *положилъ* и *установилъ время*, какъ мѣру вещей. Уже Августинъ въ V вѣкѣ послѣ Р. Х. показалъ, какъ нелѣпо было утвержденіе нѣкоторыхъ современныхъ ему богослововъ, что божественный актъ творенія міра совершился во времени, какъ нелѣпы вопросы о томъ, „что дѣлалъ Богъ до сотворенія неба и земли, и от-

куда Ему пришло въ голову приступить къ творенію, когда прежде Онъ ничего не творилъ“. „Твореніе Твое *не во времени*,—отвѣчаетъ Августинъ—да уразумѣють они, что никакого времени не могло быть прежде творенія, а съ твореніемъ явились и самыя времена... Пусть же перестануть пустословить“...

И такое же точно пустословіе—утверждать, что для идеи Канта о времени важно то, что она явилась въ 1771, а не въ 1779 или 1898 году. У идей нѣтъ времени и мѣста. Ученіе Декарта о томъ, что „мысль—основаніе идеи бытія моего я“, не была чужда Августину, Джордано Бруно и даже Платону. Иныя выраженія и слова, но идея та же. И точно также ученіе Канта о субъективности времени было новой (но испорченной) редакціей ученія Платона и Августина о времени. Если мы не знаемъ, у кого и когда еще были эти и другія идеи, знаменитыя въ исторіи мысли, то это не значитъ, что ихъ никогда больше ни у кого не было. Уже Аристотель сомнѣвался, чтобы можно было открыть какія либо новыя истины и мысли, ибо всѣ истины много разъ были извѣстны, но потомъ забывались. Оттого Платонъ и помѣстилъ идеи въ особый міръ вѣчнаго бытія и призналъ познаніе процессомъ припоминанія вѣчныхъ идей. Геніальныя личности только закрѣпляютъ вниманіе человѣчества на идеяхъ, для всѣхъ доступныхъ и много разъ уже открытыхъ сверхъ-индивидуальнымъ умомъ чловѣка.

3. Вѣчное внутреннее тождество идеи можно уловить вездѣ, даже въ фактахъ *ощущенія*. Мое ощущеніе зеленого цвѣта листа сирени въ саду на Антонинской улицѣ въ Ригѣ конечно не то (по времени и мѣсту) ощущеніе зеленого цвѣта, которое я получалъ отъ листьевъ куста сирени въ саду дома въ Москвѣ, гдѣ жилъ, но все-таки тогдашнее мое ощущеніе зеленого цвѣта совершенно тождественно теперешнему. Цвѣта *предметовъ опыта* я ощущаю во времени, но *само ощущеніе цвѣта*—цвѣта вообще, какъ и всякаго цвѣта, звука, запаха, и проч.—дано внѣ времени, какъ вѣчная и неизмѣнная *спеціальная* субъективная форма духовнаго вос-

пріятія дѣйствительности. Точно также даны *внѣ времени и пространства* сами идеи времени и пространства, какъ неизмѣнныя, общія, субъективныя формы чувственного воспріятія, а съ ними и *всѣ наши идеи и мысли*, какъ субъективные способы пониманія вещей, толкованія дѣйствительности, воспріятія истины всего существующаго. Кантъ сдѣлалъ ту ошибку, что смѣшалъ воспріятіе *посредствомъ ощущеній* съ воспріятіемъ *самихъ ощущеній*, какъ *способовъ* воспріятія. Воспріятіе „посредствомъ ощущеній“ совершается всегда во времени и пространствѣ и, какъ слагающееся изъ ощущеній, оно всегда чувственно (ибо чувственность и есть сумма ощущеній). Но воспріятіе самого ощущенія есть не актъ ощущенія, а свободный актъ сознанія ощущенія, нечувственного и сверхчувственного созерцанія нашей, *всегда* при насъ находящейся и отъ условій пространства и времени независимой, *способности ощущать*. Кантъ самъ смутно сознавалъ различіе ощущенія во времени и воспріятія времени, какъ формы ощущенія, ибо если онъ назвалъ время *reine Anschauung*, т.-е. *чистымъ воззрѣніемъ*, то этимъ имѣлъ потребность выразить то, что можно и должно самое время созерцать „*внѣ времени*“, очищеннымъ отъ всякаго чувственного элемента, и потому „чистымъ“, какъ и пространство, когда мы очистимъ это представленіе отъ всего конкретнаго содержанія, которое въ него вкладываетъ чувственный опытъ.

Но Кантъ сдѣлалъ ту ошибку, что, создавъ понятіе „чистаго воззрѣнія“— *reine Anschauung*, какъ реальной формы воспріятія самой психической жизни, не спросилъ себя, *какъ относится reine Anschauung къ ощущенію*: принадлежность какой именно общей формы духовнаго существованія составляетъ *Anschauung*, и только ли время и пространство составляютъ ея предметъ? Онъ не замѣтилъ, что *всякая*, хотя бы *спеціальная* форма ощущенія и опыта, способность воспринимать цвѣтъ, звукъ, красный цвѣтъ, звукъ скрипичной квинты, запахъ розы или резеды, можетъ стать *предметомъ чистаго воззрѣнія*, *reiner Anschauung*,—и что точно также формы мыш-

ленія, категоріи мысли, какъ, напริมѣръ, идеи причинности, качества, множества, и т. п. должны стать предметами Anschauung, т.-е. умственного созерцанія внѣ всякаго чувственного опыта и его условій, т.-е. внѣ пространства и времени, чтобы сдѣлаться *объектами мысли*.

Anschauung, созерцаніе или воззрѣніе, т.-е. сосредоточеніе умственного взора на томъ или другомъ объектѣ мысли, и есть общая форма того сверхчувственного интеллектуального опыта, или „опыта мысли“, о которомъ мы говорили выше и путемъ котораго Кантъ добывалъ свои истины о формахъ опыта и мышленія. Это созерцаніе есть *свободный актъ нашего духа*, независимый отъ времени, ибо мы во всякое время, внѣ всякихъ явленій чувственного опыта, можемъ созерцать свою мысль, сознавать ея формы, которыя всегда *при насъ и съ нами*, познавать ея вѣчные и неизмѣнные законы. И этимъ свободнымъ актомъ *хотѣнія мыслить* мы полагаемъ время, ибо создаемъ въ себѣ рядъ явленій, ощущеній и представленій чувственного порядка, которыхъ иначе бы и не было. Свобода и есть способность духа *созидать явленія*—и внутреннія, и внѣшнія, а чрезъ это созиданіе явленій—созидать время, которое есть форма смѣны явленій. Мы не поймемъ ни свободы, ни вниманія, ни воображенія и творчества, ни мышленія и умозаключенія, какъ формъ душевной жизни, если не поймемъ, что всѣ эти понятія выражаютъ прежде всего наши различные способы созидать время, творить ряды явленій во времени, и что сами эти созидающія время способности созерцаются нашею мыслью не во времени и не чувственно.

Кантовское апріорное познаніе, предваряющее всякій опытъ, и есть познаніе внѣвременное, свободное отъ условій времени и пространства. Истины математическія и логическія мы всегда можемъ усмотрѣть и понять, *когда захотимъ* этого, т. е. когда захотимъ думать объ этомъ предметѣ. А выраженіе: „когда захотимъ“ значитъ—„когда начнемъ“—начать“ же значитъ *пустить въ ходъ время*, положить и создать его.

Такимъ образомъ, общее заключеніе наше по вопросу, нами поставленному, — по вопросу о значеніи Кантовскаго ученія объ ощущеніи и воззрѣніи, объ апріорномъ и апостеріорномъ въ знаніи—слѣдующее:

Хотя Кантъ и не былъ правъ, полагая, что онъ опредѣляетъ въ „Трансцендентальной эстетикѣ“ не понятія пространства и времени, а чистыя воззрѣнія, но онъ былъ совершенно правъ, что у насъ есть чистыя воззрѣнія, опредѣляющія формы всякаго чувственнаго опыта, и что пространство и время, какъ предметы созерцанія мысли (а не логическаго опредѣленія), суть прежде всего такія чистыя воззрѣнія. Далѣе, хотя Кантъ былъ неправъ, ограничивая чистыя воззрѣнія воспріятіями пространства и времени, какъ формъ чувственнаго опыта, — такъ какъ такими же чистыми воззрѣніями являются и всѣ спеціальныя субъективныя формы опыта, если онѣ дѣлаются предметомъ „созерцанія мысли“; но онъ былъ совершенно правъ, выдѣляя общія формы опыта и мышленія отъ спеціальныхъ (что сдѣлалъ отчасти уже Локкъ ученіемъ о первичныхъ и вторичныхъ ощущеніяхъ, или, что то же, *формахъ* ощущенія). Затѣмъ, Кантъ былъ неправъ, противопоставляя пространство и время, какъ „формы“ опыта, прочимъ субъективнымъ способамъ воспріятія дѣйствительности, которые онъ всецѣло причислялъ къ „содержанію“ опыта, тогда какъ спеціальныя способности такъ или иначе ощущать суть также прирожденныя „формы“ ощущенія, предваряющія опытъ и всякое его содержаніе; однако, и тутъ онъ былъ правъ принципиально, противопоставляя вообще „формы“ и „содержаніе“ опыта, хотя формы понималъ односторонне, не различая въ самихъ ощущеніяхъ ихъ содержаніе и форму. Наконецъ, Кантъ былъ правъ, когда признавалъ различіе познанія *посредствомъ* чувственнаго опыта и познанія, *независимаго* отъ чувственнаго опыта, но 1) онъ не отдавалъ себѣ отчета, что это второе познаніе не есть абсолютно сверхъ-опытное, ибо оно предполагаетъ особый опытъ мысли, формою котораго является открытое самимъ Кантомъ чистое воззрѣніе и, поэтому, 2)

онъ неправильно толковалъ терминъ „апріорнаго“ познанія, отождествляя его съ внѣ-или сверхъ-опытнымъ, хотя апріорное познаніе—только *относительное* понятіе и значить: „познаніе, независимое отъ чувственнаго опыта“, а не отъ всякаго опыта. *Внѣ опыта нѣтъ мышленія*, но есть два рода опыта — умственный или, шире, *духовный*, и чувственный, или *физическій*, формы которыхъ различны,—и если пространство и время суть общія формы чувственнаго, или физическаго, опыта, то онѣ не суть и не могутъ быть формами опыта интеллектуальнаго, сверхчувственнаго, духовнаго.

Изъ этого обозрѣнія итоговъ критики Кантовскаго ученія о времени и пространствѣ можно уже видѣть, что намъ предстоитъ далѣе, ибо задача наша далеко не окончена. Можно сказать даже, что нашъ собственный анализъ вопроса только теперь начинается. Мы должны установить болѣе правильное и ясное понятіе *опыта*, его различныхъ видовъ, ихъ различныхъ *формъ, условій и законовъ*, и попутно опровергнуть возраженіе, къ которому мы давно готовимся, а именно: какой же можетъ быть вообще опытъ „внѣ времени“, мышленіе внѣ времени? Вѣдь мышленіе есть *процессъ*, т.-е. послѣдовательный рядъ выводовъ и заключеній, а всякій процессъ совершается *во времени*. Для критики этого и другихъ подобныхъ возраженій, которыя намъ, съ нашей точки зрѣнія, кажутся несостоятельными, но имѣютъ полное основаніе въ умѣ читателя, мы найдемъ опоры и основанія какъ въ предыдущемъ анализѣ, такъ и во многихъ другихъ соображеніяхъ, которыя изложимъ далѣе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Гротъ.

Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей.

Ученіе объ ассоціаціяхъ представляетъ собою одинъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ отдѣловъ психологіи. Начинаясь анализомъ простѣйшихъ психическихъ фактовъ, оно приводитъ къ раскрытію образованія сложнѣйшихъ психическихъ величинъ и, если принять во вниманіе, что вся психическая дѣятельность находится въ зависимости отъ вліяній внѣшняго міра, то будетъ очевидно, что изученіе внутренней группировки получаемыхъ нами отъ органовъ чувствъ матеріаловъ дастъ намъ характеристику большей части психического содержанія человѣка.

Всѣ существующія ассоціаціи обыкновенно раздѣляются на двѣ большія группы: на ассоціаціи по сходству и ассоціаціи по смежности. Ассоціаціи по сходству называются еще внутренними ассоціаціями, а ассоціаціи по смежности – внѣшними ассоціаціями.

Далѣе, ассоціаціи по смежности, или внѣшнія ассоціаціи, въ свою очередь раздѣляются на ассоціаціи одновременныя или, что то же самое, смежныя по пространству и на ассоціаціи послѣдовательныя, или ассоціаціи по смежности во времени.

Наконецъ, между ассоціаціями внутренними различаются ассоціаціи по смыслу, или по логической зависимости и др.

Такого рода дѣленіе можетъ быть проведено очень далеко, но самое подробное различеніе не подвинетъ насъ ни на шагъ въ пониманіи психического процесса. Поэтому, прежде чѣмъ изучать формы ассоціацій, мы обратимся къ изученію условій ихъ происхожденія и тогда тотчасъ раскроется и все разнообразіе формъ, въ которыхъ ассоціаціи могутъ возникнуть.

Относительно физиологическихъ условій образованія ассоціацій всегда необходимо имѣть въ виду слѣдующее.

Мы почти никогда не воспринимаемъ отдѣльныхъ ощущеній. Психическое содержаніе наше составляется изъ тѣхъ величинъ, которыя можно назвать первыми сложными элементарными психическими величинами, — изъ воспріятій. Каждое воспріятіе состоитъ изъ суммы ощущеній. Такъ какъ для каждаго отдѣльнаго ощущенія мы должны допустить извѣстный физиологическій эквивалентъ, то мы можемъ считать такимъ эквивалентомъ возбужденіе перваго анатомическаго элемента, изъ множества которыхъ слагается центральная нервная система, — возбужденіе нервной клѣтки. Слѣдовательно, для воспріятія мы должны принять возбужденіе уже извѣстной суммы нервныхъ клѣтокъ.

Это — первый продуктъ ассоціаціи и первая ея ступень. Если мы пожелаемъ обозначить какъ-нибудь эту ассоціацію, то естественно, ее надо назвать ассоціаціей по смежности. Я предпочитаю, однако, называть ее ассоціаціей по одновременности появленія.

Одновременно возникаетъ обыкновенно не одно, а нѣсколько воспріятій, — слѣдовательно, возбуждаются различныя группы клѣтокъ.

Къ этому слѣдуетъ присоединить и возбужденіе соединительныхъ путей, что имѣетъ даже первостепенное значеніе для большинства одновременныхъ возбужденій мозговой коры: если возбуждается группа клѣтокъ А, то возбужденіе передается по функционировавшимъ уже ранѣе путямъ, вслѣдствіе чего облегчается его передача на группу клѣтокъ В, и тогда возникаетъ другое воспріятіе, раньше возникавшее одновременно съ первымъ.

Такимъ образомъ, безъ этихъ путей, соединяющихъ одну клѣтку съ другой, самая теорія ассоціацій, казалось бы, не можетъ существовать.

Однако, анатомическія изслѣдованія не обнаружили до настоящаго времени существованія соединительныхъ волоконъ между всѣми клѣтками. Это обстоятельство можетъ имѣть три толкованія.

Во-первыхъ, мы просто, можетъ быть, еще не нашли этихъ соединеній. Значитъ, виноваты наши способы изслѣдованія.

Во-вторыхъ, можетъ быть пути эти развиваются по мѣрѣ развитія мозга и будущее человѣчество будетъ обладать значительно болѣе развитой ассоціаціонной сѣтью, чѣмъ мы. Мозгъ чело- вѣка увеличивается по мѣрѣ увеличенія его интеллектуальнаго

развитія, и это увеличеніе мозга должно, очевидно, сопровождаться образованіемъ какихъ-то новыхъ элементовъ, и нѣтъ ничего невозможнаго, что этими новыми элементами и будутъ вновь возникшія соединенія между клѣтками, которыхъ еще нѣтъ теперь. Отсюда слѣдуетъ, что клѣтки, не соединенныя между собою, у человѣка настоящей эпохи не функционируютъ.

Въ-третьихъ, можетъ быть, существованіе непосредственныхъ соединеній между клѣтками не всегда необходимо для образованія ассоціаций, т. е. для одновременнаго возбужденія различныхъ частей мозговой коры. Тогда, значитъ, существуютъ еще другія условія для одновременнаго возбужденія не соединенныхъ между собою непосредственно клѣтокъ: клѣтки могутъ быть соединены не непосредственно между собою, но съ какимъ-либо общимъ центромъ.

Такимъ центромъ можетъ быть или какая-либо группа клѣтокъ, возбуждаемыхъ одновременно съ другими, несоединенными между собою клѣтками, служащая въ свою очередь для образованія воспріятія, или же это можетъ быть группа клѣтокъ не имѣющихъ психической функціи и исполняющихъ другую задачу, напримѣръ, сосудистый центръ.

Для разъясненія этихъ простыхъ, но важныхъ условій, отъ обстоятельнаго знакомства съ которыми зависитъ правильное пониманіе всѣхъ ассоціаціонныхъ процессовъ, мы рассмотримъ нѣсколько ближе наиболѣе важныя формы ассоціаций.

Существуютъ основанія предполагать, что воспріятія различныхъ органовъ чувствъ локализируются въ мозговой корѣ въ различныхъ мѣстахъ.

Какъ уже было указано, воспріятія рѣдко возникаютъ въ связи съ дѣятельностью только одного органа чувствъ. Обычно происходятъ одновременныя воспріятія нѣсколькихъ органовъ чувствъ и, слѣдовательно, одновременно возбуждаются различные участки коры головного мозга. Такимъ образомъ одновременно возникаетъ нѣсколько отдѣльныхъ ассоціаций или одна сложная ассоціація.

Нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ ассоціаций, входящихъ въ составъ общей, сложной ассоціаціи, находятся между собою въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ съ другими одновременно возникающими возбужденіями и ассоціаціями, что особенно относится къ ассоціаціямъ воспріятій одного и того же органа чувствъ. Обыкновенно

венно зрительныя воспріятія тѣснѣе ассоціируются съ зрительными же, слуховыя съ слуховыми и т. д. Поэтому при восстановленіи сложной ассоціаці, при воспоминаніи, съ большею легкостью возникаютъ ассоціированныя между собою представленія, относящіяся къ одному и тому же органу чувствъ. Съ этимъ обстоятельствомъ мы еще встрѣтимся.

Кромѣ болѣе тѣснаго соединенія по органамъ чувствъ, тѣснѣйшая зависимость устанавливается между воспріятіями различныхъ органовъ чувствъ и какимъ-либо отдѣльнымъ, общимъ для нихъ всѣхъ, всегда одновременно съ ними возникающимъ воспріятіемъ. У человѣка такимъ связующимъ моментомъ является слово, т. е. извѣстная сумма такъ называемыхъ артикуляціонныхъ движеній, соединенныхъ съ произнесеніемъ звуковъ.

Первоначально слово было лишь звуковымъ и двигательнымъ выраженіемъ воспріятій органовъ чувствъ и внутреннихъ состояній, но затѣмъ, съ изобрѣтеніемъ письма, оно стало также и выраженіемъ зрительнымъ. Съ этимъ зрительнымъ выраженіемъ тотчасъ соединились и двигательныя ощущенія, возникающія при писаніи слова. Такимъ образомъ, слово стало формулой сложной ассоціаці, и притомъ ассоціаці, отличающейся большою стойкостью, вслѣдствіе частаго повторенія, обусловленнаго тѣмъ, что слово является единственнымъ способомъ передачи внутренняго состоянія одного лица другому. Въ этой сложной ассоціаці, формулой, или символомъ которой служитъ слово, также можно отмѣтить, что ассоціируются съ наибольшею легкостью воспріятія одного и того же органа чувствъ, вслѣдствіе чего зрительные образы словъ болѣе тѣсно соединяются съ другими зрительными же образами, слуховые съ слуховыми. Этимъ объясняется, между прочимъ, и то любопытное явленіе, которое часто наблюдается по отношенію къ иностраннымъ языкамъ, когда слово быстро узнается, когда оно напечатано, и не узнается совсѣмъ, если его произносятъ, хотя оно было уже слышано раньше, и тѣмъ болѣе, если оно никогда не произносилось постороннимъ лицомъ. Это показываетъ также и то, что отдѣльныя ассоціаціи, входящія составными частями въ ту сложную ассоціацію, которая соотвѣтствуетъ слову, могутъ быть сильнѣе остальныхъ ассоціацій, составляющихъ вмѣстѣ съ ними общую сумму. Поэтому нельзя предполагать, что при слышаніи, напримеръ, какого-нибудь слова, въ нашемъ воспоминаніи возникнутъ

всѣ относящіяся къ этому слову воспріятія, т. е. что слуховое впечатлѣніе вызоветъ связанное съ нимъ впечатлѣніе зрительное и впечатлѣнія двигательныя, въ зависимости отъ производившихся при произнесеніи этого слова движеній рта и—при написаніи слова—движеній руки.

Въ дѣйствительности, слово будетъ узнано уже по одному изъ соотвѣтствующихъ ему воспріятій, слуховому или зрительному, или двигательному; затѣмъ, въ связи съ происшедшимъ узнаваніемъ, произойдутъ дальнѣйшіе ассоціаціонные процессы: прежде всего возникнутъ нѣсколько соотвѣтствующихъ представленій изъ области того же органа чувствъ, затѣмъ представленія другихъ органовъ чувствъ.

Узнаваніе само по себѣ не находится въ неизбѣжной зависимости отъ ассоціаціи идей.

Какъ мы видѣли, воспріятіямъ cadaго органа чувствъ соотвѣтствуетъ возбужденіе извѣстной отдѣльной области коры. Въ этомъ общемъ для даннаго органа чувствъ участкѣ каждому отдѣльному представленію или воспріятію соотвѣтствуетъ также отдѣльный видъ и отдѣльное мѣсто возбужденія.

Если мы допустимъ, что каждому отдѣльному ощущенію соотвѣтствуетъ возбужденіе одной только клѣтки въ головномъ мозгу, то каждому воспріятію будетъ соотвѣтствовать возбужденіе извѣстной группы клѣтокъ, что можетъ быть изображено графически въ видѣ какой-нибудь фигуры.

Всякое новое воспріятіе того же органа чувствъ выразится возбужденіемъ другой группы клѣтокъ въ видѣ фигуры другой формы. Эта вторая фигура можетъ находиться или совершенно отдѣльно отъ первой, или захватывать часть тѣ же самыя клѣтки, если только въ первомъ и во второмъ воспріятіи имѣются одинаковыя ощущенія, что бываетъ въ дѣйствительности чрезвычайно часто.

Такимъ образомъ, если мы ранѣе имѣли возбужденіе клѣтокъ А, то новое возбужденіе можетъ быть или совершенно такимъ же, и тогда мы получимъ тождество; или будетъ лишь въ малой степени отличаться отъ прежняго,—тогда мы получимъ сходство, которое представляетъ собою лишь одинъ изъ видовъ узнаванія.

При двухъ совершенно различныхъ ощущеніяхъ, очевидно, мы получимъ и различныя возбужденія, такъ что о сходствѣ не можетъ быть и рѣчи.

Какъ только опредѣлилось отношеніе одного изъ ощущеній къ другому въ одномъ органѣ чувствъ, тотчасъ же опредѣляется это отношеніе и къ воспріятію въ цѣломъ, т.-е. къ соединеннымъ между собою ощущеніямъ разныхъ органовъ чувствъ.

По отношенію къ ассоціаціямъ сходства или узнаванію надо имѣть въ виду, что почти никакого значенія при этомъ не имѣетъ количественная сторона: напримѣръ та величина, которая можетъ возбудить ощущеніе различія, но въ то же время не нарушитъ ассоціаціи сходства; такъ, напримѣръ, маленькая деревянная лошадка узнается нами безъ всякаго затрудненія, какъ лошадь, громаднѣйшихъ размѣровъ каменный левъ, величиною больше слона, тѣмъ не менѣе будетъ узнавъ нами, какъ левъ. Это зависитъ отъ того, что понятіе о величинѣ есть понятіе очень относительное и вырабатывается опытомъ въ зависимости отъ иннервационныхъ ощущеній и въ прямой связи съ идеей пространства.

Итакъ, мы видѣли, что мозговая кора обычно возбуждается воспріятіями, относящимися къ различнымъ органамъ чувствъ. Если мы возьмемъ на удачу какой-нибудь моментъ психической жизни, мы найдемъ слѣдующее.

Воспріятія разныхъ органовъ чувствъ первоначально размѣщаются въ различныхъ областяхъ коры и находятся въ соединеніи между собою частью непосредственно, частью черезъ посредство другъ друга. Въ связи съ ними стоятъ частью соединенныя, частью не соединенныя ассоціаціонными путями представленія.

Въ слѣдующій моментъ мы находимъ, однако, въ корѣ совершенно другое распредѣленіе возбужденій.

Какимъ образомъ произошла эта перемѣна?

Окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ есть въ то же время и отвѣтъ на то, что такое психическій процессъ. Поэтому онъ можетъ быть сдѣланъ лишь тогда, когда мы разъясимъ всѣ условія этой перемѣны.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій является слѣдующее.

Если мы будемъ сравнивать между собою два выбранные нами момента, то увидимъ, что возбужденія коры отличаются другъ отъ друга во многихъ отношеніяхъ:

1. Возбужденныя къ дѣятельности мѣста не одинаковы.
2. Сила возбужденія однихъ и тѣхъ же мѣстъ не одинакова.
3. Тѣ отдѣльныя возбужденія, которыя оказываются общими для обоихъ случаевъ, оказываются не вполне тождественными.

Разсматривая отдѣльные воспріятія, мы видимъ, что и они подверглись нѣкоторымъ, хотя ничтожнымъ, перемѣнамъ: напримѣръ, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ объ однихъ и тѣхъ же зрительныхъ воспріятіяхъ, нѣкоторыя детали оказываются измѣненными: освѣщеніе, точка зрѣнія и т. д.

Какъ связаны между собою эти два момента?

Обычно, съ точки зрѣнія современнаго ученія объ ассоціаціяхъ, говорится, что они связаны безчисленнымъ множествомъ отдѣльныхъ ассоціацій: общее для этихъ двухъ моментовъ есть и связующее звено между ними.

Возьмемъ, однако, два момента, раздѣленные періодомъ относительной психической бездѣятельности, періодомъ сна.

Положимъ, первый моментъ мы выберемъ вечеромъ и, по возможности, дадимъ себѣ отчетъ въ нашемъ психическомъ содержаніи. Другой моментъ пусть будетъ утромъ въ той же самой комнатѣ, даже при той же самой, по возможности, обстановкѣ, что и вечеромъ. Отдавая себѣ вновь отчетъ, мы замѣтимъ, что наше психическое содержаніе совсѣмъ другое и мало что въ немъ имѣетъ отношеніе къ нашему вчерашнему состоянію.

Еще съ большею рѣзкостью выступаетъ разница двухъ психическихъ моментовъ при различной внѣшней обстановкѣ, и каждому хорошо извѣстно по собственному опыту, какъ различно онъ себя чувствуетъ—сидя одинъ у себя дома, въ присутствіи другихъ людей, въ гостяхъ, на службѣ и т. д. И весьма нерѣдко одинъ моментъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ другимъ.

Поразительна при этомъ быстрота смѣны психическаго содержанія, и, вѣроятно, каждому приходилось переживать приблизительно такія душевныя состоянія.

Вамъ предстоитъ, положимъ, увидѣть кого-нибудь изъ друзей послѣ долгой разлуки. Вы привыкли дѣлить съ этимъ человекомъ свое горе и радость. За время его отсутствія многое произошло въ вашей жизни, что частью подтвердило, частью, наоборотъ, совершенно нарушило ваши прежніе взгляды и намѣренія. Многое изъ того, что вы намѣчали когда-то съ вашимъ другомъ, совершилось совсѣмъ не такъ, какъ вы ожидали. Теперь вы опять видите съ нимъ и непремѣнно разсчитываете поговорить съ нимъ именно объ этихъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вещахъ, ждете его съ нетерпѣніемъ, въ то же время,

такъ сказать, провѣряя себя и стараясь не забыть наиболѣе важныхъ пунктовъ.

Вашъ другъ входитъ въ комнату. Вы бросаетесь къ нему—и въ то же время въ вашей душѣ происходитъ полное превращеніе: то, что наполняло ее нѣсколько минутъ тому назадъ, не существуетъ болѣе. Вопросъ, который вамъ казался важнѣйшимъ, совсѣмъ не приходитъ въ голову. Ваше состояніе, къ удивленію вашему, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому, что вы ожидали... Вы видите передъ собою лицо вашего друга и происшедшія въ этомъ лицѣ перемѣны: оно стало смуглѣе, худѣе или полнѣе, но это несомнѣнно прежнее, хорошо знакомое и симпатичное вамъ лицо. Да, и не все перемѣнилось: та же манера говорить, та же усмѣшка, та же манера садиться, закидывая одну ногу на другую... И по мѣрѣ того, какъ его образъ врѣзывается въ ваше сознаніе, вы чувствуете, какъ исчезаетъ то время, тѣ 5—6 лѣтъ, которыя протекли послѣ вашей встрѣчи, и вамъ вспоминается нѣчто такое, что никакимъ образомъ не было въ вашей головѣ 10 минутъ тому назадъ: какой-нибудь эпизодъ изъ вашей прежней жизни и отношеній, и вы, часто совершенно не кстати, начинаете вспоминать невозвратное прошлое. И если черезъ нѣсколько времени вашъ другъ спроситъ васъ о вашихъ дѣлахъ, о томъ именно, что вамъ казалось необходимо сообщить ему, вы почувствуете, что это совсѣмъ не важно, во всякомъ случаѣ, далеко не такъ важно, какъ вы полагали раньше, и что какъ разъ въ настоящую минуту это находится совсѣмъ на второмъ планѣ.

При объясненіи такого рода рѣзкихъ измѣненій психическаго содержанія весьма часто указываютъ на аффектъ: радость или волненіе нарушили прежнее теченіе вашихъ идей. Затѣмъ вновь возникшія ассоціаціи отвлекли ваше вниманіе, и возстановляющіяся воспоминанія дали новое теченіе мыслямъ.

Пока довольно сказать, что такое объясненіе не касается самаго существеннаго вопроса о способѣ перехода однихъ мыслей въ другія или ихъ смѣны.

Для выясненія фізіологической подкладки происшедшаго измѣненія намъ необходимо точно ознакомиться съ тѣмъ, что называется «функциональною гипереміей».

На функциональную гиперемію головного мозга во время психической дѣятельности впервые обратилъ вниманіе Карпен-

теръ и затѣмъ Мейнертъ *), излагающій это слѣдующимъ образомъ:

«Каждый процессъ мышленія исходитъ изъ одного какого-нибудь образнаго воспоминанія, которое связано, однако, со множествомъ другихъ точекъ мозговой коры. Но въ отдѣльномъ актѣ мышленія утилизируются далеко не всѣ мозговые очаги, съ которыми ассоціировано образное воспоминаніе, послужившее исходнымъ пунктомъ этого акта. Область дѣятельныхъ ассоціацій обнимаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ лишь часть существующихъ ассоціаціонныхъ соединеній. Мы представляемъ себѣ функцію, какъ синтетическій химическій процессъ. Въ функционирующихъ мозговыхъ клѣткахъ и ассоціаціонныхъ волокнахъ необходимо, слѣдовательно, принять извѣстный плазматическій приростъ. Изолированность функціи проведенія станетъ для насъ понятною, если мы признаемъ за нервными элементами способность питательнаго притяженія (*nutritive attraction*), распространяющагося вдоль дугообразныхъ пучковъ. Согласно Фехнеру, мы можемъ принять, что дѣятельное состояніе образныхъ воспоминаній и ихъ соединеній представляетъ одновременно двѣ степени интенсивности; тѣ изъ нихъ, которыя участвуютъ въ данномъ актѣ мышленія, находятся выше уровня сознанія, всѣ прочія стоятъ ниже его. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что клѣточные элементы и пути, участвующіе въ процессѣ, стоявшемъ выше уровня сознанія, находятся въ состояніи болѣе интенсивнаго нутритивнаго притяженія, нежели остальные элементы, возбужденіе которыхъ не достигаетъ уровня сознанія и которые пребываютъ внѣ активной ассоціаціонной игры. Очевидно, что здѣсь можетъ быть рѣчь лишь о различіи въ степени, различіи количественномъ.

«Мозговая кора совершаетъ одновременно двѣ работы: 1) иннервацию текущихъ по ассоціаціоннымъ путямъ мыслей и сочетанныхъ съ ними движеній; 2) иннервацию суживающихъ артеріи мышцъ. Чѣмъ менѣе дѣятеленъ мозгъ въ первомъ отношеніи, тѣмъ интенсивнѣе иннервация сосудо-суживающихъ мышцъ, и наоборотъ. Эта послѣдняя функція задерживается, когда приходитъ въ дѣятельное состояніе первая категорія корковыхъ отправленій, т.-е. игра ассоціацій. Другими словами: суженіе со-

*) Мейнертъ. Психіатрія. Пер. Ліона, стр. 212, 265, 269.

судовъ уменьшается во время процессовъ мышленія. Въ этомъ заключается механизмъ функціональной гипереміи.

«Хотя элементарныя образныя воспоминанія распредѣляются по отдѣльнымъ областямъ коры, но воспроизведеніе одного какого-нибудь представленія влечетъ за собою, въ силу ассоціаціи, пробужденіе цѣлаго ряда другихъ, побочныхъ представленій. Актъ мышленія слагается такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ сочетанія представленій, локализирующихся въ самыхъ разнообразныхъ территорияхъ коры. Слѣдовательно, функціональная гиперемія, сопровождающая мышленіе, возникаетъ одновременно во многихъ отдаленныхъ другъ отъ друга очагахъ и болѣе или менѣе приближается къ общей артеріальной гипереміи коры.

«Такъ какъ непосредственная иннервація мозговыхъ артерій всегда исходитъ изъ субкортикальнаго центра, то весь механизмъ функціональной гипереміи сводится къ задерживающему вліянію коры на субкортикальный центръ. Основаніе, почему для объясненія происхожденія функціональной гипереміи недостаточно одного нутритивнаго притяженія со стороны возбужденныхъ нервныхъ элементовъ, лежитъ въ томъ фактѣ, что во время и послѣ психической работы происходитъ общій приливъ крови ко всему головному мозгу. Гиперемія переходитъ даже за предѣлы мозга, въ пользу чего говоритъ физиогномическій фактъ появленія краски въ лицѣ».

Этою мыслью Мейнерта о функціональной гипереміи мы и воспользуемся для объясненія смѣны психическихъ состояній. Къ сожалѣнію, мысль Мейнерта, прекрасно изложенная въ началѣ, становится весьма неясной въ концѣ, такъ что функціональная гиперемія отдѣльныхъ, хотя и многочисленныхъ, участковъ коры какъ бы превращается въ общую гиперемію всего мозга, переходящую даже за его предѣлы и выражающуюся въ краскѣ лица. Поэтому необходимо сдѣлать нѣкоторыя дополненія, которыя, можетъ быть, и не будутъ поправками, такъ какъ мысль Мейнерта, очевидно, страдаетъ недостаточной ясностью.

Мы будемъ принимать функціональную гиперемію, не какъ притокъ артеріальной крови къ мозгу вообще, но какъ притокъ, распредѣленный въ точномъ соотвѣтствіи съ существующимъ въ данный моментъ возбужденіемъ какъ по мѣсту, такъ и по степени, или, употребляя выраженіе Мейнерта, соотвѣтственно питепательному притяженію разныхъ участковъ коры.

Тогда мы увидимъ, что распредѣленіе крови въ двухъ раз-

личныхъ психическихъ состояніяхъ всегда различное. Это различіе сохраняется при всякой степени наполненія мозга кровью, и каковъ бы ни былъ общій приливъ, относительное распредѣленіе крови въ мозгу остается безъ перемѣны.

Эта гиперемія, какъ это указываетъ Мейнертъ, находится въ зависимости отъ дѣятельности сосудистаго центра, съ одной стороны, и отъ питательнаго притяженія, съ другой. Слѣдуетъ однако принять во вниманіе и взаимную зависимость этихъ двухъ моментовъ: возбужденіе извѣстной части коры, усиленіе химическихъ процессовъ въ клѣткахъ вызываетъ усиленный притокъ крови къ данному участку; въ свою очередь, происшедшій усиленный притокъ крови именно къ этому самому участку въ точнѣйшемъ смыслѣ этого слова, вызоветъ и повышеніе функціи соотвѣтствующихъ клѣтокъ, т. е. вызоветъ и возникновеніе полученныхъ раньше этими клѣтками возбужденій. При этомъ гиперемію надо понимать въ видѣ весьма тонкаго процесса въ смыслѣ распредѣленія крови по мельчайшимъ вѣточкамъ соотвѣтственно не только питаемымъ участкамъ, но и питаемымъ клѣткамъ.

Такимъ образомъ, данное возбужденіе извѣстной группы клѣтокъ какимъ-либо чувственнымъ впечатлѣніемъ тотчасъ возбуждаетъ сосудистый центръ именно такъ, какъ оно возбуждало его въ свое время. Въ отвѣтъ на это возбужденіе, имѣющее специфическій характеръ, сосудистый центръ измѣнитъ распредѣленіе крови въ мозгу точь-въ-точь такъ же, какъ онъ измѣнялъ его когда-то прежде, и усиленный притокъ питательнаго матеріала произойдетъ именно въ тѣхъ участкахъ коры, которые въ свое время были возбуждены одновременно съ настоящимъ дѣйствительнымъ возбужденіемъ. Значитъ, въ мозговой корѣ возникнутъ вновь тѣ же возбужденія, что возникали раньше, — другими словами, въ сознаніи возстанутъ тѣ же самыя представленія, которыя возникали раньше въ связи съ тѣмъ представленіемъ, которое послужило толчкомъ для сосудистаго центра.

Перемѣна распредѣленія крови можетъ произойти съ большою быстротою, почти моментально. Съ такою же быстротою произойдетъ и измѣненіе психическаго содержанія. Ассоціаціонный процессъ продолжаетъ свою дѣятельность, но смѣна двухъ состояній произошла не путемъ непосредственнаго перехода ассоціаций другъ въ друга, а путемъ замѣщенія одной группы ассоціаций другою группой.

Если въ новомъ психическомъ состояніи мы будемъ искать, что случилось со старымъ, то увидимъ, что отъ него не осталось почти никакого слѣда. Наиболѣе возбужденныя группы клѣтокъ, наиболѣе яркія представленія могутъ въ слѣдующій моментъ оказаться наименѣе возбужденными, и соотвѣтствующія представленія—наименѣе яркими.

Такого рода замѣна одного психическаго состоянія другимъ и происходитъ всякій разъ, какъ только вновь возникшее воспріятіе, относящееся къ другой группѣ ассоціаций, достаточно сильно, достаточно продолжительно, или когда является цѣлая обширная группа одновременныхъ воспріятій.

Этимъ объясняется то, что каждый человѣкъ является инымъ въ различные моменты его жизни и въ различной обстановкѣ.

Этимъ же объясняется, между прочимъ, и любопытный фактъ, наблюдаемый по отношенію къ гипнотическому состоянію.

Если въ то время, какъ человѣкъ находится въ состояніи сомнамбулизма, когда внушаемость развивается до наибольшей степени, на него подѣйствуетъ какое-нибудь не очень кратковременное впечатлѣніе, достаточно сильное и опредѣленное, такъ чтобъ оно было имъ вполнѣ воспріято, то впослѣдствіи, когда вновь то же впечатлѣніе подѣйствуетъ на него въ бодрственномъ состояніи, у него вновь развивается на короткое время гипнотическое состояніе. Такъ, напримѣръ, если вы заставляете въ гипнотическомъ снѣ декламировать какое-нибудь стихотвореніе, которое сами декламируете передъ тѣмъ съ опредѣленной интонаціей, то загипнотизированный повторитъ его за вами съ той же интонаціей. Затѣмъ, въ бодрственномъ состояніи субъекта, если вы съ тою же интонаціей станете декламировать то же стихотвореніе, то вы вызовете этимъ развитіе гипнотическаго состоянія. Вы возстановили, слѣдовательно, только одинъ опредѣленный моментъ, и притомъ возстановили точно въ такомъ же видѣ, какъ онъ былъ воспріяты первоначально,—и вслѣдъ за нимъ возстановляется и бывшее первоначальное фізіологическое состояніе мозга.

Опытъ этотъ удастся далеко не всегда, такъ какъ естественно въ бодрственномъ состояніи является множество причинъ, затрудняющихъ его правильное теченіе. Этотъ фактъ, какъ я уже указывалъ *), объясняетъ также и механизмъ исполненія внушенія

*) Токарскій. Гипнотизмъ и внушеніе. Арх. псих. 1888.

черезъ извѣстный срокъ, такъ какъ срокъ, всегда точно опредѣляемый, и служить точкой отправленія для развитія соотвѣтствующаго исполненію внушенія состоянія.

Чтобы еще разъ иллюстрировать, насколько полно бываетъ вытѣсненіе всѣхъ предшествующихъ ассоціаций, какъ только происходитъ замѣна одной группы ассоціаций другой, я приведу слѣдующій случай.

Одинъ изъ моихъ друзей, когда мы были еще въ гимназіи, вернувшись послѣ уроковъ домой, уснулъ. Проснувшись, онъ увидѣлъ, что было уже утро, что его чрезвычайно удивило, такъ какъ онъ уснулъ тотчасъ по возвращеніи изъ гимназіи и не могъ спать такъ долго. Но, несомнѣнно, это было утро, и въ домѣ всѣ спали: солнце освѣщало его комнату такъ же, какъ всегда, все было такъ, какъ это бывало каждый день передъ уходомъ въ гимназію. Онъ выглянулъ въ дверь и увидѣлъ на столѣ самоваръ, какъ это бывало обыкновенно по утрамъ. Ему приходитъ въ голову мысль, что онъ проспалъ, и, схвативъ поспѣшно книги, онъ торопится въ гимназію. Идя по городу, онъ замѣчаетъ, что видъ улицъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что бываетъ по утрамъ, но занятый мыслью о томъ, что онъ опоздалъ, онъ не разъясняетъ себѣ этого. Придя въ гимназію, онъ находитъ двери запертыми. Значить, слишкомъ рано. Онъ идетъ въ садъ и тамъ находитъ нѣсколькихъ гимназистовъ, играющихъ въ мячъ, что дѣлали иногда приходившіе раньше другихъ. Между ними не оказывается его товарищей по классу, и онъ усаживается на пригоркѣ, въ ожиданіи, когда отворятъ двери. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ игравшихъ подходитъ къ нему, начинаетъ разговаривать, — и оказывается, что то было не утро, а 5 часовъ вечера.

Это произошло съ человѣкомъ здоровымъ и совершенно не можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія послѣдовательнаго перехода однихъ ассоціаций въ другія, тогда какъ объясняется совершенно легко изложенными соображеніями.

Указанными моментами, однако, характеризуется только одна сторона психическаго процесса. Мы пока разсмотрѣли лишь ту часть его, которая можетъ быть названа смѣною группъ одновременныхъ ассоціаций. Но кромѣ смѣны одновременныхъ ассоціаций, въ каждой группѣ ассоціаций уже существующихъ происходятъ постоянныя перемѣны, независимыя отъ непосредственныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя могутъ оставаться безъ измѣненія.

Итакъ, мы видѣли, что одно психическое содержаніе, одна группа ассоціаций можетъ сразу замѣниться другимъ содержаніемъ, другой группой ассоціаций, какъ только на мозгъ подѣйствуетъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, относящееся къ этой другой группѣ. Это обстоятельство, зависящее отъ дѣятельности сосудистаго центра, должно бы совершенно нарушать психическую дѣятельность, которая и представляла бы собою лишь постоянную смѣну различныхъ психическихъ содержаній, не имѣющихъ между собою никакой внутренней связи.

Этого не происходитъ, однако, благодаря основному свойству нервной системы, которое заключается въ томъ, что, при повтореніи возбужденія, реакція на него уменьшается. Такъ, въ опытахъ Шиффа *) съ термоэлектрическимъ столбомъ, первое отклоненіе зеркала было обыкновенно самымъ большимъ, слѣдующее было слабѣе и такъ далѣе до извѣстнаго минимума, на которомъ степень отклоненія оставалась постоянной.

То же самое можно наблюдать ежедневно: если внезапно подѣйствуетъ на человѣка какое-нибудь достаточно сильное и неожиданное впечатлѣніе, то первоначально оно окажетъ дѣйствіе весьма замѣтное. Напримѣръ, неожиданный стукъ можетъ заставить васъ вздрогнуть. Второй такой же стукъ подѣйствуетъ уже гораздо слабѣе, а къ третьему и четвертому вы отнесетесь уже совсѣмъ покойно. И такое привыканіе происходитъ у самыхъ чувствительныхъ и впечатлительныхъ людей.

Относительно механизма такого привыканія существуютъ неодинаковые взгляды, и нѣкоторыми оно считается за результатъ прямого противодѣйствія.

Такъ, И. М. Сѣченовъ **) объяснялъ это тѣмъ, что если впечатлѣніе повторяется и можетъ быть ожидаемо заранѣе, то развивается въ нервной системѣ противодѣйствіе уже испытанному ранѣе вліянію, чѣмъ оно и ослабляется.

Но меньшая реакція на повторяющееся впечатлѣніе наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ объ этомъ впечатлѣніи сохранилось воспоминаніе. Если же промежутокъ между первымъ появленіемъ впечатлѣнія и его повтореніемъ довольно великъ, то второе впечатлѣніе можетъ совершенно равняться первому.

*) См. Герценъ. Общая фізіологія души. Спб. 1890.

**) Сѣченовъ. Рефлексы головного мозга. Спб. 1866.

Нельзя сказать, однако, чтобы была настоящая необходимость признавать развитіе такого противодѣйствія во всѣхъ случаяхъ и считать вліяніе задерживающихъ центровъ неизбѣжнымъ по отношенію къ явленію привыканія.

Это заключеніе вытекаетъ, между прочимъ, изъ рассмотрѣнія вопроса о самихъ задерживающихъ центрахъ.

Именно, это ученіе предполагаетъ существованіе въ головномъ мозгу аппарата задерживающаго рефлексы и аппарата усиливающаго рефлексы. Гдѣ находятся эти аппараты, это недостаточно извѣстно. Самое ихъ существованіе доказывается опытами надъ животными, какъ это извѣстно изъ курса физиологіи. Если раздражать мозгъ электрическимъ токомъ, то рефлексы будутъ задерживаться. Если же раздражать другія точки, именно двигательную область, то рефлексы будутъ усилены. Итакъ, подъ вліяніемъ раздраженія головного мозга рефлексы то ослабляются, то усиливаются. Отсюда заключеніе о существованіи задерживающихъ и усиливающихъ рефлексы центровъ.

Между тѣмъ, весьма возможно, что никакихъ отдѣльныхъ задерживающихъ или усиливающихъ рефлексы центровъ въ головномъ мозгу нѣтъ и что между нервными центрами существуетъ постоянное взаимодействіе. Дѣятельность одного центра, или одной части нервной системы ослабляетъ дѣятельность другой части нервной системы. Это значить, что задерживающимъ моментомъ для данной части нервной системы является дѣятельность другой части. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ дѣятельность центральной нервной системы совпадаетъ съ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, будетъ наблюдаться, наоборотъ, усиленіе вліянія послѣднихъ. Возможно, что такого рода взаимодействіе частей центральной нервной системы всецѣло обусловливается функциональной гипереміей.

Съ этой точки зрѣнія, если для привыканія допускать развитіе противодѣйствія, слѣдовало бы ожидать, что привыканіе развивается въ зависимости отъ развитія ассоціаціонныхъ процессовъ въ связи съ повторяющимся вліяніемъ.

Это и происходитъ дѣйствительно по отношенію ко многимъ случаямъ, но для насъ весьма важно имѣть въ виду, что слѣдуетъ допустить еще и основное свойство нервной клѣтки слабѣе реагировать на повторяющееся впечатлѣніе.

Происходитъ ли это отъ того, что клѣтка, разъ воспринявшая

извѣстное впечатлѣніе измѣняетъ свое строеніе, или отъ того, что неизбежно образующіяся ассоціаціи, вслѣдствіе распространенія возбужденія, хотя бы и ниже порога сознанія, дѣлають возбужденіе при повтореніи болѣе разлитымъ, рѣшить въ настоящее время нельзя. Несомнѣнно лишь, что при повтореніи сила впечатлѣнія уменьшается.

Это обстоятельство играетъ чрезвычайно важную роль по отношенію къ вопросу о томъ, почему въ нашемъ психическомъ содержаніи не происходятъ постоянно рѣзкія смѣны группъ представленій, какъ это мы видѣли въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ.

Каждое изъ представленій, которое мы имѣемъ въ сознаніи въ данный моментъ, было воспринято нами раньше совершенно въ другой группировкѣ. Отчего же эта группировка не возникаетъ вновь и не вытѣсняетъ существующія въ данный моментъ ассоціаціи? Именно оттого, что для вытѣсненія одной группы ассоціацій другой необходимо, чтобы первое изъ вытѣсняющихъ впечатлѣній, которое затѣмъ по ассоціаціи поведетъ за собою другія, было достаточно сильно, и если каждое изъ воспринимаемыхъ нами въ данный моментъ впечатлѣній воспринимается нами не въ первый разъ, что большею частью и бываетъ, то оно будетъ ослаблено въ силѣ, и существующая группа ассоціацій можетъ быть такимъ образомъ сильнѣе, чѣмъ тѣ группы, которыя могли бы возникнуть въ связи съ разными составными впечатлѣніями первой группы. Поэтому первая группа, т.-е. уже существующія въ данный моментъ ассоціаціи, и будетъ продолжать свое существованіе до того времени, пока измѣняющіяся внѣшнія вліянія не измѣнятъ ихъ теченія или прямо не прервутъ его путемъ смѣны, въ зависимости отъ возникающаго наконецъ непривычнаго, новаго, или просто болѣе сильнаго стимула.

Но далеко не всѣ перемѣны внутренняго содержанія происходятъ подъ вліяніемъ непосредственныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, и можно сказать даже, что подъ вліяніемъ такихъ воздѣйствій происходятъ преимущественно перемѣны, измѣняющія теченіе внутренней жизни.

Главнѣйшія перемѣны внутренняго содержанія зависятъ отъ внутреннихъ отношеній.

Кромѣ ассоціацій по сходству и по одновременности появленія, слѣдуетъ различать еще ассоціаціи послѣдовательныя. Онѣ относятся также къ ассоціаціямъ по смежности, такъ какъ связь

устанавливается между двумя ближайшими по времени состояніями.

Ассоціаціи эти образуются слѣдующимъ образомъ.

Если я испытываю какое-нибудь впечатлѣніе, которое затѣмъ смѣняется другимъ впечатлѣніемъ, то полученныя мною два воспріятія свяжутся между собою, и воспроизведеніе, или вторичное возникновеніе одного изъ нихъ поведетъ за собою возстановленіе и другого.

Эти два соединяющіяся впечатлѣнія могутъ относиться къ различнымъ органамъ чувствъ или къ одному и тому же чувству. Второе возбужденіе можетъ явиться въ то время, когда первое уже прекратилось, что даже необходимо, такъ какъ иначе образуется связь по одновременности.

Такимъ образомъ устанавливается связь между существующимъ и не существующимъ въ дѣйствительности явленіемъ.

Обязательнымъ условіемъ установленія такой связи является существованіе воспоминанія о предшествовавшемъ впечатлѣніи. Но воспоминаніе предполагаетъ возстановленіе въ мозгу того же процесса, который происходилъ при первоначальномъ воспріятіи. Слѣдовательно, въ дѣйствительности будутъ ассоціироваться между собою два одновременные процесса.

Такимъ образомъ, ассоціаціи одновременныхъ и послѣдовательныхъ состояній, по сущности лежащаго въ основаніи ихъ процесса, совершенно одинаковы.

Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что прошедшее, настоящее и будущее, съ точки зрѣнія физиологическаго процесса, суть только настоящее.

Настоящее при этомъ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ неизмѣримо малаго періода времени, раздѣляющаго прошедшее и будущее, такъ какъ при такомъ условіи всѣ процессы, происходящіе въ мозгу, само собою становятся прошедшими, т.-е. лежащими за предѣлами этого неизмѣримаго настоящаго, — настоящее слѣдуетъ понимать въ смыслѣ продолжающагося физиологическаго процесса. Для избѣжанія недоразумѣній можно, впрочемъ, сказать, что прошедшее, настоящее и будущее заключаются въ одновременныхъ физиологическихъ процессахъ.

Вопросъ, отчего наше сознаніе различаетъ прошедшее, настоящее и будущее, легко разрѣшается тѣмъ соображеніемъ, что для опредѣленія времени и порядка слѣдованія нашихъ пси-

хическихъ состояній мы не ограничиваемся только сознаваніемъ прошедшаго прошедшимъ, настоящаго настоящимъ и т. д., но употребляемъ множество вспомогательныхъ способовъ распознаванія. Какъ наша личная жизнь, такъ и историческія событія группируются нами по годамъ и числамъ; гдѣ же этого недостаточно или гдѣ память измѣняетъ намъ въ этомъ отношеніи, тамъ являются на помощь другіе подобныя же опознавательныя пункты. Безъ этой внѣшней помощи намъ не было бы возможности разобраться въ своемъ прошедшемъ съ такою точностью, съ какою мы дѣлаемъ это обыкновенно, и каждому извѣстно, что относительно многихъ мелкихъ обстоятельствъ, хорошо, однако, сохраненныхъ памятью, локалізація во времени нерѣдко совершенно утрачивается.

Что будущее есть извѣстная формула или фактъ прошедшаго, перенесенный къ новому опознавательному пункту, это едва ли требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій.

Далѣе, вслѣдствіе того, что память сохраняетъ всѣ возбужденія, когда-либо дѣйствовавшія на мозгъ, вполне естественнымъ является и то обстоятельство, что при воспоминаніи извѣстнаго періода жизни вспоминаются какъ первоначальныя, такъ и заключительныя стадіи этого періода и притомъ вспоминаются одновременно. Величина такихъ періодовъ воспоминанія можетъ быть весьма различна, отъ нѣсколькихъ минутъ до продолжительности всего періода жизни даннаго лица, считая, конечно, съ того времени, когда это лицо вообще сознательно помнитъ свое внутреннее состояніе, хотя бы и смутно, что у большинства людей начинается съ 7-ми, 8-ми лѣтняго возраста.

Обыкновенно ряды послѣдовательныхъ ассоціацій группируются вокругъ какого-нибудь общаго для нихъ момента, который и является связующимъ звеномъ. Такими звеньями служатъ мѣстности, времена года, лица, разныя событія и т. д. Но всякій разъ всѣ элементы извѣстной группы присутствуютъ въ мозгу одновременно и могутъ быть воспроизведены отъ начала до конца.

Правильнѣе было бы сказать, однако, *могли бы быть* воспроизведены, такъ какъ въ дѣйствительности сознательная память сохраняетъ лишь главнѣйшія черты или впечатлѣнія, по какой-нибудь случайности болѣе рѣзкія, и воспоминанія бываютъ по большей части довольно смутными. Въ этомъ отношеніи суще-

ствують рѣзкія индивидуальныя колебанія, и общимъ правиломъ остается только одно, что почти никогда воспоминаніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Достаточно вспомнить при этомъ, что отдѣльное представленіе уже никогда не соотвѣтствуетъ во всей точности воспріятію, и только у специально одаренныхъ въ этомъ отношеніи лицъ воспоминаніе приближается къ дѣйствительности съ большою степенью точности, особенно для отдѣльныхъ органовъ чувствъ, и въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ представленіе пріобрѣтаетъ характеръ почти галлюцинаторной живости.

Но никогда и ни при какихъ условіяхъ не могутъ возстановиться съ большою степенью ясности всѣ существующія представленія и ассоціаціи.

При нѣкоторыхъ необычныхъ условіяхъ могутъ съ большою живостью возстановляться отдѣльныя группы ассоціацій, относящихся къ тому или другому моменту жизни даннаго лица, при чемъ возстановляются и впечатлѣнія давно забытыя, которыя спустились далеко ниже порога сознанія и не возникаютъ вновь при обычныхъ условіяхъ воспоминанія.

Это наблюдается, напримѣръ, въ гипнотическомъ состояніи, когда внушенныя воспоминанія поражаютъ своею детальною и яркостью по отношенію къ извѣстному моменту жизни загипнотизированнаго.

Существуетъ, однако, всѣмъ извѣстное мнѣніе, что въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, у утопающихъ, въ теченіе короткаго времени, одного мгновенія, и именно въ моментъ предшествующій потерѣ сознанія, въ воспоминаніи проносится вся жизнь человѣка, съ необычайной ясностью и съ мельчайшими подробностями.

Все, что возможно допустить однако въ подобномъ случаѣ, это то, что необычное возбужденіе мозговой коры, которое является у человѣка въ моментъ борьбы со смертію, захватываетъ такія клѣтки и области мозга, которыя при обычныхъ условіяхъ давно уже не возбуждались, вслѣдствіе чего возникаютъ яркія воспоминанія, внѣ связи съ ассоціаціями, такъ что понять ихъ происхожденіе изъ предшествовавшаго психическаго состоянія совсѣмъ невозможно. Достаточно нѣсколькихъ такихъ воспоминаній, чтобы явилось предположеніе, что все пережитое возстановилось въ памяти, но опять забылось. Въ дѣйствительности же,

правильнымъ заключеніемъ было бы, что въ моментъ предшествовавшій потерѣ сознанія утопающимъ, въ его памяти возстановились нѣкоторыя или даже многія впечатлѣнія, нерѣдко очень давнія, внѣ всякой связи съ ассоціаціями.

Причина такого внезапнаго одновременнаго возбужденія не находящихся между собою въ связи отдѣльныхъ участковъ мозговой коры опять лежитъ въ гипереміи, неправильно распредѣляющейся въ мозгу. Испугъ, большое мышечное напряженіе, затрудненіе дыханія являются вполне достаточными условіями для того, чтобы распредѣленіе крови по участкамъ стало неправильнымъ, причемъ какъ бы вспыхиваютъ яркія отдѣльныя картины прошлаго безъ всякой связи между собою. И такъ какъ, въ дѣйствительности, эти внезапныя одновременныя воспоминанія были раздѣлены между собою иногда очень большимъ промежуткомъ времени, то по исчезновеніи ихъ и остается общее смутное впечатлѣніе, что сразу вспоминались событія многихъ лѣтъ или даже цѣлой жизни.

Такимъ образомъ, на человѣческой мозгу постоянно, въ каждый данный моментъ, дѣйствуютъ тысячи возбужденій, которыя и вступаютъ въ непосредственную связь какъ между собою, такъ и съ существующими сознательными воспоминаніями. Въ слѣдующій моментъ можетъ явиться новая масса возбужденій, и они вновь вступятъ въ связь между собою и съ воспоминаніями о предшествовавшихъ возбужденіяхъ, и такъ образуются цѣпи ассоціацій, которыя весьма долго могутъ не прерываться, такъ какъ для перерыва необходимо рѣзкое измѣненіе всей суммы впечатлѣній, что происходитъ, на примѣръ, при перемѣнѣ мѣстности или при совершенномъ измѣненіи образа жизни. Тогда между двумя цѣпами ассоціацій не останется другой связи, кромѣ той, что и та и другая цѣпь возбужденій относятся къ одному и тому же мозгу, къ одному и тому же лицу. Другія, менѣе самостоятельныя цѣпи образуются въ зависимости отъ наиболѣе часто повторяющихся условій появленія и образованія извѣстныхъ впечатлѣній, въ зависимости отъ помѣщенія, окружающихъ лицъ и т. д.

Слѣдовательно, въ мозгу постоянно присутствуютъ слѣды громаднаго количества возбужденій, и естественно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ въ данный моментъ не возникаютъ въ видѣ безпорядочной массы разнаго рода предшествовавшія воз-

бужденія и не является та картина, которая наблюдается въ нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ и называется спутанностью?

По отношенію къ этому вопросу мнѣнія рѣзко раздѣляются. По мнѣнію однихъ, регуляторомъ теченія представленій служить воля.

Впервые мы встрѣчаемся съ этимъ понятіемъ именно здѣсь, такъ какъ безъ участія воли правильная психическая дѣятельность считается невозможной.

Въ общихъ чертахъ, всѣ, считающіе участіе воли необходимымъ условіемъ правильного теченія психическихъ процессовъ, сходятся во взглядахъ, такъ что совершенно достаточно изложеніе наиболѣе распространеннаго воззрѣнія, и я изложу взглядъ Вундта, тѣмъ болѣе, что у него вопросъ объ участіи воли подвергся наиболѣе тщательной разработкѣ.

По мнѣнію Вундта *), всякое воспріятіе или представленіе можетъ сознаваться то болѣе, то менѣе ясно, въ зависимости отъ направленія на него вниманія.

Изъ ряда одновременныхъ воспріятій или представленій въ сознаніи съ большею ясностью выдѣляются лишь нѣкоторыя, и для большей ясности Вундтъ сравниваетъ сознаніе съ полемъ зрѣнія глаза: въ полѣ зрѣнія мы также имѣемъ болѣе и менѣе ясно воспринимаемыя зрительныя впечатлѣнія, въ зависимости отъ точки фиксаціи глазъ, почему Вундтъ употребляетъ по аналогіи и выраженіе «точка фиксаціи» сознанія. Нѣтъ, впрочемъ, никакой надобности прибѣгать къ аналогіи такого рода. Въ каждый моментъ въ сознаніи нашемъ различаются болѣе ясныя и менѣе ясныя представленія и выраженіе «обратить вниманіе», т. е. стремиться сдѣлать представленія или воспріятія болѣе ясными, понятно въ настоящее время всякому.

Менѣе ясно воспринимаемое Вундтъ называетъ словомъ «перцепція», болѣе ясное—словомъ «апперцепція».

Апперцепція, слѣдовательно, то же самое, что вниманіе, т. е., по Вундту, особаго рода внутренняя дѣятельность.

Вслѣдствіе нѣкоторой неясности способа выраженія Вундта можетъ явиться предположеніе, что апперцепціей могутъ быть называемы также и самыя воспріятія или представленія, сознаваемые съ

*) Вундтъ. Основанія фізіологической психологіи. Москва, 1880, стр. 748—852.

наибольшею ясностью. Такъ, напримѣръ, онъ употребляетъ фразу: «апперцепція одного изъ соперничающихъ представленій есть фактъ, опредѣляемый не представленіями, но дѣятельностью апперцепціи», такъ что какъ бы существуютъ два смысла для термина апперцепція. Но это происходитъ только отъ неясности выраженія. Апперцепція Вундта есть дѣятельность, и слово это безъ всякаго ушерба могло бы быть замѣнено словомъ «вниманіе», какъ это дѣлаетъ, впрочемъ, и самъ Вундтъ, говоря: «мы будемъ различать активную и пассивную апперцепцію, или активное и пассивное вниманіе».

Какъ пассивное, такъ и активное вниманіе или апперцепція опредѣляются внутреннею дѣятельностью, такъ что нельзя раздѣлять вниманіе на произвольное и непроизвольное. Разница заключается лишь въ томъ, что при непроизвольномъ вниманіи, или при пассивной апперцепціи, воспринимаются впечатлѣнія единичныя, не нарушаемыя и не вытѣсняемыя другими впечатлѣніями, такъ что при этомъ не происходитъ никакого выбора. При произвольномъ же вниманіи, или активной апперцепціи, всегда находится нѣсколько разнородныхъ впечатлѣній, которыя стремятся вытѣснить другъ друга, такъ что между ними какъ бы происходитъ выборъ. Выборъ этотъ всегда сопровождается особымъ чувствомъ напряженія, которое называютъ напряженіемъ вниманія. Ощущеніе напряженія вниманія обыкновенно появляется вмѣстѣ съ рядомъ иннервационныхъ ощущеній во лбу, въ ушахъ, въ глазахъ, отчего и произошло самое названіе «напряженное вниманіе». Въ наибольшей степени такое напряженіе вниманія наблюдается, когда какое-нибудь впечатлѣніе ожидается заранѣе.

Вліянія, отъ которыхъ зависитъ апперцепція, частью внѣшнія, частью внутреннія.

Къ внѣшнимъ относятся главнымъ образомъ: сила впечатлѣній, фиксированіе зрительныхъ объектовъ, движеніе глазъ по контурамъ предметовъ.

Внутреннія условія вниманія или апперцепціи заключаются въ томъ, что мы вызываемъ первоначально воспоминаніе, соответствующее воспринимаемому впечатлѣнію, которое такимъ образомъ сливается съ нимъ и вслѣдствіе того выигрываетъ въ ясности.

Апперцепція можетъ быть острою или тупою. Острою она будетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда степень напряженія вниманія

вполнѣ соотвѣтствуетъ силѣ впечатлѣнія; въ противномъ случаѣ, она будетъ тупою. Ясность представленія, такимъ образомъ, обуславливается одновременно его силою и остротою апперцепціи.

«Изъ явленій, представляемыхъ дѣятельностью апперцепціи, видно, что дѣятельность эта совпадаетъ съ тою функціею сознанія, которую мы, по отношенію къ внѣшнимъ движеніямъ, называемъ волею. Давно уже признано, что воля можетъ имѣть вліяніе на теченіе нашихъ представленій. Далѣе, изъ наблюденія извѣстно, что произвольнымъ напряженіемъ можно вызвать въ сознаніи опредѣленные образы воспоминанія и фантазіи, существенно усиливая ихъ устремленіемъ на нихъ вниманія. Эта способность, смотря по индивидуальности, различна. У многихъ людей она такъ развита, что образъ фантазіи принимаетъ наконецъ живость галлюцинаціи».

Апперцепція оказываетъ большое вліяніе и на теченіе и группировку представленій. Это именно и есть, по мнѣнію Вундта, тотъ регуляторъ, который не допускаетъ ассоціаціи группироваться беспорядочно, лишь по однимъ законамъ сходства и смежности.

Вся роль ассоціаціи сводится къ тому, что онѣ представляютъ собою лишь матеріаль, изъ котораго дѣлаетъ затѣмъ выборъ апперцепція.

«Изъ множества возможныхъ ассоціаціонныхъ соединеній апперцепція выбираетъ соединенія надлежащія, причемъ представленія вступаютъ между собою въ тѣ же самыя соединенія, какъ и при ассоціаціи. Разница между ассоціативными и апперцептивными соединеніями и представленіями та же, что между активной и пассивной апперцепціей, — между актомъ воли, вытекающимъ изъ одного мотива, и произвольнымъ дѣйствіемъ, или результатомъ выбора между многими мотивами. Кромѣ того, представленія, входящія въ процессъ апперцепціи, представляютъ высшія степени сліянія и конденсированія, т.-е. развиваются въ тѣ психическіе продукты, которые называются понятіями».

Я ограничусь приведенной характеристикой апперцепціи. Уже изъ сказаннаго очевидно, что вся психическая дѣятельность управляется, съ точки зрѣнія Вундта, этою силой, и въ дальнѣйшемъ мы нашли бы только разъясненіе того, какъ всякій отдѣльный психическій фактъ приурочивается къ этой дѣятельности.

Нужно сказать, что понятіе апперцепціи Вундта не такъ легко усваивается, такъ какъ оно находится въ значительномъ противо-

рѣчи съ тѣмъ анализомъ психическаго процесса, который, казалось бы, лежалъ въ основаніи предшествовавшихъ работъ Вундта. Поэтому понятіе объ апперцепціи должно быть усвоиваемо путемъ тщательнаго обсужденія и анализа. Этимъ отчасти я и объясняю, что ученіе объ апперцепціи нашло себѣ большое число послѣдователей. То, что человекъ изучаетъ и понимаетъ, онъ весьма прочно удерживаетъ въ памяти. Прочно удержанное въ памяти сочетаніе идей, служащихъ объясненіемъ массѣ отдѣльных психическихъ фактовъ, естественно возникаетъ въ сознаніи всякій разъ, когда тотъ или другой изъ отдѣльных фактовъ представляется наблюденію, и идея апперцепціи возникаетъ, слѣдовательно, множество разъ, почему ее и привыкають считать объясненіемъ.

Если я пытаюсь найти причину того, почему понятіе объ апперцепціи считается объясненіемъ психическаго процесса, то это происходитъ потому, что въ дѣйствительности это понятіе ничего не объясняетъ, и къ тому же ученіе объ апперцепціи находится въ противорѣчій съ основнымъ методомъ естествознанія, который заключается въ томъ, что объясненіе сложныхъ явленій должно производиться путемъ разложенія ихъ на явленія простыя, а не въ перемѣнѣ словъ, которыми обозначались эти сложныя явленія раньше.

Слово апперцепція замѣнило собою слово воля, причемъ какъ слово воля осталось безъ надлежащаго разъясненія, такъ и слово апперцепція не получило для своей характеристики ничего, что увеличивало бы это разъясненіе.

Изъ одной и той же корзинки, въ одно и то же время, одинъ взялъ себѣ яблоко, другой грушу, а третій ничего. Затѣмъ, взявшій яблоко положилъ его назадъ и взялъ апельсинъ.

Каждый могъ взять себѣ, однако, одинъ изъ нѣсколькихъ сортовъ фруктовъ, которые находились въ корзинкѣ. Значитъ, на лицо всѣ условія для выбора, который каждый и сдѣлалъ для себя, а положившій обратно яблоко сдѣлалъ этотъ выборъ даже два раза.

Слѣдовательно, воля проявила себя съ достаточною ясностью, и если мы спросимъ теперь, почему все совершилось такъ, а не иначе, то, по терминологіи Вундта, намъ надо сказать: каждый дѣйствовалъ подъ направляющимъ дѣйствіемъ активной апперцепціи, обусловившей актъ выбора.

По всей справедливости, такой отвѣтъ нельзя считать объясненіемъ, и я полагаю, что отъ замѣны понятій: вниманіе и воля словомъ «апперцепція» мы ничего не выигрываемъ.

Кромѣ того, апперцепція есть дѣятельность, не заключающаяся въ ассоціаціонномъ процессѣ, но какъ бы откуда то извнѣ регулирующая самый процессъ ассоціацій. Гдѣ же скрывается эта дѣятельность, или эта сила? Если она не заключается въ ассоціаціонныхъ соединеніяхъ, то для нея долженъ имѣться въ мозгу особый центръ, въ свою очередь соединенный съ остальными частями мозга. Если же нѣтъ ни того, ни другого, то апперцепція есть понятіе о силѣ безъ матеріальнаго основанія, безъ субстрата, то-есть понятіе чисто метафизическое, то, что называется *deus ex machina*,—сила, возникающая неизвѣстно откуда и все устривающая и приводящая въ порядокъ.

Поэтому, на вопросъ, что придаетъ психическимъ процессамъ тотъ ходъ, который они имѣютъ въ дѣйствительности, и что устраняетъ возможность одновременнаго возникновенія безпорядочныхъ массъ ассоціацій, я не могу отвѣтить, что это дѣлаетъ апперцепція.

Въ человѣкѣ есть одна только сила, сила жизни, общая для него и всего живущаго, и единственный регуляторъ этой силы, существующій въ мірѣ, есть самъ внѣшній міръ.

Мы видѣли, какъ накаплиются впечатлѣнія, какъ они группируются между собою, какъ они сохраняются и въ какой связи возстановляются при повтореніи возбужденій.

Обратимъ теперь вниманіе на самыя внѣшнія возбужденія.

Нѣкоторыя изъ внѣшнихъ возбужденій оказываютъ свое дѣйствіе на внутренніе процессы только столько времени, сколько они существуютъ. Прекратится ихъ существованіе,—прекратится и ихъ вліяніе. Сверкнетъ мнѣ въ глаза лучъ солнца,—и я отодвинусь въ тѣнь. Не повторится возбужденіе, и мнѣ не будетъ повода повторять движеніе. Но на нѣкоторое время у меня останется воспоминаніе о бывшемъ возбужденіи. Память эта можетъ сохраняться даже очень долгое время, но, тѣмъ не менѣе, поводовъ для повторенія движенія все-таки уже существовать не будетъ.

Такого рода вліяніе присуще тѣмъ явленіямъ внѣшняго міра, которыя сами имѣютъ временный, случайный характеръ. Воспоминаніе въ такихъ случаяхъ переживаетъ самый фактъ.

Въ другихъ случаяхъ внѣшнія возбужденія продолжаютъ оказывать свое вліяніе и послѣ того, какъ они перестали дѣйствовать на органы чувствъ. Если мнѣ скажетъ кто-нибудь: «дайте мнѣ пить», то извѣстный рядъ психическихъ процессовъ будетъ совершаться у меня и послѣ того, какъ я пересталъ слышать этотъ голосъ, и воспоминаніе объ услышанномъ мною можетъ повести за собой рядъ дѣйствій. Это бываетъ по отношенію къ тѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ, которыя не прекращаютъ своего существованія съ прекращеніемъ исходящаго отъ нихъ возбужденія. Здѣсь, слѣдовательно, въ мозгу совершается также ассоціація по одновременности, какъ и въ другихъ послѣдовательныхъ ассоціаціяхъ. Хотя у меня и осталось только воспоминаніе о возбужденіи, но это воспоминаніе относится къ реальному, продолжающему существовать факту. Это обстоятельство и за полученнымъ импульсомъ сохраняетъ его значеніе импульса.

Наконецъ, существуютъ возбужденія, прекращающіяся и вновь возникающія, которыя относятся къ постояннымъ условіямъ нашей жизни. Такія возбужденія могутъ быть стимулами для извѣстнаго ряда психическихъ процессовъ, или перемежающихся въ зависимости отъ возникновенія возбужденій, или постоянныхъ въ зависимости отъ воспоминанія, которое будетъ относиться къ нѣкоторымъ постоянно существующимъ фактамъ.

Хорошимъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій фактъ, всѣмъ извѣстный: какъ только является какое-нибудь народное бѣдствіе, эпидемія, на примѣръ, тотчасъ всѣ усилія всѣхъ близко стоящихъ къ дѣлу направляются на борьбу съ этой эпидеміей. Каждый спѣшитъ въ то же время обезопасить себя и готовъ даже на значительныя жертвы: эпидемія существуетъ, и съ ней необходима непосредственная борьба. Черезъ нѣкоторое время эпидемія прекратилась, и почти вслѣдъ затѣмъ прекратились и усилія противъ нея, и самая мысль о ней становится блѣдной. Переставшее дѣйствовать внѣшнее вліяніе исчезло, исчезла и реакція. Все забывается въ большей или меньшей степени, и ничто не забывается такъ прочно и такъ легко, какъ разрушенія, причиненныя смертю. Но вслѣдъ за тѣмъ въ другой мѣстности вспыхнула новая эпидемія. Часть лицъ, боровшихся съ первой, ведутъ борьбу и со второй. Для этихъ лицъ общественное бѣдствіе не уничтожилось, но лишь замѣнилось другимъ. Затѣмъ опять новая эпидемія и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, у тѣхъ,

которымъ приходится постоянно бороться съ такого рода бѣдствіями, создается группа ассоціацій, имѣющихъ отношеніе уже не къ одной какой-нибудь эпидеміи, а къ эпидеміямъ вообще, и устанавливается идея, что эпидеміи и болѣзни есть постоянное зло, съ которымъ и бороться надо, разъ борьба вообще возможна, постоянно. Эта идея остается, когда эпидемія, непосредственная причина этой идеи, уже прекратилась совсѣмъ и когда для данной мѣстности наступилъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ отдыха. Слѣдовательно, отъ ряда повторяющихся импульсовъ къ дѣятельности остался постоянный слѣдъ, находящійся въ прямой зависимости отъ характера внѣшняго явленія: этотъ характеръ есть неизбѣжность повторенія, которая представляетъ собою фактъ постоянно существующій.

И здѣсь, слѣдовательно, возникла ассоціація по одновременности.

Наконецъ, существуютъ внѣшнія возбужденія, которыя по дѣйствовали одинъ или нѣсколько разъ, затѣмъ никогда болѣе не повторялись, но которыя продолжаютъ оказывать свое вліяніе въ теченіе всей жизни человѣка. Чаше всего вліяніе такихъ возбужденій поддерживается аналогичными послѣдующими возбужденіями. Таковы, напримѣръ, вліянія воспитанія и примѣра, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ остаются постоянными руководящими моментами въ дѣятельности и въ распредѣленіи психическихъ процессовъ. Такія вліянія сохраняютъ свое дѣйствіе именно потому, что они постоянно поддерживаются въ дальнѣйшей жизни примѣрами и рѣчами другихъ людей. Видоизмѣненія этихъ первоначальныхъ вліяній, въ зависимости отъ различія источниковъ, обусловливаютъ собою и тѣ видоизмѣненія дѣятельности и психическаго содержанія, которыя обыкновенно наблюдаются у человѣка въ теченіе жизни.

Таковы внѣшнія вліянія. Къ нимъ нужно прибавить безчисленное множество разнообразнѣйшихъ импульсовъ, получаемыхъ нами отъ другихъ людей въ законченномъ, обработанномъ видѣ, въ формѣ словъ, услышанныхъ или прочтенныхъ. Великое значеніе слова не требуетъ разъясненія, и здѣсь довольно упомянуть лишь о томъ, что нерѣдко такими готовыми импульсами опредѣляется почти все психическое содержаніе, которое, естественно, и оказывается иногда весьма случайнымъ и непрочнымъ.

Внутреннимъ условіемъ того, что процессы совершаются въ

извѣстной послѣдовательности и извѣстной зависимости, служить свойство дѣятельности центральной нервной системы, которое выражается въ томъ, что одинъ совершающійся въ мозгу процессъ вытѣсняетъ другой, не соединенный съ нимъ ассоціационными путями. Мы видѣли, что это вытѣсненіе происходитъ, благодаря функциональной гипереміи, которая имѣетъ рѣшающее вліяніе на процессы, находящіеся между собою въ малой ассоціационной связи. Теперь намъ остается только добавить, что та же гиперемія регулируетъ и такъ называемый выборъ ассоціаций.

Напримѣръ, одинъ разъ увидѣвъ апельсинъ, я тотчасъ вспоминаю корзинку, тарелочку, ножикъ для фруктовъ. Другой разъ тотъ же апельсинъ вызоветъ въ моемъ воспоминаніи лотокъ и фигуру разнощика, уголь Кузнецкаго Моста, картину яснаго солнечнаго дня.

Ассоціаціи живутъ въ нашемъ мозгу группами, и каждой группѣ соотвѣтствуетъ свое физиологическое состояніе, своя функциональная гиперемія, и величайшій недостатокъ анализовъ ассоціаций, который мы встрѣчаемъ даже у опытныхъ и свѣдущихъ авторовъ, заключается въ томъ, что они стремятся устанавливать связь между отдѣльными воспріятіями тамъ, гдѣ существуетъ только связь между группами и гдѣ между отдѣльными воспріятіями въ дѣйствительности нѣтъ никакой связи.

Такъ, напримѣръ, для объясненія, почему при взглядѣ на тучу у насъ является представленіе о зонти, Ціэнь *) рассуждаетъ такъ. «Я вижу черную тучу. Ассоціація воспринимаетъ это ощущеніе и присоединяетъ къ нему цѣлый рядъ представлений, между прочимъ, также и представленіе дождя. Къ этому представленію присоединяются безчисленныя другія, такъ что надъ порогомъ сознанія постоянно поднимаются или воспроизводятся скрытые образы воспоминанія. За ощущеніемъ черной тучи слѣдуетъ сперва представленіе дождя, а затѣмъ—представленія о желательности возвратиться домой и раскрыть зонтикъ».

Я привожу этотъ примѣръ потому, что онъ очень типиченъ.

Въ дѣйствительности дѣло никогда не происходитъ такимъ образомъ. Каждый изъ насъ видѣлъ безчисленное множество разъ черныя тучи и каждый знаетъ, что одинъ разъ туча вызвала

*) Ціэнь. Физиологическая психологія. Спб. 1893.

представленіе о томъ, какъ вы были на охотѣ и промокли до костей, другой разъ такая же туча вызвала воспоминаніе о томъ, какъ вы однажды возвратились за полторы версты съ прогулки, чтобы взять зонтикъ, и дождя однако не было, а зонтикъ вы потеряли. Въ третій разъ такая же туча напомнить вамъ, какъ однажды, спасаясь отъ дождя, вы забрались въ татарскую избу въ далекой глуши Россіи и татаринъ спрашивалъ васъ, правда ли, что Москва имѣетъ 40 верстъ въ ширину и 60 въ длину?... Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ вы ничего не вспомните. На мгновеніе, при взглядѣ на тучу, у васъ мелькнетъ мысль: пожалуй, будетъ дождь, — и далеко не всегда вы возьмете поэтому зонтикъ. Весьма возможно, что вы тотчасъ же и забудете объ этой тучѣ, и мысль ваша опять направится къ тому, чѣмъ была занята, къ большому, къ которому вы ѣдете, къ вопросу, который вы разрѣшаете.

Между тѣмъ, воспріятіе тучи, дѣйствительно, могло бы связаться съ безчисленнымъ множествомъ представлений, и если этого не происходитъ, то именно потому, что ассоціаціи возникаютъ цѣлыми группами, изъ которыхъ каждой соотвѣтствуетъ определенная функціональная гиперемія, во-первыхъ; во-вторыхъ, потому, что стимулами, получаемыми изъ внѣшняго міра, служатъ не только непосредственныя воспріятія, но также и возбужденія, полученныя раньше. То возбужденіе, которое въ данный моментъ окажется сильнѣе, и дастъ направленіе мыслямъ; тѣ группы ассоціацій, которыя находятся между собою въ ближайшей связи, и будутъ возникать въ сознаніи.

При этомъ необходимо помнить, что возникающія ассоціаціонныя группы никогда не соотвѣтствуютъ вполнѣ дѣйствительнымъ, подѣйствовавшимъ когда-то впечатлѣніямъ, но одна и та же группа ассоціацій, возникая нѣсколько разъ, каждый разъ можетъ возникать съ нѣкоторыми перемѣнами.

Это происходитъ отъ того, что вторичное возникновеніе функціональной гипереміи въ томъ же точно видѣ, какъ и первый разъ, нарушается, во-первыхъ, не всегда одинаковою дѣятельностью сосудистаго центра, вслѣдствіе чего въ распредѣленіи крови можетъ быть незначительная разница. Во-вторыхъ, питаніе нервныхъ элементовъ не всегда одинаково и не всегда равномерно, такъ что при одинаковомъ распредѣленіи крови все-таки будетъ невозможна совершенно одинаковая съ прежней дѣятель-

ность клѣтокъ. Наконецъ, съ теченіемъ времени въ клѣткахъ проходятъ нѣкоторыя измѣненія тѣхъ слѣдовъ, которые были оставлены первоначальными возбужденіями, что опять-таки нарушаетъ правильность и точность воспроизведенія.

Между тѣмъ, группы ассоціацій связываются между собою, какъ мы видѣли, послѣдовательною связью. Въ то же время внѣшнія возбужденія повторяются не въ томъ же порядкѣ, какъ раньше,—напротивъ, безконечное разнообразіе природы и жизни дѣлаетъ вторичное переживаніе однихъ и тѣхъ же положеній съ детальными подробностями—невозможнымъ. Вслѣдствіе неправильнаго повторенія внѣшнихъ возбужденій, группы ассоціацій возникаютъ вновь въ неодинаковой послѣдовательности, чѣмъ и объясняется то, что онѣ связываются между собою второй и третій разъ уже иначе, чѣмъ въ первый.

Такимъ путемъ происходитъ перераспредѣленіе ассоціацій и возникновеніе въ сознаніи совершенно новыхъ, никогда не бывшихъ тамъ раньше сочетаній. Поэтому, при восстановленіи такихъ группъ, вновь соединенныхъ между собою, мы можемъ получить иногда соединенія, не имѣющія себѣ въ дѣйствительности никакого соотвѣтствія, на примѣръ, вообразить себѣ локомотивъ, идущій по морю. Это называется продуктомъ фантазій и есть не что иное, какъ соединеніе по одновременности двухъ не имѣющихъ ничего между собою общаго элементовъ двухъ различныхъ ассоціаціонныхъ группъ, связавшихся по непосредственной послѣдовательности, которая, повторяю еще разъ, есть не что иное, какъ нѣсколько видоизмѣненная одновременность.

Но обычнымъ образомъ мозговая дѣятельность пріурочивается къ дѣйствительно вліяющимъ на насъ возбужденіямъ. Возбуждающіяся при этомъ ассоціаціонныя сочетанія возникаютъ или въ первоначальной формѣ, или по вновь происшедшимъ въ послѣдствіи перераспредѣленіямъ и цѣликомъ и частью сплетаются между собою вновь. Весьма рѣдко при этомъ происходитъ точное восстановленіе первоначальныхъ отдѣльныхъ возбужденій по только что указаннымъ основаніямъ, и образующіеся вновь продукты ассоціацій являются иногда въ видѣ совершенно новыхъ образовъ и соединеній. Это уже творческіе акты.

Творчество присуще не только избранныкамъ. Это—свойство, общее для всѣхъ людей, но продукты творчества весьма различны. Отъ грубыхъ орудій дикаря до поражающихъ построекъ и

машинъ современнаго цивилизованнаго человѣка, мы проходимъ черезъ рядъ продуктовъ творчества, во всѣхъ направленіяхъ и во всѣхъ видахъ ежеминутно проявляющаго себя въ жизни. Человѣкъ не можетъ не творить. Изъ этого слѣдуетъ и тотъ выводъ, что человѣческій мозгъ никакъ не представляетъ собою фонографъ, какъ любятъ сравнивать нѣкоторые, или фотографическую пластинку, точно сохраняющую и точно и всегда одинаково воспроизводящую полученное впечатлѣніе. Если уже нужно сравненіе, какъ символъ объясненія, то человѣческій мозгъ надо сравнить съ неправильнымъ зеркаломъ. Далеко не всѣ предметы отражаются въ неправильномъ зеркалѣ въ видѣ изуродованныхъ фигуръ. Среди безконечнаго разнообразія отраженій окажутся и такія, которыя точно будутъ соответствовать дѣйствительности; другія, воспроизводя въ совершенно измѣненномъ видѣ существующую въ дѣйствительности красоту и симметрію, тѣмъ не менѣе имѣютъ свою новую красоту и симметрію; третьи, наконецъ, отражаются въ видѣ предметовъ, весьма похожихъ на существующіе въ дѣйствительности предметы, которыхъ, впрочемъ, нѣтъ на-лицо, и т. д.

И всѣ эти вмѣстѣ взятые, столь разнообразныя процессы представляютъ собою лишь реакцію на внѣшнія возбужденія.

Невозможность вполне точнаго воспроизведенія полученныхъ возбужденій и чрезвычайная трудность воспроизведенія, болѣе или менѣе приближающагося къ дѣйствительности, хорошо выясняются по отношенію къ подражанію.

Стремленіе къ подражанію представляетъ собою основное свойство психической природы человѣка, одинъ изъ наиболѣе чистыхъ мозговыхъ рефлексовъ.

Побуждаемый этимъ стремленіемъ, человѣкъ старается возможно точнѣе воспроизвести въ себѣ то, что онъ видитъ въ другихъ людяхъ. Но уже на первыхъ шагахъ самаго элементарнаго подражанія встрѣчаются непреодолимая трудности: костюмъ, который такъ нравился на другомъ, оказывается совсѣмъ неподходящимъ къ тому, кто хочетъ подражать, вслѣдствіе особенностей роста и анатомическаго строенія. Прическа, такъ украшающая оригиналь, совершенно безобразитъ копію. Между тѣмъ, только въ зеркало, и то въ весьма несовершенномъ видѣ, человѣкъ видитъ все несоответствіе своихъ стремленій съ дѣйствительностью, но не всегда понимаетъ это и успокоивается на томъ, чего могъ достичь.

Далѣ затрудненія еще больше. Особенная интонація также повторяется, особыя слова, вставныя преимущественно, повторяются съ большою легкостью, но тѣмъ не менѣе всегда между оригиналомъ и копіей будетъ весьма большая разница, которая сгладится только продолжительными усиліями и безчисленнымъ множествомъ побочныхъ вліяній. И если подражаніе удастся легко и быстро, это значитъ обыкновенно, что внутреннія свойства оказались одинаковы, т. е. что оба человѣка, оригиналь и копія, принадлежатъ къ одному типу, — иначе самыя большія усилія самыхъ понятливыхъ людей не приведутъ къ желаемому результату, какъ, на примѣръ, это можно видѣть на иностранцахъ, у которыхъ очень долго, несмотря на всѣ ихъ усилія, остаются особенности, выдающія ихъ принадлежность къ другому народу.

Въ этомъ отношеніи безъ труда могутъ быть установлены нѣкоторые типы подражанія, сообразно тому, что было сказано нами раньше объ источникахъ происхожденія нашихъ идей.

Тѣ, кто болѣе живетъ впечатлѣніями непосредственно воспринимаемыми, будутъ и первыми въ дѣлѣ подражанія.

Тѣ, кто больше руководствуется впечатлѣніями прежде полученными и болѣе или менѣе стойко установившимися, будутъ съ недовѣріемъ относиться къ новымъ вліяніямъ и будутъ менѣе сильно воспринимать вліянія непосредственныя. Иногда подъ вліяніемъ преобладанія традиціонныхъ вѣрованій и воззрѣній, такой человѣкъ будетъ даже остерегаться допускать до себя новыя впечатлѣнія, зная хорошо ихъ вліяніе въ смыслѣ стремленія къ подражанію. Это, обыкновенно, люди, живущіе прошедшимъ, хранители преданій и нерѣдко враги прогресса.

И во многихъ другихъ отношеніяхъ можно бы воспользоваться приведенными соображеніями въ смыслѣ практическихъ выводовъ, но я предоставляю это читателю.

А. Токарскій.

Философія Лаоси.

(Окончаніе ¹).

IV.

Философію Лаоси мы можемъ назвать философіей Тао, потому что это выработанное имъ понятіе служить единственной исходною точкой его системы.

Китайское слово Тао или Дао означаетъ: «*путь*», «*повиновеніе*», «*слово*», или «*говорить*» — въ общеупотребительномъ языкѣ, «*истина*» или то, что непремѣнно должно быть такъ, а не иначе — въ философскомъ смыслѣ; оно же означаетъ *императивный долгъ*, или то, что человѣкъ долженъ дѣлать, какъ человѣкъ, — въ этическомъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, одно уже филологическое объясненіе, заимствованное изъ китайскаго толковаго словаря Ко-ки, ясно показываетъ разнообразный смыслъ слова Тао.

До времени философской дѣятельности Лаоси слово Тао (или, вѣрнѣе, Тò или Дò) употреблялось только въ двухъ смыслахъ: 1) дорога, или путь; 2) императивный долгъ человѣка ²). Нашъ философъ впервые обозначилъ этимъ словомъ сверхъ-чувственное существо и положилъ его въ основаніе своей системы, гдѣ нѣтъ ни одной мысли, которая не была бы такъ или иначе связана съ ученіемъ о Тао. Выработанное Лаоси метафизическое понятіе Тао вполнѣ самостоятельно и носитъ на себѣ, какъ видно

¹) См. «Вопросы Фил. и Психол.» 1893, кн. 3 (18).

²) Это ясно видно изъ священныхъ книгъ китайцевъ: «Сикинга», «Икин-га» и др.

будетъ изъ дальнѣйшаго нашего изложенія, индивидуальную его печать.

Философію Лаоси можно раздѣлить на двѣ части: *метафизику Тао* и *этику*. Первая изъ нихъ, въ свою очередь, распадается на *ученіе о Тао* и *космологію*; вторая — на *этику индивидуальную* и *соціальную*.

Изъ этихъ частей философіи Лаоси наибольшій интересъ представляетъ для насъ его этическое ученіе, такъ какъ въ немъ особенно проявились сила и оригинальность ума Лаоси. Поэтому я сначала изложу нравственное ученіе его, а потомъ — метафизическое ученіе о Тао и космологію.

Этика Лаоси.

1. Обшія положенія ученія о нравственности.

Мрачная картина человѣческой жизни навела Лаоси на размышленія. Внимательное наблюденіе человѣческой жизни, съ цѣлью найти причины нравственнаго паденія современнаго ему общества, привело его къ мысли выработать ученіе, которое могло бы направить человѣка на путь истины. Это стремленіе Лаоси и отразилось на всей его этической системѣ.

Лаоси признаетъ глубокую испорченность нравственной природы людей и возмущается этимъ явленіемъ. Но въ противоположность Шакья Муни, утверждавшему, что зло лежитъ въ самомъ существованіи человѣка и что поэтому нѣтъ иного спасенія, кромѣ «нирваны», Лаоси, хотя и признаетъ существованіе зла въ мірѣ и его могущество, однако допускаетъ возможность побѣды надъ нимъ и совершенія добрыхъ дѣлъ. Творить добро или зло, по мнѣнію его, зависитъ отъ доброй воли каждаго. Эту мысль онъ метафорически излагаетъ въ одномъ изъ афоризмовъ. «*Большая дорога, — пицетъ онъ, — гладка и ровна, но люди любятъ ходить по тропинкамъ*»¹⁾. Идти по большой дорогѣ значитъ здѣсь — дѣлать добро, а идти по тропинкамъ — творить зло. Признавая такимъ образомъ возможность нравственнаго выбора въ человѣкѣ, нашъ философъ приступилъ къ выработкѣ своей нравственной системы, положивши въ основаніе ея понятіе Тао.

Лаоси смотритъ на нравственность, какъ на нѣчто возвышен-

1) «Трактатъ о нравственности». LIII.

ное и духовное. Въ одномъ изъ афоризмовъ онъ ясно отмѣчаетъ, что нравственность не имѣетъ ничего общаго со всѣмъ материальнымъ ¹⁾. Такой взглядъ на самую сущность нравственности имѣлъ для нашего философа громадное значеніе при опредѣленіи нравственнаго идеала. И вотъ, Лаоси утверждаетъ, что всевышнее существо, Тао, и должно быть идеаломъ нашей нравственной жизни. Это ученіе очень ясно и рѣшительно высказано имъ въ слѣдующемъ изреченіи: «*Живущій по Тао равенъ Тао*» ²⁾,—выраженіе, которое невольно напоминаетъ великое изреченіе Христа Спасителя: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный» ³⁾.

Опредѣливъ такъ нравственный идеаль, Лаоси указалъ людямъ на путь безконечнаго нравственнаго усовершенствованія: какъ бы высока ни была достигнутая нами ступень нравственности, каждому изъ насъ всегда остается желать еще лучшаго. Эту мысль очень хорошо выражаетъ Лаоси слѣдующими словами: «Исполняющій Тао никогда не бываетъ доволенъ собой» ⁴⁾.

Принципъ нашей нравственности—также Тао, понимаемое въ смыслѣ безусловнаго добра. «*Высоконравственный,—пишетъ Лаоси,—повинуется только одному Тао*» ⁵⁾. Правда, Лаоси весьма сочувственно относится къ нравственному принципу «Срединѣ» ⁶⁾, но Лаосіевская средина не есть искусственная и абстрактная средина Конфуціанства, которое опредѣляетъ ее: «ни къ чему не склоняться—средина» ⁷⁾. Послѣдняя мыслима, но не исполнима; Лаосіевская же средина есть разумное воздержаніе отъ крайностей.

По ученію Лаоси, мѣриломъ добра и зла должно быть Тао. Въ нравственной дѣятельности согласное съ Тао—добро, а противное ему—зло. Другими словами, вполне естественное—добро, а противоестественное—зло ⁸⁾. Данный въ Тао критерій нашъ

1) Ibid. LXV, XXV.

2) Ibid. XXIII.

3) Ев. отъ Мѳ. 5, 48.

4) «Тракт. о нравств.». XV.

5) Ibid. XXI.

6) Ibid. V. Въ этомъ афоризмѣ говорится, между прочимъ: «Лучше всего соблюдать средину».

7) «Средина и постоянство». I.

8) См. «Тракт. о нравств.», LXIV.

философъ называетъ голосомъ истины, который врожденъ душѣ каждаго. Голосъ истины—это, по христіанской терминологіи, внутренней человѣкъ, который произноситъ свой рѣшительный судъ надъ каждымъ дѣйствіемъ человѣка. Эту мысль Лаоси выражаетъ въ метафорическомъ сравненіи. «Небесная сѣть (т. е. голосъ истины),—говоритъ онъ,—не плотна и будто бы пропускаетъ все (т. е. добрыя и дурныя мысли людей) сквозь себя, но на самомъ дѣлѣ ничего не выйдетъ изъ нея» ¹⁾ (т. е. безъ его приговора).

Несмотря на то, что этотъ голосъ истины рѣшителенъ и строгъ онъ осуществляется съ трудомъ и нерѣдко заглушается голосомъ, лжи. «Голосъ истины, — говоритъ Лаоси,—неизящень» ²⁾, поэтому намъ онъ неприятенъ, а голосъ лжи соблазнителенъ, поэтому —приятенъ. Слушаться неприятнаго голоса и не слушаться приятнаго—долгъ человѣка, ибо «творить приятное,—говорится въ Таотекингѣ,—называется нечистотою» ³⁾. Поэтому Лаоси учитъ, чтобы всѣ люди были внимательны къ суровому голосу истины.

Мнѣніе Лаоси о тѣхъ условіяхъ, при какихъ возможно достигнуть высокой нравственности, довольно оригинально. Главнымъ препятствіемъ нравственному совершенствованію онъ считаетъ ученіе и умствованіе, которыя приводятъ людей только въ заблужденіе и заглушаютъ врожденное человѣческой душѣ Тао. Поэтому Лаоси является яркимъ противникомъ всякаго рода умствования. «Когда будетъ уничтожено ученіе, — пишетъ онъ,—то печали не будетъ» ⁴⁾. «Когда великое Тао (т. е. праздное умствованіе или ученіе), иронически говоритъ онъ, будетъ покинуто, то явится человѣчность» ⁵⁾. «Когда будутъ оставлены святость и мудрость,—говорится въ одномъ изъ изреченій Лаоси,—то нравственная польза народа увеличится во сто разъ» ⁶⁾.

Ученіе и умствованіе, по мнѣнію нашего философа,—напрасная трата силъ и времени; поэтому онъ совѣтуетъ, чтобы всѣ бросили ученіе и умствованіе и *прямо творили дѣла* по Тао.

1) Ibid LXXIII.

2) Ibid. LXXXI, LXXVIII.

3) Ibid. LV.

4) Ibid. X, XX.

5) Ibid. XVIII.

6) Ibid. XIX. Лаоси подразумѣваетъ въ двухъ вышеприведенныхъ изреченіяхъ подъ «великимъ Тао» и «святостью и мудростью» такъ называемое «Ученіе блаженнѣйшихъ царей».

Это, по мнѣнію Лаоси, и есть истинная проповѣдь о Тао: «ученіе безъ словъ (дѣла) и бездѣятельность (дѣятельность безъ умствованія) полезнѣе всего существующаго между небомъ и землею» ¹⁾.

2. Индивидуальная этика.

Нашъ философъ, какъ и другіе китайскіе мыслители, придавалъ большое значеніе социальной (государственной и политической) этикѣ, но тѣмъ не менѣе, онъ очень хорошо понималъ и важность индивидуальной нравственности. Личность, по Лаоси, это—основаніе общества, поэтому и индивидуальная этика есть основаніе социальной. Занимающійся рѣшеніемъ вопросовъ изъ области социальной этики не можетъ не касаться индивидуальной. И вотъ почему Лаоси прежде всего и болѣе всего устанавливаетъ начала индивидуальной нравственности.

1. Лаоси думаетъ, что *страсти*—источникъ всякаго зла въ индивидуальной нравственности; «нѣтъ грѣха тяжелѣе страстей», говоритъ онъ ²⁾; поэтому онъ относится къ нимъ очень строго. Прежде всего, страсти, по мнѣнію Лаоси, затемняютъ очи разума. «Свободный отъ страстей,—говоритъ онъ, видитъ величественное проявленіе Тао, а находящійся подъ вліяніемъ какой-нибудь страсти видитъ только незначительное проявленіе (его)» ³⁾: находящійся подъ вліяніемъ страсти не можетъ достигнуть даже самой очевидной истины. Точно также и въ нравственномъ отношеніи: находящійся подъ вліяніемъ страсти не можетъ творить истинно нравственныхъ дѣлъ. Поэтому онъ учитъ избѣгать всякой крайности, которая и есть страсть: «мудрецъ,—пишетъ Лаоси,—избѣгаетъ всякой крайности» ⁴⁾. Итакъ, мы должны уничтожить страсти, чтобы достигнуть нравственнаго совершенства, и когда въ мірѣ не будетъ страстей, то будетъ повсемѣстное спокойствіе, и на всей землѣ будетъ правда ⁵⁾.

Но наша нравственная природа слишкомъ испорчена и слаба для того, чтобы сразу достигнуть высокой степени нравственной жизни, побѣждая всякаго рода страсти. Поэтому мы должны побѣждать ихъ постепенно и достигать нравственнаго совер-

1) «Тракт. о нравств.», XLIII.

2) Ibid. XLVI.

3) Ibid. I.

4) Ibid. XXIX.

5) Ib. XXVII.

шенства, начиная съ низкой ступени, и потомъ идти выше и выше. Это ученіе онъ разъясняетъ слѣдующими сравненіями. «Девятиэтажная башня,—пишетъ онъ,—создается изъ клочковъ земли; чтобы пройти тысячу верстъ, нужно начать съ одного шага» ¹⁾; «не трудно,—говоритъ онъ въ томъ же афоризмѣ,—держать легкое».

Эта идея Лаоси въ наше время нашла провозвѣстника въ лицѣ гр. Л. Н. Толстого, который также совѣтуетъ начинать дѣло нравственнаго усовершенствованія съ низшей ступени ²⁾. «Есть лѣстница добродѣтели—пишетъ гр. Л. Н. Толстой,—и надо начинать съ первой ступени». Этою первою ступеню нравственной жизни какъ Лаоси, такъ и гр. Л. Н. Толстой считаютъ *воздержаніе*. «Воздержаніе,—учитъ Лаоси,—первая ступень нравственности» (добродѣтели) ³⁾. «Помимо воздержанія,—пишетъ гр. Толстой,—немыслима никакая добрая жизнь».

2. Лаоси считаетъ высокимъ нравственнымъ достоинствомъ человѣка *простоту сердца*. Простота сердца потому есть высшая добродѣтель, что очень близко стоитъ къ Тао, къ естественности. Безъ простоты сердца, по ученію Лаоси, никто не можетъ достигнуть нравственнаго совершенства. Человѣкъ высокой нравственности,—учитъ нашъ философъ,—«возвратится къ совершенной простотѣ» ⁴⁾. Эта *простота сердца*, впрочемъ, не есть грубое невѣжество, а, напротивъ, блаженная и невинная простота. «Кто вполне духовенъ (т.-е. нравственъ),—учитъ Лаоси,—тотъ бываетъ смиренъ, какъ младенецъ» ⁵⁾. «Достигшій высокой нравственности, говоритъ онъ въ другомъ афоризмѣ,—похожъ на младенца» ⁶⁾. Такой человѣкъ даже не только похожъ на младенца, но «возвратится въ состояніе младенца» ⁷⁾.

3. Лаоси провозглашаетъ великое нравственное значеніе *смиренія*, которое находится въ органической связи съ простотою сердца, составляя ея естественное послѣдствіе.

Сушность этого ученія очень ясно выражена въ одномъ изъ

1) «Тракт. о нравств.» LXIV.

2) «Первая ступень». Вопросы Философіи и Психологіи, кн. 13, стр. 129.

3) «Тракт. о нрав.» LIX.

4) «Тракт. о нравств.» XXVIII.

5) Ibid. X.

6) Ibid. LV.

7) Ibid. XXVIII.

афоризмовъ Лаоси: «Миръ смиренъ, пишетъ онъ, всѣ люди ѣздятъ и бѣгаютъ надъ его твердыней» ¹⁾. Другими словами, миръ охотно стоитъ ниже всѣхъ существъ, но никогда не жалуются на это. Такому смиренію міра мы должны подражать, потому что «кто желаетъ быть великимъ, тотъ долженъ быть ниже всѣхъ» ²⁾.

Ту же мысль онъ повторяетъ метафорически: «причина того, что рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ, заключается въ томъ, что первыя находятся ниже послѣднихъ» ³⁾. Лаоси указываетъ на Тао, какъ на примѣръ смиренія. Тао,—по ученію его,—совершаетъ великія дѣла, но оно не выставляетъ себя ⁴⁾. «Не хвалиться тѣмъ, что сдѣлано, говоритъ онъ, не начальствовать надъ другими, превосходя ихъ,—небесная добродѣтель» ⁵⁾. Какъ примѣръ или образецъ смиренія, Лаоси выставляетъ воду. «Вода,—пишетъ онъ,—давая всѣмъ существамъ обильную пользу, не сопротивляется ничему» ⁶⁾.

Наихудшимъ порокомъ Лаоси считаетъ *гордость*, противоположную, по своему существу, смиренію. Свое отвращеніе къ этому пороку Лаоси выражаетъ слѣдующею метафорой: «Я не желаю быть гордымъ, какъ драгоценный камень» ⁷⁾. Чтобы преодолѣть этотъ порокъ, прежде всего нужно не выставлять себя, признавая достоинства другихъ. «Кто дѣлаетъ видъ, будто бы много знаетъ,—пишетъ Лаоси,—и ко всему способенъ, тотъ ничего не знаетъ» ⁸⁾. «Зная много,—пишетъ онъ въ другомъ афоризмѣ,—жить будто ничего не знаешь—верхъ совершенства» ⁹⁾. Какъ средство предотвращенія гордости, Лаоси предлагаетъ *знать свое мѣсто*.

4. Разсужденіе Лаоси о *почести и славѣ* находится въ тѣсной связи съ ученіемъ его о простотѣ сердца и смиреніи. Знатность, извѣстность и величіе этого міра, по мнѣнію Лаоси, не суть истинныя почести и слава, ибо онѣ противорѣчатъ смиренію

¹⁾ «Тр. о нр.». XLIII.

²⁾ Ibid. LXI.

³⁾ Ibid. LXXVI.

⁴⁾ Ibid. LI.

⁵⁾ Ibid. X, II.

⁶⁾ Ibid. VIII.

⁷⁾ Ibid. XXXIX.

⁸⁾ Ibid. X, XXIV.

⁹⁾ Ibid. LXXI.

Тао. Почестъ и слава этого міра слишкомъ непостоянны и неопредѣленны; въ нихъ нѣтъ ничего существеннаго, поэтому онѣ противоестественны, а слѣдовательно, грѣховны. Этотъ взглядъ и служилъ исходною точкой мнѣнія Лаоси, что *незнатность и неизвѣстность есть истинная почестъ и слава человека*.

Съ другой стороны, *позоръ и оскорбленіе* въ этомъ мірѣ не есть дѣйствительный позоръ и оскорбленіе. Поэтому Лаоси относится къ нимъ какъ къ чему-то крайне призрачному: «почестъ и позоръ,—пишетъ онъ,—одинаково странны для мудреца» ¹⁾.

5. Лаоси не только проповѣдникъ простоты и смиренія, но и провозвѣстникъ *самоотверженнаго человеколюбія*. Основаніемъ этого ученія служитъ Тао, которое не заботится о самомъ себѣ, а только о другихъ. «Тао сотворило всѣ существа, а добродѣтель (его) кормитъ ихъ; они даютъ имъ вещественную форму, а могущество (ихъ) совершенствуетъ вещи» ²⁾.

Эта любовь Тао ко всѣмъ существамъ ³⁾ должна быть образцомъ нашего человеколюбія, которое Лаоси называетъ человеколюбіемъ о Тао.

Истинное человеколюбіе должно быть самоотверженной любовью. «Святой заботится о себѣ послѣ другихъ» ⁴⁾. Такое человеколюбіе должно быть, по своему существу, всеобъемлющимъ и не должно знать границъ. Эта идея выражена въ слѣдующемъ сравненіи. «Небесное Тао,—пишетъ онъ,—не имѣетъ родственниковъ (которымъ оно могло бы оказывать преимущество передъ другими): оно всегда склоняется къ добрымъ людямъ» ⁵⁾. Значитъ, Тао чуждо несправедливости: оно ко всѣмъ относится одинаково.

Самое высокое человеколюбіе это—любовь ко врагамъ. Истинно любящій не долженъ исключать изъ своей любви даже ненавидящихъ его самого. «За ненависть,—учитъ Лаоси,—платите добромъ» ⁶⁾,—ученіе, очень напоминающее христіанскую заповѣдь о любви къ врагамъ.

1) «Трактат. о нравств.» XIII.

2) Ibid. LI.

3) Ibid. LXXVII, XXIV.

4) Ibid. VII, LXXXVII и мн. др.

5) Ibid. LXXXIX.

6) Ibid. LXIII.

Конечно, Лаосіевская формула ученія и любви ко врагамъ менѣе жизненна и содержательна, чѣмъ заповѣдь Христа, но тѣмъ не менѣе нельзя не подивиться тому, что эта великая, гуманная истина въ VI в. до Р. Х. была проповѣдана китайцамъ чрезъ ихъ національнаго философа.

3. Соціальная этика.

Лаоси думалъ, что общество съ его вождемъ—царемъ—можетъ въ значительной мѣрѣ способствовать осуществленію ученія объ индивидуальной морали. Поэтому Лаоси серьезно занимался рѣшеніемъ вопроса объ общественномъ строѣ.

По мнѣнію Лаоси, общественный строй требуется естественнымъ порядкомъ міра, и безъ управленія никакое общество существовать не можетъ.

Признаніе законности государственнаго строя привело Лаоси къ признанію монархизма. Монархія, по мнѣнію Лаоси, болѣе другихъ формъ правленія способна привести людей къ единству, которое и есть міровой законъ ¹⁾. Другими словами: какъ единое Тао приводитъ въ порядокъ всѣ существа, такъ и на землѣ единое управленіе должно приводить всѣхъ людей въ единство. *Царь*, по мнѣнію Лаоси, стоитъ на недостижимой для насъ высотѣ. «Четыре величія въ мірѣ,—пишетъ онъ:—Тао, небо, земля и царь» ²⁾.

Это мнѣніе Лаоси основано на томъ, что царь, стоя во главѣ народа и будучи повелителемъ его, могъ бы нравственно повліять на своихъ подданныхъ; слова и дѣла его могли бы быть примѣромъ и образцомъ для всѣхъ ³⁾. Поэтому, онъ предлагаетъ царю быть особенно внимательнымъ къ себѣ и преподаетъ цѣлую систему о морали царя.

Прежде всего, Лаоси выставляетъ Тао, какъ идеальнаго царя. Онъ совѣтуетъ царю во всѣхъ отношеніяхъ подражать Тао.

Онъ учитъ, чтобы царь соблюдалъ бездѣтельность. Это видно изъ слѣдующаго изреченія его: «Тао ничего не дѣлаетъ, поэтому оно дѣлаетъ все» ⁴⁾. Нужно замѣтить, что ничего не дѣлать, или быть бездѣтельнымъ, по Лаоси, не значитъ нахо-

¹⁾ Ibid. XXXIX.

²⁾ Ibid. XXV.

³⁾ Ibid. LXV.

⁴⁾ Ibid. XXVII.

даться безъ движенія, а напротивъ—дѣйствовать, но безъ празднаго умствованія. «Управляющій страной посредствомъ умствованія,—учить Лаоси,—погубить ее. Когда страна управляется безъ умствованія, то въ ней будетъ благоденствіе» ¹⁾. Очевидно, что Лаоси смотрѣлъ на ученіе и умствованіе, какъ на социальное зло. Умствованія, по мнѣнію Лаоси, омрачаютъ очи разума и приводятъ людей въ заблужденіе, могущее нравственно погубить ихъ.

Отрицательное отношеніе Лаоси ко всякаго рода умствованію привело его къ крайности—къ полному отрицанію всякой образованности. Онъ думалъ, что образованность и просвѣщеніе нарушаютъ счастье человѣка. Поэтому онъ совѣтуетъ царямъ держать народъ въ разумномъ невѣжествѣ ²⁾ и естественной простотѣ, въ которой и заключается блаженство людей.

Будучи проповѣдникомъ простоты и естественности, Лаоси не могъ сочувственно относиться къ сложнымъ законамъ и мелочнымъ постановленіямъ: онъ считаетъ ихъ началомъ социальнаго зла. «Когда въ государствѣ много законовъ и постановленій,—учитъ онъ,—то число воровъ (т. е. вообще преступниковъ) увеличивается».

Продолжая дальше развивать свою идею о простотѣ и естественности, Лаоси доходитъ до отрицанія богатства. Драгоценныя вещи обольщаютъ сердце человѣка и приводятъ его къ желанію завладѣть ими; это, въ свою очередь, ведетъ человѣка къ преступленію. Эта мысль очень ясно выражена въ слѣдующихъ афоризмахъ: «чтобы люди не сдѣлались ворами,—пишетъ Лаоси,—нужно не придавать никакого значенія трудно добываемымъ (т. е. цѣннымъ) вещамъ» ³⁾; «когда будутъ оставлены выгоды, то воровъ не будетъ» ⁴⁾

Въ социальной этикѣ болѣе всего занимаетъ нашего философа вопросъ о войнѣ. Этому много способствовали историческія обстоятельства, современныя ему. Война, по его взгляду, незаконна, и убивать людей—непростительное преступленіе; война есть жестокое нарушеніе естественнаго теченія природы, созданной Тао, и противна существу Тао, т. е. абсолютному доб-

¹⁾ Ibid. LXV.

²⁾ Ibid. III.

³⁾ Ibid. III.

⁴⁾ Ibid. XIX.

ру. И вотъ, Лаоси пишетъ: «еслибы (война) была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящій убивать людей» ¹⁾. Слѣдовательно, она противоестественна и преступна. Война—это величайшая несправедливость и бѣда. Вотъ почему нашъ философъ учитъ: «когда война окончится побѣдой, то слѣдуетъ объявить всеобщій трауръ».

При такомъ взглядѣ на войну, Лаоси не могъ одобрить и орудія войны—войска. Свое полное отвращеніе къ нему онъ выражаетъ слѣдующими словами: «войско есть орудіе нечестивыхъ, поэтому не можетъ быть орудіемъ мудрыхъ» ²⁾.

Хотя Лаоси принципиально отрицаетъ войну, но тѣмъ не менѣе сила современныхъ ему историческихъ условій заставила его рассмотреть вопросъ: какая война менѣе незаконна. Онъ считаетъ менѣе незаконной войной *оборонительную*, а наиболѣе незаконной—войну наступательную. Объ этомъ очень хорошо высказано имъ въ слѣдующемъ изреченіи: «Когда цари и князья заботятся объ оборонѣ, то сама природа сдѣлается помощницей ихъ» ³⁾.

Вотъ бѣглое обзорѣніе нравственного ученія Лаоси.

Мнѣніе Лаоси, что нравственная природа человѣка повреждена, но еще не лишена возможности достигнуть относительнаго нравственного совершенства, сразу, безъ сомнѣнія, поставило его на правильную точку зрѣнія о сущности морали. Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, онъ выработалъ себѣ рядъ вѣрныхъ взглядовъ на сущность нравственности. Таковы, напримѣръ, его ученія объ идеалѣ и критеріяхъ нравственности и оцѣнки нравственныхъ дѣйствій человѣка.

Сравнивая древнѣйшія ученія о нравственности, мы ясно увидимъ, что Лаосіевская моральная система выдѣляется изъ нихъ всѣхъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что до появленія христіанства не было такого возвышеннаго и стройнаго нравственного ученія, какъ система Лаоси. Правда, Шакія Муни также проповѣдовалъ возвышенное нравственное ученіе; но въ немъ много противорѣчій и преувеличеній, которыхъ въ системѣ Лаоси почти нѣтъ. Хотя еврейская мораль стояла, пожалуй, выше буддійской, но въ ней проповѣдовалось ученіе: «око за око и зубъ за зубъ»,

¹⁾ «Тракт. о нравст.». XXXI.

²⁾ Ibid. XXXI.

³⁾ Ibid. XXXII.

чего нашъ философъ не допускалъ: онъ проповѣдывалъ самоотверженное челоуѣколюбіе и любовь ко врагамъ ¹⁾.

Этика Лаоси представляетъ собою не какіе-нибудь случайные уроки о нравственности, а строго логическій выводъ изъ его метафизической системы, которая также не лишена нѣкотораго интереса. Къ ней мы теперь и перейдемъ.

Метафизика Лаоси.

1. Ученіе о Тао.

Изъ древнѣйшихъ китайскихъ философовъ одинъ только Лаоси хотѣлъ открыть начало міра чисто умозрительнымъ путемъ. Онъ не могъ довольствоваться конкретнымъ объясненіемъ міра. Ему думалось, что существуетъ высшій міръ, который открывается только нашему разуму. Видимое бытіе, думалъ Лаоси, ограничено и конечно, слѣдовательно, и не вѣчно; если оно не вѣчно, то должно имѣть начало; если оно имѣетъ начало, то подлежитъ разрушенію, но разрушеніе мыслимо только тогда, когда существуетъ неразрушимое; конечное мыслимо только тогда, когда существуетъ безконечное ²⁾.

Объ этомъ неразрушимомъ и безконечномъ говорить нашъ философъ слѣдующимъ образомъ: «верхъ не ясенъ, низъ не темень. О, безконечное! нельзя назвать его именемъ» ³⁾. «Оно не уловимо ⁴⁾, — пишетъ онъ въ другомъ афоризмѣ. — Оно не имѣетъ имени, но люди его называютъ Тао» ⁵⁾.

Что такое, спрашивается, Тао? «Тао, учитъ Лаоси, которое должно быть дѣйствительнымъ, не есть обыкновенное Тао» ⁶⁾. «Тао пусто» ⁷⁾, т.-е. оно — чистѣйшій духъ ⁸⁾, въ которомъ отсутствуетъ всякая матеріальность. Оно — «безконечная глубина» ⁹⁾, поэтому «неуловимо, какъ блескъ свѣта» ¹⁰⁾.

1) «Тракт. о нравст.» LXIII.

2) Ibid. LIX, XXV.

3) Ibid. XIV.

4) Ibid. XXI.

5) Ibid. XXV, XXXII, LXI.

6) Ibid. I.

7) Ibid. IV.

8) Ibid. VI.

9) Ibid. IV.

10) Ibid. XXI.

Признавая Тао безконечнымъ и чистѣйшимъ духомъ, Лаоси приходитъ къ логически необходимому выводу, что оно существо высочайшее ¹⁾ и абсолютное. Это свое торжественное исповѣданіе онъ излагаетъ слѣдующими словами: «невозможно даже вообразить, что существуетъ что-нибудь выше его (Тао)».

Если Тао существо абсолютное, то оно должно быть единымъ и кромѣ него не можетъ быть другого. Эту мысль Лаоси доказываетъ тѣмъ, что по существу своему Тао—чистѣйшій духъ, который имѣетъ внутреннее единство и не дѣлимъ ²⁾.

О непостижимости Тао Лаоси образно выражается слѣдующимъ образомъ: встрѣчаясь съ нимъ (Тао), не видать лица его; слѣдуя за нимъ, не видать его спины ³⁾.

Хотя Тао невидимо для нашихъ очей и непостижимо для нашего ума, но великія дѣла его видны и осязательны для насъ. «О, безпредѣльно великое Тао!—воскликаетъ нашъ философъ, ты справа и слѣва» ⁴⁾. «Оно какъ будто не дѣйствуетъ, но дѣйствуетъ лучше всѣхъ» ⁵⁾.

Правда, видимая природа (т. е. великія дѣла Тао) провозглашаетъ о существованіи Тао, но это не существенно, ибо нашъ омраченный многими заблужденіями разумъ могъ бы не замѣтить этого. Гораздо существеннѣе и сильнѣе проповѣдь о Тао нашей души, чѣмъ видимой природы. Отсюда Лаоси твердо признаетъ врожденность въ человѣкѣ идеи о Тао. Онъ думаетъ, что эта врожденная душѣ идея такъ ясно говоритъ каждому изъ насъ о величій Тао, что будетъ излишне вновь проповѣдывать о немъ. Никогда не проповѣдовалось,—учить нашъ философъ,—что надо почитать и уважать Тао, но это совершалось и совершается само собой ⁶⁾.

Опредѣливши такимъ образомъ, существо Тао, насколько разуму дано его знать, Лаоси идетъ дальше: онъ опредѣляетъ атрибуты Тао.

Абсолютное Тао не можетъ быть существомъ зависимымъ отъ другихъ: оно, уже какъ таковое, должно существовать отъ са-

¹⁾ «Тракт. о нравст.» XVII.

²⁾ Ibid. VI, X.

³⁾ Ibid. XIV.

⁴⁾ Ibid. XXXIV.

⁵⁾ Ibid. LXXIII.

⁶⁾ Ibid. LI.

мого себя. Еслибъ оно было не самобытнымъ существомъ, то оно не было бы абсолютнымъ бытіемъ. Ученіе Лаоси: «Тао самобытно» ¹⁾ есть строго логическій выводъ изъ признанія абсолютности его.

Абсолютное и самобытное Тао, по мнѣнію нашего философа, не можетъ быть существомъ ограниченнымъ и конечнымъ. Это привело его къ признанію безконечности и безпредѣльности Тао. «О безпредѣльно великое Тао» ²⁾. «Оно идетъ, совершая безконечный кругъ, и не знаетъ края» ³⁾.

Лаоси допускаетъ третій атрибутъ Тао—всемогушество ⁴⁾. Хотя Тао, по Лаоси, кажется существомъ слабымъ и нѣжнымъ, такъ какъ оно—бестѣлесный духъ, но слабость и нѣжность его сильнѣе могущественнѣйшихъ силъ міра сего ⁵⁾.

Признавъ Тао существомъ безпредѣльнымъ, т.-е. стоящимъ выше условія пространственности, Лаоси не могъ думать, что Тао подлежитъ условію времени. И дѣйствительно, онъ въ одномъ изъ афоризмовъ ясно учитъ, что Тао—вѣчное бытіе и поэтому не знаетъ ни измѣненія, ни переворота. Великое и безконечное Тао,—пишетъ онъ,—слѣдуетъ признать вѣчнымъ ⁶⁾. Тао «слабо и нѣжно», а «слабое и нѣжное живетъ» ⁷⁾. «Тао самобытно, поэтому не знаетъ переворота» ⁸⁾.

Такимъ образомъ, метафизическая система, развитая Лаоси, представляетъ собою послѣдовательное и цѣльное ученіе о единомъ Верховномъ Существоѣ, подобное тому, до котораго возвысилась греческая философія въ эпоху своего расцвѣта. Но преимущество Лаоси въ томъ, что онъ одинъ, силою личнаго ума, развилъ ученіе, до котораго греческая философія дошла лишь совокупными усиліями и въ историческомъ ростѣ.

2. Космологія Лаоси.

Нашему философу казалось непримиримымъ противорѣчіемъ признавать вѣчность и безконечность матеріи (или вещи, по его

1) «Тракт. о нравств.» XXV.

2) Ibid. XXXIV.

3) Ibid. XXV.

4) Ibid. LXXXIII.

5) Ibid. XXV.

6) Ibid. XXXII.

7) Ibid. LXXVIII, LXXVI.

8) Ibid. XXV.

терминологіи). Безпрестанное движеніе, видоизмѣненіе и перероты въ вещественномъ мірѣ для него были неоспоримымъ доказательствомъ того, что вещество условно и подлежитъ законамъ пространства и времени, слѣдовательно—невѣчно и конечно. Отсюда—естественный выводъ, что вещество, какъ невѣчное и конечное, несомнѣнно имѣетъ свое начало, которое предполагаетъ Творца. И дѣйствительно, Лаоси признаетъ Творцомъ всего существующаго абсолютное и всемогущее Тао. Вся тварь,—думаетъ онъ,—появилась на свѣтѣ, благодаря ему ¹⁾).

О происхожденіи вещества нашъ философъ учитъ слѣдующимъ образомъ: «Тао сотворилъ одно, одно—два, два—три, а три—весь вещественный міръ» ²⁾. Это значитъ, что Тао создало единое, т.-е. несложное, которое не есть еще видимое, осязаемое вещество и есть небытіе. Такъ какъ небытіе—отрицаніе бытія—заключаетъ въ себѣ элементъ отрицаемаго, то изъ него же произошелъ и весь видимый міръ ³⁾.

О вѣрности нашего пониманія вышеприведеннаго изреченія Лаоси свидѣтельствуетъ слѣдующая мысль его: «всѣ вещи,—говоритъ онъ,—произошли изъ бытія, и бытіе—изъ небытія» ⁴⁾.

Первоначальное вещество, или матерія, находилось въ хаотическомъ состояніи ⁵⁾. Эта хаотическая масса, по мнѣнію Лаоси, заключала въ себѣ двѣ противоположныхъ силы: «инъ» и «янъ» ⁶⁾. Посредствомъ этихъ двухъ силъ вся хаотическая масса была приведена въ движеніе, во время котораго легкое поднялось наверхъ, а тяжелое погрузилось внизъ ⁷⁾. Благодаря этому движенію, хаотическая масса матеріи пришла въ порядокъ. Достигшая порядка матерія и есть вселенная со всей ея сложностью и разнообразіемъ ⁸⁾.

¹⁾ «Тракт. о нравств.» LI.

²⁾ «Тракт. о нравств.» XLII. Одинъ — это нечетное число, а два — четное. Соединеніе четнаго съ нечетнымъ обнимаетъ все многообразіе чиселъ.

³⁾ На существованіе *такою* діалектическаго перехода отъ небытія къ видимому міру нѣтъ, впрочемъ, указаній въ трактатѣ Лаоси. *Ред.*

⁴⁾ Ibid. XL, II.

⁵⁾ Ibid. XXV. «Вещество,—пишетъ Лаоси,—произошло изъ хаоса».

⁶⁾ «Тракт. о нравств.» XLII.

⁷⁾ Ibid. XXVI.

⁸⁾ Ibid. XXXIX.

Такой сложный процесс происхожденія дѣйствительности не могъ совершиться самъ собой. Творцомъ всего этого Лаоси признаетъ Тао.

Лаосіевская гипотеза о происхожденіи дѣйствительности на-поминаетъ собой теорію Анаксагора относительно того же предмета. Какъ Лаоси, такъ и Анаксагоръ признаютъ, что видимый міръ произошелъ изъ хаотической массы матеріи, находившейся во вращательномъ движеніи. Но въ вопросѣ, кѣмъ или чѣмъ эта хаотическая масса была приведена въ движеніе, они нѣсколько расходятся. Нашъ философъ думаетъ, что хаотическая матерія приводилась въ движеніе двумя другъ другу противоположными силами «инъ» и «янъ», которыя имманентны матеріи; Анаксагоръ же утверждаетъ, что Умъ (Νοῦς) привелъ хаотическую массу матеріи въ движеніе. Это разногласіе двухъ мыслителей, впрочемъ, весьма неважно и несущественно. Если мы примемъ во вниманіе ученіе Лаоси, что Творецъ всего—Тао, то сдѣлается яснымъ, что китайскій мыслитель нѣсколько подробнѣе раскрылъ свою космологическую гипотезу, нежели эллинскій философъ. Тао Лаоси и Анаксагоровъ Умъ по смыслу и значенію почти тождественны и однородны.

Создавши міръ и произведши всякую тварь, Тао не оставляетъ ихъ безъ надлежащей помощи: оно промышляетъ о нихъ.

Промыслительная дѣятельность Тао изображается нашимъ философомъ слѣдующими словами: «Тао производитъ вещи, добродѣтель (его) кормитъ ихъ; они (т.-е. Тао и добродѣтель) даютъ имъ вещественную форму, а могущество (ихъ) совершенствуетъ вещи» ¹⁾.

Временное существованіе вселенной, т.-е. всей твари, Лаоси признаетъ очень ясно. «Ни небо, ни земля,—пишетъ онъ,—вѣчно существовать не могутъ», потому что «процвѣтающая вещь легко старѣетъ» ²⁾. И если міръ можетъ существовать относительно долго, то только благодаря Тао, сотворившему его, и притомъ не для него самого. Эта мысль весьма ясно высказана Лаоси въ одномъ изъ его афоризмовъ. «Небо и земля,—говоритъ онъ,—вѣчны..... ибо они существуютъ не для самихъ себя» ³⁾.

¹⁾ «Тракт. о нравств.» LI.

²⁾ Ibid. XXIII и LV.

³⁾ Ibid. VII.

Во многихъ афоризмахъ нашъ философъ восхваляетъ великія дѣла Тао. Глубина и могущество творческихъ силъ Тао, по его ученію, непостижимы и недоступны для нашего ограниченнаго ума. «Могу ли я знать,—пишетъ Лаоси,—почему вселенная такая, а не иная?»¹⁾

Вотъ, въ общихъ чертахъ, Лаосіевская космологія. При ближайшемъ знакомствѣ съ сочиненіемъ Лаоси не трудно будетъ убѣдиться, что эта космологія есть естественный выводъ изъ ученія о Тао, какъ существѣ самобытномъ, абсолютномъ и всемогущемъ, и такимъ образомъ входитъ органическимъ членомъ во всю систему его философіи.

Д. Конисси.

---

¹⁾ «Тракт.» XXXIV, XXI.

Вопросы Философіи, кн. 23.

„Тао те кингъ“ Лаоси.

(Переводъ съ китайскаго *).

ПЕРВАЯ КНИГА.

I. Тао, которое должно быть дѣйствительнымъ, не есть обыкновенное Тао.

Имя, которое должно быть дѣйствительнымъ, не есть обыкновенное имя.

То, что не имѣетъ имени—есть начало неба и земли; то, что имѣетъ имя—есть мать **) всѣхъ вещей.

Вотъ почему свободный отъ всѣхъ страстей видитъ величественное проявленіе Тао, а находящійся подъ вліяніемъ какой-нибудь страсти видитъ только незначительное его проявленіе.

Эти оба происходятъ изъ одного и того же начала, но только носятъ разное названіе ***).

Они называются непостижимыми.

Непостижимое изъ непостижимыхъ и есть ворота всего таинственного.

II. Подъ небомъ всѣ (люди) знаютъ, что красивое есть красивое, но оно только безобразное.

*) Предлагаемый вниманію читателей переводъ извѣстнаго трактата Лаоси о нравственности сдѣланъ, по порученію редакціи «Вопросовъ Филос. и Псих.», японскимъ ученымъ Д. П. Конисси, которому принадлежитъ и помѣщенная выше вводная статья о философіи Лаоси. Въ основу перевода положенъ текстъ цѣннаго китайскаго изданія, хранящагося въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, подъ № 40 Китайскаго отдѣла. Переводчикъ пользовался также, при своемъ трудѣ, нѣсколькими добытыми имъ японскими изданіями трактата Лаоси, а также текстомъ, изданнымъ Stan. Julien'омъ (Paris 1842). *Ред.*

**) Букв.—самка.

***) Т.-е. существо, не имѣющее имени, и существо, имѣющее имя,—произошли изъ одного и того же начала—Тао.

Точно также всѣ знаютъ, что добро есть добро, но оно только зло.

Изъ бытія и небытія произошло все; изъ невозможнаго и возможнаго—исполненіе; изъ длиннаго и короткаго—форма.

Высокое подчиняетъ себѣ низшее; высшіе голоса вмѣстѣ съ низшими производятъ гармонію; предшествующее подчиняетъ себѣ послѣдующее.

Святой мужъ, будучи бездѣятельнымъ, распространяетъ свое ученіе. Вся тварь повинуется ему и никогда не откажется отъ исполненія его воли.

Онъ производитъ много, но ничего не имѣетъ; дѣлаетъ много, но не хвалится сдѣланнымъ; совершаетъ подвиги, но ихъ не приписываетъ себѣ.

Онъ нигдѣ не останавливается, поэтому ему не будетъ надобности удалаться туда, куда онъ не желаетъ.

III. Чтобы не было ссоръ въ народѣ, нужно не уважать мудрецовъ.

Чтобы люди не сдѣлались ворами, нужно не придавать никакого значенія трудно добываемымъ (цѣннымъ) предметамъ, потому что когда люди не будутъ имѣть тѣхъ предметовъ, которые бы прельстили ихъ сердца, они никогда не соблазнятся ими.

Отсюда, когда святой мужъ управляетъ страной, то сердце его пусто, а тѣло его полно; (онъ) ослабляетъ желанія и укрѣпляетъ (свои) кости.

Онъ старается, чтобы народъ былъ въ невѣжествѣ и безъ страстей.

Также онъ старается, чтобы мудрые не смѣли сдѣлать чего-нибудь.

Когда всѣ сдѣлаются бездѣятельными, то (на землѣ) будетъ полное спокойствіе.

IV. Тао пусто, но когда его употребляютъ, то, кажется, оно неистошимо.

О, какая глубина! Оно начало всѣхъ вещей.

Оно притупляетъ свое остріе, развязываетъ узлы, смягчаетъ блескъ и наконецъ, соединяетъ между собою мельчайшія частицы.

О, какъ чисто! Оно существуетъ предвѣчно, но я не знаю, чей оно сынъ и предшествовало ли первому царю *).

*) Т. е. царю неба.

V. Небо и земля не суть любвеобильныя существа. Они поступаютъ со всѣми вещами, какъ съ соломенной собакой*).

Святой мужъ не любвеобилень: онъ поступаетъ съ земледѣльцами, какъ съ соломенной собакой.

Все находящееся между небомъ и землей похоже на кузнечный мѣхъ.

Онъ (кузнечный мѣхъ) пусть, но неистошимъ: чѣмъ чаще надувается, тѣмъ больше выпускаетъ воздухъ.

Кто много говорить, тотъ часто терпитъ неудачу; поэтому лучше всего соблюдать средину.

VI. Чистѣйшій духъ безсмертенъ. Онъ называется непостижимой матерью (самкой).

Ворота непостижимой матери—называются корнемъ неба и земли.

Онъ (т.-е. чистѣйшій духъ) будетъ существовать безъ конца.

Кто хочетъ употреблять его, тотъ не устанетъ.

VII. Небо и земля вѣчны.

Причина того, что небо и земля вѣчны, заключается въ томъ, что они существуютъ не для самихъ себя.

Вотъ почему они вѣчны.

Святой мужъ заботится о себѣ послѣ другихъ, поэтому онъ легко достигаетъ безопасности.

Онъ оставляетъ свое тѣло безъ всякой заботы, поэтому онъ будетъ жить долго.

Кто не заботится о себѣ, тотъ весьма удачно совершитъ и свое личное дѣло.

VIII. Высшая добродѣтель похожа на воду.

Вода, давая всѣмъ существамъ обильную пользу, не сопротивляется ничему.

Она находится на томъ мѣстѣ, котораго люди не видятъ, поэтому она похожа на Тао.

Жить хорошо—для земли; сердце—для глубины; союзъ—для любви; слова—для довѣрія; управленіе—для благоденствія (страны); дѣла—для умѣнія; движеніе—для жизни.

Не ссорящійся не осуждается.

*) Соломенная собака—это кукла собаки, сдѣланная изъ соломы. Она, по словамъ толкователя Лаоси *Хаку Гёку-сень*, употреблялась при жертвоприношеніи. Когда окончится обрядъ приношенія, то китайцы бросаютъ ее и топчутъ ногами. Здѣсь это выраженіе употреблено въ смыслѣ «ничтожества».

IX. Чтобы посуда была наполнена чѣмъ-нибудь, нужно держать ее твердо (безъ малѣйшаго движенія) и ровно.

Чтобы лезвее наострилось, нужно долго продолжать натачиваніе.

Когда домъ наполненъ золотомъ и драгоценными камнями, то невозможно сохранить его въ цѣлости.

Кто достигнетъ чести и приобрететъ богатство, тотъ сдѣлается гордымъ. Онъ легко забудетъ, что существуетъ наказаніе (за преступленіе).

Когда дѣла увѣнчаются блестящимъ успѣхомъ и будетъ приобретено доброе имя, то лучше всего удалиться (въ уединеніе).

Вотъ это-то и есть небесное Тао (или естественное Тао).

X. Душа имѣетъ единство, поэтому она не дѣлится (на части).

Кто вополнѣ духовенъ, тотъ бываетъ смиренъ, какъ младенецъ.

Кто свободенъ отъ всякаго рода знаній, тотъ никогда не будетъ болѣть.

Кто любитъ народъ и управляетъ имъ, тотъ долженъ быть бездѣтельнымъ.

Кто хочетъ открыть небесныя ворота, тотъ долженъ быть какъ самка *).

Кто дѣлаетъ видъ, что много знаетъ и ко всему способенъ, тотъ ничего не знаетъ и ни къ чему неспособенъ.

Кто производитъ (вещь) и постоянно держитъ ее, тотъ ничего не имѣетъ.

Не хвалиться тѣмъ, что сдѣлано, не начальствовать надъ другими, превосходя ихъ, называется небесною добродѣтелью.

XI. Тридцать спиць соединяются въ одной ступицѣ (колесницы), но если онѣ недостаточны для предназначенной цѣли, то ихъ можно употребить для другой (воза).

Изъ глины дѣлаютъ домашній сосудъ; но если она недостаточна для извѣстной цѣли, то годится для другой.

Связывая рамы и двери, устраиваютъ домъ; но если онѣ недостаточны для этого, то изъ нихъ можно дѣлать домашнюю утварь.

Отсюда видно, что если вещь не годна для одной цѣли, то можно употребить ее для другой.

*) «Открыть небесныя ворота»—значитъ достигнуть Тао или нравственнаго совершенства. Отсюда смыслъ этого афоризма таковъ: желающій достигнуть нравственнаго совершенства долженъ быть смиреннымъ, какъ самка смирна предъ самцомъ.

ХII. Пять цвѣтовъ ослѣпляютъ человѣка.

Пять звуковъ оглушаютъ его.

Пять вкусовъ пресыщаютъ его.

Верховая гонка и охота одуряютъ душу (сердце) человѣка.

Стремленіе къ обладанію рѣдкими драгоцѣнностями влечетъ человѣка къ преступленію.

Отсюда святой мужъ дѣлаетъ исключительно нравственное *), а не для глазъ. Поэтому онъ удаляется отъ того и приближается къ этому.

ХIII. Почестъ и позоръ отъ сильныхъ міра (для мудреца) одинаково странны.

Собственное тѣло тяготитъ его, какъ великое бремя.

Что значить: почестъ и позоръ отъ сильныхъ міра одинаково странны (для мудреца)?

Почестъ отъ сильныхъ міра—униженіе (для мудреца), поэтому, когда она достанется (ему), то (онъ) относится къ ней, какъ къ совершенно призрачной **); когда она потеряется, то также къ ней относится, какъ къ презрѣнной.

Вотъ это-то и есть: къ почести и позору отъ сильныхъ міра относится какъ къ призрачному.

Что значить: собственное тѣло тяготитъ его (мудреца), какъ великое бремя?

Я имѣю потому великую печаль, что имѣю тѣло. Когда я буду лишенъ тѣла, то не буду имѣть никакой печали.

Поэтому, когда мудрецъ боится управлять вселенной, то ему можно поручить ее; когда онъ сожалѣетъ, что управляетъ вселенной, то ему можно отдать ее.

ХIV. Предметъ, на который мы смотримъ, но не видимъ, называется безцвѣтнымъ.

(Звукъ, который) мы слушаемъ, но не слышимъ—беззвучнымъ.

(Предметъ, который) мы хватаемъ, но не можемъ захватить—мельчайшимъ.

Эти три (предмета) неизслѣдимы, поэтому когда они смѣшались между собой, то соединяются въ одно.

Верхъ не ясенъ, низъ не темень. О, безконечное! Его нельзя назвать именемъ.

*) Буқвал.: «внутреннее».

***) Буқв. у Лаоси: «достойной удивленія».

Оно существуетъ, но возвращается къ небытію.

Оно называется формою (или видомъ) безформенною.

Оно также называется неопредѣленнымъ.

Встрѣчаясь съ нимъ, не видать лица его, слѣдуя же за нимъ, не видать спины его.

Посредствомъ древняго Тао можно управлять жизнью настоящаго времени.

Изслѣдовать происхожденіе всего (или начало древности) называется нитью Тао.

XV. Древніе, выдававшіеся надъ толпой, люди хорошо знали мельчайшее, чудесное и непостижимое.

Они глубоки,—постигнуть ихъ невозможно.

Они непостижимы, поэтому внѣшность ихъ была величественная.

О, какъ они медленны, подобно переходящимъ зимой черезъ рѣку!

О, какъ они не рѣшительны, подобно боящимся своихъ сосѣдей!

О, какъ они осанисты, подобно гостящимъ въ чужомъ домѣ!

О, какъ они осторожны, подобно ходящимъ на тающемъ льду!

О, какъ они просты, подобно необдѣланному дереву!

О, какъ они пусты, подобно пустой долиинѣ!

О, какъ они мрачны, подобно мутной водѣ!

Кто сьумѣетъ остановить ихъ и сдѣлать ясными?

Кто же сьумѣетъ успокоить ихъ и продлить ихъ тихую жизнь?

Исполняющій Тао не желаетъ быть удовлетвореннымъ *).

Онъ же не удовлетворяется ничѣмъ, поэтому, довольствуясь старымъ и не обновляясь (душою), достигаетъ совершенства.

XVI. Когда пустота будетъ доведена до послѣдняго предѣла, то будетъ глубочайшій покой.

Всякая вещь растетъ, въ чемъ я вижу возвращеніе (или круговоротъ).

Правда, вещи чрезвычайно разнообразны, но всѣ онѣ возвращаются къ своему началу.

Возвращеніе вещей къ своему началу и есть покой.

Покой и есть возвращеніе къ жизни.

Возвращеніе къ жизни и есть постоянство.

Знающій постоянство (или вѣчность)—мудрецъ.

*) У Лаоси букв. «наполненнымъ».

Не знающій постоянства будетъ дѣйствовать по своему произволу, поэтому онъ призываетъ къ себѣ бѣду.

Знающій постоянство имѣетъ всеобъемлющую душу.

Имѣющій всеобъемлющую душу будетъ правосуденъ.

Правосудный будетъ царемъ.

Кто царь, тотъ соединяется съ Небомъ.

Кто соединенъ съ Небомъ, тотъ будетъ подобенъ Тао, которое существуетъ отъ вѣчности.

Тѣло его погибнетъ (умретъ, когда настанетъ время), но (духъ его) никогда не уничтожится.

XVII. Существуетъ ли высочайшее бытіе, я не знаю; но можно (духомъ) приблизиться къ нему и воздавать ему хвалу, потомъ—бояться его, а затѣмъ—пренебрегать имъ.

Отъ недостатка вѣры происходитъ невѣріе.

О, какъ медленны слова, сказываемыя съ вѣсомъ и со смысломъ!

Когда совершены заслуги и сдѣланы подвиги, то всѣ земледѣльцы скажутъ, что это достигнуто естественнымъ ходомъ вещей.

XVIII. Когда великое Тао *) будетъ покинуто, то появится истинная человѣчность и справедливость.

Когда широко будетъ распространена мудрость, то появится великая печаль.

Когда шесть ближайшихъ родственниковъ **) находятся въ раздорѣ, то является почитаніе родителей и любовь къ дѣтямъ.

Когда въ государствѣ царитъ усобица, то являются вѣрные слуги.

XIX. Когда оставлены святость и мудрость ¹⁾, то польза народа увеличится во сто разъ.

Когда оставлены челоѣколюбіе и справедливость ²⁾, то дѣти будутъ почитать своихъ родителей, а родители будутъ любить своихъ дѣтей.

Когда покинуты всякаго рода лукавство и выгоды, то воровъ не будетъ.

Одной только внѣшностью достигнуть этихъ трехъ (пунктовъ)

*) Тутъ Лаоси иронически называетъ «великимъ Тао» и мудростью тѣ ученія, которыя извѣстны подъ названіемъ «Ученія блаженнѣйшихъ царей».

**) 6 степеней родовыхъ линій.

1)—2) Лаоси такъ называетъ, конечно, «ученіе блаженнѣйшихъ царей».

невозможно. Для этого необходимо быть болѣе простымъ и менѣе способнымъ и безстрастнымъ.

XX. Когда уничтожено будетъ ученіе, то печали не будетъ.

Какъ велика разниа между простымъ и сложнымъ!

Какъ велика разниа между добромъ и зломъ!

Необходимо бояться того, чего люди боятся.

О, дико! еще далеко до середины.

Многіе держать себя важно, словно получаютъ жертвенное мясо, словно весной восходятъ на башню.

О, какъ я простъ! Во мнѣ нѣтъ ничего опредѣленнаго, какъ въ младенцѣ, еще не достигшемъ дѣтства.

Я какъ будто несусь, но не знаю куда и гдѣ остановлюсь.

Многіе люди богаты, но я ничего не имѣю, какъ будто все потерялъ.

Я простъ, какъ душа глупаго человѣка, но люди свѣта блестятъ.

Я одинъ темень, но люди свѣта просвѣщены.

Я одинъ страдаю душевно; волнуясь, какъ море; блуждаю и не знаю, гдѣ остановиться.

Многіе люди дѣлаютъ то, къ чему способны, но я одинъ глупъ и мужиковать.

Я одинъ отличаюсь отъ другихъ тѣмъ, что люблю питаться у матери *).

XXI. Высокнравственный повинуется только одному Тао.

Сущность Тао похожа на блескъ свѣта.

О, неуловимъ блескъ свѣта! но въ немъ есть изображеніе.

О, какъ онъ блеститъ! Онъ рѣшительно неуловимъ, но въ немъ есть вещество.

О, какъ призрачно и непостижимо (Тао)! Въ немъ есть сущность, которая достовѣрна.

Отъ древности до нынѣ имя (его) никогда не исчезало.

Я обозрѣлъ многія начала, но не знаю, отчего такія начала, а не иныя.

XXII. Изъ несовершеннаго происходитъ цѣльное.

Изъ криваго—прямое.

Изъ углубленнаго—гладкое.

Изъ стараго—новое.

*) Т. е. у матери всѣхъ вещей (Тао).

Если не много, то легко приобрести, а если много, то легко запутаться.

Поэтому святой мужъ имѣетъ только одно, но онъ слѣдается примѣромъ для всего міра.

Онъ открыто не объявляетъ своихъ мыслей, поэтому онъ никогда не заблуждается (ясень).

Онъ никогда не выставляетъ себя, поэтому онъ всегда извѣстенъ.

Онъ самъ никогда не воюетъ, поэтому имѣетъ заслуги.

Ничѣмъ онъ не гордится, поэтому онъ превозносится.

Ни съ кѣмъ онъ не ссорится, поэтому вся вселенная никогда не сопротивляется ему.

Отсюда, высказанныя древними слова: «изъ несовершеннаго происходитъ совершенное; изъ криваго—прямое» можно ли назвать лживымъ изреченіемъ?

XXIII. Рѣдкія слова заключаютъ въ себѣ самыя достовѣрныя мысли.

Рѣдкія изреченія сами собою правдивы.

Утренній сильный вѣтеръ не продолжается до полудня; сильный дождь не продолжается цѣлый день.

Ни небо, ни земля вѣчно существовать не могутъ. Тѣмъ болѣе человѣкъ.

Живущій и поступающій по Тао равенъ ему; нравственный человѣкъ равенъ добродѣтели; потерявшій все равенъ потерѣ.

Тао любитъ находить равное себѣ; нравственный—равное себѣ; потерявшій—также равное себѣ.

Гдѣ вѣра слаба, тамъ не будетъ вѣры.

XXIV. Сухоногіи не можетъ встать.

Сидящій не можетъ ходить.

Кто думаетъ, что постигъ все, тотъ ничего не знаетъ.

Кто доволенъ самимъ собою, тотъ не можетъ прославиться.

Кто хвастается, тотъ не можетъ имѣть заслуги.

Кто гордъ, тотъ не можетъ возвыситься.

Такіе люди, съ точки зрѣнія Тао, называются питающимися излишествомъ и творящими напрасное. Поэтому, когда они находятъ Тао, то остаются въ немъ рѣшительно не могутъ.

XXV. Вещество произошло изъ хаоса.

Есть бытіе, которое существуетъ раньше, нежели небо и земля.

Оно недвижимо, безтѣлесно, самобытно и не знаетъ переворота.

Оно идетъ, совершая безконечный кругъ, и не знаетъ предѣла.

Оно одно только можетъ быть матерью (самкой) неба и земли.

Я не знаю его имени, но (люди) называютъ его Тао.

Могущество его называется величіемъ; величіе его—безграничнымъ; безграничное—безконечнымъ; безконечное—возвращеніемъ.

Тао велико, небо велико, земля велика и, наконецъ, царь великъ.

Итакъ, въ мірѣ существуютъ четыре величія, одно изъ которыхъ составляетъ царь.

Земля несетъ людей; небо несетъ землю; Тао несетъ небо и, наконецъ, естественность несетъ Тао.

XXVI. Тяжелое лежитъ въ основаніи легкаго.

Тишина господствуетъ надъ движеніемъ.

Хотя мудрецъ бываетъ занятъ пѣлый день, но относится къ своимъ дѣламъ внимательно и съ большей осторожностью.

Хотя ему будетъ слава и внѣшнее великолѣпіе, но онъ никогда не прельстится ими, ибо онъ стоитъ выше ихъ.

Что случится съ тѣмъ царемъ, который, имѣя 10,000 колесницъ, презираетъ заботу о своей странѣ и думаетъ только о своемъ удовольствіи?

Презирающій заботу о своей странѣ потеряетъ лучшихъ слугъ—опору государства.

Гдѣ легкомысленное движеніе въ народѣ, тамъ царь легко упряднится.

XXVII. Нравственный человѣкъ не оставляетъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

Краснорѣчивый не сдѣлаетъ ошибки въ своихъ рѣчахъ.

Побѣдоносный полководецъ не употребляетъ никакой хитрости.

Если что крѣпко заперто, то (оно), хотя и безъ замковъ, не отпирается.

Если что крѣпко связано, то (оно), хотя и безъ замысловатыхъ узловъ, не развязывается.

Мудрецы спасаютъ погибающихъ и не оставляютъ нуждающихся въ чемъ-нибудь безъ помощи. Они всегда очень бережно сохраняютъ вещи и не выкидываютъ ихъ.

Это называется двойнымъ просвѣщеніемъ.

Отсюда, нравственный человѣкъ есть учитель (или руководитель) безнравственныхъ; безнравственные люди суть орудіе нравственнаго.

Кто не уважаетъ своего учителя и кто не любитъ своего орудія, тотъ, хотя уменъ, очень заблуждается.

Это называется важнымъ отступленіемъ отъ Тао.

XXVIII. Тотъ, кто знаетъ свою силу и сохраняетъ свою слабость, сдѣлается долиной вселенной.

Когда онъ будетъ долиной вселенной, то въ немъ будетъ пребывать вѣчная добродѣтель.

Человѣкъ вторично возвращается въ состояніе младенца (Тао).

Кто знаетъ глубину своего просвѣщенія и остается въ невѣжествѣ ¹⁾, тотъ сдѣлается примѣромъ всего міра.

Кто будетъ примѣромъ всего міра, тотъ не измѣнитъ вѣчной добродѣтели и возвратится къ совершенству (Тао): онъ познаетъ славу Его.

Находясь въ презрѣніи, онъ сдѣлается долиной вселенной.

Кто—долина вселенной, тотъ будетъ доволенъ только добродѣтелью и возвратится въ совершенную простоту.

Когда эта простота будетъ удалена, то изъ него выйдетъ пре-восходный сосудъ.

Если святой мужъ употребить его, то сдѣлается начальникомъ.

Вотъ почему великое установленіе никогда не уничтожится.

XXIX. Кто дѣйствуетъ, сильно желая завладѣть вселенной, тотъ никогда не достигнетъ желаемого, потому что вселенная есть божественное орудіе, поэтому распоряжаться ея судьбою никто не въ правѣ.

Отсюда, кто покушается на это, тотъ нарушаетъ порядокъ міра; кто хочетъ завладѣть имъ, тотъ немедленно потеряетъ его.

Вообще вещи идутъ впередъ или назадъ; воютъ или дуютъ ²⁾; сильны или слабы; несутся или же останавливаются на одномъ мѣстѣ.

Поэтому, мудрецъ избѣгаетъ всякой крайности, роскоши и великолѣпія.

XXX. Кто помогаетъ царю по Тао, тотъ не будетъ заботиться о процвѣтаніи страны посредствомъ военной силы: что бы вы ни сдѣлали людямъ, они гѣмъ же воздадутъ вамъ.

Гдѣ войско стоитъ, тамъ будетъ расти колючая трава (вмѣсто хлѣба).

¹⁾ Букв.: *незнаніи*.

²⁾ Въ текстѣ Stan. Julien'a: *грѣютъ или охлаждають*.

Послѣ великой войны бываетъ неурожайный годъ.

Отсюда, когда нравственный человѣкъ управляетъ (страной), то никогда не прибѣгаетъ къ грубой силѣ, не ищетъ тщеславія, не воюетъ, не гордится ничѣмъ, не останавливается нигдѣ и не усиливается.

Когда вещь дойдетъ до полноты своего развитія *), то она ослабѣетъ и дряхлѣетъ.

То, что не Тао, быстро уничтожается.

XXXI. Благоустроенное войско есть нечестивое орудіе, есть предметъ, по своему существу, злой.

Мудрецъ предпочитаетъ лѣвую сторону правой, ибо употребляющіе войско предпочитаютъ правую сторону лѣвой.

Войско есть нечестивое орудіе, поэтому оно не можетъ быть орудіемъ для (истинно) мудрыхъ. Отсюда, оно и употребляется только въ неизбѣжныхъ случаяхъ.

Хотя война ставить, быть можетъ, цѣлью спокойствіе, но она несомнѣнное зло.

Еслибъ она была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящій убивать людей.

Любящій убивать людей не можетъ осуществить свой добрый замыселъ въ мірѣ.

При добромъ дѣлѣ лѣвая сторона предпочитается правой, а при бѣдѣ—правая лѣвой.

Подчиненные генералы останавливаются на лѣвой сторонѣ, а начальствующіе—на правой.

Когда сдѣлается извѣстной побѣда, то слѣдуетъ встрѣтить эту вѣсть съ траурнымъ обрядомъ, ибо на войнѣ очень многіе погибаютъ.

Такъ какъ на войнѣ очень многіе погибаютъ, то слѣдуетъ оплакивать войну.

Когда война окончится побѣдою, слѣдуетъ объявить всеобщій трауръ.

XXXII. Вѣчное Тао не имѣетъ имени.

Оно незначительно, какъ щепка, но міръ не можетъ подчинить его себѣ.

Когда цари и князья заботятся о защитѣ (своей страны), то сама природа **) сдѣлается помощницей ихъ.

*) Букв. *силы*.

**) Букв. *вещь*.

Когда небо совокупляется съ землей, то спускается роса на землю, чего человекъ не въ состояніи устроить *).

Когда Тао раздѣлилось на части, то получило имя.

Если имя извѣстно, то нужно воздерживаться.

(Каждому) слѣдуетъ знать, гдѣ ему нужно оставаться. Кто соблюдаетъ во всемъ воздержаніе, тотъ не будетъ знать (нравственнаго) паденія.

Это—Тао, которое существуетъ во всей вселенной.

XXXIII. Знающій людей разуменъ, а знающій себя самого прозорливъ.

Побѣждающій другихъ силенъ, а побѣждающій самого себя могущественъ.

Довольствующійся самимъ собой—богачъ.

Твердый въ своихъ дѣйствіяхъ имѣетъ твердую волю.

Не отступающій отъ своего назначенія долговѣченъ.

Неуничтожимый послѣ смерти вѣченъ.

XXXIV. О, непредѣльно великое Тао!

Оно справа и слѣва.

Вся тварь появилась на свѣтъ, благодаря ему; оно не отталкивается отъ себя.

Заслуги Тао велики, но оно ими не хвалится.

Оно промышляетъ о всѣхъ вещахъ съ любовью, но не желаетъ быть господиномъ ихъ.

Такъ какъ оно не имѣетъ никакой страсти, то оно называется ничтожнымъ.

Его можно назвать маленькимъ, ибо мельчайшая вещь возвращается въ него.

Всѣ существа подчиняются ему, но оно не считаетъ себя господиномъ ихъ; поэтому его можно назвать великимъ.

Мудреца нельзя назвать великимъ, хотя онъ совершаетъ великія дѣла.

Причина того, что святой легко достигаетъ величія, заключается въ томъ, что онъ не величаетъ самого себя.

XXXV. (Святой) беретъ великаго слона и идетъ по всему міру. Ходить, но не дѣлаетъ никакого вреда.

Отъ удовольствія, спокойствія, тишины и величія даетъ ему (міру) пищу.

*) Букв. заставитъ творить.

Проходящій пришелецъ остановился. Когда онъ говорить о Тао, то какъ просты его слова! (Когда) они произнесены, (то бываютъ) безъ всякаго вкуса.

(Люди) смотрять на него (Тао), но не видять; они слушають его, но не слышать; они употребляютъ его, но оно не истощается.

XXXVI. То, что сжимается—расширяется.

То, что ослабѣваетъ—усиливается.

То, что уничтожается—возстанавливается.

То, что лишается всего—имѣло все.

Все это называется то скрытымъ, то яснымъ.

Мягкое побѣждаетъ твердое, слабое—сильное.

Какъ рыба не можетъ покинуть глубины, такъ страна не можетъ оставаться безъ орудія.

Сильное орудіе правленія не должно быть показываемо народу.

XXXVII. Тао ничего не дѣлаетъ, но нѣтъ того, чего бы оно не сдѣлало.

Если царь и князья хорошо будутъ управлять страной, то всѣ существа преобразуются такъ, какъ они желаютъ.

Если всѣ существа придутъ въ сильное движеніе, то я удержу ихъ посредствомъ безыменной простоты.

Безыменная простота не имѣетъ страсти.

Когда (въ мірѣ) не будетъ страстей, то будетъ спокойствіе повсемѣстное и на всей землѣ будетъ правда.

ВТОРАЯ КНИГА.

XXXVIII. Люди высшей нравственности не считаютъ себя нравственными; поэтому они имѣютъ высшую нравственность.

Люди низшей нравственности не въ состояніи потерять свою нравственность, и поэтому безнравственны.

Люди высшей нравственности, находясь въ бездѣтельности, не дѣлають ничего.

Люди низшей нравственности дѣлають то, что дѣлають.

Люди высшаго человѣколюбія, находясь въ бездѣтельности, совершаютъ дѣла, но не признають ихъ (за свои).

Люди высшей справедливости дѣлають то, что дѣлають.

Люди высшей почтительности уважають другихъ, но другіе не уважають ихъ, поэтому они принудятъ ихъ къ почтенію.

Отсюда, когда потеряно Тао, то является нравственность; когда нравственность забыта, то является челоѡколюбіе; когда челоѡколюбіе оставлено, то является справедливость; когда справедливость покинута, то является почитательность.

Вотъ почему почитательность есть послѣдствіе ослабленія вѣрности и преданности (господину) и начало всякаго рода безпорядковъ въ странѣ.

Поэтому великій челоѡкъ держится существеннаго и оставляетъ ничтожное. Онъ все дѣлаетъ по правдѣ, но никогда не будетъ опираться на законы.

Берите первое и бросьте послѣднее.

XXXIX. Въ древности всякое существо достигало единства.

Небо, достигши единства, стало чистымъ.

Земля, достигши единства, стала спокойной.

Духъ, достигши единства, сталъ разумнымъ.

Долина, достигши единства, стала полной.

Всякая вещь, достигши единства, стала существовать.

Цари и князья, достигши единства, стали образцами для міра.

Все это было достигнуто, благодаря единству.

Достиженіе единства во всемъ этомъ одно и то же.

Если бы небо было не чисто, то казалось бы, что оно боится взрыва.

Если бы земля потеряла спокойствіе, то она была бы въ опасности разрушенія.

Если бы духъ лишился разумности, то онъ потерялъ бы (свойство) быть духомъ.

Если бы пустота долины наполнилась чѣмъ-нибудь, то она перестала бы быть долиной.

Всякая вещь, если бы перестала расти, уничтожилась бы.

Если бы цари и князья потеряли вѣрность и преданность (своихъ подданныхъ), то были бы свергнуты.

Отсюда, благородные люди смотрятъ на неблагородныхъ, какъ на свое начало; высшіе смотрятъ на низшихъ, какъ на свое основаніе.

Цари и князья заботятся о бѣдныхъ сиротахъ и вдовахъ. Этимъ же они могли бы свидѣтельствовать о своемъ происхожденіи.

Ужели это неправда?

Если разобрать телѣгу по частямъ, то не останется телѣги.

Я не желаю быть гордымъ, какъ драгоценный камень.

Также я не желаю быть презираемымъ, какъ дикій камень.

XI. Движеніе Тао происходитъ отъ сопротивленія (всему вещественному).

Слабость есть отличительная черта дѣйствія Тао.

Всѣ вещи произошли отъ бытія (что), и бытіе отъ небытія (ничто).

XII. Когда ученый услышитъ о Тао, то будетъ стараться осуществить услышанное (въ жизни).

Когда человѣкъ средней руки услышитъ о Тао, то не будетъ соблюдать его до конца жизни.

Когда мало-ученый услышитъ о Тао, то онъ будетъ глумиться надъ нимъ.

Еслибы надъ нимъ не глумились, то оно и не заслужило бы имени Тао. Поэтому сказано слѣдующее:

Тотъ, кто разумѣетъ очевидное Тао, кажется облеченнымъ мракомъ; тотъ, кто идетъ впередъ, держась Тао, кажется идущимъ назадъ; тотъ, кто на высотѣ Тао, кажется обыкновеннымъ смертнымъ.

Человѣкъ высшей добродѣтели похожъ на долину.

Человѣкъ высшей чистоты похожъ на презираемаго.

Человѣкъ высшей нравственности похожъ на неспособнаго.

Совершающій добродѣтель похожъ на вора.

Испытывающій правду похожъ на похищающаго вещи.

У большого четырехъ-угольника не видно угловъ.

Большое сосудъ не скоро дѣлается.

Самый громкій голосъ не слышенъ.

Большое изображеніе не имѣетъ никакой формы.

Тао скрыто отъ насъ, поэтому оно не имѣетъ имени.

Оно снабжаетъ всѣ существа (силой) и ведетъ ихъ къ усовершенствованію.

XIII. Тао произвело одно, одно—два, два—три, а три—всѣ вещи.

Всякая вещь носить на себѣ *инъ* и заключаетъ въ себѣ *янъ*.

Находящійся въ изступленномъ состояніи легко умиротворяетъ.

Люди ненавидятъ тѣхъ, которые оставляютъ сиротъ и бѣдняковъ безъ помощи. Поэтому умные цари и князья помогаютъ сиротамъ и бѣднякамъ; они же сдѣлаются предметомъ похвалы (народа).

Потеря есть начало размноженія, множество—начало потери. Чему другіе учили и учать по справедливости, тому и я учу людей. Очень сильный не умираетъ естественною смертію.

Я сдѣлаюсь отцомъ ученія.

XLIII. Міръ смиренъ: всѣ люди ѣдятъ и бѣгаютъ надъ его твердынею.

Небытіе поглощается безпромежуточнымъ.

Поэтому я знаю, что бездѣятельность имѣетъ высокое достоинство.

Безсловесное ученіе и бездѣятельность полезнѣе всего существующаго между небомъ и землей.

XLIV. Что ближе къ себѣ: свое имя или собственное тѣло?

Что больше: свое тѣло или богатство?

Что тяжелѣе испытать: приобрѣтеніе или потерю?

Кто увлекается, тотъ потерпитъ большой убытокъ.

Кто имѣетъ много, тотъ можетъ потерять больше, нежели имѣющій мало.

Кто знаетъ, чѣмъ человѣкъ долженъ быть довольнымъ, тотъ никогда не потерпитъ позора.

Кто, зная границы своей дѣятельности, не приблизится къ опасностямъ, тотъ будетъ жить долго.

XLV. Великое совершенство похоже на несовершенство, но оно неистощимо (хотя безпрестанно употребляется).

Великая полнота похожа на пустоту, но польза ея неизмѣрима.

Великая прямота кажется непрямою.

Великій мастеръ кажется тупымъ.

Великій ораторъ кажется заикающимся.

Когда бѣготня преодолеваетъ (тишину), то бываетъ холодно; когда тишина преодолеваетъ бѣготню, то бываетъ тепло.

Полная тишина есть примѣръ всего міра.

XLVI. Когда во всемъ мірѣ соблюдается Тао, то быстрые кони забудутся и вся нива будетъ обрабатываться.

Когда на всей землѣ не соблюдается Тао, то военные кони будутъ расти въ окрестностяхъ города.

Нѣтъ грѣха тяжелѣе страстей.

Нѣтъ бѣды тяжелѣе незнанія удовлетворенія.

Нѣтъ преступленія тяжелѣе жаднаго хотѣнія приобрѣсти много.

Вотъ почему знающій мѣру бываетъ доволенъ своимъ положеніемъ.

XLVII. Не выходя изъ дома, (мудрецы) знаютъ, что дѣлается на свѣтѣ.

Не глядя въ окно, они видятъ Небесное Тао.

Чѣмъ больше удаляешься отъ дома, тѣмъ меньше знаешь.

Поэтому, святые (мудрецы) достигаютъ знанія, не выходя никуда; не видя предмета, они знаютъ названіе его.

Не дѣлая ничего, они совершаютъ много.

XLVIII. Ученіе прибавляется со дня на день, но Тао теряется со дня на день.

Эта потеря увеличится и дойдетъ до желанія недѣланія.

Когда человѣкъ дойдетъ до недѣланія, то нѣтъ того, чего бы не было сдѣлано.

Если въ мірѣ все въ порядкѣ, то слѣдуетъ завладѣть имъ, но если нѣтъ, то не слѣдуетъ.

XLIX. Святые люди не имѣютъ опредѣленнаго (чувства), ибо они принимаютъ чувство простолюдина, какъ свое.

Добрыхъ людей я принимаю уже потому одному, что они добры. Злыхъ принимаю, какъ добрыхъ.

Искреннимъ людямъ я вѣрю; также и вѣрю неискреннимъ, ибо въ этомъ и состоитъ верхъ искренности.

Когда святые живутъ на землѣ, то они просты и тихи; они питаютъ ко всѣмъ одинаковое чувство.

Для (блага) міра они дѣлаютъ свои сердца темными. Простые люди будутъ смотрѣть на нихъ (какъ на своихъ учителей) и будутъ слушать сказаніе о ихъ дѣлахъ.

Святые смотрятъ на народъ, какъ на младенца.

Л. (Всѣ существа), уходя изъ жизни, входятъ въ смерть.

Жизнь имѣетъ 13 ступеней своего развитія; смерть также имѣетъ 13 ступеней.

Ступеней человѣческой жизни, которая постоянно стремится къ смерти, опять 13 *).

Это почему? Потому что стремленіе къ жизни слишкомъ сильно.

---

*) 13—это символическое число. Оно, по словамъ толкователя Лаоси *Хаку Гёку-сень*, взято изъ области астрономіи. Луна послѣ своего появленія черезъ 13 дней достигаетъ свой полноты; послѣ полнолунія черезъ 13 дней она совсѣмъ исчезаетъ. Приводя это число дней, Лаоси, очевидно, хотѣлъ указать на то, что всякое существо развивается до извѣстной границы. И когда оно достигнетъ полноты развитія, то начинаетъ ослабѣвать и наконецъ совсѣмъ уничтожается.

Я слышалъ, что ведущій воздержную жизнь не боится ни носорога, ни тигра, ни быть на полѣ сраженія безъ воинскаго наряда, ибо на немъ нѣтъ мѣста, куда носорогъ могъ бы ударить рогомъ, тигръ могъ бы вонзить свои острые когти и воинъ могъ бы нанести ударъ мечемъ.

Это почему? Потому что для ведущаго жизнь воздержную не существуетъ смерти.

II. Тао производитъ существа, добродѣтель кормитъ ихъ; они даютъ имъ вещественную форму, а могущество ихъ совершенствуетъ вещи.

Поэтому всѣ существа почитаютъ Тао и добродѣтель.

Никто не сообщалъ Тао его достоинства, а добродѣтели—ея цѣнности: но они сами собой вѣчно обладаютъ ими.

Поэтому Тао производитъ вещи, питаетъ ихъ, даетъ имъ ростъ, совершенствуетъ, дѣлаетъ зрѣлыми, кормитъ и защищаетъ.

Оно производитъ ихъ и не дѣлаетъ ихъ своими; дѣлаетъ ихъ тѣмъ, что они есть, и не хвалится ими; оно царствуетъ надъ ними и оставляетъ ихъ свободными.

Вотъ что называютъ глубокой добродѣтелью.

III. Вселенная имѣетъ начало, которое и есть мать всего міра. По матери можно знать ея сына.

Когда сынъ извѣстенъ, то и мать будетъ сохранена невредимо.

Хотя тѣло умираетъ, но (сущность его) никогда не уничтожается.

Кто закрываетъ уши и глаза, тотъ останется безъ употребленія во всю жизнь.

Кто прислушивается ко всему изящному и старается удовлетворить страстямъ, тотъ никогда не спасется.

Могущій разбирать мельчайшія вещи, называется ясновидцемъ.

Сохраниющій мягкость называется могущественнымъ.

Употребляющій свѣтъ называется блестящимъ.

Тѣло истлѣваетъ, не оставляя ничего послѣ себя. Это и есть наслѣдіе вѣчности.

III. Я беззаботенъ, но имѣю умъ, поэтому живу о великомъ Тао.

Я раздаю милостыню въ великомъ страхѣ.

Большая дорога (Тао) гладка и ровна, но люди любятъ ходить по тропинкамъ.

Когда правительство перестанетъ заботиться о благостояніи

народа, то поля опустѣютъ и государственное хлѣбохранилище не наполнится никогда; люди будутъ надѣвать на себя разноцвѣтные одежды, носить острые мечи и питаться изысканными блюдами.

Все это совокупно называется разбойничьею гордостью.

Ужели это есть Тао?!

LIV. Крѣпко стоящаго нельзя вынуть.

Хорошо связаннаго нельзя развязать.

Дни кончины предковъ празднуются потомками. Кто совершаетъ это для самого себя, тотъ дѣлаетъ добро только для одного себя; кто совершаетъ это для своего дома, тотъ дѣлаетъ добро для своего дома; кто совершаетъ это для своей деревни, тотъ будетъ начальникомъ въ ней; кто совершаетъ это для своей страны, тотъ дѣлаетъ добро для страны; кто совершаетъ это для всего міра, тотъ дѣлаетъ добро для всего міра.

Я изучаю тѣло по тѣлу, домъ—по дому, деревню—по деревнѣ, страну—по странѣ и, наконецъ, весь міръ—по всему міру.

Но могу ли я знать, почему вселенная такая, а не иная?

LV. Достигшій нравственнаго совершенства похожъ на младенца.

Вредоносныя насѣкомыя не укусятъ его; дикіе звѣри не сдѣлаютъ ему вреда; хищныя птицы не вопьются въ него своими когтями.

Хотя у него кости мягки и мышцы слабы, но онъ будетъ держать предметъ очень крѣпко.

Хотя онъ не знаетъ, какъ совокупляется самецъ съ самкою и какъ образуется зачатокъ во чревѣ, но ему извѣстно до подробности все, что совершается въ мірѣ.

Хотя онъ кричитъ цѣлый день, но голосъ его никогда не ослабѣетъ, ибо въ немъ (голосѣ) существуетъ полнѣйшая гармонія.

Знаніе гармоніи называется постоянствомъ.

Знаніе постоянства называется очевидностью.

Творить пріятное только для плоти называется нечистотою.

Душа, могущая господствовать надъ своимъ настроеніемъ, есть сильная (душа).

Вообще, цвѣтущее отцвѣтаетъ, ибо въ немъ нѣтъ Тао.

Гдѣ нѣтъ Тао, тамъ скоро наступитъ конецъ.

LVI. Знающій много молчаливъ, а говорящій много не знаетъ ничего.

Тао закрываетъ свои глаза, затворяетъ ворота, ослабляетъ остріе, развязываетъ узлы, смягчаетъ свѣтъ, собираетъ мелочь.

Это называется непостижимымъ единствомъ.

Сродниться съ Тао невозможно; пренебрегать имъ нельзя; воспользоваться имъ непозволительно; повредить ему никто не можетъ; чтить его нѣтъ основанія; презирать его также нѣтъ причины.

Отсюда видно, что Тао благороднѣе всего существующаго въ мірѣ.

LVII. Безъ справедливости нельзя управлять страной.

Для того, чтобы вести войну успѣшно, необходима ловкость. Когда въ странѣ нѣтъ (еще) безпорядка, (тогда) слѣдуетъ имъ овладѣть *).

Какъ я могу постигнуть, почему въ мірѣ такой порядокъ, а не иной?

Когда въ странѣ много такого, что должно быть уничтожено, народъ обѣднѣетъ.

Когда въ странѣ много удобныхъ машинъ, то народъ перестаетъ работать.

Когда въ народѣ много искусныхъ мастеровъ, то увеличится число чудовищныхъ вещей.

Когда въ государствѣ много законовъ и постановленій, то число преступниковъ **) увеличится.

Отсюда учить и святой: «когда я ничего не дѣлаю (т.-е. не предпринимаю ничего новаго), то народъ дѣлается лучше; когда я спокоенъ, то народъ дѣлается справедливымъ; когда я не предпринимаю ничего новаго, то народъ обогащается; когда во мнѣ не будетъ никакой страсти, то народъ сдѣлается простодушнымъ».

LVIII. Когда не будетъ мелочности въ управленіи государствомъ, то народъ обогатится. А когда управленіе государствомъ мелочно, то народъ обѣднѣетъ.

О, бѣда! Гдѣ благо, тамъ и несчастье.

О, благо! Гдѣ бѣда, тамъ и счастье.

Но я не знаю, гдѣ оканчивается бѣда и гдѣ начинается счастье.

Гдѣ нѣтъ правды, тамъ люди будутъ относиться къ правдѣ, какъ къ чему-то странному, — къ добру, какъ къ призрачному.

*) Т. е. принять мѣры къ его предотвращенію.

**) Букв.: *воровъ*

Издавна люди находятся въ заблужденіи, поэтому святой мужъ никогда не сдѣлаетъ имъ уступки.

Онъ не корыстолюбивъ, но ничего не раздаетъ имъ.

Онъ—праведникъ, поэтому онъ ничего не сдѣлаетъ своевольно.

Хотя онъ—свѣтило для всего міра, но не любитъ блеска.

LIX. Для того, чтобы служить небу и управлять людьми, всего лучше соблюдать воздержаніе.

Воздержаніе — это первая ступень добродѣтели, которая и есть начало нравственного совершенства.

Человѣкъ высокой нравственности преодолѣетъ всякую трудность.

Глубина и могущество силы преодолѣвшаго всякую трудность неизмѣримы.

Онъ можетъ быть владыкою міра.

Владыка міра и есть мать вселенной.

Мать вселенной будетъ жить вѣчно, ибо она имѣетъ глубокой корень и крѣпкое основаніе *).

LX. Управленіе великой страной напоминаетъ приготовленіе вкуснаго блюда изъ мелкихъ рыбъ.

Когда святой мужъ будетъ управлять страной, то злой духъ перестанетъ быть богомъ.

Это, впрочемъ, не значитъ, что злой духъ перестанетъ быть богомъ (или духомъ),—но люди не будутъ терпѣть вреда отъ него.

Святой мужъ никому не сдѣлаетъ вреда и никто не повредитъ ему.

Поэтому нравственность святого мужа все болѣе и болѣе усовершенствуется.

LXI. Великая страна похожа на устье рѣки.

Совокупленіе вселенной есть начало **) всего міра.

Самка всегда побѣждаетъ самца потому, что она тиха и спокойно стоитъ ниже самца.

Когда большая страна стоитъ ниже маленькой, то первая завладѣетъ послѣдней.

Когда маленькая страна стоитъ ниже большой, то первая завладѣетъ послѣдней.

*) Букв.: дно.

**) Букв.: самка.

Отсюда видно, что стоящая ниже другихъ страна будетъ владычествовать надъ всѣми другими.

Что такое большая страна и маленькая?

Большая страна—вмѣстилище многихъ народовъ, а маленькая—вмѣстилище немногихъ.

Если правитель страны будетъ стоять ниже другихъ, то онъ осуществитъ свой добрый замыселъ.

Отсюда ясно, что желающій быть великимъ долженъ быть ниже всѣхъ.

LXII. Тао есть глубина бытія. Оно и есть сокровище добрыхъ людей.

Оно также и есть то, что держать злые люди.

Изящныя слова могутъ быть куплены цѣною.

Добрые поступки могутъ быть совершаемы всѣми.

Хотя люди злы, но нельзя совсѣмъ бросить ихъ.

Выбираютъ царя и трехъ великихъ сановниковъ. Имѣя въ рукахъ драгоценный камень, они развѣзжаютъ въ колесницахъ *), но это безконечно хуже, нежели проповѣдывать Тао, сидя на одномъ мѣстѣ.

Въ чемъ заключается причина того, что въ древности Тао глубоко уважалось?

Не въ томъ ли заключается, что, благодаря Тао, прощались преступники?

Оттого, быть можетъ, въ древности Тао почиталось во всемъ мѣрѣ.

LXIII. Всѣ должны быть бездѣтельными.

Всѣмъ слѣдуетъ соблюдать полное спокойствіе.

Всѣ должны употреблять простѣйшую пищу.

Великое есть малое, многое—не многое.

Ненавидящимъ васъ отмстите добромъ.

Когда вы благополучны, то подумайте, что нужно предпринять во время бѣды, такъ какъ великая бѣда начинается съ незначительной.

Бѣда всего міра происходитъ изъ мелочи, какъ великое дѣло—изъ малыхъ.

Святой мужъ не желаетъ быть великимъ міра, поэтому и совершаетъ великое дѣло.

Легко достигнутое согласіе не заслуживаетъ довѣрія.

*) Буквально: на четверномъ экипажѣ.

Гдѣ много легкихъ дѣлъ, тамъ много и трудныхъ.

Вотъ почему святой мужъ всегда живетъ какъ въ бѣдѣ, поэтому для него не существуетъ бѣды.

LXIV. Не трудно держать легкую вещь.

Легко предотвратить (бѣду) до полного обнаруженія.

Слабаго легко разбить, мелкаго легко разсѣять.

Слѣдуетъ устраивать защиту тогда, когда еще нѣтъ (въ томъ) надобности (т.-е. нѣтъ враговъ).

Слѣдуетъ заботиться о спокойствіи страны тогда, когда еще въ ней все въ порядкѣ.

Дерево, котораго нельзя обнять руками (т.-е. большое), выросло изъ маленькаго.

Девятиэтажная башня создается изъ клочковъ земли.

Чтобы пройти тысячу верстъ, нужно начать ходьбу съ одного шага.

Кто можетъ создать, тотъ можетъ и разрушить.

Имѣющій можетъ потерять.

Святой мужъ ничего не создаетъ, поэтому ничего не разрушаетъ; онъ ничего не имѣетъ, поэтому ничего не потеряетъ.

Кто, принимая дѣло, спѣшитъ наскоро достигнуть результата, тотъ ничего не сдѣлаетъ.

Кто осторожно оканчиваетъ свое дѣло, какъ началъ, тотъ не потерпитъ неудачи.

Поэтому святой мужъ всегда старается быть безпристрастнымъ, не придавать цѣнности трудно-добываемымъ вещамъ и не слушать бесплоднаго ученія.

Онъ повторяетъ то, что дѣлалось многими.

Онъ будетъ стараться, чтобы пособить естественному теченію вещей, но ни въ какомъ случаѣ не препятствовать ему.

LXV. Въ древности исполнявшіе Тао не старались просвѣтить народъ: они держали его въ невѣжествѣ.

Причина того, что трудно управлять народомъ, заключается въ томъ, что народъ просвѣщается и въ немъ много умныхъ.

Управляющій страной посредствомъ умствованія погубитъ ее.

Когда страна управляется безъ всякаго умствованія, то въ ней будетъ благоденствіе.

Знающій (сущность) этихъ двухъ пунктовъ будетъ образцомъ нравственной жизни (для народа). Его будутъ называть (человѣкомъ) непостижимой добродѣтели.

О, глубока и непостижима нравственность!

Она противоположна, по своему существу, всему вещественному, но никогда не сопротивляется ничему.

Она соблюдаетъ великое послушаніе.

LXVI. Причина того, что рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ (по которымъ текутъ рѣчки), заключается въ томъ, что первая находятся ниже послѣднихъ.

Вотъ почему рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ.

Когда святой желаетъ поднять народъ, то понижаетъ его. Когда онъ желаетъ поставить его впередъ, то ставитъ его назадъ.

Отсюда, когда народъ займетъ высокое мѣсто, то не будетъ гордиться; когда пойдетъ впередъ, то никому не сдѣлаетъ вреда.

Когда осуществится все, что сказано мною, то на всей землѣ будетъ миръ.

Когда все будетъ миръ на всей землѣ, то не будетъ ссоры.

LXVII. На всей землѣ люди говорятъ, что мое Тао велико.

Правда, оно похоже на безумство, но несомнѣнно велико.

Я имѣю три преимущества, которыя я сохраняю, какъ сокровище.

Первое изъ трехъ сокровищъ есть человѣколюбіе.

Второе—бережливость.

Третье—смиреніе или то, благодаря чему я не желаю быть руководителемъ для всей земли.

Человѣколюбивые храбры.

Бережливые щедры.

Смиренные или не желающіе быть руководителями для всей земли будутъ полезны на долгое время.

Кто храбръ, не зная человѣколюбія, кто щедръ, не зная бережливости, кто идетъ впередъ, не зная смиренія, тотъ погибнетъ.

Кто ведетъ войну ради человѣколюбія, тотъ побѣдитъ враговъ. Если онъ защититъ народъ, то оборона будетъ сильна.

Это потому, что его спасетъ Небо, которое дорожитъ подобнымъ человѣкомъ.

LXVIII. Истинно просвѣщенный человѣкъ никогда не воюетъ.

Превосходный воинъ никогда не разгнѣвается.

Побѣдитель никогда не попроситъ содѣйствія посторонняго.

Умѣющій пользоваться людьми охотно занимаетъ низкое мѣсто,

что называется добродѣтелью безъ сопротивленія, средствомъ для (благоразумнаго) пользованія (услугами) людей и наконецъ согласованіемъ съ Небомъ.

Таково древнее постановленіе.

LXIX. Въ «военномъ искусствѣ» говорится, что на войнѣ я никогда не бываю активнымъ, а—пассивнымъ.

Не сдѣлавъ ни шага *) впередъ, идти назадъ аршинъ—значить: уступить врагамъ оспариваемое безъ сопротивленія.

Когда нѣтъ враговъ, то не бываетъ войны.

Нѣтъ бѣды тяжелѣе, чѣмъ презирать враговъ.

Презирать враговъ все равно, что бросить богатства безъ надобности.

Плачущій объ увеличеніи своего войска всегда будетъ побѣдителемъ.

LXX. Я говорю, что очень легко приобрести знаніе и творить благія дѣла.

Между тѣмъ, на всей землѣ никто не знаетъ этого и не дѣлаетъ благихъ дѣлъ.

Въ словахъ долженъ быть принципъ, въ дѣлахъ—господинъ.

Нѣтъ знанія. Вотъ почему я не знаю ничего.

Знающихъ меня мало, поэтому я почтителенъ.

Отсюда, святой мужъ надѣваетъ на себя худую одежду, но въ себѣ имѣетъ драгоценный камень.

LXXI. Кто, зная много, держитъ себя, какъ незнающій ничего, тотъ—нравственный мужъ.

Кто, не зная ничего, держитъ себя, какъ знающій много, тотъ боленъ.

Кто болѣетъ тѣлесною болѣзнию, тотъ еще не (есть) дѣйствительно больной.

Святой мужъ никогда не болѣетъ, ибо онъ не знаетъ болѣзни, хотя болѣетъ (тѣломъ).

LXXII. Когда народъ перестаетъ бояться сильнаго, то сильный нападетъ на него.

Каково бы ни было жилище, оно для святого не тѣсно.

Каково бы ни было мѣсто рожденія, для святого все равно.

Никакой предметъ не стѣсняетъ его, поэтому и онъ не стѣсняетъ никого.

*) По выраженію Лаоси—*вершка*.

Хотя святой хорошо знает свое достоинство, но никогда не обнаружитъ этого.

Хотя ему не чуждо самолюбіе, но онъ никогда не гордится.

Вотъ почему всѣ должны удалиться отъ перваго и приблизиться къ послѣднему.

LXXIII. Кто силенъ и дерзокъ, тотъ убьетъ людей.

Кто силенъ, но не дерзокъ, тотъ оживитъ людей.

Эти оба либо полезны, либо вредны.

Никто не знаетъ, почему небо любить одинъ предметъ, а другой нѣтъ. Рѣшить этотъ вопросъ даже святой мужъ не можетъ.

Небесное Тао никогда не ссорится, поэтому оно побѣждаетъ всѣхъ.

Хотя оно мало говоритъ, но обсуждаетъ лучше, нежели многорѣчивые.

Никто не вызываетъ (Тао), но оно присутствуетъ вездѣ.

Намъ кажется, что оно ничего не дѣлаетъ, но на самомъ дѣлѣ оно дѣйствуетъ лучше всѣхъ.

Небесная сѣть не плотна и какъ будто пропускаетъ всѣ предметы черезъ себя; но изъ нея ничего не выйдетъ наружу.

LXXIV. Народъ не боящійся смерти нельзя страшить смертью.

Народъ приученный бояться смерти нельзя страшить дѣлами, могущими причинить ему смерть.

Есть люди, должность которыхъ—убивать. Убивающій людей вмѣсто палача называется намѣстникомъ убійцы.

Намѣстникъ убійцы повредитъ свою руку, совершая убійство.

LXXV. Оттого народъ голодаетъ, что слишкомъ велики и тяжелы государственные налоги.

Это именно—причина бѣдствія народа.

Народъ сдѣлается непослушнымъ, если правительство будетъ хлопотать о нихъ чрезмерно много.

Это именно—причина непослушанія народа.

Когда народъ слишкомъ сильно ищетъ жизни, то онъ будетъ смотрѣть на смерть, какъ на самое легкое дѣло.

Это и есть причина пренебрежительнаго отношенія народа къ смерти.

Вотъ почему не ищущій жизни мудрѣе ищущаго ея.

LXXVI. Новорожденный младенецъ нѣженъ и слабъ.

Трупъ мертвеца крѣпокъ и не гибокъ.

Только-что распутившееся растеніе нѣжно и слабо.

Засохшее растеніе твердо и не гибко.

Отсюда ясно, что нѣжное и слабое живетъ.

Сильное войско не побѣдоносно.

Нельзя поломать связку прутьевъ.

Сильное находится внизу, а слабое—наверху.

LXXVII. Небесное Тао похоже на человѣка, натягивающаго тетиву на лукъ: высокій поднимаетъ лукъ наверхъ, а низкій поднимаетъ взоръ наверхъ.

Имѣющій избытокъ потерпитъ потерю.

Страдающій недостаткомъ будетъ имѣть избытокъ.

Потому что небесное Тао всегда отнимаетъ у избыливающихъ и отдаетъ страдающимъ недостаткомъ.

Человѣческое Тао, впрочемъ, наоборотъ: оно отнимаетъ отъ неимѣющихъ и отдаетъ избыливающимъ.

Поэтому, кто посвящаетъ свой избытокъ всему міру, тотъ имѣетъ Тао.

Святой мужъ дѣлаетъ много, но не хвалится сдѣланнымъ; совершаетъ заслуги, но не признаетъ ихъ, потому что онъ не желаетъ обнаружить свою мудрость.

LXXVIII. Хотя въ мірѣ нѣтъ предмета, который былъ бы слабѣе и нѣжнѣе воды, но она можетъ разрушить самый твердый предметъ.

Въ мірѣ нѣтъ вещи, которая побѣдила бы воду, ибо она нѣжнѣе и слабѣе всѣхъ вещей.

Извѣстно, что слабое существо побѣждаетъ сильное, нѣжное—крѣпкое, но никто этого не признаетъ.

Святой мужъ говоритъ, что получившій (отъ царя) удѣлъ сдѣлается господиномъ; но принимающій на себя несчастіе страны сдѣлается царемъ ея.

Голосъ истины противенъ слуху.

LXXIX. Послѣ сильной ненависти останется слабая ненависть.

Ненавидящій, хоть слабо, не можетъ творить добро для ненавистнаго.

Святой беретъ отъ всѣхъ клятвенное свидѣтельство, но не притѣсняетъ никого.

Нравственный человѣкъ соблюдаетъ клятву, а безнравственный нарушаетъ.

Небесное Тао не имѣетъ родственниковъ, поэтому оно всегда склоняется къ добрымъ людямъ.

LXXX. Такъ какъ въ маленькомъ государствѣ мало народа, то хотя въ немъ много лучшихъ орудій, но они останутся безъ употребленія и безъ надобности.

Народъ такого государства потеряетъ всякую предприимчивость и умретъ на мѣстѣ своего рожденія, не двигаясь никуда.

Если у него много возовъ и кораблей, то они останутся безъ употребленія.

Хотя онъ имѣетъ благоустроенное войско, но негдѣ выставить его.

Онъ будетъ плестъ веревку, чтобы ею оградить свое государство.

Хотя онъ кушаетъ хорошо, одѣвается красиво, устраиваетъ покойное жилище и живетъ весело, но существованіе его будетъ бесполезно.

Хотя такое государство находится съ сосѣднимъ въ такомъ близкомъ разстояніи, что слышны пѣніе пѣтуховъ и лай собакъ въ немъ, но сообщенія между ними никогда не будутъ.

LXXXI. Голосъ истинны неизящень, а изящная рѣчь лжива.

Нравственный человѣкъ не краснорѣчивъ, а краснорѣчивый — лжець.

Мудрецъ не знаетъ многого, а знающій много—не мудрецъ.

Святой мужъ ничѣмъ не запасается. Если запасается чѣмъ-нибудь, то для другихъ.

Когда онъ имѣетъ что-нибудь, то все раздаетъ другому.

Поэтому запасъ его все болѣе и болѣе увеличится.

Небесное Тао полезно: оно не имѣетъ въ себѣ ничего вреднаго для людей.

Тао святыхъ—творить добро и не ссориться.

Новая книга о философіи Канта.

М. И. Каринскій. Объ истинахъ самоочевидныхъ. Выпускъ первый. С.-Пб. 1893. §§ 1—28. стр. 1—196.

Сочиненіе М. И. Каринскаго «Объ истинахъ самоочевидныхъ» состоитъ изъ введенія и критики Кантова ученія о самоочевидныхъ истинахъ.

Во *введеніи* авторъ устанавливаетъ задачу предпринятаго имъ изслѣдованія. Теорія доказательства, согласно съ разъясненіями автора, должна рѣшить два вопроса: 1) на сколько видовъ и какихъ дѣлятся логически правильные выводы и что при этомъ ручается за ихъ правильность, и 2) на чемъ основываются послѣднія посылки человѣческаго знанія, извѣстныя подъ названіемъ самоочевидныхъ истинъ? Первый изъ этихъ вопросовъ рѣшенъ въ настоящее время болѣе или менѣе удовлетворительно. При рѣшеніи же второго вопроса существуетъ между изслѣдователями принципиальное разногласіе. Одно рѣшеніе вопроса даетъ Кантъ со своими многочисленными послѣдователями *), и

---

*) При этомъ авторъ посредствомъ краткаго, но весьма яснаго и отчетливаго историческаго очерка показываетъ, что Канту не могло придти на мысль поставить означенный вопросъ. Вопросъ о самоочевидныхъ истинахъ, какъ требующихъ обоснованія, былъ поставленъ въ новой философіи Декартомъ. Но Декартъ не даетъ научнаго рѣшенія этого вопроса. Онъ принимаетъ нѣкоторыя положенія за послѣднія посылки человѣческаго знанія, не уясняя себѣ логическаго права ихъ на это. Лейбницъ пытается идти далѣе и высказываетъ мысль, что всѣ аксіомы основываются на положеніи тождества. Но эту мысль онъ оставляетъ безъ подробнаго раскрытія и доказательства. Вопросъ о самоочевидныхъ истинахъ оставался поэтому открытымъ и послѣ Лейбница. Юмъ утверждаетъ, что положеніе причинности 1) не получается чрезъ разложеніе понятій и 2) основывается на опытѣ. Кантъ соглашается съ первой мыслию Юма и возводитъ ее въ общее положеніе,—что всѣ аксіомы суть су-

другое, прямо противоположное — представители современного эмпиризма. Критически разобравшись въ этихъ двухъ направленіяхъ и самостоятельно намѣтить новое, болѣе правильное рѣшеніе вопроса и составляетъ задачу предпринятаго авторомъ изслѣдованія.

Поставленная задача очень трудна для разрѣшенія. Трудно критически оцѣнить ученіе Канта и представителей современнаго эмпиризма, потому что и первый и послѣдніе пользуются авторитетомъ въ окружающемъ насъ обществѣ. Но еще труднѣе намѣтить болѣе правильное рѣшеніе вопроса о самоочевидныхъ истинахъ. Выполнить съ успѣхомъ эту задачу значить возвести гносеологію на новую, высшую послѣ Канта ступень развитія. Не удивительно поэтому, что авторъ идетъ къ цѣли постепенно, раздѣливъ общую задачу на нѣсколько частныхъ задачъ. Задачею перваго выпуска служить критика Кантова ученія о самоочевидныхъ истинахъ.

Дѣлаемая авторомъ критика Кантова ученія можетъ быть раздѣлена на четыре части.

Въ *первой части* авторъ критикуетъ исходное положеніе Кантова ученія. Кантъ въ своихъ изслѣдованіяхъ вышелъ изъ мысли, что аксіомы математики и положенія чистаго естествознанія не происходятъ изъ опыта и не получаются чрезъ разложеніе понятій. Эту мысль предрѣшался само собою результатъ изслѣдованій Канта, что послѣднія посылки человѣческаго знанія имѣютъ свою основу въ природѣ разсудка. Авторъ разъясняетъ, что указанное исходное положеніе Канта догматично. Чтобы доказать не-опытное происхожденіе аксіомъ, Кантъ ссылается на ихъ всеобщность и необходимость. Но откуда онъ знаетъ, что онѣ всеобщы и необходимы? Всеобщность и необходимость математическихъ аксіомъ не есть какая-либо не требующая доказательствъ истина.

Авторъ указываетъ, что, по ученію современнаго эмпиризма, убѣжденіе въ математическихъ аксіомахъ приобрѣтается опыт-

---

жденія синтетическія. Но онъ отвергаетъ вторую мысль, что положеніе причинности основывается на опытѣ. Ему кажется, что Юмъ не пришелъ бы къ этому выводу, еслибъ обратилъ вниманіе на аксіомы математики. Аксіомы математики, думаетъ Кантъ, безспорно, всеобщы и необходимы. Какъ такія, онѣ, естественно, не могутъ происходить изъ опыта. То же самое нужно сказать, думаетъ онъ, и объ остальныхъ аксіомахъ.

нымъ путемъ. Въ виду этого принимать аксіомы всеобщими и необходимыми безъ всякихъ доказательствъ нельзя. Кантъ же дѣлаетъ это, почему исходное положеніе и результатъ его изслѣдованій являются догматическими.

Во *второй части* авторъ подвергаетъ критикѣ ученіе Канта объ аксіомахъ математики. Кантъ ставитъ въ связь умозрительность математическаго знанія съ апіорностью созерцаній пространства и времени. Если созерцанія пространства и времени апіорны, то должны быть апіорны и основывающіяся на нихъ аксіомы. И наоборотъ, не-опытное происхожденіе математическаго знанія должно служить доказательствомъ не-опытнаго происхожденія созерцаній пространства и времени. Авторъ разъясняетъ, что указанной связи въ дѣйствительности не существуетъ. «Изъ мысли, говоритъ онъ, что пространство и время суть чистыя, т. е. возникающія изъ самой природы воспріемлющей способности, созерцанія, слѣдуетъ непосредственно только то, что сужденія, въ которыхъ формулируются законы этихъ созерцаній, суть сужденія о законахъ чистаго созерцанія; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы самыя эти сужденія, — хотя они и сужденія о законахъ созерцанія, возникающаго изъ нѣдръ познающаго духа, — были непременно умозрительными сужденіями». Созерцанія могутъ быть апіорны, а сужденія о законахъ созерцаній и вмѣстѣ — математическія аксіомы, служащія выраженіемъ этихъ законовъ, могутъ имѣть опытное происхожденіе. Дѣятельность воспроизведенія представленій, на примѣръ, предопредѣлена природою человѣческаго духа и въ этомъ смыслѣ является апіорною. Не смотря на это, такъ называемые законы ассоціаціи, которые обыкновенно считаются законами воспроизведенія представленій, познаются нами не умозрительнымъ, а опытнымъ путемъ. Ничто не мѣшаетъ думать, что чисто опытнымъ путемъ могутъ быть устанавливаемы и математическія аксіомы.

Но изъ какого бы источника ни происходили отдѣльныя созерцанія, они всегда суть частныя образы. Частныя же образы могутъ служить основаніемъ для сужденій частныхъ, а не всеобщихъ и необходимыхъ. Всеобщія и необходимыя математическія аксіомы не могутъ, слѣдовательно, основываться на созерцаніяхъ. Конечно, каждый частный образъ заключаетъ въ себѣ и общія, необходимыя черты. Но онѣ должны быть выдѣлены изъ частныхъ и случайныхъ. Выдѣленіе это не можетъ совер-

шиться чрезъ непосредственное созерцаніе. Для него необходимы особые мыслительные процессы, каковы, напримѣръ, попытки создать образы, противорѣчащіе аксіомамъ.

Математическое знаніе могло бы основываться на созерцаніяхъ и быть умозрительнымъ лишь въ томъ случаѣ, еслибъ оно было не синтетическимъ, какъ учить Кантъ, а аналитическимъ, получаемымъ чрезъ разложеніе продуктовъ созерцанія. Но въ этомъ случаѣ оно не могло бы претендовать на безусловную всеобщность и необходимость. Наше созерцаніе не есть единственное созерцаніе, ибо мыслимы иное пространство и время. Для этихъ послѣднихъ уже не могутъ имѣть значенія тѣ аксіомы, которыя основываются на нашемъ созерцаніи. «Я имѣю въ виду, замѣчаетъ авторъ, то особое направленіе въ изслѣдованіи геометрическихъ аксіомъ, которое выразилось въ трудахъ Гаусса, Лобачевского, Римана, Гельмгольца и др. Эти ученые доказывали,—правильно или неправильно, объ этомъ здѣсь нѣтъ вопроса,—что мыслимы иныя пространства съ иными основными свойствами, чѣмъ наше, свойства котораго устанавливаетъ Эвклидова геометрія. Въ этихъ воображаемыхъ пространствахъ нѣкоторыя аксіомы нашей геометріи теряютъ свое значеніе, именно—аксіома параллелей теряетъ значеніе для такъ-называемаго псевдо-сферическаго пространства, вмѣстѣ съ нею и аксіома о возможности только одной прямой между двумя точками—для такъ-называемаго сферическаго пространства».

Заканчиваетъ авторъ вторую часть своей критики указаніемъ на поразительное противорѣчіе, которое существуетъ между трансцендентальною эстетикою и аналитикою Канта и которое, между тѣмъ, до сихъ поръ не останавливало на себѣ вниманія изслѣдователей. Въ то время, какъ по ученію трансцендентальной аналитики математическое знаніе основывается на созерцаніи, въ ученіи о формахъ разсудочной дѣятельности Кантъ утверждаетъ, что это знаніе основывается на разсудочной дѣятельности. Эта послѣдняя мысль, не доведенная Кантомъ до конца и выраженная не совсѣмъ ясно, должна была, по мнѣнію автора, привести Канта къ совершенно иной постановкѣ дѣла. Если убѣжденіе въ математическихъ аксіомахъ пріобрѣтается мыслию, то мысль можетъ уяснить для себя основанія, почему она должна соглашаться съ этими аксіомами. А въ этомъ собственно и заключается сущность вопроса объ аксіомахъ, какъ самоочевидныхъ истинахъ.

Въ *третьей части* авторъ подвергаетъ обстоятельному разбору ученіе Канта объ основоположеніяхъ разсудка. Такъ какъ основоположенія, по Канту, составляютъ примѣненіе необходимымъ понятій о предметѣ, или категорій, къ явленіямъ, то авторъ начинаетъ свой разборъ съ критическихъ замѣчаній на ученіе Канта о категоріяхъ.

Кантъ высказываетъ намѣреніе вывести категоріи изъ различія формъ судящей дѣятельности. Это намѣреніе, по мнѣнію автора, вполне законно, ибо по различію познавательныхъ пріемовъ можно судить о различіи взглядовъ, или понятій, съ которыми мысль обращается къ познанію предметовъ. На самомъ дѣлѣ, Кантъ не приводитъ въ исполненіе своего намѣренія. Онъ принимаетъ традиціонное дѣленіе сужденій и голословно утверждаетъ, что категорическимъ сужденіямъ отвѣчаетъ категорія субстанціальности, условнымъ—категорія причинности и раздѣлительнымъ—категорія взаимодействія. Но чрезъ это онъ соединяетъ такія не соединимыя между собою отношенія, какъ *реальное* отношеніе взаимодействія и *логическое* отношеніе исключенія видовъ въ родѣ, и оставляетъ безъ вниманія другія отношенія: напримѣръ, сходство, равенство, пропорціональность, подлѣположеніе въ пространствѣ и слѣдованіе во времени. Чтобы нѣсколько поправить дѣло, Кантъ заявляетъ, что сужденія о простой одновременности и послѣдовательности имѣютъ значеніе только для субъекта. Объективное значеніе они пріобрѣтаютъ, когда переходятъ въ сужденія о взаимодействіи и причинности. Но эта поправка не только ставитъ Канта въ противорѣчіе съ безспорными фактами ежедневнаго опыта, но и лишаетъ его права выводить категоріи непосредственно изъ сужденій. Стоя на означенной точкѣ зрѣнія, можно выводить категоріи не прежде, чѣмъ будутъ выдѣлены изъ всѣхъ возможныхъ видовъ сужденій сужденія объективныя. А выдѣленіе это можетъ совершиться не иначе, какъ чрезъ категоріи же. Несмотря на всѣ указанныя несообразности, Кантъ утверждаетъ, что его категоріи составляютъ неподлежащее дальнѣйшему анализу существо чело-вѣческой мысли. Авторъ подчеркиваетъ полную догматичность этой мысли и дѣлаетъ заключеніе: если категоріи, по Канту, суть понятія, безусловная обязательность которыхъ для мысли не можетъ быть уяснена мыслию, то и основоположенія могутъ быть для Канта не чѣмъ инымъ, какъ требованіями, ко-

торымъ мысль должна подчиняться слѣпо, въ силу роковой необходимости.

Изъ всѣхъ основоположеній авторъ останавливаетъ особенное вниманіе на основоположеніяхъ категорій отношенія, потому что они опредѣлили собою Кантову систему. Но онъ не оставляетъ безъ критическихъ замѣчаній и ученія Канта объ основоположеніяхъ категорій количества и качества.

Во взглядѣ Канта на основоположеніе количества авторъ усматриваетъ смѣшеніе синтетичности понятій съ синтетичностью сужденій. Понятіе о пространствѣ можетъ образовываться чрезъ синтезъ однородныхъ частей и быть синтетическимъ. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что сужденіе о пространствѣ, какъ экстенсивной величинѣ, есть синтетическое сужденіе. Такъ какъ въ понятіи пространства необходимо мыслится понятіе экстенсивной величины, то означенное сужденіе есть аналитическое сужденіе. Взглядъ же Канта на основоположеніе качества представляетъ собою, какъ показываетъ авторъ, возведеніе простаго факта внутренняго опыта,—что ощущенія могутъ усиливаться и ослабѣвать,—на степень умозрительной, самоочевидной истины.

Ученіе Канта объ основоположеніяхъ отношенія заключаетъ въ своей основѣ, по мнѣнію автора, вѣрную мысль, что объективный порядокъ не воспринимается пассивно, а создается активной мыслию, руководящею извѣстными предположеніями. Но развитіе этой мысли у Канта авторъ находитъ ошибочнымъ. Фундаментальная ошибка Канта, по разясненію автора, заключалась въ мысли, что явленія могутъ быть воспринимаемы только въ послѣдовательномъ порядкѣ, что въ самыхъ явленіяхъ воспринимаемыхъ нѣтъ никакого критерія для различія дѣйствительно послѣдовательныхъ явленій отъ явленій дѣйствительно одновременныхъ и что, слѣдовательно, этотъ критерій долженъ заключаться въ природѣ нашего разсудка, въ его необходимыхъ предположеніяхъ о предметѣ.

По ученію Канта, чтобы признать какую-либо перемѣну объективную, для этого нужно усмотрѣть причинную зависимость ея отъ перемѣны предшествующей. Но, замѣчаетъ авторъ, усмотрѣть эту зависимость нельзя, если не будетъ признана предшествующая перемѣна объективною. Признать же ее такою можно не иначе, какъ чрезъ усмотрѣніе причинной зависимости

ея отъ другой предшествующей перемѣны и т. д. до безконечности. Посему, еслибы положеніе Канта было вѣрно, то мы не могли бы установить ни одной объективной перемѣны. Но такъ ли это? Кантъ, повидимому, признаетъ, что въ нашихъ воспріятіяхъ ставится внѣшняя дѣйствительность. Въ такомъ случаѣ, и перемѣны въ нашихъ воспріятіяхъ должны изначала казаться намъ перемѣнами во внѣшней дѣйствительности. Если же Кантъ раздѣлялъ мнѣніе поверхностныхъ философовъ, будто наши воспріятія суть субъективные образы, то существо дѣла нисколько не измѣняется. Въ этомъ случаѣ, перемѣны въ нашихъ воспріятіяхъ должны восприниматься нашимъ внутреннимъ чувствомъ также въ смыслѣ дѣйствительныхъ, хотя и нашихъ собственныхъ только, перемѣнъ. При томъ и другомъ предположеніи, очевидно, мы должны устанавливать объективныя перемѣны, не прибѣгая къ понятію причинности.

Въ зрѣломъ возрастѣ, продолжаетъ авторъ, мы полагаемъ различіе между субъективными и объективными перемѣнами. Но при этомъ различеніи мы руководимся совсѣмъ не присутствіемъ или отсутствіемъ усматриваемой нами причинной зависимости между перемѣною воспринимаемою и перемѣною, ей предшествующею. Изъ безпамятнаго дѣтства мы выносимъ опытное убѣжденіе, что сфера нашего воспріятія, сравнительно съ сферою бытія, ограничена, что мы можемъ по произволу переносить сферу воспріятія съ однихъ предметовъ на другіе и что это перемѣщеніе всегда сопровождается, съ одной стороны, кажущимся измѣненіемъ предметовъ воспріятія (ихъ перемѣщеніемъ, возникновеніемъ и уничтоженіемъ), а съ другой—опредѣленными ощущеніями движеній или отдѣльныхъ нашихъ органовъ (глазъ, головы, рукъ), или всего нашего тѣла. Отсюда мы начинаемъ смотрѣть на эти ощущенія, какъ на признаки призрачности, или субъективности, воспринимаемыхъ нами перемѣнъ. Мы считаемъ воспринимаемыя нами перемѣны призрачными, какъ скоро онѣ сопровождаются указанными ощущеніями, и считаемъ объективными, когда этихъ ощущеній не бываетъ дано вмѣстѣ съ ними. «Если я, обводя глазами комнату, отрицаю, поясняетъ авторъ, всякое объективное значеніе... за тѣмъ возникновеніемъ и исчезновеніемъ предметовъ, которое происходитъ при этомъ въ моемъ воспріятіи, то, совершенно наоборотъ, я замѣняю только это возникновеніе и исчезновеніе пространственнымъ перемѣщеніемъ самихъ

объектовъ, входомъ ихъ самихъ въ сферу моего воспріятія и выходомъ изъ этой сферы, когда мелькаетъ въ моихъ глазахъ череда проходящихъ мимо меня желѣзно-дорожныхъ вагоновъ, или пролетаетъ птица, или проходитъ человѣкъ; когда мы сравнимъ между собою эти два порядка случаевъ возникновенія и исчезновенія въ воспріятіи предметовъ при перемѣщеніи ихъ въ сферѣ воспріятія, то мы найдемъ, что тѣ случаи, гдѣ исчезновеніе и возникновеніе толкуются въ смыслѣ объективнаго перемѣщенія самихъ предметовъ изъ сферы и въ сферу воспріятія, отличаются отъ остальныхъ подобныхъ же случаевъ лишь тѣмъ, что при нихъ нѣтъ признаковъ призрачности движенія, т. е. или вовсе отсутствуютъ тѣ мускульныя ощущенія, происходящія отъ движенія органовъ или всего организма, съ которыми связано представленіе о перемѣщеніи сферы воспріятія, или эти ощущенія извѣщаютъ о такомъ перемѣщеніи этой сферы, которое недостаточно для объясненія феномена». Авторъ приводитъ и другіе различныя примѣры и на нихъ доказываетъ свою мысль.

Еслибы мы не отличали объективныхъ перемѣнъ отъ субъективныхъ, то мы никогда не были бы въ состояніи усмотрѣть причинной зависимости между воспринимаемыми перемѣнами. Воспринимаемая перемѣна представляли бы въ этомъ случаѣ такой разнообразный хаосъ, что выдѣлить въ немъ необходимый порядокъ не было бы никакой возможности. Посему считать усмотрѣніе причинной зависимости условіемъ постановки объективныхъ перемѣнъ нельзя ни въ какомъ случаѣ.

Нѣкоторыми неосторожными выраженіями Кантъ даетъ поводъ толковать его ученіе въ томъ смыслѣ, что усмотрѣніе причинной связи служить условіемъ не всякой, а лишь законной постановки объективныхъ перемѣнъ. Авторъ выставляетъ на видъ, что подобное пониманіе Кантова ученія невозможно. «Кантова философія, говоритъ онъ, не знаетъ никакой другой объективности, кромѣ объективности, созидаемой мыслию», активною по категоріямъ разсудка.

Какъ для установки объективной послѣдовательности нужно понятіе причинности, такъ для установки объективной одновременности, думаетъ Кантъ, нужно понятіе взаимодѣйствія. Мы не можемъ установить одновременнаго существованія нѣсколькихъ предметовъ, не усмотрѣвъ напередъ между ни-

ми отношенія взаимодействія. Но, возражаетъ авторъ, взаимодействіе, по Канту, можетъ существовать только между субстанціями, а каждая протяженная субстанція является въ нашемъ воспріятіи уже совокупностью нѣсколькихъ сосуществующихъ субстанцій. Отсюда для Канта оставался одинъ исходъ: или признать, что даже установка одной субстанціи требуетъ понятія взаимодействія, но это—абсурдъ, или отказаться отъ мысли, что для установки одновременности необходимо усмотрѣніе взаимодействія.

Въ каждомъ предметѣ воспринимаемъ мы по нѣскольку свойствъ. Если эти свойства первоначально воспринимаются въ послѣдовательномъ порядкѣ, то со временемъ мы приобретаемъ возможность воспринимать ихъ заразъ. Это—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, Кантомъ же совершенно упущенный изъ виду. Означенныя свойства мы объединяемъ въ своемъ созерцаніи, конечно, безъ понятія взаимодействія. Безъ понятія взаимодействія обходимся мы и при объединеніи въ своемъ созерцаніи нѣсколькихъ сосуществующихъ предметовъ.

Рядъ предметовъ можетъ быть воспринять въ послѣдовательномъ порядкѣ. Но мы признаемъ эти предметы одновременно существующими, какъ скоро убѣждаемся, что послѣдовательное возникновеніе однихъ изъ нихъ и исчезновеніе другихъ въ нашемъ воспріятіи есть призрачное, происходящее отъ перемѣщенія сферы нашего воспріятія. О призрачности возникновенія и исчезновенія предметовъ воспріятія мы судимъ по опредѣленнымъ эмпирическимъ признакамъ, которые подробно анализируются авторомъ. Когда этихъ признаковъ бываетъ недостаточно для убѣжденія въ продолжающемся существованіи исчезнувшихъ изъ воспріятія предметовъ, мы по произволу дополняемъ прямое воспріятіе предметовъ обратнымъ. Встрѣчая при обратномъ воспріятіи тѣ же самые предметы, что и при прямомъ, мы проникаемся убѣжденіямъ, что предметы эти существовали и тогда, когда мы не воспринимали ихъ, ибо, предполагается, стало намъ въ этотъ моментъ только захотѣть, и мы восприняли бы ихъ. Это—другой фактъ, не остановившій на себѣ должнаго вниманія Канта.

Если таковы условія постановки объективной одновременности, то ясно, что понятіе взаимодействія, по которому предметы возникаютъ послѣдовательно не въ воспріятіи только, но и на са-

момъ дѣлѣ, должно только мѣшать установкѣ объективной одновременности. Можно, конечно, представить, что субстанціи непрерывно порождаютъ одна другую и такимъ образомъ находятся во взаимодействіи и сосуществуютъ. Но когда мы представляемъ одновременное существованіе, мы имѣемъ въ виду предметы независимые одинъ отъ другого. Ибо о какой взаимной зависимости между предметами можетъ быть рѣчь, когда одинъ и тотъ же предметъ воспринимается вмѣстѣ одинъ разъ съ однимъ, другой разъ—съ другимъ, третій—съ третьимъ и т. д. предметами? Мало того. Въ основаніи установки одновременнаго существованія лежитъ признаніе призрачности возникновенія и уничтоженія предметовъ. Но извѣстно, что мы можемъ констатировать призрачность возникновенія и уничтоженія не многихъ только, но и одного предмета. Это бываетъ, когда мы, устремивъ глаза на какой-либо предметъ, послѣдовательно закрываемъ и открываемъ ихъ. О какомъ-либо взаимодействіи здѣсь уже нельзя и говорить.

Такимъ образомъ, въ воспринимаемыхъ явленіяхъ мы имѣемъ два признака, по которымъ можемъ отличать въ нихъ объективную одновременность отъ объективной послѣдовательности: 1) явленія одновременныя могутъ быть воспринимаемы заразъ, явленія же послѣдовательныя—только въ послѣдовательномъ порядкѣ, и 2) явленія одновременныя мы можемъ по произволу воспринимать въ какомъ угодно порядкѣ, между тѣмъ явленія послѣдовательныя допускаютъ воспріятіе въ одномъ только порядкѣ—отъ предшествующаго къ послѣдующему.

Основоположеніе субстанціальности Кантъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ. Явленія происходятъ во времени. Время не можетъ быть воспріято. Посему долженъ быть субстратъ, на которомъ воспринимаются смѣна и одновременность. Этотъ субстратъ и есть субстанція, количество которой не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться. Противъ этого авторъ замѣчаетъ: если субстанція замѣняетъ время, то она должна быть не только постоянною, но также единою и непротяженною, и чрезъ нее мы должны воспринимать не только одновременность и послѣдовательность, но и продолжительность. Послѣднее какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало бы общему ученію Канта объ основоположеніяхъ. «Соотвѣтственно общему плану доказательствъ основоположеній категорій отношенія, говорить

авторъ, можно было ожидать, что на категорію субстанціи выпадетъ доля служить условіемъ установки объективности продолженія, какъ на категоріи причинности и взаимодѣйствія выпала доля служить условіями постановки переменны и одновременности». Но Кантъ не рѣшается утверждать этого, ибо тогда выходило бы, что виды времени воспринимаются чрезъ продолжающееся бытіе, которое для своего воспріятія требуетъ также времени. «Понятно, говоритъ авторъ, что слонъ не можетъ опираться на черепахѣ, которая опирается на немъ. Отсюда слѣдуетъ, что не совсѣмъ случайно въ точной формулѣ доказательства забыто о «продолженіи», которое именно и должно быть связано съ субстанціальностью». Но и отношенія одновременности и послѣдовательности также не могутъ восприниматься чрезъ субстанцію. Если для этого воспріятія требуется просто представленіе времени, то оно у насъ существуетъ, ибо относится къ числу необходимыхъ представленій. Если же для этого воспріятія требуется воспринимаемое время, то субстанція безсильна въ этомъ случаѣ оказать какую-либо помощь, ибо она не дѣлаетъ времени воспринимаемымъ. Кромѣ того, тогда невозможно было бы вообще воспріятіе одновременности и послѣдовательности, а между тѣмъ это воспріятіе составляетъ фактъ.

Въ послѣдней, *четвертой части* авторъ критикуетъ конечные результаты, къ которымъ пришелъ Кантъ со своимъ ученіемъ объ основоположеніяхъ,—его мнѣніе о созиданіи объективнаго міра чистымъ самосознаніемъ. По ученію Канта, мы не можемъ постигать внѣшняго міра, потому что для этого мы должны были бы выйти изъ самихъ себя. Внѣшній міръ творится нашимъ самосознаніемъ изъ порождаемыхъ имъ ощущеній по присущимъ ему понятіямъ и предположеніямъ. Наше самосознаніе, думаетъ Кантъ, потому и остается единымъ и тождественнымъ, что въ немъ объединяются всѣ порождаемыя имъ ощущенія и представленія. Это ученіе Канта авторъ считаетъ совершенно ошибочнымъ. Мы можемъ, по мнѣнію автора, не знать, какимъ образомъ постигается нами внѣшній міръ; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что постиженіе внѣшняго міра невозможно. Опытъ убѣждаетъ насъ, что ни ощущенія, ни ихъ взаимныя отношенія не зависятъ отъ нашего произвола. Изъ этого мы заключаемъ о существованіи «нѣчто», что вызываетъ ощу-

щенія и что содержаніемъ ихъ характеризуется. И такъ какъ ощущенія суть жизненные состоянія, то, думаетъ авторъ, и характеризуемая ими внѣшняя дѣйствительность, естественно, является для насъ живою, непосредственно созерцаемою нами дѣйствительностью. «Я хочу, говоритъ авторъ, обратить вниманіе на то, что только эта созерцательность непосредственнаго сознанія (въ отличіе отъ простаго констатированія рефлектирующею мыслию, что есть «нѣчто» внѣ нашего сознанія) и есть причина того, что наше сознаніе непосредственно чувствуетъ себя живущимъ и дѣйствующимъ среди бытія дѣйствительнаго, а не среди собственныхъ представленій, которыя служили бы ему только простыми знаками скрытой отъ него на-вѣрки иной дѣйствительности; только эта созерцательность... представляетъ для субъекта то бытіе, среди котораго онъ живетъ и дѣйствуетъ, не царствомъ тѣней, а жизнію, непосредственно существующею предъ нимъ, въ самой своей наличности предстоящею предъ нимъ дѣйствительностью».

Мысль Канта, что самосознаніе есть живая сила и что безъ единства и тожества его невозможно никакое знаніе, авторъ считаетъ совершенно вѣрною. Но онъ отвергаетъ другую мысль Канта, будто самосознаніе само по себѣ можетъ создать представленіе внѣшняго міра и дать намъ знаніе о немъ и его законахъ. Внѣшній опытъ даетъ намъ указаніе на опредѣленные соотношенія получаемыхъ нами ощущеній. Не будь этихъ указаний, — и мы были бы лишены возможности соединять согласно съ дѣйствительностью созерцаемыя нами явленія.

Считаетъ авторъ ошибочною также ту мысль Канта, будто объединеніе представленій служитъ условіемъ тожества самосознанія. Чувственный матеріалъ, поясняетъ онъ, никогда не можетъ быть объединенъ сполна, и, несмотря на это, наше самосознаніе не перестаетъ быть тожественнымъ. Правда, все созерцаемое нами въ формѣ пространства носитъ на себѣ печать нѣ котораго объединенія. Но нельзя сказать того же относительно явлений, данныхъ во времени. Причинная связь, на примѣръ, не дана въ созерцаніи, а должна быть отыскана. Утверждать противное, какъ дѣлаетъ Кантъ, значитъ увлекаться поверхностною аналогіей между отношеніями временной послѣдовательности и причинной зависимости.

Подобный способъ доказательства, когда положенія, касаю-

щіяся временныхъ отношеній, подтверждаются истинами, касающимися пространственныхъ отношеній, и служить, по мнѣнію автора, тою ширмою, которая закрываетъ отъ изслѣдователей недостатки Кантова ученія.

Такимъ образомъ, какъ исходное положеніе, такъ и заключеніе Кантова ученія о самоочевидныхъ истинахъ догматичны. Если наше знаніе есть знаніе не дѣйствительности, а создаваемого нами самими призрака, то о разумномъ оправданіи этого знанія не можетъ быть вопроса. Чистыя основоположенія, по которымъ вырабатывается знаніе, составляютъ, слѣдовательно, роковую необходимость для мысли.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе перваго выпуска сочиненія М. И. Каринскаго объ истинахъ самоочевидныхъ.

Сочиненіе М. И. Каринскаго отличается выдающимися достоинствами. Вопросъ о самоочевидныхъ истинахъ не новъ. Возбужденный въ новой философіи Декартомъ, онъ не перестаетъ съ того времени занимать умы философовъ. Но ни у одного философа онъ не былъ поставленъ такъ ясно и раздѣльно, какъ въ указанномъ сочиненіи. Черезъ все это сочиненіе проходитъ убѣжденіе, что мысль всегда можетъ дать себѣ отчетъ, почему она бываетъ вынуждена соглашаться съ тѣми или другими открываемыми ею истинами. Посему и вопросъ о самоочевидныхъ истинахъ ставится въ этомъ сочиненіи, какъ вопросъ о тѣхъ логическихъ основаніяхъ, по которымъ мысль принимаетъ самоочевидныя истины безъ всякихъ доказательствъ. Уже это одно составляетъ большую заслугу автора.

Методъ, избранный авторомъ для рѣшенія поставленнаго вопроса, основанъ на пониманіи исторіи развитія философской мысли. Философская мысль развивалась всегда черезъ борьбу двухъ направленій—умозрительнаго и эмпирическаго. Умозрѣніе, стремясь къ высшему синтезу, обыкновенно забѣгало впередъ, позволяло себѣ дѣлать и такіе выводы, которые не имѣли подъ собою фактической почвы или даже стояли въ прямомъ противорѣчій съ фактами. Эмпиризмъ же въ своихъ нападкахъ на умозрѣніе допускалъ излишества, опровергая не только ошибочные, но и совершенно правильные выводы. Эти излишества служили точкою отправленія для новыхъ умозрительныхъ построеній и т. д. М. И. Каринскій, несмотря на всѣ свои симпатіи къ умозрѣнію, изучаетъ самымъ старательнымъ образомъ совре-

менный эмпиризмъ и, только изучивъ его, обращается къ критикѣ Кантова ученія, какъ послѣдняго слова умозрительной философіи о самоочевидныхъ истинахъ. Чрезъ это онъ создаетъ для себя возможность отдѣлить въ Кантовомъ ученіи то, что должно перейти въ область историческаго преданія, отъ положеній цѣнныхъ и пригодныхъ для будущихъ умозрительныхъ построеній.

Излагаетъ М. И. Каринскій Кантово ученіе съ образцовою добросовѣстностью. Онъ не навязываетъ Канту своихъ собственныхъ мнѣній, а уясняетъ Кантово ученіе на основаніи внимательнаго изученія произведеній Канта по различнымъ изданіямъ и тщательнаго сличенія различныхъ ихъ мѣстъ. Трудныя и неопредѣленныя мѣста онъ не обходитъ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые даже изъ самыхъ видныхъ изслѣдователей по исторіи новой философіи, какъ, напримѣръ, Куно-Фишеръ, а выставляетъ ихъ на видъ и показываетъ возможныя ихъ толкованія. Онъ имѣетъ въ виду и существующія толкованія Кантова ученія, хотя именъ толкователей нигдѣ не называетъ, и тамъ, гдѣ какое-либо толкованіе обнаруживаетъ полное непониманіе Канта, открыто заявляетъ, что подобное толкованіе невозможно.

Критика Кантова ученія ведется авторомъ самостоятельно и съ принципиальной стороны. Онъ выискиваетъ въ ученіи Канта основныя положенія съ ихъ генезисомъ и разбираетъ ихъ со стороны ихъ логической состоятельности, сличаетъ эти положенія между собою, а равно съ другими положеніями Канта и показываетъ съ ясностью ихъ взаимное согласіе, несогласіе или противорѣчіе. Ему удается такимъ образомъ вывести на свѣтъ такіе логическіе промахи въ ученіи Канта, о которыхъ никто изъ изслѣдователей до сихъ поръ не подозрѣвалъ. Еще большее вниманіе онъ удѣляетъ опредѣленію фактической состоятельности этихъ положеній и получающихся изъ нихъ выводовъ. Онъ разъясняетъ, какихъ фактовъ не покрываютъ они и какимъ фактамъ противорѣчатъ. При этомъ, находя фактическую сторону, даваемую эмпиризмомъ, недостаточною для своей критики, онъ восполняетъ ее собственными изслѣдованіями. Онъ анализируетъ психологическія условія постановки объективной одновременности и послѣдовательности. Эти анализы, будучи новыми, являются въ то же время цѣнными для науки психологіи. Правильныя положенія Канта всюду въ критикѣ отмѣчаются, какъ

такія. Отмѣчаются и тѣ искусные приемы Канта, которые закрываютъ отъ критиковъ недостатки его ученія.

Все это дѣлаетъ написанную М. И. Каринскимъ критику Канта по мыслямъ весьма ясною, простою и убѣдительною. Нужно желать, чтобъ она получила возможно большее распространеніе въ кругу изслѣдователей-философовъ. Она должна пробудить философскую мысль отъ догматическаго сна, навѣяннаго Кантомъ.

В. Серебрянниковъ.

Современное состояніе вопроса о медиумизмѣ.

А. Н. Аксаковъ. Анимизмъ и спиритизмъ. Критическое изслѣдованіе медиумическихъ явленій и ихъ объясненія гипотезами «нервной силы», «галлюцинаціи» и «безсознательнаго». Въ отвѣтъ Э. ф. Гартману, съ 8 фототипіями. 2 части. С.-Пб. 1893.

Книга А. Н. Аксакова, какъ бы кто ни относился заранѣе къ ея предмету, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, такъ какъ въ ней резюмируется добросовѣстный трудъ цѣлой жизни въ области медиумическихъ явленій и представляется обильный матеріалъ для сужденія о современномъ состояніи вопроса. Почтенный авторъ безъ малаго сорокъ лѣтъ съ неутомимымъ усердіемъ занимался тѣми явленіями, которымъ посвящено его сочиненіе, и едва ли найдется въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ другой человѣкъ, такъ много послужившій этому дѣлу.

«Заинтересовавшись спиритическимъ движеніемъ съ 1855 года,—пишетъ А. Н. Аксаковъ въ предисловіи къ настоящей книгѣ,—я не переставалъ изучать его во всѣхъ его подробностяхъ—во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ литературахъ. Первоначально я принялъ факты на основаніи свидѣтельства другихъ людей; только въ 1870 году довелось мнѣ присутствовать на первомъ сеансѣ въ частномъ кружкѣ, мною самимъ устроенномъ». Убѣдившись собственнымъ опытомъ въ дѣйствительности явленій, А. Н. Аксаковъ сдѣлалъ все находившееся въ его власти для распространенія этихъ фактовъ и для привлеченія къ ихъ изученію вниманія мыслителей, свободныхъ отъ предразсудковъ.

Такъ какъ скромный авторъ лишь мимоходомъ упоминаетъ о томъ, что имъ сдѣлано, то я считаю справедливымъ сообщить

здѣсь нѣсколько болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній. Четверть вѣка тому назадъ серьезное изученіе медиумическихъ явленій почти не переступало за границы англо-саксонскихъ и отчасти романскихъ странъ; тѣ успѣхи, которые съ тѣхъ поръ сдѣланы въ этомъ отношеніи Германіей и Россіей, достигнуты, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности А. Н. Аксакова. Онъ издалъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ цѣлую бібліотеку по медиумизму; сюда вошли всѣ болѣе значительныя произведенія американскихъ и англійскихъ авторовъ; по этому предмету (между прочимъ, важнѣйшія сочиненія извѣстнаго главы американскихъ спиритуалистовъ, Андру Джексона Дэвиса, въ нѣмецкомъ переводѣ); въ теченіе двадцати лѣтъ издается Аксаковымъ въ Германіи ежемѣсячникъ на нѣмецкомъ языкѣ *Psychische Studien*, представляющій въ совокупности огромный матеріалъ, какъ фактической, такъ и теоретической (здѣсь участвовали, между прочимъ, извѣстные нѣмецкіе философы Фихте младшій и Гофманъ, ученикъ и издатель Баадера). Все цѣнное по этой части изъ англійской и нѣмецкой современной литературы, что могло появиться въ Россіи, издано Аксаковымъ на русскомъ языкѣ. Кромѣ того, онъ поддерживалъ у насъ интересъ къ дѣлу, вызывая на изслѣдованіе ученыя комиссіи, приглашая знаменитыхъ медиумовъ и т. д. Вся эта неустанная многолѣтняя дѣятельность опредѣлялась исключительно мотивами высшаго порядка, ибо въ области личныхъ интересовъ она до сихъ поръ ничего не принесла Аксакову, кромѣ весьма значительныхъ убытковъ и возобновляющихся время отъ времени поношеній со стороны газетныхъ скептиковъ. Между тѣмъ, эту неуклонную энергію въ одномъ направленіи никакъ нельзя объяснить фанатизмомъ или слѣпымъ увлеченіемъ:

. . . «Покуда совершалась эта внѣшняя работа, — продолжаетъ почтенный авторъ «Анимизма», — внутренняя шла своимъ чередомъ. Я думаю, что всякій благоразумный наблюдатель, при первомъ своемъ знакомствѣ съ этими явленіями, поражается двумя безспорными фактами: явнымъ автоматизмомъ спиритическихъ сообщеній и, весьма часто, столь же явною лживостью ихъ содержанія; великія имена, коими они зачастую подписываются, суть лучшія доказательства, что эти сообщенія *не то*, за что они себя выдаютъ; точно также и въ простыхъ физическихъ явленіяхъ вполне очевидно, что они тоже происходятъ безъ вся-

каго сознательнаго участія медиума (т. е. автоматичны), и ничто въ самомъ началѣ не оправдываетъ предположенія о вмѣшательствѣ такъ-называемыхъ «духовъ». И только въ послѣдствіи, когда нѣкоторыя явленія умственнаго порядка заставляютъ насъ признать участіе разумной, внѣ медиума находящейся силы, забываешь о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ и относишься съ большимъ снисхожденіемъ къ спиритической гипотезѣ. Собранные мною матеріалы чтеніемъ и опытомъ были громадны, но разгадки для нихъ не было. Напротивъ, съ годами всѣ слабыя стороны спиритизма становились ярче и только нарастали: пошлость сообщеній, бѣдность ихъ умственнаго содержанія (даже когда и нѣтъ прямой пошлости), присущій имъ характеръ мистификаціи и лживости, капризность физическихъ явленій, въ особенности когда дѣло доходитъ до положительнаго опыта; легковѣріе, увлеченіе и шовинизмъ (?) спиритовъ и спиритуалистовъ, и наконецъ, обманъ, который вторгся вмѣстѣ съ темными сеансами и матеріализаціями и въ которомъ мнѣ пришлось удостовѣриться не только путемъ литературнымъ, но и личнымъ опытомъ, въ сношеніяхъ моихъ съ профессиональными медиумами, даже самыми извѣстными».

Такимъ образомъ, всѣ общія возраженія, обыкновенно дѣлаемые противъ подлинности этихъ явленій, не только предусмотрены нашимъ авторомъ, но и допущены, какъ справедливыя. Въ сто того, чтобы закрывать глаза на слабыя стороны своего дѣла, онъ въ полной мѣрѣ признаетъ и выставляетъ ихъ.

«Поддаваясь отталкивающимъ впечатлѣніямъ, — продолжаетъ онъ, — легко было упасть духомъ, еслибы не было у меня, съ другой стороны, болѣе вящихъ доводовъ — цѣлаго ряда безспорныхъ фактовъ, имѣющихъ для отстаиванія своего существованія всемогущаго защитника: самоё природу.

«Разобраться же въ этомъ лабиринтѣ фактовъ я могъ только съ помощью *систематическаго указателя*, составлявшагося мною по мѣрѣ моихъ чтеній и занятій; группируя факты подъ различныя рубрики, роды и виды, смотря по ихъ содержанію и условіямъ ихъ происхожденія, мы приходимъ (путемъ исключенія или градаціи) отъ фактовъ простыхъ къ болѣе сложнымъ, требующимъ другой гипотезы».

Безъ такой подготовительной работы, въ которой, насколько мнѣ извѣстно, А. Н. Аксаковъ не имѣлъ предшественниковъ,

невозможны были бы, конечно, никакія твердыя обобщенія и выводы въ этой области.

«Большою помѣхою,—продолжаетъ нашъ авторъ,—для болѣе разумнаго и терпимаго отношенія къ спиритизму послужило то обстоятельство, что *вся совокупность* его явленій, во время вторженія его въ Европу, въ самой элементарной его формѣ—сто-ловерченія, была немедленно приписана массою проявленію «духовъ»... Противники же, съ своей стороны, впадали въ другую крайность—ни о какихъ «духахъ» и слышать не хотѣли и отрицали все. Истина же, какъ и всегда, оказалась въ серединѣ.

«Для меня свѣтъ забрежилъ только тогда, когда мой указатель заставилъ меня открыть рубрику *анимизма*, когда внимательное и критическое изученіе фактовъ заставило меня признать, что *всѣ медиумическія явленія, что касается ихъ типовъ*, могутъ быть произведеніемъ безсознательнаго дѣйствія живого человѣка, и это не въ качествѣ гипотезы, какъ произвольное предположеніе, но вслѣдствіе неоспоримаго свидѣтельства самихъ фактовъ,—что, слѣдовательно, наша психическая безсознательная дѣятельность не ограничивается периферіей нашего тѣла и характеромъ дѣйствія исключительно психическимъ, но что она можетъ и переступать границы нашего тѣла, выражаясь въ дѣйствіяхъ не только физическихъ, но даже и пластическихъ». Эту область явленій, представляющихъ несознаваемые реальныя дѣйствія внутренняго существа живого человѣка за предѣлами его физическаго организма и помимо обычныхъ механическихъ посредствъ, А. Н. Аксаковъ и предлагаетъ, въ отличіе отъ спиритизма, обозначить словомъ *анимизмъ*. «Чрезвычайно важно,—говоритъ онъ,—признать и изучить существованіе и дѣятельность этого *безсознательнаго* въ нашей природѣ—въ его проявленіяхъ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ необыкновенныхъ, какъ мы видимъ въ анимизмѣ. Только на этой основѣ возможно оправдать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, притязаніе спиритизма, ибо если что переживаетъ тѣло и вѣчно пребываетъ, такъ именно это *для насъ* безсознательное—это внутреннее сознаніе, котораго теперь мы не вѣдаемъ, но которое и образуетъ первоначальное ядро всякой индивидуальности.

«Такимъ образомъ, для уразумѣнія медиумическихъ явленій, намъ представляется не одна, а три гипотезы, изъ коихъ каждая имѣетъ право на существованіе и на признаніе для извѣстнаго рода от-

дѣльныхъ фактовъ, и слѣдовательно, мы можемъ подвести всѣ медиумическія явленія подъ три большія категоріи, которыя мы обозначимъ для формальнаго удобства слѣдующими условными названіями:

«1. *Персонизмъ*. Этимъ словомъ я обозначаю психическія безсознательныя явленія, имѣющія мѣсто *внутри предѣловъ тѣлесной сферы медиума*, коихъ отличительная черта большею частью состоитъ въ персонификаціи, т.-е. въ принятіи не только имени, но часто и характера личности (*персоны*), посторонней медиуму. Таковы элементарныя явленія медиумизма: разговоры посредствомъ стола, письма, или бессознательной рѣчи въ трансѣ. Мы имѣемъ здѣсь первое и самое простое проявленіе раздвоенія сознанія — этой основной медиумической черты. Явленія, принадлежащія къ этой рубрикѣ, раскрываютъ передъ нами великій фактъ двойственности психического существа — нетождественность нашего индивидуальнаго, внутренняго, бессознательнаго *я* съ нашимъ личнымъ, внѣшнимъ, сознательнымъ *я*; они намъ доказываютъ, что всецѣлость нашего психического существа — его центръ тяготѣнія — не находится въ нашемъ личномъ *я*; что это послѣднее есть только *феноменальное* проявленіе индивидуальнаго (*нуменально*) *я*; что, слѣдовательно, элементы этой феноменальности (необходимо личные) могутъ имѣть характеръ множественный — нормальный, аномальный, фиктивный — смотря по условіямъ организма (сонъ естественный, сомнамбулизмъ, медиумизмъ)».

Къ этой первой изъ трехъ категорій, установленныхъ нашимъ авторомъ, принадлежатъ явленія, вообще признаваемые наукою. Никто не отрицаетъ фактовъ перемежающагося сознанія и раздвоенія личности въ натуральномъ или искусственномъ сомнамбулизмѣ. Въ этомъ смыслѣ и въ этихъ предѣлахъ всякій ученый можетъ допустить и медиумическія явленія. Разумѣется, это принципиальное допущеніе не означаетъ признанія реальности (хотя бы психопатической) за всѣми явленіями, происходящими на спиритическихъ сеансахъ. Причиной этихъ явленій можетъ быть, и слишкомъ часто бываетъ, не дѣйствительное раздвоеніе сознанія, а просто поддѣлка и обманъ, съ чѣмъ, какъ мы видѣли, согласенъ и А. Н. Аксаковъ.

Второй группѣ явленій, уже не пользующихся признаніемъ со стороны правовѣрной науки, онъ даетъ слѣдующее полное опредѣленіе:

«2. *Анимизмъ*. Этимъ словомъ я обозначаю бессознательныя психическія явленія, имѣющія мѣсто *внѣ предѣловъ тѣлесной сферы медиума* (умственное общеніе между людьми—*телепатія*, движеніе предметовъ безъ прикосновенія—*телекинетія*, явленіе прижизненныхъ призраковъ—*телефанія*, пластическое дѣйствіе на разстояніи—*телесоматія*, матеріализація). Мы имѣемъ здѣсь кульминаціонное явленіе психическаго раздвоенія; психическіе элементы переступаютъ за предѣлы тѣла и проявляются на разстояніи посредствомъ дѣйствій не только психическихъ, но и физическихъ и даже пластическихъ, до полной объективациі или экстернализаціи,—докаывая черезъ это, что психическій элементъ можетъ быть не только простымъ явленіемъ сознанія, но и центромъ субстанціальной силы, мыслящей и организующей, могущей поэтому временно организовать подобіе органа, видимаго или невидимаго для нашихъ глазъ и производящаго физическія дѣйствія».

Реальность явленій этого второго рода рѣшительно отвергается огромнымъ большинствомъ людей положительной науки, но находятъ себѣ болѣе или менѣе смѣлыхъ и послѣдовательныхъ защитниковъ между философами-метафизиками, для которыхъ основы всякаго бытія имѣютъ психическій, а не вещественный характеръ. Такъ, Шопенгауэръ, исходя изъ своей метафизической воли, свободной отъ условій пространства, времени и механической причинности, признавалъ не только факты ясновидѣнія, прорицанія и прямого общенія субъектовъ на разстояніи, но и всевозможныя *магическія* дѣйствія; также и Гартманъ на основаніи видоизмѣненныхъ и дополненныхъ принциповъ своего учителя допускаетъ дѣйствительность двухъ выше перечисленныхъ родовъ явленій, насколько ими не предполагается вмѣшательство отшедшихъ «духовъ».

Но нашъ авторъ, признавая, что по общему характеру, или внѣшнему виду, *всѣ* медиумическія явленія *могутъ* быть включены въ первыя двѣ категоріи (т.-е. объясняемы внутреннимъ или внѣшнимъ психическимъ раздвоеніемъ), находитъ однако въ своемъ обширномъ опытномъ матеріалѣ такія явленія, особенная дѣйствительность которыхъ, со стороны ихъ умственнаго содержанія, требуетъ, по его убѣжденію, именно этой, отвергаемой философомъ бессознательнаго, гипотезы и заставляетъ отнести ихъ въ новую, третью категорію:

«3. *Спиритизмъ*. Подъ этимъ словомъ обозначаются тѣ же, по

внѣшнему виду, явленія персонизма и анимизма, когда дѣйствующая причина ихъ находится не только внѣ медиума, но и внѣ нашей сферы бытія: мы имѣемъ здѣсь земное проявленіе индивидуальнаго я, посредствомъ тѣхъ элементовъ личности, которые имѣли силу удержаться около индивидуальнаго центра послѣ его отрѣшенія отъ тѣла и которые могутъ проявиться черезъ медиумизмъ, т.-е. черезъ ассоціацію съ однородными психическими элементами живущаго на землѣ существа. Изъ чего выходитъ, что спиритическія явленія, по своимъ внѣшнимъ формамъ, совершенно сходны съ явленіями персонизма и анимизма и отличаются отъ нихъ только по умственному содержанию, свидѣтельствующему о посторонней самостоятельной личности.

«Разъ факты этой послѣдней рубрики признаны, — ясно, что гипотеза, изъ нихъ вытекающая, можетъ одинаково прилагаться и къ фактамъ двухъ первыхъ рубрикъ, такъ какъ она — дальнѣйшее развитіе двухъ предшествующихъ гипотезъ. Затрудненіе въ томъ, что очень часто всѣ три гипотезы могутъ имѣть мѣсто при объясненіи одного и того же факта: такъ, напримѣръ, простое явленіе персонизма можетъ быть фактомъ и анимическимъ, и спиритическимъ. Задача, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы рѣшить, на которой изъ трехъ гипотезъ остановиться, а не задаваться мыслию, что которой-нибудь одной изъ нихъ достаточно для объясненія всѣхъ фактовъ. Критика требуетъ не идти далѣе той, которая удовлетворительно объясняетъ данный случай.

«Итакъ, великая ошибка поборниковъ спиритизма состоитъ въ томъ, что всѣ явленія, извѣстныя подъ этимъ общимъ именемъ, приписываются ими «духамъ». Самое слово: спиритизмъ — сбиваетъ съ толка. Оно должно быть замѣнено другимъ, болѣе общимъ, не содержащимъ въ себѣ никакой гипотезы, никакого ученія, какъ, напримѣръ, слово *медиумизмъ*, которое мы давно уже ввели у себя».

Замѣчу, съ своей стороны, что и этотъ терминъ далеко не удовлетворителенъ, ибо онъ не можетъ прилагаться къ обширной и важной группѣ явленій телепатическихъ и телефаническихъ, возникающихъ непосредственно или самопроизвольно безъ всякаго медиума; развѣ только признать всѣхъ людей медиумами, но тогда у этого термина не оказывается никакого опредѣленнаго содержанія и онъ теряетъ *raison d'être*. Я предлагаю названіе *психурія*, указывающее на тотъ общій характеръ всей

этой области, что въ ней *душа дѣйствуетъ* (или предполагается дѣйствующею), какъ субстанціальная сила, а не проявляется только, какъ пассивная функція мозга. Требованіе А. Н. Аксакова, чтобы общій терминъ не содержалъ въ себѣ никакой гипотезы, никакого ученія, кажется мнѣ неисполнимымъ.

Переходя къ спеціальному содержанію книги А. Н. Аксакова, я долженъ замѣтить, что въ теоретической части своего спора съ Гартманомъ онъ рѣшительно правъ. Нѣмецкій философъ, допуская гипотетически, безъ самостоятельнаго изслѣдованія, реальность одной половины медиумическихъ явленій, какъ производимыхъ особою «нервною силою» медиума, связанной съ состояніемъ ясновидѣнія и т. п., останавливается передъ явленіями матеріализаціи и видитъ въ нихъ субъективныя галлюцинаціи присутствующихъ, сознательно или безсознательно внушенныя медиумомъ; при этомъ онъ запутывается въ противорѣчія и нелогичности, побѣдоносно обличаемыя нашимъ авторомъ.

Такъ, относительно столь обычнаго въ спиритизмѣ явленія на сеансахъ рукъ видимыхъ и осязаемыхъ, Гартманъ говоритъ слѣдующее: «Что касается собственно галлюцинацій осязанія, то открытой остается здѣсь и та возможность, что испытываемое давленіе невидимыхъ или призрачныхъ рукъ, ногъ и т. д., зависитъ отъ системы динамическихъ линій давленія и натяженія, — системы, представляющей аналогъ давящей поверхности руки — безъ лежащаго за этою поверхностью вещественнаго тѣла, т. е. такой системы, которую можно предположить на основаніи получаемыхъ отпечатковъ». Такимъ образомъ, справедливо замѣчаетъ Аксаковъ, галлюцинація осязанія перестала бы быть галлюцинаціей и превратилась бы въ дѣйствительное «давленіе динамическихъ линій», или въ динамическое дѣйствіе медиумической нервной силы; итакъ, когда я держу въ своей рукѣ руку матеріализованную, — видъ этой руки былъ бы галлюцинаціей; но осязаніе ея было бы реальнымъ, — я сжималъ бы въ своей рукѣ систему линій нервной силы. Естественно возникаетъ вопросъ: почему же видъ руки, временно появившейся, долженъ быть галлюцинаціей? Если система линейныхъ силъ можетъ сдѣлаться осязаемой, то она могла бы точно также сдѣлаться и видимой; не представляется логичнымъ давать нервной силѣ предикатъ *осязаемости* и отказывать ей въ предикатѣ *видимости*, когда утвержденіе и отрицаніе предиката имѣютъ одно и то же осно-

ваніе. Или, говоря иначе, нѣтъ логики въ томъ, чтобы принимать реальную, объективную причину для дѣйствія осязанія и отрицать ту же самую реальную, объективную причину, когда рѣчь идетъ о томъ же явленіи и о томъ же воспринимающемъ субъектѣ».

Когда появляющіяся на сеансахъ руки не ограничиваются одними прикосновениями, а приводятъ въ движеніе тяжелые предметы, то Гартманъ находитъ возможнымъ допустить и это, не измѣняя своей точки зрѣнія. «Дѣйствительное перемѣщеніе предметовъ, говоритъ онъ, оказывающееся по окончаніи сеанса, можетъ служить доказательствомъ, что произошли дѣйствительно объективныя перемѣщенія матеріальныхъ вещей. Если эти движенія совершаются не внѣ сферы дѣйствій нервной силы медиума, и родъ явленія и его размѣры не лежатъ за предѣлами тѣхъ дѣйствій, которыя эта сила можетъ произвести, то нѣтъ повода допускать какую либо другую причину явленія, кромѣ упомянутой нервной силы. Медиумъ въ состояніи сомнамбулизма соединилъ, въ такомъ случаѣ, галлюцинацію появляющагося образа съ представленіемъ объ имѣющихъ произойти перемѣщеніяхъ предметовъ и безсознательно произвелъ эти перемѣщенія при помощи своей медиумической нервной силы, оставаясь при этомъ въ увѣренности, что перемѣщенія эти произведены собственно силою представляющихся фантастическихъ образовъ,—черезъ переносъ своей галлюцинаціи на зрителей онъ невольно передалъ и имъ убѣжденіе, что происшедшія перемѣщенія дѣйствительно произведены тѣми призраками, которые представлялись въ галлюцинаціяхъ». — «Логическая несостоятельность этого объясненія, справедливо возражаетъ А. Н. Аксаковъ, увеличилась на одну степень, тогда какъ, съ другой стороны, свидѣтельство зрѣнія и осязанія подтвердилось соответствующимъ физическимъ дѣйствіемъ».

До очевидной несообразности доходитъ объясненіе Гартмана по отношенію къ отпечаткамъ, получающимся отъ матеріализованныхъ рукъ (въ мягкой глинѣ, на мукѣ, или на закопченной бумагѣ). «Весьма естественно, говоритъ нашъ авторъ, что уже давно старались получить отпечатки рукъ, только моментально появлявшихся на сеансахъ и потомъ исчезавшихъ, такъ какъ подобный отпечатокъ служилъ бы положительнымъ доказательствомъ, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ галлюцинаціей, но съ реальнымъ образованіемъ какого-то тѣла.... Но

для Гартмана это заключеніе не годится. Чтобы остаться вѣрнымъ своей теоріи нервной силы, онъ даетъ ей здѣсь необычайное развитіе: эта сила можетъ не только передвигать предметы, но даже производить и пластическія дѣйствія. По его мнѣнію, подобный оттискъ производится «системою давленій и натяжений нервной силы, дѣйствующей на разстояніи (ein System von Druck- und Zuglinien der fernwirkenden Nervenkräft)». А когда тѣло (или, какъ здѣсь, рука), производящее этотъ результатъ, видимо, это опять, какъ въ предшествующемъ случаѣ, галлюцинація,—комбинація реального результата съ дѣйствіемъ галлюцинаторнымъ... Я вижу появляющуюся руку—это галлюцинація; я вижу эту руку, трогаю ее и осязаю,—чувство осязанія считается реальнымъ, но видъ ея есть галлюцинація. Я вижу, какъ эта рука движетъ неодушевленный предметъ, пишетъ; физическое дѣйствіе, ею произведенное, реально, но видъ ея—галлюцинація. Я вижу, какъ эта рука производитъ отпечатокъ, доказывающій, что это подлинно рука,—отпечатокъ признается реальнымъ, но видъ ея—галлюцинаторнымъ. Итакъ, свидѣтельство нашихъ чувствъ признается для цѣлаго ряда реальныхъ дѣйствій, но оно отвергается только для специальной формы воспріятія впечатлѣній зрѣнія, несмотря на то, что одинъ изъ полученныхъ результатовъ—реальный и пребывающій оттискъ—доказываетъ согласность свидѣтельства зрѣнія и осязанія съ этимъ полученнымъ результатомъ. И такимъ же образомъ, съ другой стороны, мы имѣемъ явленіе, которое обладаетъ всѣми признаками тѣлесности и которое таковымъ себя доказываетъ всѣми дѣйствіями, какія только тѣло можетъ вообще произвести: оно видимо, оно осязаемо, движетъ другое тѣло, оставляетъ пребывающіе слѣды, отпечатывается даже на другомъ тѣлѣ—всѣ эти предикаты признаются за нимъ самимъ Гартманомъ, какъ реальные, объективные, за исключеніемъ только видимости». Очевидно, для такого двойственного отношенія нѣтъ никакихъ логическихъ основаній.

«И эта логика,—продолжаетъ А. Н. Аксаковъ,—намъ покажется еще болѣе странною, если мы попросимъ Гартмана дать намъ въ смыслѣ его собственной философіи опредѣленіе понятія о тѣлѣ. Матерія, отвѣтитъ онъ намъ, не что иное, какъ «система атомныхъ силъ» (*Philos. des Unbew.*, изд. 1872 г., стр. 474). Такимъ образомъ, когда я держу въ своей рукѣ другую естественную руку, я держу, по Гартману, систему атомныхъ силъ, и онъ не

отказываетъ ей въ предикатѣ видимости, и такое свидѣтельство чувствъ моихъ онъ не считаетъ галлюцинаціей. Но когда я держу въ своей рукѣ руку, такъ называемую «матеріализованную», которую вижу и осязаю и *которой Гартманъ даетъ то же самое опредѣленіе*, такъ какъ онъ признаетъ ее за систему линейныхъ силъ (ein System von Kraftlinien), то въ этомъ случаѣ, говоритъ онъ, чувство осязанія реально, но зрительное впечатлѣніе этой руки—галлюцинація. Почему? На основаніи какой логики?» Я думаю, всякій согласится съ заключеніемъ нашего автора, что гипотеза галлюцинаціи послѣ всѣхъ уступокъ, допускающихъ объективную реальность того же явленія для другихъ чувственныхъ воспріятій, представляется, съ точки зрѣнія логики, совершенно несостоятельной. Столь же несостоятельнымъ кажется намъ и предположеніе какой-то «нервной силы», цѣлесообразно дѣйствующей и притомъ *внѣ тѣла* своего обладателя, на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ него.

А съ исключеніемъ этихъ двухъ произвольныхъ и искусственныхъ предположеній вопросъ сводится къ такой дилеммѣ: или объективное проявленіе трансцендентальнаго существа, или просто обманъ. Устранить второй членъ этой дилеммы, представляющей съ разу самое естественное объясненіе, во всякомъ случаѣ, гораздо труднѣе, чѣмъ разрушить досужія измышленія нѣмецкаго метафизика. Съ этимъ согласенъ и нашъ авторъ. «Величайшее для меня затрудненіе, — говоритъ онъ, — состояло въ выборѣ фактовъ.... Я сказалъ въ началѣ, что цѣль моего труда не въ томъ, чтобы защищать факты, — это такъ, когда я становлюсь на точку зрѣнія Гартмана; но долженъ сказать, что я имѣлъ также въ виду и болѣе общую точку зрѣнія и всегда старался представить такіе факты, которые, по условіямъ своей обстановки, всего бы лучше соответствовали требованіямъ критики. Здѣсь-то и представляется величайшая трудность, здѣсь-то и уязвимое мѣсто, ибо никакія условія, никакія мѣры предосторожности при наблюденіяхъ не помогутъ убѣдить въ фактѣ, пока этотъ фактъ не находитъ себѣ мѣста въ общественномъ пониманіи. Съ другой стороны, *возможность обмана, сознательнаго или безсознательнаго — возможность, которую всегда легко предположить и отсутствіе которой никакъ нельзя доказать*, еще болѣе усиливаетъ затрудненіе».

Совершенно устранить это затрудненіе нельзя, его можно

только ослабить тщательнымъ подборомъ фактовъ наиболѣе убѣдительныхъ. До нѣкоторой степени эта цѣль достигнута нашимъ авторомъ. Разказы изъ первыхъ рукъ о таинственныхъ явленіяхъ, неподготовленныхъ, неожиданныхъ и тягостныхъ для лицъ, имъ подвергшихся, производятъ на безпристрастнаго читателя впечатлѣніе полной реальности. Такова, въ особенности, сложная исторія «чертовщины» въ семействѣ Щаповыхъ на Уралѣ, а также сообщенія отравившейся дѣвицы, желавшей предотвратить бѣду отъ своего родственника. По крайней мѣрѣ, въ самихъ этихъ разказахъ нѣтъ ничего такого, что поддерживало бы скептическое къ нимъ отношеніе. Нельзя сказать того же о различныхъ явленіяхъ, происходившихъ при участіи профессиональныхъ медиумовъ, хотя бы явленія эти и были засвидѣтельствованы оттисками, фотографіями и т. п. Если, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, дѣло сводится, въ концѣ концовъ, къ нравственному довѣрію, то почтенное сословіе медиумовъ успѣло себя зарекомендовать такъ, что для оказанія ему хотя малѣйшей степени довѣрія не представляется никакихъ объективныхъ основаній. А исходя изъ совершенно законнаго въ настоящемъ случаѣ недоувѣрія, я не вижу никакой возможности осуществить такія условія опыта, при которыхъ была бы исключена возможность обмана со стороны лицъ, сдѣлавшихъ обманъ своею спеціальностью и средствомъ существованія *). Да и помимо профессиональныхъ медиумовъ, нашъ авторъ требуетъ слишкомъ много отъ своихъ читателей, если желаетъ, чтобъ они полагались на свидѣтельство лицъ, принадлежащихъ большею частью къ той категоріи, которую нашъ старинный законъ обозначалъ, какъ «иностранцевъ, поведеніе коихъ неизвѣстно». Такъ напримѣръ, рассказавши о полной матеріализаціи предполагаемаго духа Кэти Кингъ при медиумической помощи миссъ Флоренсъ Кукъ, онъ самъ замѣчаетъ: «для человѣка непосвященнаго (?) всего естественнѣе предположить,

---

*) Отвлеченно говоря, можно, разумѣется, придумать условія, съ достаточно вѣроятностью исключаящія всякій обманъ. Такъ, напримѣръ, можно было бы устроить сеансъ на открытой вершинѣ холма, въ ясный лѣтній день, въ купальныхъ костюмахъ, а медиума, зашивши предварительно въ мѣшокъ изъ легкой, но прочной матеріи, положить въ свѣже-вырытую яму, слегка прикрывши только-что выпиленными досками. При такихъ условіяхъ, активный обманъ съ его стороны былъ бы мало вѣроятенъ, но насколько мнѣ извѣстно, на подобныя условія медиумы никогда не соглашаются.

что роль Кэти продѣлывалась другимъ лицомъ, являющимся чрезъ искусно устроенный проходъ». Противъ этого предположенія, къ которому и я имѣю основанія присоединиться, рискуя оказаться «непосвященнымъ», А. Н. Аксаковъ выставляетъ соображеніе рѣшительно недостаточное. «Но сеансы эти,—говоритъ онъ,— не всегда происходили на квартирѣ семейства Куковъ. И мнѣ самому довелось еще разъ видѣть Кэти на сеансѣ, происходившемъ 16—28 октября, на дому у г. Люксмора, богатаго чело-вѣка, бывшаго мирового судьи. Гостей было чело-вѣкъ пятнад-цать» и т. д. Конечно, качество богатаго чело-вѣка и бывшаго мирового судьи устраняетъ, вообще говоря, подозрѣнія въ корыст-номъ мошенничествѣ; но это качество совершенно совмѣстимо съ возможностью для почтеннаго г. Люксмора быть обманутымъ со стороны медиума и кого-нибудь изъ пятнадцати гостей, о которыхъ читателю не сообщается ничего внушающаго довѣрія. А. Н. Аксаковъ имѣетъ право требовать нравственнаго довѣрія *къ себѣ*, по крайней мѣрѣ, со стороны тѣхъ, кто знаетъ его лично или литературно; но на какомъ основаніи можетъ онъ рассчитывать на наше довѣріе къ г. Люксмору и его пятнадцати гостямъ, т.-е. именно къ «иностранцамъ, поведеніе коихъ неизвѣстно?»

Если профессиональные медиумы со всѣми своими злоупотребленіями получили неподобающее имъ значеніе въ области пси-хургии, то это отчасти зависѣло отъ увлеченія самыхъ серьезныхъ спиритуалистовъ экспериментальною методою. Увлеченіе это, ко-торого весьма нечуждъ и нашъ авторъ, основано, мнѣ кажется, на недоразумѣніи. Между тѣми экспериментами, которымъ такъ много обязаны физика, химія и нѣкоторыя другія положительныя науки, и тѣми экспериментами, которые производятся на спиритическихъ сеансахъ, сходство только номинальное. Вся сила научнаго экспери-мента состоитъ въ его повторяемости при тѣхъ же условіяхъ, и для этого самыя условія должны: 1) быть извѣстны, 2) приведены въ про-стѣйшій видъ и 3) находиться въ распоряженіи экспериментатора. Ме-жду тѣмъ, въ опытахъ собственно спиритическихъ (предполагая под-линность явленій) главныя условія, именно тѣ трансцендентальныя су-щества или «духи», которые дѣйствуютъ на медиума—1) опредѣленно не извѣстны, 2) по предположенію, крайне-сложны и 3) никогда не находятся въ распоряженіи экспериментатора. Къ тому же, наука едва ли можетъ допустить такіе эксперименты, одно изъ усло-

вій которыхъ есть интересъ въ поддѣлкѣ явленій, а именно это условіе неизбежно присуще спиритическимъ сеансамъ съ профессиональными медиумами. Всѣмъ этимъ исключается серьезная аналогія между экспериментами научными и экспериментами спиритическими. Соотвѣтственно этому, и въ книгѣ Аксакова всѣ дѣйствительно убѣдительные факты принадлежатъ къ числу безъискусственныхъ, самопроизвольно возникшихъ и, слѣдовательно, только наблюдаемыхъ и констатируемыхъ, а не экспериментируемыхъ явленій.

На основаніи самой этой книги можно видѣть, что несомнѣнные успѣхи психургіи за послѣдніе полвѣка обусловлены не развитіемъ спиритическихъ экспериментовъ, а другими факторами, изъ коихъ главнѣйшіе суть: 1) Усиленное изученіе той психургической окраины, которая дѣйствительно допускаетъ приложеніе экспериментальной методы, — разумью явленія гипнотизма, которая, по выраженію нашего автора, вошла клиномъ въ сферу положительной науки. 2) Опытъ систематической обработки извѣстій и наблюденій изъ области телепатіи и телефаніи *). 3) Участіе нѣмецкихъ философовъ-метафизиковъ въ объясненіи психургическихъ явленій; трудами Гелленбаха, Дю-Преля и отчасти самого Гартмана въ значительной степени обусловленъ и тотъ несомнѣнно удачный опытъ *естественной классификаціи* этихъ явленій, который данъ А. Н. Аксаковымъ въ его книгѣ.

Владиміръ Соловьевъ.

---

*) Имѣю въ виду особенно обширный трудъ трехъ англійскихъ ученыхъ *The phantasms of the living*, сокращенный русскій переводъ котораго изданъ тѣмъ же А. Н. Аксаковымъ („Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія“. Спб. 1893 г.).

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Обзоръ книгъ.

W. Pater. Plato and Platonism, a series of Lectures. Lond. and New-York, 1893, pp. 259.

Подъ платонизмомъ мы должны подразумѣвать не «нео-платонизмъ какого бы то ни было рода, но руководящіе принципы ученія Платона», разсматриваемые «въ тѣсной связи съ нимъ самимъ, какъ онъ представленъ въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ». Эти принципы авторъ истолковываетъ по руководству исторической методы, требующей, чтобы «всякій литературный памятникъ былъ насколько возможно больше поставленъ въ совокупность тѣхъ умственныхъ, общественныхъ и матеріальныхъ условий, среди которыхъ онъ произведенъ» (р. 5).

Сообразно съ этимъ, книга начинается анализомъ основныхъ элементовъ платонизма, то-есть ученій Гераклита (принципъ движенія), элейцевъ (принципъ постоянства), пифагорейцевъ (принципъ числа), Сократа (принципъ логическаго реализма). Каждое изъ этихъ ученій разсмотрѣно въ связи съ общей обусловившей ихъ культурой. Глава «Платонъ и софисты» вводитъ насъ въ центръ современной Платону общественной и философской жизни.

Этотъ предварительный анализъ служитъ почвой для выясненія «той своеобразности въ индивидуальномъ геніи Платона, которая дала ему возможность силою воли возвышаться надъ средою и идти собственнымъ путемъ» (р. 112). Своеобразность эта состоитъ въ томъ, что «въ Платонѣ страсть къ истинѣ господствовала надъ склономъ, или шла по склону нѣкоторыхъ неискоренимыхъ предрасположеній его природы, которыя сами по

себѣ ей нѣсколько противоположны». Хотя платонизмъ есть «выразительное свидѣтельство въ пользу незримаго, трансцендентальнаго, не подлежащаго опыту», однако эта «сдержанность или суровость» есть лишь слѣдствіе «самоукрощенія или контроля надъ разносторонне отзывчивой, богатой чувственной природой» (р. 114).

Общая характеристика ученія Платона ставитъ на видъ, что «платонизмъ не есть формальная теорія или совокупность теорій, но стремленіе, или группа стремленій—мыслить или чувствовать и разсуждать» сообразно съ «тѣми выдающимися особенностями самого Платона и его умственнаго строя, которыя объединяются и находятъ свое полное выраженіе въ томъ, что скорѣе комментаторы Платона, чѣмъ самъ Платонъ, называютъ теоріей идей». На дѣлѣ, эта «теорія»—не что иное, какъ особый способъ разсматривать и обсуждать общіе термины, абстрактныя понятія, идеалы,—словомъ, всѣ тѣ термины и понятія, которые выражаютъ въ общей формѣ частныя представленія нашего индивидуальнаго опыта (р. 136).

Этотъ особый способъ есть діалектика, или искусство обсуждать вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія,—такъ, однако, чтобы въ концѣ получалось впечатлѣніе, «въ которомъ душа обхватываетъ заразъ, какъ бы единымъ актомъ воображенія, чрезъ всѣ переходы долгаго разговора, всѣ на первый взглядъ противоположныя препирательства всѣхъ участниковъ разговора» (р. 165). Платоновы діалоги—письменное изображеніе этой діалектики. Они вводятъ новую форму въ философскую литературу. Въ раннее время, когда «философія была еще дѣломъ интуиціи, воображенія, была сангвиничной, часто смутной и темной», преобладала форма поэмы. Но природная интуиція съежилась въ догматическую систему, и наступилъ періодъ формальныхъ трактатовъ съ ихъ «трескомъ сухихъ костей». Совершенное философское настроеніе занимаетъ середину между этими противоположностями: оно съ различныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія *пытаетъ* всю богатую, лежащую передъ ней, дѣйствительность и выражаетъ эти свои попытки въ «Опытахъ» (Essay). Платонъ былъ родоначальникомъ философскихъ «Опытовъ» (р. 158).

По своимъ нравственнымъ основамъ платонизмъ «есть высоко сознательное воспроизведеніе и утвержденіе (reassertion) одного изъ двухъ составныхъ элементовъ эллинскаго генія, — именно,

того духа жителей нагорной стороны, въ которомъ ранніе до-
рійскіе предки лакелемонянъ обособили свое отличительное на-
строеніе въ противоположность подвижному, морскому, текуче-
му характеру прибрежнаго іонійскаго населенія» (pp. 182—183).
«Государство» Платона есть протестъ противъ «горючести (flam-
boyance) или текучести въ вещахъ и людскихъ мысляхъ о нихъ»
(р. 214). Развитію этихъ положеній посвящены двѣ главы: «Ла-
кедемонъ» и «Государство».

Та же точка зрѣнія положена въ основу анализа «Эстетики
Платона», которымъ заканчивается книга.

Хотя книга не испещрена ссылками и цитатами, она свидѣ-
тельствуешь о широкомъ знакомствѣ съ Платоновыми діалогами
и объ еще болѣе широкой общей эрудиціи автора. Новую ли-
тературу о Платонѣ Пѣтеръ оставляетъ, повидимому, безъ вни-
манія. Но это лишь способствуетъ главному достоинству труда—
его оригинальности. Главный недостатокъ книги, помимо важ-
ныхъ пробѣловъ въ изложеніи Платонова ученія (космологія,
напримѣръ, вовсе не затронута)—витіеватый и оттого порою темный
слогъ. Ясности не способствуютъ и частыя краткія сближенія между
мыслью Платона и другихъ писателей, какъ древнихъ, такъ и
новыхъ. Для лицъ образованныхъ эти краткія сопоставленія не
нужны; для начинающихъ, на которыхъ собственно и рассчитыва-
етъ книга, они не только ничего не объясняютъ, но затемня-
ютъ пониманіе, отвлекая мысль излишней номенклатурой.

О томъ, насколько правильно освѣщаетъ эта новая книга воз-
зрѣнія Платона, пусть судить всякій, кто считаетъ себя доста-
точно знакомымъ съ его сочиненіями, такъ какъ и въ настоящее
время остается во всей силѣ замѣчаніе «платоническаго фило-
софа» Оригена, что «Платона никто не знаетъ вполнѣ».

А. Гиляровъ.

Fr. Paulhan.—«Les caractères. (Bibliothèque de philosophie
contemporaine. Paris, 1894 г.).

Опытная психологія неоднократно пыталась выдвинуть ту или
иную сторону психической жизни, какъ общую основу, благо-
даря которой можно было бы все безконечное разнообразіе че-
ловѣческихъ характеровъ свести къ сравнительно небольшому
числу основныхъ психическихъ типовъ. Книга Полана пред-
ставляетъ одну изъ такихъ попытокъ.

Въ первыхъ двухъ, чисто теоретическихъ, частяхъ Поланъ подробно развиваетъ свой принципъ классификаціи характеровъ; третья часть, практическая, даетъ нѣкоторыя указанія для при-мѣненія предлагаемаго имъ принципа ко всякому данному конкретному случаю.

Это сочиненіе является прямымъ продолженіемъ другой книги того же автора: «Умственная дѣятельность и элементы духа»*), въ которой авторъ пытался установить основные законы умственной дѣятельности. Вотъ эти законы (какъ ихъ устанавливаетъ Поланъ): 1) *Законъ систематической ассоціаціи*, который состоитъ въ томъ, что «каждый психическій фактъ способенъ возбуждать такіе психическіе факты, которые могутъ гармонически соединяться съ нимъ для одной общей цѣли». 2) *Законъ систематическаго задержанія или отбора* (inhibition), состоящій въ томъ, что «каждый психическій фактъ стремится устранить тѣ психическіе факты, которые не могутъ гармонизировать съ нимъ». 3) *Законъ контрастовъ*, который у Полана является комбинаціей первыхъ двухъ,—и 4) *Законы ассоціаціи по сходству и смежности*, которые авторъ считаетъ лишь особыми формами систематической ассоціаціи.

Характеръ—въ общеупотребительномъ, житейскомъ смыслѣ слова—означаетъ индивидуальность, т. е. различныя свойства ума, большую или меньшую степень активности и т. п., отличающія данную личность.

Съ научной точки зрѣнія, характеръ можно разсматривать, какъ конкретное проявленіе абстрактныхъ психологическихъ законовъ. «Свести всѣ черты сложныхъ человѣческихъ характеровъ къ простѣйшимъ психическимъ элементамъ—говоритъ Поланъ—и къ простѣйшимъ формамъ великихъ психологическихъ законовъ, раскрывая ихъ сложныя комбинаціи,—вотъ цѣль науки о характерахъ».

Въ первой части книги авторъ даетъ рядъ основныхъ психическихъ типовъ, принимая за основаніе классификаціи «преобладаніе той или другой формы психологической ассоціаціи», причемъ типы располагаются по степени связности, въ нисходящемъ порядкѣ (постепенное ослабленіе систематической ассоціаціи):

1-я группа типовъ характеризуется преобладаніемъ системати-

*) См. рецензію о ней въ „Вопр. фил. и псих.“, кн. II.

ческой ассоціаціи. Это типы: *уравновѣшенный* и *объединенный*. И тотъ и другой типъ отличаются душевною гармоніей; разница между ними та, что въ первомъ гармонія обусловливается *равновѣсіемъ* наклонностей и чувствъ; во второмъ — *подчиненіемъ* всѣхъ наклонностей какой-нибудь одной или нѣсколькимъ — *господствующимъ*.

2-я группа. Типы, характеризующіеся *преобладаніемъ систематическаго задержанія: владычущіе собою (maîtres de soi) и разсудительные.* Первые отличаются *борьбой* склонностей антагонистовъ; вторые — *задержкой* *всѣхъ* вообще проявленій психической жизни.

3-я группа. Типы, характеризующіеся *преобладаніемъ ассоціацій по контрасту: безпокойные, нервозные, противорѣчивые.* Явленіе контраста объясняется обратной реакціей сильныхъ наклонностей. У *противорѣчивыхъ* эта реакція направлена не на собственные чувства, а на чувства и желанія другихъ людей. Къ этой же группѣ относится еще одинъ типъ — людей *нерышительныхъ, щепетильныхъ (scrupuleux)*, которые постоянно мучатся угрызениями совѣсти по поводу ошибокъ часто ничтожныхъ и даже воображаемыхъ.

4-я группа типовъ характеризуется *преобладаніемъ ассоціацій по смежности и сходству.* Определенныхъ типовъ этой группы авторъ не даетъ. Ассоціаціи по *смежности и сходству*, какъ основныя формы, присущи всѣмъ вообще людямъ, особенно обладающимъ такъ называемой *хорошею памятью*. Наклонность къ этого рода ассоціаціямъ замѣчается сильнѣе у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, и особенно рѣзко проявляется у дѣтей.

5-я группа — типы, характеризующіеся *независимою дѣятельностью психическихъ элементовъ* (полное отсутствіе систематической ассоціаціи): *импульсивные*, такъ называемые, *люди минуты*.

Проявленію *импульсивнаго* типа способствуютъ всѣ обстоятельства, которыя почему-либо нарушаютъ или только ослабляютъ единство нашего я, причемъ типъ можетъ проявиться въ болѣзненно-преувеличенномъ видѣ (*истеричные субъекты*). У очень многихъ людей импульсивность въ обыденной жизни сдерживается чисто внѣшними обстоятельствами, каковы: религіозныя вѣрованія, страхъ высшей власти, чье-нибудь моральное вліяніе, привычная рутина жизни и т. д. Такіе люди могутъ принять, временно, характеръ *уравновѣшеннаго* типа. Но стоитъ внѣшней

уздѣ ослабѣть, какъ это мы видимъ въ такъ называемыя *переходныя* эпохи (напримѣръ, во время революцій),—страсти разыгрываются, и люди, самые безобидные въ обыкновенное время, совершаютъ ни съ чѣмъ несообразные, часто звѣрскіе, поступки.

Другой типъ этой группы представляютъ *сложныя* личности (съ «раздвоеннымъ сознаниемъ»), которыми наука очень много занималась въ послѣднее время. Это типъ скорѣе патологическій.

Вотъ основные психическіе типы, къ которымъ Поланъ сводитъ все разнообразіе существующихъ человѣческихъ характеровъ. Эти типы носятъ нѣсколько абстрактный, схематическій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, для полной оцѣнки какой-нибудь личности, ея моральнаго и умственнаго значенія, недостаточно опредѣлить, что она принадлежитъ хотя бы, напр., къ *объединенному* типу,—для этого необходимо указать *степень развитія* и *содержаніе* объединяющей наклонности: сильна она или слаба, принадлежитъ ли она къ возвышеннымъ или къ низменнымъ сторонамъ человѣческой природы. (*Господствующее* значеніе могутъ имѣть самыя разнородныя наклонности: жадность, любовь къ богатству, религіозное чувство и т. д.).

Поэтому, Поланъ, наряду съ вышеприведенной *основною* классификаціей психическихъ типовъ, даетъ еще двѣ другія классификаціи,—два ряда дополнительныхъ опредѣленій типовъ. Въ первомъ изъ нихъ за основаніе классификаціи приняты *особыя качества* наклонностей (въ отношеніи степени ихъ развитія). Такъ, въ каждомъ основномъ типѣ (уравновѣшенномъ, объединенномъ и др.) наклонности могутъ быть *сильны* или *слабы*, *искривы* или *прямолинейны* и т. д.; впрочемъ, нѣкоторыя качества наклонностей бываютъ связаны исключительно съ какимъ-нибудь однимъ изъ основныхъ типовъ, напр., *устойчивость* наклонностей—необходимое свойство *объединеннаго* типа и, наоборотъ, *немыслима* у *импульсивныхъ* и т. д.

Вторая дополнительная классификація основывается на *содержаніи* наклонностей и даетъ рядъ *конкретныхъ* типовъ, характеризующихся *преобладаніемъ известной опредѣленной наклонности*. Типовъ этихъ очень много,—столько же, сколько преобладающихъ наклонностей и расположены они въ *восходящемъ* порядкѣ, т.-е. отъ низшихъ къ высшимъ.

На первой ступени стоятъ типы съ преобладаніемъ чисто зооло-

гическихъ наклонностей (напр., типъ *обжоры*); далѣе слѣдуютъ типы, характеризующіеся преобладаніемъ разнаго рода *чувствованій* (любовь къ деньгамъ, любовь къ богатству, расточительность, любовь къ славѣ, къ власти и т. д.). Таковы типы *скупоцвѣ*, *властолюбцевъ*, *честолюбцевъ* и др. На высшей ступени стоятъ типы съ преобладаніемъ наклонности къ *творчеству* (художественно-музыкальному, литературному); сюда принадлежатъ выдающіеся художники, композиторы, поэты, ученые. Самая высшая форма этого типа—люди съ наклонностью къ отвлеченному, философскому мышленію.

Эта часть книги страдаетъ излишней раздробленностью, вслѣдствіе чего мѣстами даже трудно бываетъ провести точное разграниченіе между отдѣльными типами.

Въ третьей и послѣдней части книги авторъ даетъ нѣкоторыя указанія для практическаго примѣненія своего метода.

Во 1-хъ, онъ указываетъ на *множественность типовъ въ одномъ и томъ же индивидуумѣ*. Не нужно забывать, что въ жизни чистыхъ типовъ почти не бываетъ; большей частью встрѣчаются смѣшанные характеры, т.-е. въ одномъ лицѣ соединяются черты, принадлежащія психическимъ типамъ различныхъ категорій.

Во 2-хъ, авторъ рекомендуетъ величайшую осмотрительность и осторожность при опредѣленіи даннаго человѣческаго характера, самую строгую оцѣнку *господствующихъ наклонностей*: одна и та же наклонность можетъ имѣть совершенно неодинаковое значеніе, смотря по тому, съ какими другими наклонностями она соединяется. Напр., *разсыянность* можетъ быть результатомъ неспособности дѣятельно сосредоточить на чемъ-нибудь свое вниманіе и, равно, результатомъ чрезмѣрнаго сосредоточенія вниманія на одномъ опредѣленномъ предметѣ.

Въ 3-хъ, Поланъ совѣтуетъ при опредѣленіи характеровъ принимать въ соображеніе ихъ подвижность,—то, что онъ называетъ «*l'état d'évolution du caractère*». Подъ этимъ «*état d'évolution*» авторъ разумѣетъ вліяніе на измѣненія характера различныхъ обстоятельствъ физическаго и моральнаго свойства, каковы: болѣзнь, горе и радость, случайныя впечатлѣнія, перемѣна среды и т. д.; но при этомъ авторъ совершенно игнорируетъ, такъ сказать, естественную эволюцію характеровъ, т. е. тѣ необходимыя ступени, которыя проходитъ каждый человѣческій характеръ отъ дѣтства до зрѣлаго возраста.

Въ заключеніе книги, Поланъ даетъ образецъ примѣненія своего метода на практикѣ,—очень яркую и интересную характеристику личности Густава Флобера.

Е. Хлопина.

A. Chuquet. J. J. Rousseau. Paris, 1893, pp. 201 (Les grands écrivains français).

Ж. Ж. Руссо несомнѣнно долженъ быть поставленъ во главѣ передовыхъ людей послѣднихъ двухъ столѣтій. Его значеніе въ политической исторіи общеизвѣстно. Въ ученіи о воспитаніи онъ былъ первымъ ревностнымъ поборникомъ возвращенія къ природѣ. Въ философіи онъ стяжалъ неувядаемую славу «исповѣдью Савойскаго священника» — лучшею проповѣдью деизма, одинаково превосходной по содержанію и по формѣ. Воздѣйствіе его религіозныхъ и другихъ теорій можно прослѣдить у цѣлаго ряда мыслителей, не только французскихъ, но и иностранныхъ, и прежде всего — нѣмецкихъ, на примѣръ, у Канта и Фихте, чтобы не упоминать о менѣ знаменитыхъ. Въ литературѣ онъ былъ родоначальникомъ современнаго натурализма и сентиментализма. Бальзакъ и Жоржъ-Зандъ—его духовныя дѣти. Отъ него же ведетъ начало и демократическая окраска современнаго французскаго романа. Безъ него не существовали бы ни «Поль и Виржини» Бернардена де Ст. Пьерра, ни «Вертеръ» Гёте, ни «Атала» Шатобриана. Имъ вдохновлены лучшія пантеистическія тирады у Байрона *). Какъ поэтъ и стилистъ, онъ также не малая величина. Въ своей «Новой Элоизѣ» онъ впервые заставилъ человѣка «дышать одною жизнью съ природой» и впервые оправилъ романъ въ великолѣпную раму природы. По стилистическимъ достоинствамъ его сочиненія занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ во французской литературѣ. Не много образцовъ могли бы, на примѣръ, идти въ уровень съ знаменитымъ: *L'aurore un matin me parut si belle etc.* (Confessions, liv. IV). Еще безподобнѣе «*Rêveries du Promeneur solitaire*»: это музыкальная мелодія въ прозѣ, притомъ вполне сознательная, такъ какъ Руссо былъ замѣчательный музыкантъ и умѣлъ передавать толпившіеся въ его головѣ звуки не только нотами, но и прозой. Нравствен-

*) Существуетъ специальная монографія: Schmidt, Rousseau und Byron, Greifsw. 1888 (Авторъ хорошо знакомъ съ Байрономъ, но съ Руссо не всегда изъ первыхъ рукъ).

ная природа Руссо совершенно исключительная. Едва ли въ комъ другомъ можно найти такое смѣшеніе противорѣчій: неутолимой жажды любви съ непобѣдимой мизантропіей, влеченія къ общительности съ исканіемъ одиночества, одушевленія всеобщею равноправностью съ слабостью къ знати, мечтательной любви съ распутствомъ, крайней деликатности и нѣжности съ грубымъ цинизмомъ и т. д.

Вся эта «болѣзнь Руссо» такого рода, что надъ ней и по настоящее время задумываются врачи.

Казалось бы, что о такомъ выдающемся и своеобразномъ человѣкѣ должна существовать неисчерпаемая литература. На дѣлѣ, она не особенно богата количествомъ, а качествомъ прямо скудна. Монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, главнымъ образомъ, біографическимъ, появляются изъ года въ годъ, особенно въ послѣднее время *); но нельзя указать ни на одинъ общій трудъ о Руссо, который бы удовлетворялъ современному положенію вопроса **). Лучшее свидѣтельство о равнодушіи къ Руссо—отсутствіе сколько-нибудь порядочнаго новаго полнаго собранія его сочиненій. Выпущенное недавно (1884—1887) Гашеттомъ грошевое изданіе по своей микроскопической печати годно только для справокъ. И какъ жалко это изданіе въ сравненіи съ великолѣпными новыми изданіями современниковъ Руссо — Вольтера и Дидро! А между тѣмъ, сколь ни велики эти геніи, они все-таки ниже Руссо, такъ какъ больше разрушали, чѣмъ творили, Руссо же прежде всего творилъ. Хорошее изданіе его сочиненій все еще «ожидается».

Удовлетворительныхъ популярныхъ очерковъ о Руссо тоже не много. Книжка Шюкэ—одна изъ лучшихъ. Она основана на новѣйшихъ данныхъ. Авторъ не скрываетъ недостатковъ Руссо, но не умаляетъ и его достоинствъ. Но что всего цѣннѣе, въ нѣкоторыхъ страницахъ чувствуется какъ бы незримое присутствіе самого Руссо. Насколько позволялъ объемъ книги, значеніе Руссо выяснено съ достаточной обстоятельностью. Жаль только, что весьма блѣдно очерчены близкія къ нему лица; относительно

*) Одна изъ послѣднихъ біографій — Beaudouin, La vie et les oeuvres de J. J. Rousseau. Paris, 1892 (Сочиненія Руссо затронуты только поверхностно).

**) Съ этимъ положеніемъ знакомитъ Delmont: J. J. Rousseau d'après les derniers travaux de la critique et d'histoire (въ Université catholique за 1892).

М-me Warens это тѣмъ менѣе извинительно, что она своего рода жемчужина и что о ней въ послѣдніе годы добыты новыя, не лишеныя интереса, свѣдѣнія *). Вообще же книжка написана такъ живо и увлекательно, что многіе прочтутъ ее, не отрываясь.

А. Гиляровъ.

L. Lyon. La Philosophie de Hobbes (Bibliothèque de philosophie contemporaine). Paris, 1893, pp. 220.

Книга даетъ документальное и подробное изложеніе жизни, дѣятельности и ученія Гоббса. Даже придирчивая критика едва ли можетъ указать какіе-нибудь важныя пробѣлы въ этой работѣ, а для читателя не специалиста лучшей ея рекомендаціей можетъ служить то, что неинтересное само по себѣ содержаніе вышло подъ перомъ автора интереснымъ, насколько это вообще въ данномъ случаѣ возможно. Въ особенности можетъ быть полезной эта книга тѣмъ юристамъ, которымъ не охота рыться въ политическихъ трактатахъ Гоббса, но необходимо обстоятельно познакомиться съ ихъ содержаніемъ.

А. Гиляровъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей.

Борисовскій. Безкорыстіе и чистота христіанской нравственности. 39 стр. (Отд. оттискъ изъ журнала «Вѣра и Разумъ» за 1893 годъ).

Заборскій, Н. И. О памяти зрительныхъ воспріятій. Юрьевъ. 1894. 32 стр. (диссертация на степень д-ра медицины).

Насса взаимопомощи при Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Отчетъ за 1893 г. и проч. Спб., 1894. 36 стр.

Уставъ нассы взаимопомощи при Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Krestoff, K. Lotze's metaphysischer Seelenbegriff. Halle a. S. 1890. 83 S. (Inaugural-Dissertation).

Васильевъ, проф. Николай Ивановичъ Лобачевскій. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Каз. унив. 22 окт. 1893 г. Казань, 1894. 40 стр.

---

*) Mugnier, Madame Warens et J. J. Rousseau. Paris 1891.

Отчетъ мѣстнаго распорядительнаго комитета, организованнаго Физико-математ. Общ. для составленія капитала имени Н. И. Лобачевского. № 2. Казань, 1894. 10 стр.

Отчетъ о дѣятельности Физико-математическаго Общества при Имп. Каз. унив. за третій годъ его существованія. Казань, 1894. 16 стр.

Отчетъ Пензенской Общественной имени М. Ю. Лермонтова библиотеки за 1893 г. Пенза, 1894. 29 стр.

Соколовъ, М. Е. Введеніе въ философію. Петровскъ, Саратов. губ. 1894. 9 стр.

Страховъ, свящ. Нѣсколько словъ о христіанской любви въ ея отношеніи къ духовной природѣ человѣка. М. 1893. (Оттискъ изъ журн. «Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв.»). 15 стр.

Тихомировъ, П. Философія В. Д. Кудрявцева. М. 1894. 45 стр. (Отд. оттискъ изъ янв. книжки «Чтеній въ Общ. Любит. Дух. просв.» 1894 г.).

Тонарскій, А. А. Психическія эпидеміи (Изъ 20-й кн. журнала «Вопросы Фил. и Псих.»). М. 1893. 23 стр. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

Фалькенбергъ. Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени съ приложеніемъ краткаго философскаго словаря. Переводъ студентовъ С.-Петербур. унив. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго, со 2 нѣм. изданія. Спб. 1894. 587 стр. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 40 к.

II. Обзоръ журналовъ.

Philosophische Monatshefte, XXIX B., Hefte 7—10.

A. Baur. Pierre Jurieu (Peter Juräus) als Staatsphilosoph.

Въ этой статьѣ дается очеркъ политической философіи Петра Жюрьё, протестантскаго богослова, мыслителя и литературнаго противника Боссюэта. Основнымъ принципомъ политической теоріи Жюрьё является положеніе, что верховная власть принадлежитъ въ своемъ источникѣ народу. Такимъ образомъ, воззрѣнія Жюрьё въ XVII в. напоминаютъ—подчасъ почти дословно—явившуюся въ слѣдующемъ столѣтіи знаменитую политическую теорію Руссо.

P. Lorentz. Ueber die Aufstellung von Postulaten als philosophische Methode bei Kant.

По мнѣнію автора, метода выставленія постулатовъ, какъ она дана въ Критикѣ практическаго разума, вовсе не обусловлена природой предметовъ, возможность которыхъ она хочетъ доказать, а вызвана специфической окраской постулируемыхъ предметовъ въ смыслѣ приближенія ихъ къ ученію положительной религіи; логически метода постулатовъ соединена съ ученіемъ о высшемъ благѣ и вытекающей отсюда антиноміей практическаго разума,—элементами совершенно чуждыми общему строю системы. Если снять съ постулируемыхъ предметовъ специфически-религиозную окраску, то для доказательства ихъ нѣтъ надобности прибѣгать къ особой «методѣ постулатовъ»; они могутъ быть доказаны на основаніи общихъ принциповъ критической философіи.

W. Enoch. Franz Brentanos Reform der Logik.

Авторъ ставитъ вопросъ: опровергнута ли Аристотелевская

логика извѣстной попыткой Brentano? Критика логическаго ученія Brentano приводит автора къ отрицательному отвѣту: логика Brentano не только не даетъ ничего новаго, что выдерживало бы критику, но и пользуется подчасъ опровергаемыми ею ученіями старой логики для проведенія своихъ взглядовъ.

K. Garbe. Ueber den Zusammenhang der indischen Philosophie mit der griechischen.

Неоднократно дѣлались попытки объяснить такъ или иначе сходство ученій греческой философіи съ ученіями Упанишадъ, Веданты, Санкьи. Вопросъ рѣшался въ смыслѣ или заимствования, или самостоятельнаго развитія греческаго духа. Авторъ склоняется вообще въ сторону первой части альтернативы, хотя и не рѣшается высказать аподиктическаго сужденія. Но за то въ ученіи Пифагора онъ видитъ несомнѣнное вліяніе индійской философіи и подчеркиваетъ здѣсь такіе общіе пифагорейзму и индійскимъ источникамъ факты, какъ ирраціональное число $\sqrt{2}$, развитая въ *Calvasûtra*'хъ такъ называемая Пифагорова теорема и т. п., далѣе указываетъ на сближеніе загадочнаго названія пятаго элемента $\theta\lambda\lambda\chi\varsigma$ съ санскритскимъ *âkâṣa*. Точно также авторъ видитъ индійское вліяніе въ ученіяхъ гностиковъ и неоплатониковъ.

K. Groos. Aesthetisch und schön.

Авторъ видитъ основную ошибку современной эстетики въ томъ, что она отождествляетъ «эстетическое» съ «прекраснымъ». По мнѣнію автора, область прекраснаго является только частью въ широкой области эстетически-дѣйствующаго.

P. Natorp. Zu den Vorfragen der Psychologie.

Эта статья представляетъ отвѣтъ Фолькельту и Циглеру по поводу ихъ критикъ, направленныхъ на сочиненіе Наторпа «*Einleitung in die Psychologie nach kritischer Methode*». Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія критическаго идеализма.

Съ октября 1894 года предполагается соединеніе *Philosophische Monatshefte* и *Archiv für Geschichte der Philosophie* въ одинъ журналъ.

А. Басистовъ.

Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, hrggb. von Avenarius. 1893 кн. 1, 2, 3 и 4 и 1894 кн. 1.

Риль. Понятіе о наукѣ у Галилея.—Если задача философіи заключается въ провѣркѣ источниковъ и путей знанія

и въ установленіи границъ познанія (какъ это принимаетъ Риль), то однимъ изъ творцовъ новой философіи, по мнѣнію Рилиа, должно признать Галилея. Галилей первый установилъ истинное значеніе опыта въ связи съ научнымъ процессомъ познанія. Ни опытъ, ни мышленіе порознь не ведутъ къ познанію; этого достигаетъ только ихъ соединеніе. Лучшее доказательство этого заключается въ примѣненіи чистой математики къ явленіямъ внѣшняго міра.

Гуссерль. Элементарная логика Фойгта.— Статья носитъ чисто полемическій характеръ и самостоятельнаго значенія не имѣетъ.

✓ Эренфельсъ. Теорія цѣнностей и этика. — Эта большая статья примыкаетъ къ книгѣ Визера «Естественная цѣнность» (Вѣна, 1889). Изложивъ предварительно теорію цѣнности, какъ она разработана въ политической экономіи, авторъ дѣлаетъ попытку опредѣлить цѣнность психологически, поставивъ ее въ зависимость отъ желанія обладать данною вещью, и затѣмъ полученное такимъ образомъ опредѣленіе обобщаетъ не только на предметы потребленія, но и на вопросы нравственности.

Петцольдъ. Къ вопросу объ обоснованіи этики.— Статья представляетъ обстоятельный критическій разборъ книги Штаудингера «Das Sittengesetz». Darmstadt. 1887.—Естественными и необходимыми условіями нравственности Штаудингеръ считаетъ сознаніе и чувство свободы, а основнымъ принципомъ—полное взаимное соотвѣтствіе всѣхъ цѣлей. Поэтому для сознанія нравственности необходимо ясное міровоззрѣніе, вытекающее изъ принциповъ разума. Общность цѣлей всего человѣчества составляетъ высшее благо и есть нравственный идеаль. Съ приближеніемъ къ этому идеалу увеличивается и общая сумма счастья. Обязанность осуществленія высшаго блага составляетъ долгъ. Во второй половинѣ статьи Петцольдъ разсматриваетъ также этическое ученіе Авенаріуса и старается согласить его съ положеніями Штаудингера.

Ахелисъ. Философское значеніе этнологіи.— Стремящаяся въ небо метафизика, по мнѣнію Ахелиса, въ настоящее время отжила свой вѣкъ, и любимую наукой мыслителей стала причастная земнымъ интересамъ психологія. Методъ изъ чисто-спекулятивнаго и догматическаго сталъ точнымъ, индуктивнымъ, научнымъ.

Однимъ изъ средствъ научной психологіи является изученіе психическаго строя первобытныхъ племенъ. Указавъ на недостатки психометріи, на то, что она даетъ указанія на психику развитаго субъекта, на ограниченность и элементарность ея приложений; упомянувъ о шаткости изученія психологіи дѣтскаго возраста и животныхъ, авторъ указываетъ на заслуги (дѣйствительныя и возможные) этнологической психологіи, которая можетъ дать много новыхъ матеріаловъ по вопросамъ психологін, теоріи познанія и этики. На нѣсколько такихъ вопросовъ и указываетъ авторъ.

Шуппе. Подтвержденіе наивнаго реализма. — Въ этомъ открытомъ письмѣ къ Авенариусу, написанномъ по поводу книгъ Авенариуса «Kritik der reinen Erfahrung» и «Der menschliche Weltbegriff», Шуппе заявляетъ, что его обыкновенно всѣ считаютъ идеалистомъ, между тѣмъ какъ это основывается на какомъ-то недоразумѣніи, ибо онъ вполне стоитъ за наивный реализмъ и уже давно доказывалъ тѣ положенія, къ которымъ теперь пришелъ и Авенариусъ. Письмо состоитъ изъ ряда выписокъ изъ разныхъ сочиненій Шуппе, доказывающихъ его истинную точку зрѣнія.

Отвѣтомъ на это открытое письмо служитъ статья Вилли: Теоретико-познавательное «я» и естественное понятіе о мірѣ.

Кромѣ этихъ статей, въ тѣхъ же номерахъ журнала помѣщенъ переводъ статьи проф. Московскаго университета *Н. А. Звярева*, первоначально напечатанной во II книгѣ «Вопросовъ Философіи и Психологіи» (1890 г.), а также нѣсколько менѣе важныхъ и интересныхъ статей.

М. Петрункевичъ.

Книговѣдѣніе, ежемѣсячный библиографическій журналъ (съ иллюстраціями). Органъ Московскаго Библиографическаго Кружка. №№ 1 и 2. М. 1894 г.

Органъ Библиографическаго Кружка своимъ появленіемъ и своимъ содержаніемъ заслуживаетъ вниманія людей, интересующихся философскими науками. Цѣль изданія—очень широкая и заслуживающая полнаго сочувствія въ принципѣ, такъ какъ отъ успѣшнаго достиженія ея зависитъ раціональная постановка такой существенно важной вспомогательной отрасли знанія,

какъ библіографія, — важной въ особенности для такой, напр., двусторонней науки, какъ психологія, касающаяся, съ одной стороны, біологіи, съ другой — исторіи, исторіи литературы и искусствъ. Однако же, почтенная редакція «Книговѣдѣнія», задавшись широкою задачею — «собрать во-едино разсыпанную храмину русскихъ библіографовъ» и сдѣлать журналъ «настольнымъ справочнымъ изданіемъ для большой публики», хотя бы «лишь въ очень отдаленномъ будущемъ», едва ли удовлетворитъ свою классификаціею книгъ по отдѣльнымъ рубрикамъ специалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія, которые «нерѣдко зло посмѣиваются надъ каталогами нашихъ библіографическихъ журналовъ», не стремящихся къ системѣ «строю логической и въ то же время практически удобной для быстрыхъ справокъ». Въ классификаціи «Книговѣдѣнія» (принятой, впрочемъ, съ оговорками, какъ бы въ видѣ опыта, въ ожиданіи дѣльныхъ замѣчаній по этому вопросу) есть нѣкоторые недостатки на нашъ взглядъ: логика, напр., поставлена, какъ и должно быть, въ рубрику «философіи», а «методологія, исторія и философія науки, искусства etc. помѣщаются подъ соотвѣтствующими рубриками науки, искусства и т. д.», — между тѣмъ такихъ рубрикъ вовсе нѣтъ, а есть только рубрики отдѣльныхъ «наукъ», «искуствъ» и т. д. И это, очевидно, не случайность. Сверхъ того, многіе отдѣлы, и какъ разъ между ними философскій, расчленены очень недостаточно. Отсюда, подъ рубрикою «философія» показываются чисто-педагогическія книги; рубрика «соціологія» фигурируетъ вмѣстѣ съ «правомъ», а подъ обѣими значатся, напр., такія книги, какъ «положеніе о трактирномъ промыслѣ», «циркулярныя распоряженія государственнаго банка» и т. п.; въ «естествознаніи» скомканы и географія, и сельское хозяйство, и технологія, а подъ рубрикою «ремесло и спортъ» нагромождены — военное и горное дѣло и т. п.

Несмотря на этотъ недостатокъ, въ «Книговѣдѣніи» можно отмѣтить цѣлый рядъ очень интересныхъ статей и замѣтокъ. Укажемъ, на примѣръ, на помѣщенные въ № 2 журнала свѣдѣнія о первой систематической библіографіи за XVIII вѣкъ, составленной Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ, составителемъ полнѣйшаго извѣстнаго намъ каталога книгъ XVIII вѣка, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и предназначеннаго къ печати въ «Книговѣдѣніи». Бантышь-

Каменскій дѣлилъ философскія книги прежде всего на два класса: *in genere* и *in specie*, а затѣмъ послѣдній — на логику, метафизику, физику, натуральную исторію и, наконецъ, этику, какъ философію нравственную, экономическую, политическую и юридическую.

О дѣятельности Библиографическаго Кружка сообщены пока совсѣмъ отрывочныя свѣдѣнія то тутъ, то тамъ, а вторая книга журнала начинается длиннымъ извлеченіемъ изъ отчета IX археологическаго съѣзда въ Вильнѣ и особенно его «археографическаго отдѣленія». Что же касается современности, то пока она ступшевывается и только въ классификацію введены двѣ оригинальныя рубрики: «популяризація научныхъ знаній» и «текущая жизнь», хотя въ этой послѣдней въ обѣихъ книгахъ фигурируетъ почему-то «Вырожденіе» Макса Нордау, вышедшее двумя изданіями, вмѣстѣ съ брошюрою о «Торговыхъ рядахъ на Красной площади въ Москвѣ», вторымъ изданіемъ «Дневника Башкирцевой» и т. п.

Мы охотно желаемъ полнѣйшаго успѣха такому полезному литературному предпріятію, какъ журналъ «Книговѣдѣніе», преслѣдующій такую важную и симпатичную цѣль, какъ хроника и исторія книжнаго и журнальнаго дѣла въ Россіи.

В. Я.

Психологическое Общество.

СХІІІ. Отчетъ о годичномъ (распорядительномъ) засѣданіи 24-го января 1894 г.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. вечера въ новомъ зданіи университета подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ Н. А. Иванцовѣ, въ присутствіи гг. почетныхъ членовъ: М. М. Троицкаго и Б. Н. Чичерина, г. члена-учредителя Н. А. Звѣрева, гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, А. П. Басистова, П. В. Безобразова, А. С. Бѣлкина, К. Н. Вентцеля, В. А. Гольцева, З. С. Горской, Г. Н. Дурдуфи, Н. А. Елеонскаго, В. Н. Ивановскаго, П. А. Каленова, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, А. Н. Маклакова, А. Г. Петровскаго, Л. И. Поливанова, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, П. В. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, кн. С. Н. Трубецкаго, кн. Д. Н. Цертелева, Н. И. Шишкина, Е. А. Шмидта и чл. сореволат. А. С. Гончаровой.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

- 1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.
- 2) Доложенъ и утвержденъ протоколъ происходившаго 22-го января 1894 г. засѣданія Совѣта Общества.

Содержаніе протокола:

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ Н. А. Иванцовѣ, въ присутствіи гг. членовъ Совѣта—Л. М. Лопатина, В. П. Преображенскаго, С. С. Корсакова и Н. А. Абрикосова.

1. Установленъ порядокъ распорядительнаго годичнаго засѣданія 24-го января.

2. Обсуждался порядокъ выбора должностныхъ лицъ Обще-

ства, имѣющей быть произведеннымъ въ означенномъ засѣданіи Общества. Постановлено: предложить Обществу, по примѣру прежнихъ выборовъ, намѣчать кандидатовъ записками и затѣмъ подвергать установленной баллотировкѣ шарами. Исключеніе, по примѣру прежнихъ выборовъ, можетъ быть допущено лишь въ томъ случаѣ, если на какую-либо должность будетъ предложено лишь одно лицо, или прочіе кандидаты, получившіе меньшее количество записокъ, отъ баллотировки откажутся, и такимъ образомъ результатъ баллотировки будетъ самъ собою очевиденъ. Далѣе, постановлено предложить Обществу производить выборы должностныхъ лицъ въ томъ составѣ, въ какомъ Совѣтъ Общества будетъ утвержденъ по новому Уставу (§ 6 проекта); лица, избранныя во вновь устанавливаемыя должности, имѣютъ немедленно приступить къ исправленію своихъ обязанностей, считаясь временно, до утверженія Устава г-мъ министромъ, исправляющими соотвѣтственныя должности.

3. Прослушанъ отчетъ секретаря о дѣятельности Общества за истекшій годъ.

4. Прослушанъ отчетъ казначея о состояніи денежныхъ суммъ Общества за истекшій годъ.

5. Вновь обсуждался проектъ пересмотрѣннаго Устава Психологическаго Общества и сдѣланы нѣкоторыя поправки и измѣненія.—Относительно способа обсужденія Устава Совѣтъ постановилъ: предложить Обществу баллотировать его по отдѣльнымъ параграфамъ открытою подачей голосовъ, при чемъ предсѣдатель имѣетъ предварительно указать тѣ замѣчанія, которыя ему были своевременно сдѣланы членами Общества.

3) Читанъ и подвергнутъ обсужденію «Проектъ пересмотрѣннаго Устава Психологическаго Общества», разосланный гг. членамъ Общества, согласно вышеуказанному предложенію Совѣта.

Проектъ пересмотрѣннаго и исправленнаго Обществомъ въ годичномъ засѣданіи Устава Психологическаго Общества прилагается къ этому протоколу*).

4) Доложенъ г. секретаремъ Н. А. Иванцовымъ составленный имъ «Краткій отчетъ о дѣятельности Московскаго Психологическаго Общества за 1893 г.». Отчетъ при семъ прилагается*).

5) Предсѣдателемъ было заявлено о выходѣ въ «изданіяхъ» Об-

*) Приложено къ подлинному протоколу.

щества: первой половины сочиненія Куно-Фишера «Артуръ Шопенгауэръ» въ переводѣ С. Н. Грумъ-Гржимайло, подъ редакціей В. П. Преображенскаго, и о печатаніи второй половины этой книги.

6) Читанъ и утвержденъ отчетъ г. казначея Н. А. Абрикосова о состояніи суммъ Общества къ 24-му января 1894 года.

7) Читанъ отчетъ гг. завѣдующихъ хозяйственными дѣлами журнала «Вопросы Философіи и Психологии».

Провѣрка отчета о расходахъ поручена будущему составу казначеевъ Общества.

8) На основаніи § 4-го Устава Общества были произведены выборы въ почетные члены Общества слѣдующихъ лицъ: дѣйств. чл. Общ. гр. *Л. Н. Толстого*, дѣйств. чл. Общ. *Н. Н. Страхова*, члена учредителя Общ. *А. Я. Кожевникова* и германскаго философа *Эдуарда ф. Гартмана*.

Всѣ предложенныя въ почетные члены лица были избраны, получивъ слѣдующее число шаровъ: гр. *Л. Н. Толстой* 25 избир. и 5 неизб., *Н. Н. Страховъ* 21 избир. и 9 неизб., *А. Я. Кожевниковъ* 23 избир. и 7 неизб. и *Эд. ф. Гартманъ* 24 избир. и 6 неизбир.

9) Произведены выборы на новое трехлѣтіе должностныхъ лицъ, согласно предложенію Совѣта Общества, упомянутому въ вышеприведенномъ протоколѣ его засѣданія 22-го января 1894 г., причемъ были подвергнуты закрытой баллотировкѣ шарами кандидаты на должности двухъ товарищей предсѣдателя, секретаря, второго товарища казначея и бібліотекаря; кандидаты на остальные должности баллотировкѣ не подвергались, такъ какъ получили преобладающее число голосовъ по запискамъ.

Избранными оказались:

На должность предсѣдателя *Н. Я. Гротъ* 26 изб.

» » 1-го тов. предс. *Л. М. Лопатинъ* 24 изб. и 5 неизб.

» » 2-го » » *С. С. Курсаковъ* 25 изб. и 4 неизб.

На должность секретаря, вслѣдствіе отказа баллотироваться на эту должность занимавшаго ее въ предшествующее трехлѣтіе дѣйств. члена Н. А. Иванцова, избранъ *А. С. Бѣлкинъ*, получивъ 17 избир. и 9 неизбир. шаровъ.

Дѣйств. членъ А. Н. Маклаковъ предложилъ Обществу выразить свою благодарность Н. А. Иванцову за его труды по исполненію обязанностей секретаря Общества въ теченіе трехъ лѣтъ. Члены Общества благодарили Н. А. Иванцова.

Вслѣдъ затѣмъ вновь избранный секретарь Общества А. С. Бѣлкинъ, согласно вышеупомянутому постановленію Совѣта Общества, приступилъ къ исполненію обязанностей секретаря.

Далѣе были избраны:

На должности товарищей секретаря—*В. Н. Ивановскій* и *А. А. Токарскій*, получивъ по 22 голоса избир.

На должность казначея *Н. А. Абрикосовъ*, получивъ 22 голоса избир.

На должность товарищей казначея *А. А. Абрикосовъ*, получивъ 22 голоса избир. и *Г. А. Рачинскій* — 20 гол. избир. и 2 неизб.

На должность редактора «Трудовъ» Общества *В. П. Преображенскій*, получивъ 21 голосъ избир.

На должность библіотекаря *А. Г. Петровскій*, получивъ 24 гол. избир. и 2 неизб.

10) Были произведены выборы въ члены ревизіонной комиссіи по дѣламъ журнала на 1894 годъ.

Избранными оказались:

По запискамъ— кн. *С. Н. Трубецкой* 18-ю голосами и *П. В. Преображенскій* 17-ю голосами и посредствомъ баллотировки— *П. А. Каленовъ*, получивъ 20 избир. и 1 неизб. шаръ.

11) Прочитано предложеніе дѣйств. члена Н. А. Иванцова отъ 23-го апрѣля 1893 г., обсужденіе котораго Общество въ своемъ засѣданіи 9-го октября 1893 года постановило перенести въ годовичное распорядительное засѣданіе.

Предложеніе дѣйств. члена Н. А. Иванцова заключается въ слѣдующемъ:

а) Переводамъ, печатаемымъ Обществомъ за извѣстное вознагражденіе переводчикамъ, присвоить названіе «Изданій Психологическаго Общества», оставивъ прежнее названіе «Трудовъ» за самостоятельными статьями и переводами, отдаваемыми Обществу его членами въ даръ.

б) Не совмѣщать платнаго редакторства «Изданій» Общества съ почетнымъ званіемъ библіотекаря и редактора «Трудовъ Общества», по крайней мѣрѣ, принципиально.

в) Предоставить Совѣту Общества завѣдованіе «Изданіями Общества», т.-е. опредѣленіе пригодности доставляемыхъ переводовъ, назначеніе редакторовъ, распредѣленіе вознагражденія и т. под. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Въ виду, однако, того, что за это время уже состоялось переизданіе «Пролегомень ко всякой будущей метафизикѣ» Иммануила Канта въ переводѣ Влад. Серг. Соловьева и были начаты переговоры съ нѣкоторыми лицами относительно другихъ переводовъ, согласно постановленію, состоявшемуся въ годичномъ распорядительномъ засѣданіи Общества 23-го января 1893 г., противорѣчащему пунктамъ 1-му и 2-му вышеприведеннаго предложенія, — дѣйств. членъ Иванцовъ снялъ свое заявленіе съ обсужденія.

При этомъ предсѣдатель Общества заявилъ, что на основаніи постановленія Общества, указаннаго въ пунктѣ 3-мъ протокола засѣданія Общества 23-го января 1893 г., по его инициативѣ, Обществу доставлены для изданія въ серіи его «Трудовъ» слѣдующіе переводы классическихъ произведеній по философіи: 1) переводъ сочиненій Шеллинга «О свободѣ воли» и «Бруно», сдѣланный Э. Л. Радловымъ; 2) переводъ «Критики практическаго разума» Канта, сдѣланный студентами Московскаго университета; 3) переводъ первой половины «О человѣческомъ разумѣ» Локка, сдѣланный студентомъ историко-филологическаго факультета Савинымъ (вторая половина перевода обѣщана къ осени 1894 г.); 4) въ Изданіяхъ — переводъ сочиненія Эдуарда Гартмана «Критическое обоснованіе трансцендентальнаго реализма», сдѣланный оставленнымъ при университетѣ по кафедрѣ философіи А. П. Басистовымъ; 5) переводъ діалога Платона «Федръ», сдѣланный преподавателемъ Костромской гимназіи М. В. Мурашевымъ.

Опредѣлено: заявленія Н. Я. Грота и Н. А. Иванцова принять къ свѣдѣнію.

Засѣданіе закрыто въ 12 ч. 45 мин. ночи.

Извлеченіе изъ отчета о дѣятельности Московскаго Психологическаго Общества за 1893 годъ.

Въ истекшемъ году *Советъ Общества* состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя *Н. Я. Грота*, товарища предсѣдателя *Л. М. Лопатина*, кандидата товарища предсѣдателя *С. Н. Трубецкого*, секретаря *Н. А. Иванцова*, а за время пребыванія его за границей *Ю. П. Бартенева* и *В. Н. Ивановскаго*, товарища секретаря

Н. М. Горбова, библиотекаря и редактора Трудовъ Общества *В. П. Преображенскаго*, казначея *Н. А. Абрикосова* и товарища казначея *С. С. Корсакова*.

Въ составъ Общества произошли слѣдующія измѣненія: въ число дѣйствительныхъ членовъ избрано вновь 13 лицъ и въ число членовъ-соревнователей 1 лицо. Въ истекшемъ году Общество понесло двѣ крупныя потери въ составѣ своихъ дѣйствительныхъ членовъ въ лицѣ *П. Е. Астафьева*, всегда принимавшаго самое живое и горячее участіе въ засѣданіяхъ Общества, и *Д. А. Столытина*—учредителя первой преміи при Обществѣ за философскія сочиненія. Къ 24 января 1894 года Общество состоитъ изъ 14 почетныхъ членовъ, 152 дѣйствительныхъ (считая въ томъ числѣ и членовъ учредителей), 39 членовъ-соревнователей и 4 членовъ-корреспондентовъ, итого 209 членовъ. Въ истекшемъ году Общество имѣло 14 засѣданій, изъ которыхъ одно—соеое по счету, состоявшееся 21 фев. 1893 года,—торжественное. Въ этихъ засѣданіяхъ были доложены и подверглись обсужденію слѣдующія 13 сообщеній:

- 1) *Д. П. Конисси*—О китайскомъ философѣ Лаоси.
  - 2) *Г. И. Россолимо*—О мозговомъ органѣ музыкальной способности.
  - 3) *О. П. Герасимова*—О вліяніи воспитанія на развитіе пессимизма въ нашемъ обществѣ.
  - 4) *В. П. Сербскаго*—Психологія Мейнерта.
  - 5) *Н. А. Иванцова*—«Четыре метода» Милля.
  - 6) *В. А. Гольцева*—Нѣкоторыя замѣчанія о сознаніи, снѣ и творчествѣ.
  - 7) *П. А. Каленова*—Вѣра и знаніе.
  - 8) *В. Θ. Долгинцева*—О значеніи арабской философіи.
  - 9) *С. С. Корсакова*—Къ психологіи микроцефаловъ.
  - 10) *Л. М. Лопатина*—О подвижныхъ ассоціаціяхъ представлений.
  - 11) *П. Д. Боборыкина*—Формулы и термины въ области прекраснаго.
  - 12) *В. Р. Буцке*—Анализъ условій мѣста и времени при ассоціаціи идей.
  - 13) *Н. Я. Грота*—О значеніи идеи параллелизма въ психологіи.
- Журналъ «Вопросы Философіи и Психологіи» съ 1-го ноября

1893 г. переданъ прежнимъ его издателемъ, *А. А. Абрикосовымъ*, въ собственность Психологическаго Общества со всѣмъ книжнымъ матеріаломъ, находящимся въ конторѣ журнала, и ея обстановкой, за что Общество постановило выразить *А. А. Абрикосову* свою искреннюю признательность и поднести ему адресъ. Вслѣдствіе этого перехода изданія журнала въ руки Психологическаго Общества, произошли нѣкоторыя измѣненія въ составѣ редакторскаго персонала: избранъ и утвержденъ, по предложенію *Н. Я. Грота*, вторымъ редакторомъ журнала *Л. М. Лопатинъ*. Редакціонный комитетъ журнала составилъ изъ 5 лицъ: двухъ редакторовъ и трехъ членовъ Общества: *В. П. Преображенскаго*, *В. А. Гольцева* и *С. С. Корсакова* въ качествѣ представителей наукъ философскихъ, общественныхъ и біологическихъ.

Въ истекшемъ году Общество продолжало печатаніе принятыхъ отъ прежняго издателя журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» переводовъ сочиненій: *Паульсена* — «Введеніе въ философію» и *Кунно-Фишера* — «Артуръ Шопенгауэръ» и издало 2-мъ изданіемъ переводъ «Пролегомень» Канта, *Вл. С. Соловьева*.

Въ связи съ расширеніемъ дѣятельности Психологическаго Общества явилась необходимость въ пересмотрѣ его *Устава*, что и было возложено Обществомъ на Совѣтъ его. Къ годичному засѣданію Совѣтъ представилъ Обществу проектъ желательныхъ, по его мнѣнію, измѣненій и дополненій.

Въ истекшемъ году Общество принимало участіе въ чествованіи слѣдующихъ лицъ и учреждений: петербургскаго проф. Военно-Медицинской Академіи по кафедрѣ психіатріи *И. П. Мержеевскаго*, по поводу исполнившагося 30-лѣтія его ученой дѣятельности; Казанскаго университета и Казанскаго Математическаго Общества — по поводу празднованія имъ 100-лѣтней годовщины дня рожденія русскаго геометра *Н. И. Лобачевскаго*; дѣйств. чл. Общества *Л. И. Помиванова* — по поводу празднованія 25-лѣтняго юбилея его гимназіи и *Московскаго Математическаго Общества* — по поводу исполнившагося 25-лѣтія со дня его основанія.

Отчетъ казначея Психологическаго Общества о состояніи суммъ Общества

съ 24 января 1893 г. по 24 января 1894 г.

Оставалось на 24 января 1893 г.	—	—	77	89
Поступило:				
Взносовъ дѣйствительныхъ членовъ . 215.—				
» членовъ-соревнователей . 120.—	335	—		
Пособіе отъ университета	400	—		
Продано трудовъ Общества на	498	26		
Процентовъ на капиталъ Общества	160	83	1.394	09
По сч. журнала «Вопросы Философіи и Психологіи»	—	—	4.500	—
Всего поступило .	—	—	5.971	98
Выдано:				
По устройству засѣданій О-ва . . 89.50				
За книги и журналы	165	70		
» публикacіи въ газетахъ	30	40		
» напечатаніе бланковъ и пр.	71	11		
» » II вып. труд. О-ва 2-мъ изд.	264	38		
» » протокол. О-ва въ журн.	400	—		
Канцелярск., почтов. и пр. расходы	197	30		
Панихида и вѣнокъ на гробъ П. Е. Астафьева	65	—	1.283	39
Внесено въ теченіе года на текущ. счетъ И. В. Юнкеръ и К ^о	5613	56		
За вычетомъ взятыхъ по чекамъ	4.638	56	5.921	95
Остатокъ на 24 января 1894 г.	—	—	50	03

Состояніе капиталовъ Общества на 24 января 1894 г.

На вкладахъ Моск. Учетнаго Банка (2 билета за №№ 34778 и 34779 на имя Московскаго Психологическаго Общества)	3.540	—	
На текущемъ счету въ конторѣ И. В. Юнкеръ и К ^о	5.417	41	
У казначея Общества	50.03		9.007 44
<hr/>			
Изъ этихъ суммъ принадлежатъ:			
Капиталу преміи Д. А. Столыпина	1.040	—	
Капиталу журнала «Вопросы Философіи и Психологіи»	4.500	—	
Капиталу собственному Психологическаго Общества	3.467	44	9.007 44
<hr/>			

СХІV. Отчетъ о засѣданіи 5-го февраля 1894 года.

Засѣданіе было открыто въ 8 час. 45 мин. вечера въ залѣ Правленія университета подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, А. П. Басистова, М. В. Безобразовой, Я. А. Боткина, К. М. Быковскаго, В. Е. Гиацинтова, Н. А. Елеонскаго, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, П. А. Каленова, Э. С. Коробкина, С. С. Корсакова, гр. И. А. Мамуна, Б. К. Млодзѣвскаго, И. Ф. Огнева, А. Г. Петровскаго, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, В. Д. Шервинскаго, Н. И. Шишкина, Е. А. Шмидта, гг. членовъ-соревнователей: А. А. Андреевой, Ю. Л. Любенковой, Э. Д. Селивачева и В. Н. Фаминскаго и посторонней публики.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1. Дѣйств. членъ Общества П. А. Каленовъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Споръ разсудка съ вѣрой» *).

2. Читанъ протоколъ предыдущаго засѣданія и утвержденъ.

3. Л. М. Лопатинъ сообщилъ, что онъ, въ качествѣ представителя Общества, принесъ отъ Общества поздравленіе члену-учредителю Общества проф. Н. И. Стороженку на его юбилей.

4. Доложено письмо С. А. Муромцева, въ которомъ онъ сообщаетъ о передачѣ въ даръ библиотекѣ Общества журнала «La philosophie positive» т. XXVI—XXIX и «Revue philosophique» т. I—VI. Постановлено благодарить С. А. Муромцева за его пожертвованіе.

5. Происходили пренія по реферату П. А. Каленова. Въ преніяхъ принимали участіе—Н. А. Елеонскій, А. А. Токарскій и Л. М. Лопатинъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 45 мин. вечера.

Тезисы къ реферату П. А. Каленова:

«Споръ разсудка съ вѣрой».

1. Вѣра, въ отличіе отъ знанія, есть принятіе чего-либо за истину, *безъ логической провѣрки разсудкомъ*.

2. Вѣра сознательная, въ отличіе отъ наивной и слѣпой, есть признаніе чего-либо за истину не только безъ провѣрки разсудкомъ, но даже *наперекоръ протесту разсудка*.

3. Два основныхъ догмата сознательной вѣры: свобода воли и бытіе Бога—суть постулаты двухъ коренныхъ чувствъ и вызываемой этими чувствами коренной дѣятельности человѣка: догматъ свободы—постулатъ чувства своего «я» и своей сознательной дѣятельности вообще; догматъ бытія Божія—постулатъ космическаго чувства и дѣятельности нравственной.

4. Въ неразрывной связи съ коренными чувствами заключается сила убѣдительности этихъ догматовъ и неопровержимость, которую они сохраняютъ, несмотря на протестъ разсудка.

5. Протестъ разсудка происходитъ отъ того, что разсудокъ въ своей дѣятельности (истолкованіи явленій), руководясь закономъ достаточнаго основанія (модификаціей основнаго закона логики—закона тождества и противорѣчія), отправляется, какъ

*) Напечатанъ въ первомъ отдѣлѣ 22 й (мартовской 94 г.) книжки журнала

отъ аксіомы-гипотезы, отъ идеи естественной необходимости, прямьмъ отричаніемъ которой являются идеи божественнаго всемогущества и свободной воли.

6. Протестъ разсудка направленъ: во 1-хъ, противъ вмѣшательства вѣры въ явленія, благодаря которому эти явленія, какъ вызванныя или божественнымъ всемогуществомъ, или свободною волей, оказываются нарушающимъ естественную необходимость чудомъ, т. е. абсурдомъ; во 2-хъ, противъ попытки рационализировать догматы, т. е. исправить заключающееся въ нихъ внутреннее противорѣчіе и положить ихъ въ основаніе дальнѣйшихъ теоретическихъ изслѣдованій.

7. Разумъ, какъ высшая инстанція въ спорѣ вѣры и разсудка, повелѣваетъ: вѣрѣ ограничиться своей законной функціей «практическаго регулятора воли», не пытаясь стать теоретическимъ основоположеніемъ мышленія; а разсудку — изслѣдовать по возможности естественную необходимость явленій, не отрицая въ нихъ элемента недоступнаго ему, чудеснаго.

8. Въ спорѣ разсудка съ вѣрой проявляется фактъ внутренней борьбы психическихъ элементовъ, усложняющей въ человѣкѣ обще-животную борьбу за существованіе со внѣшнимъ міромъ.

СХV. Отчетъ о засѣданіи 19-го марта 1894 года.

Засѣданіе было открыто въ 8 час. 35 мин. вечера въ залѣ Правленія университета подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. В. Адольфа, А. П. Басистова, Н. В. Бугаева, З. С. Горской, Н. Я. Грота, Н. А. Звѣрева, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, П. А. Каленова, Э. С. Коробкина, С. С. Корсакова, А. Г. Петровскаго, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, Н. И. Ржондковскаго, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, кн. С. Н. Трубецкаго, А. Е. Фаворскаго, кн. Д. Н. Цертелева и Н. И. Шишкина, гг. членовъ-соревнователей: А. Э. Гартвига и В. Н. Фаминскаго и гостей по запискамъ членовъ.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.
2. Предсѣдательствующій заявилъ о смерти дѣйств. члена Общества Н. И. Нерсесова. Присутствовавшіе почтили память Н. И. Нерсесова вставаніемъ.

3. Доложено, что, согласно постановленію Общества, Совѣтъ Общества поднесъ 24-го февраля благодарственный адресъ А. А. Абрикосову. Въ поднесеніи участвовали члены Совѣта — Л. М. Лопатинъ, С. С. Корсаковъ, В. Н. Ивановскій, А. Г. Петровскій, А. А. Токарскій и А. С. Бѣлкинъ и дѣйств. чл. П. А. Каленовъ.

4. Л. М. Лопатинъ доложилъ, что онъ, вмѣстѣ съ членами Совѣта—А. Г. Петровскимъ, Г. А. Рачинскимъ и А. С. Бѣлкинымъ, передалъ члену-учредителю Психологическаго Общества проф. А. Я. Кожевникову 6-го марта, въ день празднованія двадцатипятилѣтія его профессорской дѣятельности, поздравленіе отъ лица Общества и дипломъ на званіе почетнаго члена Психологическаго Общества.

5. Н. Я. Гротъ прочиталъ письма А. Я. Кожевникова и Н. Н. Страхова, въ которыхъ означенныя лица благодарятъ Общество за избраніе ихъ въ почетные члены.

6. Л. М. Лопатинъ доложилъ, что дѣйств. членъ Е. И. Челпановъ, находящійся въ настоящее время въ Берлинѣ, передалъ дипломъ на званіе почетнаго члена Общества Эд. ф. Гартману, который выражаетъ Обществу свою благодарность за избраніе.

7. Дѣйств. членъ Д. Н. Цертелевъ прочиталъ рефератъ подъ заглавіемъ—«Пространство и время, какъ формы явленій» *).

8. Происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ принимали участіе: А. А. Токарскій, Л. М. Лопатинъ, Н. Я. Гротъ, Н. В. Бугаевъ и Н. А. Звѣревъ.

9. Прочитанъ протоколъ засѣданія Совѣта Общества 26-го февраля 1894 года.

Содержаніе протокола:

Присутствовали члены Совѣта: А. А. Абрикосовъ, Н. А. Абрикосовъ, А. С. Бѣлкинъ, Л. М. Лопатинъ, Н. Я. Гротъ, Г. А. Рачинскій, В. Н. Ивановскій, А. Г. Петровскій, С. С. Корсаковъ, А. А. Токарскій и членъ редакціоннаго комитета В. А. Гольцевъ.

§ 1. Согласно рѣшенію Общества, состоявшемуся 5-го февраля 1894 г., Совѣтъ обсуждалъ вопросъ о печатаніи протоколовъ годичнаго и обыкновенныхъ засѣданій Общества и постановилъ:

«Предложить Обществу печатать въ журналѣ, на основаніи протоколовъ, отчеты о засѣданіяхъ. Въ эти отчеты должны вхо-

*) Напечатанъ въ первомъ отдѣлѣ настоящей книжки журнала.

дить тезисы или краткое изложеніе реферата, существенныя возраженія гг. оппонентовъ, отвѣты на нихъ референта и сообщенія о важнѣйшихъ дѣлахъ и постановленіяхъ Общества. Отчеты эти должны печататься въ той формѣ, какая каждый разъ будетъ одобрена Совѣтомъ Общества».

Этотъ пунктъ протокола вызвалъ возраженія и послѣ преній было рѣшено сдѣлать *слѣдующее добавленіе къ нему*: «Если же кто-нибудь изъ членовъ Общества пожелаетъ, чтобы тотъ или другой пунктъ протокола былъ непременно напечатанъ или выпущенъ въ отчетѣ о засѣданіи, онъ заявляетъ объ этомъ при чтеніи протокола въ засѣданіи Общества и вопросъ объ этомъ рѣшается большинствомъ голосовъ».

§ 2. Слушалось отношеніе ректора Московской Духовной Академіи архимандрита Антонія за № 318 къ Совѣту Психологическаго Общества, въ которомъ онъ заявляетъ о своемъ желаніи выйти изъ числа членовъ Общества.

Отношеніе арх. Антонія было прочитано въ засѣданіи Общества. Постановлено: считать а. Антонія, согласно его желанію, вышедшимъ изъ числа членовъ Общества.

Засѣданіе было закрыто въ 11 час. 45 мин. вечера.

Текстъ адреса, поднесеннаго Московскимъ Психологическимъ Обществомъ Алексѣю Алексѣевичу Абрикосову.

Многоуважаемый

Алексѣй Алексѣевичъ!

Московское Психологическое Общество въ засѣданіи 30-го октября 1893 года постановило публично выразить Вамъ глубокую свою признательность за то участіе, которое вы приняли въ основаніи и упроченіи постоянного органа философіи и психологии въ Россіи.

Четыре съ половиной года назадъ, когда немногочисленные въ то время члены Психологическаго Общества едва успѣли сплотиться, когда Общество не имѣло еще никакихъ матеріальныхъ средствъ и только-что начало серію своихъ изданій, не зная, къ какимъ результатамъ приведетъ его эта дѣятельность, при господствовавшемъ еще тогда среди русскаго общества предубѣжденіи противъ философіи,—Вы повѣрили въ будущее русской философской науки и великодушно предложили свою ма-

теріальную помощь въ изданіи философскаго журнала. Вы, конечно, предвидѣли значительные матеріальные недочеты и шли на жертвы.

Въ теченіе трехъ лѣтъ Вы покрывали изъ своихъ средствъ убытки, которые приносило новое литературное предпріятіе, несмотря на явное сочувствіе къ нему со стороны русскаго общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Вы употребили усилія, чтобы дать дѣлу правильную постановку, привести въ полный порядокъ отчетность журнала и согласовать расходы его съ возможнымъ приходомъ. Результатомъ Вашихъ стараній, проникнутыхъ любовью къ дѣлу и опытностью, было то, что на четвертый годъ изданіе философскаго журнала окупилось, причемъ, въ интересахъ дѣла, вы пожертвовали еще около 2.000 рублей на значительное увеличеніе размѣровъ двухъ послѣднихъ книгъ журнала.

Оставаясь вѣрнымъ принципу, что изданіе журнала «Вопросы Философіи и Психологіи»—не коммерческое предпріятіе, а чисто-литературное и интеллектуальное, Вы отказались отъ возмѣщенія всѣхъ потерь, Вами понесенныхъ, и передали журналъ Психологическому Обществу въ теперешнемъ цвѣтущемъ его состояніи, со всѣмъ принадлежащимъ журналу значительнымъ книжнымъ имуществомъ.

Нижеподписавшіеся члены Московскаго Психологическаго Общества симъ свидѣтельствуя Вамъ свою искреннюю признательность за Вашъ щедрый даръ и выражаютъ пожеланія, чтобы возможно большее число русскихъ людей, обладающихъ матеріальными средствами, слѣдовали Вашему примѣру и съ вѣрою въ будущее русской науки столь же безкорыстно поддерживали литературныя начинанія, имѣющія единственную задачей—просвѣщеніе родины.

Слѣдуютъ подписи.

Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 15-ое мая 1894 года.

Почетные члены:

1. **Троицкій**, Матвѣй Михайловичъ (членъ-учредитель).
2. **Легонинъ**, Викторъ Алексѣевичъ (членъ-учредитель).
3. **Козловъ**, Алексѣй Александровичъ.

4. Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ.
5. Сѣченовъ, Иванъ Михайловичъ.
6. Чичеринъ, Борисъ Николаевичъ.
7. Кожевниковъ, Алексѣй Яковлевичъ (членъ-учредитель).
8. Страховъ, Николай Николаевичъ.
9. Толстой, гр. Левъ Николаевичъ.
10. Вэнъ, Александръ (Англія).
11. Вундтъ, Вильгельмъ (Германія).
12. Гартманъ, Эдуардъ ф. (Германія).
13. Гельмгольцъ, Германъ ф. (Германія).
14. Дю Буа-Реймонъ, Эмиль (Германія).
15. Рибо, Томасъ (Франція).
16. Рише, Шарль (Франція).
17. Седжвикъ, Генри (Англія).
18. Целлеръ, Эдуардъ (Германія).

Члены учредители:

19. Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ.	}	Проф. Москов. Унив.
20. Богдановъ, Анатолій Петровичъ.		
21. Бугаевъ, Николай Васильевичъ.		
22. Звѣревъ, Николай Андреевичъ.	}	Профессора Москов. Унив.
25. Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ.		
24. Колоколовъ, Георгій Евграфовичъ.		
25. Миллеръ, Всеволодъ Ѳеодоровичъ.	}	Проф. Москов. Унив.
26. Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ.		
27. Стороженко, Николай Ильичъ.		
28. Фортунатовъ, Филиппъ Ѳеодоровичъ.	}	Проф. Москов. Унив.
29. Чупровъ, Александръ Ивановичъ.		

Дѣйствительные члены:

30. Абрикосовъ, Алексѣй Алексѣевичъ.
31. Абрикосовъ, Николай Алексѣевичъ.
32. Адольфъ, Андрей Викентьевичъ, препод. гимназіи.
33. Важеновъ, Николай Николаевичъ, психіатръ.
34. Бартенева, Юрій Петровичъ.
35. Басистовъ, Алексѣй Павловичъ.
36. Безобразова, Марія Владиміровна, д-ръ филос. Бернскаго
Универс.
37. Безобразовъ, Павелъ Владиміровичъ, прив. доц. Моск. Унив.

38. **Боборыкинъ**, Петръ Дмитріевичъ, писатель.
39. **Бобровъ**, Евгений Александровичъ, и. д. э. о. пр. Юрьев. Унив.
40. **Боголѣповъ**, Николай Павловичъ, проф. Моск. Унив.
41. **Боткинъ**, Яковъ Алексѣевичъ, психіатръ.
42. **Бѣлкинъ**, Алексѣй Сергѣевичъ, прив. доц. Моск. Унив.
43. **Брунъ**, Михаилъ Исакіевичъ, прис. повѣр.
44. **Будке**, Викторъ Романовичъ, психіатръ.
45. **Быковскій**, Константинъ Михайловичъ, академикъ архитек.
46. **Вагнеръ**, Владиміръ Александровичъ, препод. ест. наукъ.
47. **Введенскій**, Александръ Ивановичъ, проф. С.-Пб. Унив.
48. **Введенскій**, Алексѣй Ивановичъ, проф. Моск. Дух. Акад.
49. **Вентцель**, Константинъ Николаевичъ.
50. **Веселовскій**, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
51. **Викторскій**, Сергѣй Ивановичъ, прис. повѣр., прив. доц. Московскаго Унив.
52. **Виноградовъ**, Павелъ Гавриловичъ, проф. Моск. Унив.
53. **Вульфѣртъ**, Антонъ Карловичъ, проф. Демидовскаго лицея.
54. **Вырубовъ**, Григорій Николаевичъ, писатель.
55. **Гамбаровъ**, Юрій Степановичъ, проф. Моск. Унив.
56. **Герасимовъ**, Осипъ Петровичъ, препод. гимназіи.
57. **Герье**, Владиміръ Ивановичъ, проф. Моск. Унив.
58. **Гіацинтовъ**, Владиміръ Егоровичъ, препод. гимназіи.
59. **Гиларовъ**, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевскаго Унив.
60. **Голицынъ**, кн. Борисъ Борисовичъ, адъюнктъ Акад. Наукъ.
61. **Гольцевъ**, Викторъ Александровичъ, писатель.
62. **Горбовъ**, Николай Михайловичъ.
63. **Горская**, Зинаида Степановна, психіатръ.
64. **Гротъ**, Николай Яковлевичъ, проф. Моск. Унив.
65. **Данилевскій**, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. Унив.
66. **Де-Роберти**, Евгений Валентиновичъ, писатель.
67. **Держужинскій**, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьевск. Унив.
68. **Дриль**, Дмитрій Андреевичъ, д-ръ уголовного права.
69. **Дурдуфи**, Григорій Николаевичъ, докт. мед.
70. **Елеонскій**, Николай Александровичъ, свящ., проф. Моск. Ун.
71. **Жуковскій**, Николай Егоровичъ, проф. Моск. Унив.
72. **Зеленогорскій**, Ѳедоръ Александровичъ, проф. Харьк. Унив.
73. **Зерновъ**, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
74. **Зографъ**, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. Унив.
75. **Ивановскій**, Владиміръ Николаевичъ.

76. **Иванцовъ**, Николай Александровичъ, прив. доц. Моск. Унив.
77. **Иванюковъ**, Иванъ Ивановичъ.
78. **Казанскій**, Александръ Павловичъ, пр. доц. Новорос. Унив.
79. **Каленковъ**, Петръ Александровичъ, препод. гимназій.
80. **Камаровскій**, гр. Леонидъ Алексѣевичъ, проф. Моск. Унив.
81. **Калнисть**, гр. Павелъ Алексѣевичъ, попеч. Моск. Уч. Окр.
82. **Каринскій**, Михаилъ Ивановичъ, проф. С.-П. Дух. Акад.
83. **Карѣевъ**, Николай Ивановичъ, проф. С.-Петербур. Универс.
84. **Ключевскій**, Василій Осиповичъ, проф. Моск. Унив.
85. **Колубовскій**, Яковъ Николаевичъ.
86. **Конисси**, Данилъ Павловичъ.
87. **Корелинъ**, Михаилъ Сергѣевичъ, проф. Моск. Унив.
88. **Корниловъ**, Александръ Александровичъ, прив. доц. Моск. Унив.
89. **Коробкинъ**, Ѳедоръ Семеновичъ, препод. гимназій.
90. **Корсаковъ**, Сергѣй Сергѣевичъ, проф. Моск. Унив.
91. **Коршъ**, Ѳедоръ Евгениевичъ, проф. Моск. Унив.
92. **Ланге**, Николай Николаевичъ, прив. доц. Новорос. Унив.
93. **Ланнъ**, Фердинандъ, писатель.
94. **Леонова**, Ольга Васильевна, врачъ.
95. **Лесевичъ**, Владиміръ Викторовичъ, писатель.
96. **Лопатинъ**, Левъ Михайловичъ, проф. Моск. Унив.
97. **Лютославскій**, Вик. Франц., прив. доц. Казан. Унив.
98. **Маклаковъ**, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
99. **Мамуна**, гр. Иванъ Андреевичъ, врачъ.
100. **Масарикъ**, Ѳома Осиповичъ, проф. Чешскаго Ун. въ Прагѣ.
101. **Мензбиръ**, Михаилъ Александровичъ, проф. Моск. Унив.
102. **Мялюковъ**, Павелъ Николаевичъ, прив. доц. Моск. Унив.
103. **Минцловъ**, Рудольфъ Рудольфовичъ, прис. пов.
104. **Митрофановъ**, Павелъ Ильичъ.
105. **Михайловскій**, Николай Константиновичъ, писатель.
106. **Михайловскій**, Викторъ Михайловичъ, пр. доц. Моск. Унив.
107. **Млодзѣвскій**, Болеславъ Корнелиевичъ, проф. Моск. Унив.
108. **Мокіевскій**, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
109. **Мороховецъ**, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. Унив.
110. **Некрасовъ**, Павелъ Алексѣевичъ, проф. и рект. Моск. Унив.
111. **Немировичъ-Данченко**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
112. **Оболенскій**, Леонидъ Егоровичъ, писатель.
113. **Огневъ**, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. Унив.

114. Охоровичъ, Юліанъ.
115. Павловъ, Алексѣй Степановичъ, проф. Моск. Унив.
116. Петровскій, Александръ Григорьевичъ, врачъ.
117. Плевако, Ѳедоръ Никифоровичъ, прис. пов.
118. Поливановъ, Левъ Ивановичъ, директоръ гимназіи.
119. Поспѣховъ, Дмитрій Васильевичъ, проф. Кіевск. Дух. Акад.
120. Постовскій, Николай Павловичъ, психіатръ.
121. Преображенскій, Василій Петровичъ.
122. Преображенскій, Петръ Васильевичъ, прив. доц. Моск. Унив.
123. Радловъ, Эрнестъ Львовичъ, библиотечн. Импер. Публ. библиотечн.
124. Рачинскій, Григорій Алексѣевичъ.
125. Ржондковскій, Николай Ивановичъ, прис. пов.
126. Россолимо, Григорій Ивановичъ, прив. доц. Моск. Унив.
127. Ротъ, Владиміръ Карловичъ, прив. доц. Моск. Унив.
128. Рузскій, Николай Виттовичъ, прив. доц. Моск. Унив.
129. Рутковскій, Л. В., прив. доц. С.-Пет. Унив.
130. Савей-Могиловичъ, Ѳедоръ Андреевичъ, психіатръ.
131. Сербскій, Владиміръ Петровичъ, прив. доц. Моск. Унив.
132. Серджи, Джіованни, проф. антропологии въ Римѣ.
133. Сиворскій, И. А., проф. Кіев. Унив.
134. Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ, проф. Казан. Унив.
135. Смирновъ, Ѳедоръ Александровичъ, препод. гимназіи.
136. Соболевскій, Василій Михайловичъ, редакторъ Русск. Вѣдом.
137. Сокальскій, Иванъ Петровичъ, проф. Харьк. Унив.
138. Соколовъ, Павелъ Петровичъ, проф. Моск. Дух. Акад.
139. Столѣтовъ, Александръ Григорьевичъ, проф. Моск. Унив.
140. Струве, Генрихъ Егоровичъ, проф. Варшав. Унив.
141. Танѣвъ, Владиміръ Ивановичъ, прис. пов.
142. Тимирязевъ, Клементій Аркадьевичъ, проф. Моск. Унив.
143. Тимковскій, Николай Ивановичъ, писатель.
144. Токарскій, Ардаліонъ Ардаліоновичъ, прив. доц. Моск. Унив.
145. Трубецкой, кн. Евгений Николаевичъ, проф. Кіев. Унив.
146. Трубецкой, кн. Сергѣй Николаевичъ, прив. доц. Моск. Ун.
147. Уляницкій, Владиміръ Антоновичъ, прив. доц. Моск. Унив.
148. Успенскій, Сергѣй Николаевичъ, психіатръ.
149. Умовъ, Николай Алексѣевичъ, проф. Моск. ун.
150. Фаворскій, Андрей Евграфовичъ, прис. пов.
151. Филипповъ, Александръ Никитичъ, проф. Юрьевск. Унив.
152. Фонъ-Тешъ, Павелъ Павловичъ, докт. медиц.

153. **Фонъ-Штейнъ**, Станиславъ Ѳедоровичъ, прив. доц. Моск. Ун.
154. **Цвѣтаевъ**, Иванъ Владиміровичъ, проф. Моск. Унив.
155. **Цертелевъ**, кн. Дмитрій Николаевичъ, д-ръ философіи.
156. **Цингеръ**, Василій Яковлевичъ, проф. Моск. Унив.
157. **Челпановъ**, Егоръ Ивановичъ, прив. доц. Кіев. Унив.
158. **Чижъ**, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьев. Унив.
159. **Шварцъ**, Александръ Николаевичъ, проф. Моск. Унив.
160. **Шервинскій**, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. Унив.
161. **Шишкинъ**, Николай Ивановичъ, препод. гимн.
162. **Шмидтъ**, Евгеній Александровичъ, препод. инст.
163. **Штейнъ**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
164. **Эртель**, Александръ Ивановичъ, писатель.
165. **Якоби**, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
166. **Ярковскій**, Иванъ Осиповичъ, инженеръ-технологъ.

Члены-соревнователи:

167. **Абрикосова**, Марья Филипповна.
168. **Абрикосова**, Глафира Алексѣевна.
169. **Абрикосовъ**, Александръ Алексѣевичъ.
170. **Андреева**, Александра Алексѣевна.
171. **Бобровъ**, А. Н.
172. **Брюхатовъ**, А. Д.
173. **Ганненфельдъ**, Александръ Павловичъ.
174. **Гартвигъ**, Андрей Ѳедоровичъ.
175. **Глики**, Юлія Ивановна.
176. **Гольденвейзеръ**, Моисей Соломоновичъ.
177. **Гончарова**, Анна Сергѣевна.
178. **Долгинцевъ**, Василій Ѳедоровичъ.
179. **Кандауровъ**, Дмитрій Петровичъ.
180. **Колобашкинъ**, Николай Николаевичъ.
181. **Лазаревъ**, Иванъ Ѳедоровичъ.
182. **Любенкова**, Юлія Львовна.
183. **Лъзовъ**, кн. Д. П.
184. **Мазаровичъ**, Николай Ивановичъ.
185. **Маклакова**, Лидія Филипповна.
186. **Мальковская**, Софья Александровна.
187. **Мамонтовъ**, Михаилъ Анатоліевичъ.
188. **Мамонтовъ**, Анатолій Ивановичъ.
189. **Новожиловъ**, Иванъ Михайловичъ.

190. Павловъ, Александръ Владиміровичъ.
191. Петрунцевичъ, А. С.
192. Погожева, А. В.
193. Панафидинъ, С. В.
194. Рачинскій, Николай Петровичъ.
195. Ремезовъ, Иванъ Дмитріевичъ.
196. Ржаницынъ, Алексѣй Руфовичъ.
197. Ржевскій, Владиміръ Алексѣевичъ.
198. Свентицкая, Марья Хрисанѣовна.
199. Селивачевъ, Ѡ. Д.
200. Столповскій, Петръ Адамовичъ.
201. Сѣриковъ, Сергѣй Владиміровичъ.
202. Угримова, Марья Павловна.
203. Угримовъ, Иванъ Александровичъ.
204. Фаминскій, Василій Неофитовичъ.
205. Ходолей, Н. Ю.
206. Шахъ-Назаровъ, Семень Григорьевичъ, врачъ.

Члены-корреспонденты:

207. Гелеръ фонъ Равенбургъ, предс. Берлин. Психол. Общ.
208. Максъ Дессуаръ, секретарь того же общества.
209. А. Байерсдерфферъ, предс. Мюнхен. Психол. Общества.
210. Шренкъ фонъ Ноттингъ, его секретарь.
211. Левицкій, И. Н.
212. Демковъ, М. И.

Примѣчаніе. Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы философіи и психологіи», а во время засѣданій въ залѣ засѣданія бухгалтеромъ конторы. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы философіи и психологіи», на имя казначея общества Николая Алексѣевича Абрикосова. Взносъ для дѣйств. чл. 5 р., а для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.

Извѣстія и замѣтки.

Къ юбилею Лобачевскаго. Въ дѣятельности Физико-математическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ въ третьемъ году его существованія (1893) видное мѣсто занимало чествованіе столѣтняго юбилея дня рожденія Лобачевскаго.

Кромѣ устройства двухъ торжественныхъ засѣданій, 23 и 24 октября, посвященныхъ памяти Н. И. Лобачевскаго, Физико-математическое Общество издало къ юбилею Лобачевскаго особый сборникъ подъ заглавіемъ: «Объ основаніяхъ геометріи», заключающій въ себѣ переводы выдающихся мемуаровъ по неевклидовой геометріи (Бельтрами, Риманна, Гельмгольца, Ли, Пуанкаре) съ добавленіемъ переписки Гаусса съ Шумахеромъ. Во вторыхъ, Физико-математическое Общество организовало особый комитетъ для составленія капитала, имѣющаго цѣлю достойное увѣковѣченіе имени Лобачевскаго. Почетными членами этого комитета состоятъ въ настоящее время 112 извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, изъ которыхъ 55 живутъ за границею.

Не менѣе важенъ тотъ результатъ дѣятельности Физико-математическаго Общества, который заключается въ широкомъ распространеніи въ Россіи свѣдѣній о дѣятельности Лобачевскаго: отнынѣ, какъ это уже и имѣло мѣсто въ рѣчи предсѣдателя IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей, происходившаго на святкахъ 1893—4 г. въ Москвѣ, проф. К. А. Тимирязева, имя Лобачевскаго будетъ всегда упоминаться однимъ изъ первыхъ между именами выдающихся русскихъ научныхъ дѣятелей.

О возрастаніи интереса къ научной дѣятельности Лобачевскаго, кромѣ большого числа статей, появляющихся въ научныхъ и другихъ журналахъ, свидѣтельствуется и усилившійся спросъ на его сочиненія *) и быстрое распространеніе вышеупомянутаго сборника «Объ основаніяхъ геометріи». Напечатанный въ значительномъ числѣ экземпляровъ, онъ въ настоящее время почти весь распроданъ; если позволить средства Общества, оно приступить ко второму изданію сборника.

Съ 23 октября 1893 г., по постановленію Общества, бібліотека его имѣетъ особый отдѣлъ подъ названіемъ «Bibliotheca Lobatchevskiana», въ который поступило болѣе 40 названій книгъ, пожертвованныхъ учеными, занимавшимися неевклидовою геометріей.

Во второмъ «Отчетѣ мѣстнаго распорядительнаго комитета, организованнаго Физико-математическимъ Обществомъ для составленія капитала имени Н. И. Лобачевскаго» помѣщенъ перечень празднествъ и торжественныхъ собраній ученыхъ Обществъ и учреждений, которыми была почтена память геніальнаго русскаго математика въ различныхъ городахъ Россіи, а также перечислены статьи и замѣтки, которыми общая и научная пресса, какъ русская, такъ и иностранная, отмѣтили 22 октября 1893 г., столѣтнюю годовщину дня рожденія Лобачевскаго.

Къ 10 февраля 1894 г. капиталъ Лобачевскаго составлялъ 7.086 р. 38¹/₂ коп., изъ которыхъ 6.019 р. 10¹/₂ коп. поступило изъ различныхъ мѣстъ Россіи, 720 р. 39 коп. присланы изъ-за границы (изъ Германіи, С. Америки, Франціи, Англіи, Австріи, Голландіи, Италіи и др. государствъ), остальные составились изъ процентныхъ денегъ и др. поступленій.

Комиссія по организаціи домашняго чтенія.

Первое сообщеніе о цѣляхъ Комиссіи было напечатано въ 20 кн. «Вопросовъ Философіи и Психологіи» (стр. 140 второго

---

*) Въ настоящее время 1-й томъ сочиненій Лобачевскаго (сочиненія на русскомъ языкѣ) вышелъ изъ продажи.

отдѣла). Недавно вышелъ отчетъ за первый годъ существованія ея (1893—94), изъ котораго мы и заимствуемъ слѣдующія данныя.

Какъ возможные предметы дѣятельности Комиссіи, намѣчены были:

1) Руководство домашнимъ чтеніемъ.

2) Составленіе для этой цѣли списковъ книгъ и постановка темъ для чтенія.

3) Сношенія съ бібліотеками и иными учрежденіями и лицами, съ цѣлью распространенія рекомендуемыхъ Комиссіей книгъ, а также комиссіонная дѣятельность для облегченія сношеній читателей съ книгопродавцами и образованіе собственной бібліотеки для снабженія читателей книгами.

4) Издательская дѣятельность.

5) Организация публичныхъ чтеній въ столицѣ и провинціи.

На ближайшую очередь Комиссія поставила разработку задачъ, намѣченныхъ пунктами 1 и 2. Съ этою цѣлью Комиссія рѣшила обратиться къ специалистамъ по различнымъ отдѣламъ знанія съ просьбой принять участіе въ составленіи программъ домашняго чтенія и въ руководствѣ самымъ чтеніемъ по имѣющимъ быть выработанными программамъ. Около 90 лицъ изъ профессоровъ и преподавателей г. Москвы отозвались съ величайшею готовностью на приглашеніе Комиссіи.

Для руководства домашнимъ чтеніемъ Комиссія ежегодно предполагаетъ издавать списки темъ для чтенія и письменныхъ работъ, съ подробнымъ объясненіемъ каждой темы, съ перечнемъ относящихся къ ней книгъ (главъ, страницъ), съ указаніями относительно порядка занятій по намѣченнымъ книгамъ, со спискомъ вопросовъ, основанныхъ на данной темѣ и на прочитанныхъ для нея сочиненіяхъ, и съ другими указаніями, какія будутъ признаны полезными для успѣшной постановки домашняго чтенія.

Предлагаемыя для чтенія темы дѣлятся на двѣ категоріи: систематическаго чтенія и чтенія по специальнымъ темамъ.

Систематическое чтеніе раздѣлено на 6 отдѣловъ: 1) по наукамъ физико-химическимъ, 2) біологическимъ, 3) философскимъ, 4) общественнымъ, 5) историческимъ, 6) по литературѣ. По каждому отдѣлу полный курсъ проходится въ 4 года.

Спеціальныя темы, обнимающія болѣе или менѣе значительный отдѣлъ науки или касающіяся отдѣльныхъ вопросовъ, могущихъ интересовать читателей, либо по связи съ общимъ

міросозерцаніемъ, либо по связи съ вопросами текущей жизни, — назначаются каждый годъ изъ всѣхъ отдѣловъ знанія, по которымъ Комиссія признаетъ нужнымъ вести домашнія чтенія и будетъ имѣть въ своей средѣ специалистовъ. Темы, разъ объявленныя въ изданіи Комиссіи, могутъ быть выбираемы читателями и въ слѣдующіе года, въ случаѣ если заглавія ихъ перепечатаны въ списокѣ темъ, который будетъ прилагаться къ каждому выпуску изданія.

Примѣчаніе. Желательно также, чтобы сами читатели указывали предметы занятій, могущіе ихъ заинтересовать. Подобныя указанія могли бы быть приняты Комиссіей во вниманіе, и соотвѣтственныя темы поставлены послѣ обсужденія ихъ обычнымъ порядкомъ.

Книги, указываемыя для каждой темы (какъ спеціальной, такъ и общей) распредѣляются по тремъ категоріямъ: а) *Необходимыя.* Изученіе ихъ считается обязательнымъ для лицъ, желающихъ пользоваться руководствомъ Комиссіи. Относительно пользованія этими книгами дѣлаются ближайшія указанія въ изданіи Комиссіи. *Всѣ* книги этой категоріи должны быть указываемы на русскомъ языкѣ. б) *Рекомендуемыя.* Къ нимъ Комиссія совѣтуетъ обращаться для болѣе основательнаго изученія поставленной темы всѣмъ, кто имѣетъ интересъ и возможность. Рядомъ съ русскими книгами здѣсь могутъ быть указываемы и иностранныя. с) *Справочныя.* Эти книги указываются для тѣхъ изъ читателей, которые во время чтенія заинтересуются какимъ-либо спеціальнымъ вопросомъ и пожелаютъ приобрести о немъ болѣе точныя свѣдѣнія. Въ этомъ отдѣлѣ могутъ быть указываемы и изданія дорогія или распроданныя, въ предположеніи, что они могутъ быть доступны нѣкоторымъ читателямъ въ публичныхъ или частныхъ спеціальныхъ библіотекахъ.

Участіе читателей въ занятіяхъ, предлагаемыхъ Комиссіей, можетъ выразиться, кромѣ приобретенія изданій Комиссіи: а) въ письменныхъ обращеніяхъ читателей къ Комиссіи за разъясненіями встрѣтившихся при чтеніи недоумѣній и возникшихъ при занятіяхъ поставленными темами вопросовъ; б) въ краткихъ отчетахъ о прочитанномъ—въ формѣ отвѣтовъ, по возможности, періодическихъ—на вопросы, поставленные Комиссіей по каждой темѣ и книгѣ; с) въ представленіи болѣе или менѣе обширныхъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ.

Право пользованія руководствомъ Комиссіи оплачивается денежными взносами, размѣры которыхъ будутъ установлены передъ выходомъ въ свѣтъ перваго выпуска изданія Комиссіи.

По всѣмъ категоріямъ книгъ (т.-е. необходимыхъ, рекомендуемыхъ и справочныхъ) Комиссія принимаетъ на себя порученія читателей касательно покупки книгъ по цѣнамъ, выставленнымъ въ изданіяхъ Комиссіи. Стоимость заказа должна быть оплачена при самомъ заказѣ, вмѣстѣ со стоимостью пересылки. Почтовые расходы и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ сношеній съ Комиссіей оплачиваются читателями, независимо отъ упомянутыхъ выше взносовъ.

Подробныя программы чтенія и списки книгъ Комиссія предполагаетъ опубликовать осенью текущаго года. Къ отчету пока приложено общее распредѣленіе систематическаго чтенія на четыре года. Приводимъ это распредѣленіе въ краткомъ извлеченіи (для отдѣла философскихъ наукъ—въ полномъ видѣ).

I. Науки о природѣ.

а) Неорганизованной:

Годъ 1-й: Физика. Механическій отдѣлъ физики. Ученіе о теплотѣ. Ученіе о звукѣ. Ученіе о свѣтѣ. Кристаллографія. Общая химія. На немногихъ простѣйшихъ примѣрахъ выясняются здѣсь основные законы химіи. Излагается систематика элементовъ. Описываются важнѣйшіе металлоиды и металлы съ ихъ главнѣйшими соединениями.— *Годъ 2-й:* Физика. Ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ. Органическая химія. Систематика углеродистыхъ соединений. Важнѣйшіе типы и реакціи ихъ. Обращается вниманіе на природныя органическія тѣла, на ихъ синтезъ и на химическіе процессы организованной природы. Кристаллофизика и кристаллохимія. Систематическое повтореніе основныхъ положеній и выводовъ химіи (теоретическая и физическая химія).— *Годъ 3-й:* Астрономія. Физическая географія. Ученіе о воздухѣ и о водѣ (метеорологія и климатологія).— *Годъ 4-й:* Химія и физика земной коры (минералогія, петрографія, динамическая геологія).

б) Организованной.

Годъ 1-й: Общій обзоръ органическихъ формъ, какъ введеніе

къ изученію біологіи. Анатомія человѣка съ краткимъ обзоромъ важнѣйшихъ жизненныхъ отправленій человѣческаго тѣла. Органографія цвѣтковыхъ растений въ связи съ опредѣленіемъ ихъ. Практическія занятія по опредѣленнымъ программамъ.—*Годъ 2-й*: Сравнительная анатомія съ гистологіей и эмбриологіей животныхъ. Гистологія и анатомія растений. Изученіе споровыхъ растений. Курсъ этого года долженъ имѣть цѣлью выясненіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей животныхъ и растительныхъ организмовъ, главнымъ образомъ, въ морфологическомъ отношеніи, что дастъ возможность занимающимся съ достаточною основательностью усвоить себѣ принципы систематической группировки животныхъ и растений.—*Годъ 3-й*: Физиологія животныхъ и растений, т. е. подробное изученіе ихъ со стороны свойственныхъ имъ жизненныхъ явленій въ связи съ необходимыми указаніями изъ области прикладного естествознанія.—*Годъ 4-й*: Палеонтологія, біологическая географія и изученіе исторіи развитія органическаго міра. Другими словами, въ теченіе этого года животныя и растенія должны быть изучены въ порядкѣ ихъ распредѣленія во времени и пространствѣ, а равно и въ ихъ филогенетическихъ отношеніяхъ.

II. Науки о человѣкѣ.

1. Науки философскія.

По этому отдѣлу проф. Н. Я. Гротомъ и прив. доц. А. С. Бѣлкинымъ представлены двѣ параллельныя программы. По программѣ проф. Грота систематическій курсъ чтенія по философскимъ наукамъ предполагается расположить въ слѣдующемъ порядкѣ:

Годъ I. Психологія и логика.

Годъ II. Исторія философіи.

Годъ III. Теорія познанія и метафизика.

Годъ IV. Этика (и социологія), эстетика и педагогика.

Это распредѣленіе мотивировано проф. Гротомъ слѣдующимъ образомъ: «Психологія справедливо признается въ настоящее время основной философскою наукой, такъ какъ въ ней естественно лежитъ корень всѣхъ болѣе специальныхъ наукъ, изучающихъ различныя частныя области душевныхъ отправленій человѣка: дѣятельность мышленія и ея законы (логика), дѣятельность по-

знавательную, т.-е. условія, средства, предѣлы и приемы или методы познанія (теорія познанія), дѣятельность нравственную (этика), процессы и задачи художественнаго творчества (эстетика), задачи и приемы воспитанія и образованія людей (педагогика). Психологія, правда, не составляетъ еще науки вполне опредѣлившейся въ своемъ содержаніи, приемахъ изслѣдованія и отношеніи къ другимъ наукамъ нефилософскаго круга, но то богатое содержаніе идей, фактовъ, наблюденій и экспериментовъ, которое она накопила въ теченіе болѣе двадцати вѣковъ, можетъ быть съ пользою изучаемо въ началѣ философскаго самообразованія, при надлежащемъ руководствѣ специалистовъ, такъ какъ именно изъ этого изученія выясняются дѣйствительныя задачи философіи, какъ цѣлаго, и отдѣльныхъ, специальныхъ наукъ, входящихъ въ это цѣлое или систему.

Но изученіе психологіи идетъ успѣшнѣе, если оно сопровождается изученіемъ *логики*, такъ какъ формальный методъ логики въ изученіи процессовъ мысли не только приучаетъ строже и отчетливѣе относиться къ критическому процессу отвлеченнаго мышленія, неизбѣжному для всякаго, приступающаго къ изученію философіи, но и прекрасно дополняетъ тѣ индуктивныя приемы изученія душевной жизни и дѣятельности, которые свойственны новѣйшей психологіи. Содержаніе и форма въ душевной дѣятельности такъ тѣсно связаны, что параллельное изученіе ихъ элементовъ и законовъ развитія не только естественно, но и необходимо. Психологія дополняетъ и поправляетъ логику, логика расширяетъ и углубляетъ пониманіе психологическихъ проблемъ. Это двѣ элементарныя и основныя философскія науки.

Когда усвоено пониманіе задачъ и основнаго содержанія психологіи и логики, то возникаетъ новая задача—ознакомленія съ исторіей развитія не только этихъ наукъ, но и всѣхъ тѣхъ, съ судьбою которыхъ тѣсно связана была ихъ разработка. А такими являются всѣ философскія науки; поэтому изученіе исторіи философіи является ближайшею необходимостью. Изъ исторіи философіи выясняется тѣсная связь развитія психологіи и логики не только съ судьбою общихъ міросозерпаній отдѣльныхъ мыслителей, народовъ, эпохъ, но и съ двумя другими специальными науками, входящими въ область философіи и пытающимися провѣрить самыя глубокія основанія психологическаго и логическаго изслѣдованія и подвести ихъ итоги. Мы говоримъ о метафизикѣ

и теоріи познанія. Дѣло идетъ, конечно, не о той догматической метафизикѣ, которая ранѣе Локка, Юма и Канта произвольно строила хитросплетенныя системы понятій о томъ, что едва ли доступно пониманію и познанію человѣка, руководствуясь при этомъ одною лишь безпредѣльною субъективною фантазіей и не вникая въ природу, происхожденіе и объективное значеніе этихъ понятій. Дѣло идетъ о метафизикѣ новой, критической, основанной на изслѣдованіи и провѣркѣ объективной цѣнности всѣхъ понятій и познаній человѣческаго ума. Эта метафизика отчасти совпадаетъ съ теоріей познанія въ обширномъ смыслѣ слова, но имѣетъ, однако, и самостоятельныя задачи—дать синтезъ результатовъ объективной теоріи познанія и субъективныхъ наукъ о содержаніи и формахъ душевной дѣятельности человѣка—психологии и логики, провѣрить, при помощи данныхъ теоріи познанія, или науки объ объективной цѣнности и законѣрности понятій нашего ума, основныя положенія и результаты психологическаго и логическаго анализа, а также построить и опредѣлить на почвѣ этой провѣрки основныя аксіомы нашего общаго міросозерцанія, нашего ученія о мірѣ, о дѣйствительно существующемъ или реальномъ, объ отношеніи реальнаго къ идеальному.—Критическая теорія познанія даетъ только матеріалъ и основанія для этого построенія, но для того, чтобъ его осуществить, нужна наука, которая бы свела въ одно цѣлое субъективную теорію и объективную критику процессовъ познанія, окончательно установила незыблемыя основы понятій объ идеальномъ и реальномъ, подвела итоги ихъ отношеніямъ и связала въ одно цѣльное теоретическое міровоззрѣніе результаты анализа упомянутыхъ наукъ. Изученіе исторіи этой проблемы неизбежно ведетъ къ изученію самой проблемы, ея постановки и попытокъ рѣшенія при теперешнемъ состояніи человѣческихъ знаній. И потому, вслѣдъ за усвоеніемъ общаго содержанія исторіи философіи, необходимо теоретическое изученіе проблемъ теоріи познанія и метафизики.

Когда эта задача выполнена, только тогда является возможность и возникаетъ право на самостоятельное критическое изученіе задачъ и содержанія прикладныхъ философскихъ наукъ—этики, какъ науки не описательной, а нормативной, эстетики и педагогики, принципы и методы построенія которыхъ всегда всецѣло зависѣли отъ современнаго состоянія и основныхъ началъ психологии, логики, теоріи познанія и метафизики.

Противъ изложеннаго плана можно возразить только одно, что интересъ къ философіи всегда пробуждается въ массѣ читающей публики — стремленіемъ къ разрѣшенію вопросовъ этическихъ, соціальныхъ, эстетическихъ и педагогическихъ. Слѣдовательно, надлежало бы изученіе соотвѣтствующихъ прикладныхъ наукъ поставить во главу систематическаго изученія философіи. Но на это отвѣтимъ: тѣмъ лучше, если интересъ къ философіи возбужденъ и прочно обоснованъ практическими запросами и глубокими духовными потребностями личности въ выработкѣ устойчиваго нравственнаго идеала, устойчиваго критерія оцѣнки прекраснаго, устойчивыхъ правилъ воспитанія и развитія подрастающихъ поколѣній. Это — лучшее ручательство за терпѣніе и выдержку приступающаго къ изученію философіи. Но отсюда не слѣдуетъ, что специалисты, берущіеся руководить этимъ изученіемъ, должны поощрять господствующее и весьма распространенное у насъ стремленіе построить принципы практической жизни и дѣятельности безъ предварительнаго изученія и усвоенія теоретическихъ основаній и законовъ всей душевной дѣятельности человѣка. Надо начинать съ начала, и тотъ, кто желаетъ выработать въ себѣ цѣльное и устойчивое міросозерцаніе, приложимое къ жизни, долженъ терпѣливо пройти весь указанный нами кругъ знаній, размысленій, опытовъ и провѣрокъ. И четыре года работы — весьма незначительный срокъ для того, кто относится къ упомянутой задачѣ серьезно. Строго говоря, это четырехлѣтнее изученіе философіи только символъ смѣняющихся моментовъ непрерывнаго, во всю жизнь продолжающагося сознательнаго приближенія къ выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія, прочныхъ идеаловъ и принциповъ жизни. Но мы не исключаемъ своимъ планомъ возможности и даже пользы другихъ плановъ изученія философскихъ наукъ, соотвѣтствующихъ инымъ потребностямъ и запросамъ читателей и взглядамъ специалистовъ, имѣющихъ руководить домашнимъ чтеніемъ».

Программа, представленная прив.-доц. А. С. Бѣлкинымъ, предлагаетъ нѣсколько иную послѣдовательность чтенія и иной способъ изученія философскихъ наукъ:

«Первый вопросъ (т.-е. вопросъ о *послѣдовательности* чтенія) рѣшается чрезъ разсмотрѣніе взаимнаго отношенія философскихъ наукъ; второй (т.-е. о *способѣ* изученія различныхъ философскихъ наукъ) — чрезъ разсмотрѣніе ихъ современнаго состоянія, какъ наукъ.

Обращаясь къ взаимному отношенію философскихъ наукъ, мы замѣчаемъ, что среди нихъ *логика* и *психологія* являются основными, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависятъ остальные науки, и которыя поэтому должны изучаться ранѣе другихъ наукъ.

Что касается взаимнаго отношенія *логики* и *психологіи*, т.-е. вопроса о томъ, съ какой изъ этихъ наукъ, какъ болѣе самостоятельной, слѣдуетъ начать курсъ философіи, то я предложилъ бы поставить на первомъ мѣстѣ *логику*, а не *психологію*, по слѣдующимъ соображеніямъ: хотя, казалось бы, логику слѣдуетъ изучать, какъ часть психологіи, въ виду того, что логика есть ученіе объ извѣстныхъ, такъ называемыхъ, логическихъ, умственныхъ процессахъ, а ученіе объ умѣ вообще входитъ въ психологію, какъ ея часть, но нельзя забывать, что для пониманія ученій логики, тѣмъ не менѣе, нѣтъ необходимости въ предварительномъ основательномъ изученіи психологіи, и что, въ своемъ ученіи о методахъ, логика совершенно независима отъ психологіи; наоборотъ, — для правильного пониманія методовъ психологическихъ изслѣдованій и вообще психологическихъ ученій необходимо предварительное изученіе логики (въ подтвержденіе моей мысли укажу хотя бы такъ часто встрѣчающуюся персонификацію законовъ духа вслѣдствіе забвенія ученія логики о томъ, что такое законы природы).

Что касается вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ изучать философскія науки, — то рѣшеніе его зависитъ, какъ было указано, отъ того, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время каждая изъ философскихъ наукъ. Разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнія, мы видимъ, во 1-хъ, что *логика* и *психологія* организовались въ отдѣльныя самостоятельныя науки, а потому могутъ быть изучаемы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время; во 2-хъ, что такія науки, какъ *этика*, *метафизика* и *теорія познанія* представляютъ собой только выраженіе мнѣній того или другого философа, а потому должны изучаться не иначе, какъ въ курсѣ исторіи философіи.

Что касается *эстетики* и *педагогики*, то наиболѣе удобнымъ представляется — ограничиться относительно *эстетики* психологическимъ ученіемъ объ эстетическихъ волненіяхъ, *педагогикѣ* же изучать желающимъ, какъ добавленіе къ психологіи, въ виду того, что она близка примыкаетъ къ ней и представляетъ собой практическое приложеніе законовъ психологіи.

На основаніи этихъ соображеній, можетъ быть предложена слѣдующая программа: 1-й годъ—логика, 2-й—психологія и для желающихъ—педагогика, 3-й и 4-й—исторія философіи.

Чтенію по исторіи философіи должно предшествовать ознакомленіе съ вопросами философіи вообще».

2. Науни общественно-юридическія.

Планъ всего курса дѣлится на два отдѣла: а) на «строеніе общества» (такъ сказать, статику) и б) на «дѣятельность общества» (динамику). Въ каждомъ отдѣлѣ изученіе разбивается, по мѣрѣ возможности, на двѣ стадіи: оно начинается съ общей теоріи соотвѣтствующаго ряда явленій и затѣмъ переходитъ къ исторіи и современному состоянію изучаемыхъ отраслей общественной жизни въ одномъ или нѣсколькихъ современныхъ государствахъ.

Годъ 1-й: 1) Общія понятія объ обществѣ, его строеніи, функціяхъ и органахъ. 2) Экономическій строй (теорія политической экономіи).—*Годъ 2-й:* 1) Семейный строй. 2) Юридическій строй. 3) Политическій строй. 4) Исторія и современное состояніе Англи: а) въ экономическомъ отношеніи, б) въ политическомъ отношеніи. 5) Исторія и современное состояніе Россіи: а) въ экономическомъ отношеніи, б) въ политическомъ отношеніи.—*Годъ 3-й:* Дѣятельность общества. Управление. 1) Понятіе объ управленіи и его устройство въ Англии, Франціи, Германіи и Австріи. 2) Сельскохозяйственная экономія и политика. 3) Промышленная экономія и политика. 4) Экономія торговли. 5) Деньги, кредитъ и банки.—*Годъ 4-й:* Дѣятельность общества (продолженіе). Соціальная политика. 1) Рабочій вопросъ. 2) Ассоціаціи и артели. 3) Колонизація. 4) Санитарная политика. 5) Народное образованіе. 6) Призрѣніе бѣдныхъ. 7) Финансы. 8) Международная политика.

3. Исторія.

1-й курсъ. Общія свѣдѣнія по антропологіи и первобытной культурѣ. Исторія Востока, Греціи и Рима.

2-й курсъ. Средневѣковая исторія, включая Возрожденіе. Русская исторія до Смутнаго времени.

3-й курсъ. Новая исторія, начиная съ Реформаціи до французской революціи. Русская исторія XVII и XVIII вѣка.

4-й курсъ. Новѣйшая исторія, начиная съ французской революціи. Русская исторія XIX вѣка.

5-й курсъ (дополнительный). Методика исторіи и обзоръ философско-историческихъ системъ. Повторительный систематическій курсъ русской исторіи.

4. Литература.

Предметъ *перваго* года составитъ изученіе классическихъ литературъ—греческой и римской.

По греческой литературѣ должны быть изслѣдованы основныя отрасли античнаго творчества: *эпосъ* и *драма*. Въ заключеніе занимающіеся должны познакомиться съ эстетическими теоріями Аристотеля.

Въ области римской литературы — занятія сосредоточатся на *эпосѣ* и *лирикѣ* золотой эпохи. Изъ работъ критическаго характера должна быть разобрана художественная система Горация, легшая впослѣдствіи въ основу новаго классицизма.

Второй годъ будетъ посвященъ литературѣ среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія.

Третій годъ. Исторія европейскихъ литературъ XVII и XVIII вѣковъ до революціи включительно. Среди литературъ XVII вѣка первое мѣсто долженъ занимать французскій классицизмъ, и по своему вліянію на другія литературы, и потому, что онъ представилъ типичнѣйшіе образцы господствовавшей школы. То же мѣсто займетъ и просвѣтительная литература Франціи въ XVIII вѣкѣ. Одновременно будетъ идти изученіе англійскаго романа и нѣмецкаго романтизма, связаннаго съ дѣятельностью Шиллера и Гёте.

Четвертый годъ будетъ посвященъ новѣйшей литературѣ—съ конца XVIII вѣка до послѣдняго времени. Здѣсь чтенію памятниковъ должно предшествовать изученіе главнѣйшихъ литературно-общественныхъ теченій: реакціоннаго, романтическаго, реалистическаго, натуральнаго. Наравнѣ съ художественною литературой въ XIX вѣкѣ видное общественное вліяніе стала оказывать періодическая печать. Выясненіе этого вліянія и главнѣйшихъ моментовъ въ развитіи журналистики закончитъ четвертый годъ.

Изученіе исторіи русской литературы распредѣляется между тремя послѣдними годами предыдущей программы. Первый годъ посвящается ознакомленію съ народнымъ творчествомъ въ главныхъ его видахъ и съ искусственной словесностью до Петра;

второй—спеціальному, подробному изученію восемнадцатаго вѣка, въ связи съ просвѣтительнымъ движеніемъ на Западѣ (о чемъ въ ту же пору будутъ сообщены свѣдѣнія и въ курсѣ иностранной литературы) и первой четверти 19 вѣка; третій — изученію словесности 19 вѣка до восьмидесятыхъ годовъ.

Касса взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. По уставу «Кассы взаимопомощи при литературномъ фондѣ» предполагаются слѣдующіе три мотива къ участию въ ней лицъ ученой и литературной профессіи:

- а) желаніе обезпечить семью на случай смерти (взаимная страховка на этотъ случай);
- б) желаніе обезпечить самого себя (страховка отъ инвалидности и пенсіи),
- в) и наконецъ, желаніе прійти на помощь своимъ собратьямъ и сохранить по себѣ добрую память оставленіемъ капитала въ общую пользу кассы, при посредствѣ весьма необременительныхъ взносовъ.

Всѣ нужныя свѣдѣнія о кассѣ можно почерпнуть изъ ея Устава и брошюры: «Касса взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Спб. 1894 г., изъ которой видно, что въ началѣ текущаго года состояло членовъ кассы 208.

12 марта текущаго года, на основаніи параграфовъ 49 и 50 Устава кассы и постановленія общаго собранія членовъ ея, бывшаго въ С.-Петербургѣ 13 февраля того же года, открыто въ Москвѣ отдѣленіе означенной кассы, причемъ, согласно пп. 5 и 9 правилъ объ учрежденіи и дѣятельности московскаго отдѣленія, общимъ собраніемъ членовъ этого отдѣленія избраны на должность: *предсѣдателя* правленія (бюро) отдѣленія Александръ Петровичъ Лукинъ (Жлѣбный пер., 22) и *членовъ*: Федоръ Адамовичъ Коршъ (Бол. Дмитровка, д. Мятлева, 22), Михаилъ Алексѣевичъ Саблинъ (Бол. Власьевскій пер., д. Офросимовой), Викторъ Александровичъ Фидлеръ (Бол. Грузинская, д. Серебряковой, кв. 4) и Александръ Ивановичъ Чупровъ (Арбатъ, Бол. Толстовскій пер., д. Лисицына); согласно постановленію того же собранія, правленіе московскаго отдѣленія, въ засѣданіи 25 марта, избрало на должность: *секретаря*—В. А. Фидлера и *казначея*—М. А. Саблина.

Лица, принадлежащая къ литературной или ученой профессіи и желающія поступить въ число членовъ московскаго отдѣленія кассы, могутъ обращаться съ своими заявленіями въ правленіе отдѣленія, въ квартиру предсѣдателя А. П. Лукина (для личныхъ объясненій и справокъ—ежедневно отъ 11 до 12 часовъ утра); въ такихъ заявленіяхъ должны быть указаны данныя, требуемыя параграфомъ 20 Устава. («...Въ заявленіи должны быть указаны: данныя о литературной или ученой дѣятельности заявителя, возрастъ его, разрядъ избираемыхъ имъ платежей, порядокъ ихъ взноса и адресъ...»).

3-го мая, въ залѣ московскаго собранія врачей состоялось общее собраніе членовъ московскаго отдѣленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ В. А. Гольцевъ и секретаремъ В. А. Фидлеръ. По открытіи засѣданія, предсѣдатель правленія отдѣленія А. П. Лукинъ обратилъ вниманіе собранія на отраднѣйшій фактъ растущаго сочувствія къ кассѣ, на что указываетъ прежде всего быстрое увеличеніе числа членовъ московскаго отдѣленія. Открытое 12-го марта текущаго года въ составѣ 32 московскихъ участниковъ, оно въ тотъ же день пополнилось 25 новыми членами. Особенный интересъ представляли подлежавшіе обсужденію собранія вопросы о привлеченіи издателей къ увеличенію пенсіоннаго фонда кассы и объ отчисленіяхъ изъ гонорара для обезпеченія платежей участниковъ кассы и поощренія послѣднихъ къ избранію высшихъ разрядовъ членскихъ платежей. По обсужденіи этихъ вопросовъ, предложенныхъ правленіемъ кассы, собраніе отнеслось сочувственно къ основной мысли сдѣланныхъ предложеній и избрало комиссію изъ 6 членовъ и 3 кандидатовъ къ нимъ для болѣе детальной разработки возбужденныхъ вопросовъ. Избранію этой комиссіи предшествовала баллотировка кандидатовъ изъ числа тѣхъ лицъ, заявленія которыхъ, на основаніи § 20 Устава, были предварительно рассмотрѣны въ правленіи отдѣленія. Въ результатѣ произведенной баллотировки избранными въ члены московскаго отдѣленія кассы оказались 43 человѣка.

Подъ редакціей *Н. Н. Ланге* готовится къ печати переводъ сочиненія *Гюйо*: «Современныя англійскія ученія о нравственности».

Объ изданіи сочиненій Г. С. Сковороды.

Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Согласно съ постановленіемъ состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ Историко-филологическаго Общества 5 апрѣля 1894 г. принимаются предварительные взносы на издаваемые Обществомъ сочиненія Г. С. Сковороды.

Философъ и поэтъ Григорій Саввичъ Сковорода былъ просвѣтителемъ мѣстнаго слободско-украинскаго общества, преимущественно передового его слоя—дворянства, во второй половинѣ прошлаго столѣтія и своей просвѣтительною дѣятельностью подготовилъ почву для открытія Харьковскаго университета. Изъ круга его ближайшихъ учениковъ и друзей вышли самые щедрые жертвователи на университетъ. Съ другой стороны, нравственно-воспитательное вліяніе Г. С. Сковороды простиралось и на народъ, который усвоилъ нѣкоторыя религіозно-нравственныя его стихотворенія. Изъ многочисленныхъ произведеній Г. С. была напечатана лишь ничтожная часть и притомъ крайне неудовлетворительно.

Въ виду предстоящаго столѣтія со дня кончины Г. С. Сковороды (29 октября 1894 г.) Харьковское Историко-филологическое Общество озаботилось собраніемъ его неизданныхъ сочиненій и въ настоящее время располагаетъ цѣлою коллекціей его рукописей; часть ихъ находится въ библиотекѣ Харьковскаго университета, но другая, болѣе значительная, прислана на время въ Харьковъ изъ Церковно-археологическаго музея Кіевской Духовной академіи и, съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, изъ Императорской Публичной библиотекы въ Петербургѣ и Румянцевскаго музея въ Москвѣ (последнія

рукописи особенно драгоценны, потому что представляют автографы Сквороды и подлинное «Житіе» его, написанное Ковалѣнскимъ). Общество нынѣ переписало всѣ эти новые богатые матеріалы и съ мая 1894 г. приступаетъ къ изданію сочиненій Г. С. Сквороды, какъ философскихъ (9 названій, изъ коихъ 6 не изданныхъ), такъ и литературныхъ.

Въ составъ книги войдутъ слѣдующія статьи: 1) Критико-біографическая и бібліографическая статья проф. Д. И. Багалѣя, 2) Житіе Г. С. Сквороды, составленное М. И. Ковалѣнскимъ, 3) Нарцисъ, или узнай себя, 4) Правда вѣры, 5) О древнемъ мірѣ, 6) Бесѣда: двое, 7) О душевномъ мірѣ, 8) Алфавитъ міра, 9) Начальная дверь ко христіанскому добронравію, 10) Благодарный Еродій, 11) Харьковскія басни, 12) Борьба Архистратига Михаила съ сатаною, 13) Садъ божественныхъ пѣсней, 14) Убогій жайворонокъ, 15) Израильскій змій, 16) Плутархъ о спокойствіи души, 17) Ода Сидронія объ уединеніи и 18) Письма. Означенныя статьи издаются въ одномъ томѣ, объемомъ приблизительно въ 35 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ портрета Г. С. Сквороды, по экземпляру, сохранившемуся въ музеѣ изящныхъ искусствъ Харьковскаго университета. Изданіе это должно выйти въ свѣтъ къ 29 октября 1894 г. Для ближайшаго завѣдованія этимъ дѣломъ избрана редакціонная комиссія въ составѣ пяти профессоровъ: А. С. Лебедева, М. С. Дринова, Д. И. Багалѣя, Ѳ. А. Зеленогорскаго и Н. Ѳ. Сумцова.

Цѣна по подпискѣ 3 рубля съ пересылкою (по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена). Иногородніе подписчики благоволятъ обращаться непосредственно въ Харьковскій университетъ, въ Историко-филологическое Общество.

лѣченія основывается на повторномъ психическомъ воздѣйствіи, и его дѣйствительность служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что наша мысль, при извѣстномъ ограниченіи и недѣятельности воли, оказываетъ громадное вліяніе на наше тѣло.

Въ русскомъ изданіи авторомъ сдѣланы нѣкоторыя дополненія. Переводъ отличается тщательностью.

Очень сочувственно отзывается А. Б. въ „Рус. Жиз.“ № 286.

124. Вечтомовъ, А. Ученіе Гартмана о бѣдственности человѣческой жизни и критика этого ученія. „Вѣра и Раз.“ № 1, отд. филос., стр. 24—50; № 3, 124—158.

Изложеніе ученія Гартмана сдѣлано на основаніи изложеній А. А. Козлова и отчасти кн. Цертелева („Современный пессимизмъ въ Германіи“, Спб. 1885). Но со времени выхода книги г. Козлова „Сущность мірового процесса“ (1873—1875) прошло чуть не 20 лѣтъ, и гартмановская „Философія безсознательнаго“ въ новѣйшихъ изданіяхъ увеличилась едва ли не вдвое противъ первыхъ изданій. Метафизика Гартмана, по мнѣнію автора, нелѣпа и противорѣчива. Этотъ философъ прибѣгаетъ къ насильственному расторженію явленій душевной жизни челоѣка и представляетъ ихъ въ одномъ только мрачномъ цвѣтѣ; онъ клеветаетъ на челоѣческую природу и принижаетъ ее, предъявляя къ жизни только чисто эвдемонистическія требованія.

125. (Викторовъ, П. П.) Краткое сообщеніе о его публичной лекціи по психологіи музыки. „Рус. Вѣд.“ № 106.

126. Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Съ приложеніемъ Виндельбанда „Августинъ и средніе вѣка“ и Фуллѣ „Исторія схоластики“. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Спб. Тип. Скороходова. VII+380 стр. 2,000 экз. 2 р.

Книга можетъ служить очень хорошимъ пособіемъ при изученіи исторіи философіи. Переводъ въ общемъ сдѣланъ хорошо,—встрѣчаются только незначительные недосмотры. Къ сожалѣнію, указанія на русскую библиографію, даже въ тѣхъ скромныхъ рамкахъ, которыя намѣчены редакторомъ въ его предисловіи, страдаютъ неполнотою.

Сочувственно отзываються: „Рус. Мысль“ 10, 466с.; А. В. А. въ „Филол. Обзор.“ т. V, стр. 24с.; „Нов. Вр.“ № 6, 298 (10-го сентября); А. Л. въ „Книж. Вѣс.“ 10, 291. Хвалитъ книгу М. Ф.—въ въ „Нов.“ № 346, но указываетъ нѣкоторыя погрѣшности редакціи. Благопріятный отзывъ даетъ и Н. Г. въ „Вопр. филос.“ кн. 20, отд. II, стр. 109сс.

127. (Виндельбандъ). Windelband, W. Geschichte der Philosophie. Freiburg i. B. 1892.

Отзывъ изъ „Deutsche Rundschau“ въ „Мір. Божьемъ“ 12, 208.

128. Виноградовъ, Н. С., свящ. О значеніи религіи въ жизни челоѣка. „Чтенія въ общ. люб. дух. проsv.“ 2, отд. I, стр. 151—183.

Читано въ засѣданіи 27-го января. И наблюденія надъ историческою жизнью народовъ, а также надъ современнымъ состояніемъ гражданскаго общества, и опыты повседневнои жизни съ несомнѣнною доказываютъ великое значеніе

религии какъ для общества, такъ и для личности. Подъ ея опредѣляющимъ вліяніемъ совершался ходъ человѣческой цивилизаціи и духовное совершенствованіе каждаго человѣка.

129. Виноградовъ, П. Г. Первые главы афинской Политіи Аристотеля. „Филол. Об.“, т. III, кн. 2, 97—109.

Главы 1, 2, 3 п 4, ихъ составъ, послѣдовательность мыслей и особенности построенія.

130. Виноградовъ, П. Г. Т. Н. Грановскій. „Рус. Мысль“ 4, 44—66.

Публичная лекція въ пользу московскаго комитета грамотности. Затронуты кружки сороковыхъ годовъ съ ихъ увлеченіемъ философіей. Истинная сила Грановскаго заключалась въ историческомъ синтезѣ, въ способности сводить разрозненные и разнохарактерные факты въ одно цѣлое.

Въ обычномъ духѣ отзывается о западникахъ Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Люди сороковыхъ годовъ. „Моск. Вѣд.“ № 109.

Неискренность, искусственность и фальшивость находятъ въ концѣ статьи г. Виноградова Наблюдатель: Пестрыя замѣтки. Наши „западники.“ „Гражд.“ № 141. Ошибку западниковъ онъ видитъ въ ихъ отношеніи къ народу.

Виноградовъ, П. Г. См. Алексѣй Введенскій, кн. Евг. Трубещкой.

131. Вирховъ, Рудольфъ. Портретъ и небольшая замѣтка. „Юж. Край“ № 4, 169 (21-го февраля).

132. Вирховъ, Руд. Школа и наука. Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность ректора берлинскаго университета 15-го октября 1892 г. Переводъ съ нѣмецкаго М. Р. М. Тип. и изданіе скоропечатни Левенсонъ. 26 стр. 1,200 экз. 30 коп.

Разсматривается вопросъ о томъ, чего можно требовать отъ университета, и какая подготовка нужна для вступленія въ среду его слушателей.

Вирховъ, Руд. См. Мензбиръ, Тверской, Эльбе.

133. В—нъ, А. Еще о теоріяхъ народничества. „Вѣс. Евр.“ 2, 760—807.

О статьяхъ В. В. (Попытки обоснованія народничества) и С. А. Ан—скаго (Очерки народной литературы), помѣщенныхъ въ „Рус. Бог.“ за 1892 г. Съ одной стороны, заслуживаетъ въ народничествѣ всякаго уваженія ревностное стремленіе служить народу, оберегая при томъ его достоинство отъ насильственнаго вмѣшательства въ его внутренній міръ и стараясь найти разумное развитіе земледѣльческимъ основамъ его быта. Но, съ другой стороны, поражаетъ въ немъ путаница историческихъ и теоретическихъ понятій вмѣстѣ съ туманнымъ представленіемъ о самомъ народномъ прогрессѣ.

Отвѣтомъ В. В. служить статья: Критикъ народничества. „Рус. Бог.“ 4, 1—32. По мнѣнію В. В., серьезнаго опроверженія его взглядовъ отъ А. В—на и нельзя было ожидать, такъ какъ А. В—нъ не понимаетъ ихъ, отчасти по причинѣ составленныхъ имъ ложныхъ предвзятыхъ мнѣній о предметѣ, отчасти благодаря незнакомству его съ разсматриваемымъ направленіемъ нашей общественной мысли.

134. Волковъ, А. Блаженный Августинъ по его „Исповѣди“ (Confessiones). „Стран.“ 8, 375—396; 9, 3—16.

Характеристика знаменитаго отца церкви.

135. Волконскій, С. М., кн. Искусство и нравственность. Очеркъ. „Вѣс. Евр.“ 4, 620—651.

Нравственность и искусство представляютъ изъ себя двѣ раздѣльныя области. Само ихъ проникновеніе въ жизнь настолько различно, что исключаетъ обязательность совпаденія: они очерчены различными границами. Принципъ нравственности—обузданіе, она исключаетъ извѣстныя формы развитія жизни; принципъ искусства—свобода, оно допускаетъ всѣ формы развитія жизни.

Статья излагается въ „Книж. Нед.“ 5, 258—263.

По мнѣнію В. Г. (Фантазія и жизнь. „Книжки Недѣли“ 3, 213сс.), кн. Волконскій пришелъ къ невольному отрицанію самого искусства.

А. М. Скабичевскій: Литературная хроника. „Нов.“ №№ 157, 164 и 171. Кн. Волконскій сидитъ между двумя стульями, такъ что у него нельзя разобрать, какъ же онъ смотритъ на искусство—метафизически, т.-е. ограничиваетъ его культомъ красоты, или же реально, т.-е. видитъ въ немъ болѣе усовершенствованный языкъ для выраженія всего нашего душевнаго содержанія. Несочувственно относится къ кн. Волконскому и И. в. Ивановъ: Замѣтки читателя. „Рус. Вѣд.“ № 133, а также Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Современный эклектизмъ. „Моск. Вѣд.“ № 102.

По мнѣнію А. Огнева (Столичная печать. „Колосья“ 4, 191с.), кн. Волконскій хочетъ объять необъятное.

Отчетъ о преніяхъ въ обществѣ неофилологин, гдѣ кн. Волконскій читалъ свою статью въ видѣ реферата, даетъ М. К(удряшевъ): Нравственность и эстетика. „Нов.“ № 32 и 54.

Володиміровъ. См. Хрулевъ.

136. Волынскій, А. Литературныя замѣтки. „Сѣв. Вѣс.“ 1, 127—170.

Между прочимъ, и о книгѣ Чернышевскаго: „Критическія статьи“. Авторъ упрекаетъ его въ буржуазномъ утилитаризмѣ.

137. Волынскій, А. Литературныя замѣтки. „Сѣв. Вѣс.“ 2, 116—146.

Литературная характеристика Н. Н. Стрхова, главнымъ образомъ, на основаніи его статьи о справедливости, милосердіи и святости. Въ небольшой статьѣ г. Стрховъ раскрылъ какъ бы тайну своего сердца. Мысли выражены безъ всякой яркости и логической силы, съ ненужными уступочками совершенно противоположнымъ началамъ. Въ ученіи г. Стрхова святость отрицаетъ и законъ юридическій, и законъ любви. Остановившись на буддизмѣ на основаніи книги Мариано (Buddismo e Cristianesimo. Неаполь 1892), г. Волынскій приходитъ къ выводу, что разсужденіе г. Стрхова есть разсужденіе на христіанскую тему подъ буддійскимъ угломъ зрѣнія.

За эту статью превозноситъ г. Волынскаго В. Чуйко: Журнальное обозрѣніе. „Од. Лист.“ № 49.

138. Волынскій, А. Литературныя замѣтки. „Сѣв. Вѣс.“ 3, 108—141.

По поводу книги г. Мережковскаго о причинахъ упадка русской литературы затронуты современныя направленія въ русской критикѣ. Вырожденіе русской критики начинается съ Чернышевскаго. Въ его „Эстетическихъ отношеніяхъ“ нѣтъ философской глубины, чисто критическаго таланта, нѣтъ ни психологи-

ческого, ни эстетического разбора: по вопросам искусства, по отвлеченным интересам научной истины, это цѣлое гнѣздо логическихъ ошибокъ.

Нападки на Чернышевскаго возмутили „Вѣс. Евр.“ 5, 454сс., а замѣтка „Вѣс. Евр.“ нашла себѣ отголосокъ у Н. К. Михайловскаго: Литература и жизнь. „Рус. Бог.“ 9, 79—85. Г. Волынскаго взялъ подъ свою защиту Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Нѣчто о преданіи. „Моск. Вѣд.“ № 164. По его словамъ, возвращенія шестидесятихъ годовъ—мутная волна, которая, отхлынувъ, оставила послѣ себя лишь гнилую тину.

Самъ г. Волынский выступилъ со статьею: Отвѣтъ „Вѣстнику Европы“ („Сѣв. Вѣс.“ 6, 114—123), гдѣ старается оправдать свои нападки требованиями правды. Кто, обладая правдой, держать ее подъ спудомъ, тотъ поступаетъ, какъ жалкій, немощный рабъ обстоятельствъ. Между идеалистическими принципами, которые защищаются „Сѣв. Вѣс.“, и ретроградными теоріями нѣтъ и не можетъ быть логической связи. По поводу этого отвѣта „въ безшабашной наглости“ упрекаетъ г. Волынскаго Журналистъ: Журнальныя замѣтки. „Сар. Днев.“ № 141. Онъ же посвящаетъ замѣткѣ отъ редакціи „Сѣв. Вѣс.“ нѣсколько довольно энергическихъ строкъ въ № 225 (Журнальныя замѣтки).

Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда статей и замѣтокъ въ разныхъ журналахъ на защиту своего постоянного сотрудника выступила редакція „Сѣв. Вѣс.“ въ замѣткѣ: Отъ редакціи. О нѣкоторыхъ полемическихъ приемахъ (8, 118—121). Эту защиту едва ли можно признать убѣдительною, хотя тутъ вѣрно отмѣчены неточности въ показаніяхъ противниковъ г. Волынскаго. См. Маленькая хроника. „Нов. Вр.“ № 6,259 (2-го августа). Такъ какъ редакція „Сѣв. Вѣс.“ затронула и „Русскую Мысль“, то этотъ послѣдній журналъ выступилъ со своею отповѣдью (9, 453с.). Неодобрительно къ редакціи „Сѣв. Вѣс.“ относится и М. Плотниковъ: Журнальное обозрѣніе. „Волж. Вѣст.“ № 241.

Защитникомъ г. Волынскаго является В. В. Чуйко: Письмо въ редакцію („Сѣв. Вѣс.“ 10, 157—168), горько жалующийся на пониженіе современныхъ литературныхъ нравовъ. Указывая—иногда довольно вѣрно—промахи противниковъ г. Волынскаго, г. Чуйко едва ли основательно видитъ въ походѣ противъ г. Волынскаго посягательство на свободу слова и мысли. Суть спора въ томъ тонѣ, какимъ отличаются статьи г. Волынскаго.—Резонно и спокойно отвѣчаетъ г-ну Чуйко „Вѣс. Евр.“ 12, 912сс. (Изъ общественной хроники).—Сочувственно цитируетъ письмо г. Чуйко Л. Тихомировъ: Наша публицистика. Изъ газетъ и журналовъ. „Рус. Об.“ 11, 391—394.

139. Волынский, А. Литературныя замѣтки. Бѣлинскій. „Сѣв. Вѣс.“ 10, 120—156; 11, 129—171; 12, 146—196.

Вторая статья вся посвящена философскому движенію сороковыхъ годовъ. Особенно подробно разсматриваются философскіе взгляды Станкевича. Подвергаются критикѣ обычные въ русской литературѣ взгляды на систему Гегеля, Критика Бѣлинскаго выступила съ общими философскими и эстетическими опредѣленіями безъ твердаго руководящаго принципа, но за то она была воодушевлена высокими нравственными цѣлями.

Авторъ предъявляетъ къ Бѣлинскому чрезмѣрно высокія требованія. Едва ли справедливо ставить знаменитому критику на видъ то, что онъ не усвоилъ критическихъ приемовъ философскаго идеализма, и обвинять его въ сбивчи-

ности понятій, въ зловредномъ вліяніи на послѣдующій ходъ русской культуры и т. п. Бѣлинскій былъ слишкомъ живою натурой, чтобы не отзываться на всѣ сколько-нибудь жизненные теченія своего времени. Отсюда противорѣчія въ его взглядахъ на одни и тѣ же вопросы.

Въ сильныхъ выраженіяхъ нападаетъ на г. Волынскаго В. Буренинъ: Критическіе очерки. По поводу писемъ отъ читателей. „Нов. Вр.“ № 6,326 (8-го октября). По его мнѣнію, г. Волынский въ своей путаной характеристикѣ Бѣлинскаго старается унизить знаменитаго критика, между строками воспѣвая себя критикомъ-философомъ несравненно выше Бѣлинскаго.

140. Волынский, А. Наука, философія и религія. (Cogitata metaphysica). „Сѣв. Вѣстн.“ 9, 179—201.

Наука, философія, религія—три сферы мышленія, чрезъ которыя проносится духъ человѣка, чтобы достигнуть своей послѣдней цѣли—слиянія съ безконечнымъ. Наука—система понятій, переведенныхъ на языкъ философскаго идеализма, сведенныхъ къ своему психологическому корню, разобранныхъ со всею смѣлостью философскаго анализа. Наука—часть философіи, первая ступень духовнаго подъема, первый лучъ того свѣта, который разгорится въ религіи въ цѣлое солнце. Философія есть ученіе объ идеальномъ началѣ жизни въ широкомъ смыслѣ, полный переводъ нашихъ знаній и убѣжденій на языкъ идеализма. Начинаясь съ психологіи, она поднимается на болѣе высокую ступень въ логикѣ и завершаетъ свое развитіе въ теоріи познанія.

Статья г. Волынскаго вызвала много толковъ, не благоприятныхъ для ея автора. М. Филипповъ: Ребяческій идеализмъ. (Cogitata metaphysica г. Волынскаго). „Рус. Бог.“ 9, 69—78. По мнѣнію г. Филиппова, плохо переваренное ученіе Канта, обрывки гегельянства и спинозизма, все это, взятое вмѣстѣ, превратилось въ „ученіи“ г. Волынскаго въ наборъ громкихъ словъ, направленныхъ яко бы противъ матеріализма, а въ сущности противъ всякаго научнаго изслѣдованія.

Надъ г. Волынскимъ смѣется г. Буренинъ: Критическіе очерки. Начитанные поэты и критики. „Нов. Вр.“ № 6,305 (17-го сентября). Онъ называетъ молодого философа критическимъ и философскимъ лягушонкомъ, раздувающимся въ Левіаана.

Статью г. Волынскаго ставитъ въ связь съ „Недѣланіемъ“ Л. Н. Толстого М. К—скій: Журнальная хроника. „Сынъ От.“ № 246. Вся философія г. Волынскаго представляетъ собою весьма запутанное, сбивчивое и затуманенное бойкими фразами изложеніе воззрѣній Канта.

Не менѣе рѣзко относится къ статьѣ г. Волынскаго и М. Протопоповъ: Письма о литературѣ. „Рус. Мысль“ 12, 224сс. Онъ называетъ ее вздорной и напыщенной болтовней. Въ этомъ отношеніи г. Протопопову сочувствуетъ В. Буренинъ: Критическіе очерки. „Нов. Вр.“ № 6,403 (24-го декабря). Больше объективности въ замѣткѣ „Странника“ 9, 182с. (Обзоръ журналовъ). См. также А. Огневъ: Столичная печать. „Колосъ“ 10, 161с.

Волынский, А. См. Меньшиковъ, О. Т. В.

141. Вопросы философіи и психологіи. Подъ ред. проф. Н. Я. Грота. М. Тип. Кушнерева. 2500 экз.

Въ общемъ сочувственный отзывъ о 16-й книгѣ въ „Рус. Мысли“ (отдѣлъ библиографическій) 2, 63сс.; о 17-й тамъ же 4, 169с.; о 20-й тамъ же 12, 57с. О 16-й и 17-й книгахъ Д. „Рус. Вѣд.“ № 101. Отчету предшествуетъ краткій очеркъ развитія философіи въ Россіи.

Рѣзко порицаетъ направленіе журнала (по поводу 17-й книги и особенно статьи Н. В. Бугаева) Н. Соболевъ: Философскій миражъ. „Нов.“ № 137. Пока существуютъ „Вопросы философіи“, русское метафизическое поле не перестанетъ производить сорныя травы. Объ 18-й кн. несочувственный отзывъ см. Филипповъ.

См. также М. Протопоповъ, Л. Тихомировъ, Филипповъ.

Вордъ (Ward). См. Мокіевскій.

142. (Вормсъ). Worms, R. La morale de Spinoza.
Замѣтка въ „Мірѣ Бож.“ 2, 215 изъ Rev. Bleue.

143. Воротынскій, Б. И. Рефераты по психіатріи, невропатологіи и экспериментальной психологіи. „Невролог. Вѣд.“ т. I, вып. 1, стр. 125—181; вып. 2, стр. 233—256; вып. 3, стр. 181—201.

Довольно обстоятельные рефераты работъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ авторовъ.

Воротынскій, Б. И. См. Бехтеревъ, Боткинъ, Вундтъ, Корсаковъ, Ланге, Розенбахъ, Россолимо, Сикорскій, Тиченеръ, Хрулевъ, Чижъ.

Воскресенскій, К. См. Абрамовъ.

144. (Воспитаніе). О воспитаніи, наслѣдственности и обученіи. Казань 1892. Тип. унив. 38 стр. 20 коп.

По мнѣнію „Рус. нач. учит.“ 5, 240—243, брошюра отличается бесвязностью и малограмотностью изложенія. Тутъ и проблески правдивыхъ наблюденій, и безтолковое блужданіе возбужденной мысли; тутъ и пытливое исканіе новыхъ путей, и безшабашная голословная критика современности.

145. Впечатлѣнія раненыхъ на полѣ сраженія. „Санит. Дѣло“, № 29—30, стр. 300, а также „Рус. Вѣд.“ № 250 и „Мірѣ Бож.“ 11, 203с.

Очень любопытныя наблюденія, по иностраннымъ источникамъ.

146. Вульфертъ, А. Антрополого-позитивная школа уголовного права въ Италиі. Критическое изслѣдованіе. Выпускъ II и послѣдній. Ярославль. Тип. Фалька. IV+566+II стр. 200 экз. 3 р. 50 к.

Разборъ ученія Ломброзо и его школы. Въ первомъ выпускѣ, вышедшемъ въ 1887 г. (М. Тип. Исленьева VIII+500 стр.), содержится разборъ наиболѣе общихъ основъ ученія послѣдователей Ломброзо о человѣческой преступности и о способахъ борьбы съ нею, а во второмъ заключается критика специальныхъ отдѣловъ этой доктрины, посвященныхъ уголовному процессу и карательной системѣ.

Книга представлена въ московскій университетъ въ качествѣ докторской диссертациі. Отчетъ о диспутѣ см. „Рус. Вѣд.“ № 135. Сочувственный отзывъ о книгѣ Г. Д.: Новый трудъ по уголовному процессу. „Рус. Вѣд.“ № 133.

147. Вундтъ, В. Гипнотизмъ и внушеніе. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Колубовской. Изданіе журнала „Вопросы философіи и психологіи“. М. Тип. Купцнерева. 84 стр. 1,200 экз. 75 коп.

Энергическая отповѣдь не въ мѣру пылкимъ поклонникамъ гипноза. По мнѣнію Вундта, корень всѣхъ этихъ увлеченій въ безсознательной склонности ко всему таинственному. Между тѣмъ явленія гипноза вполне поддаются объясненію съ точки зрѣнія современной науки, и Вундтъ, на основаніи своихъ прежнихъ работъ по механикѣ нервовъ, пытается дать гипотезу, которая бы удовлетворительно объясняла главнѣйшія группы гипнотическихъ явленій. Онъ рѣшительно противъ практическаго примѣненія гипноза, исключая развѣ тѣ случаи, когда врачу больше уже не къ чему прибѣгнуть.

О нѣмецкомъ подлинникѣ (Philos. Stud., т. VIII) см. Я. Колубовскій: Вундтъ о гипнотизмѣ и внушеніи („Вопросы фил.“ кн. 14, отд. II, стр. 74—80) и Б. И. Воротынский въ „Невр. Вѣст.“ т. I, вып. 1, стр. 153—156. О русскомъ переводѣ см. очень сочувственныя статьи Э л ь п е: Научныя письма. Вундтъ о гипнотизмѣ и внушеніи. „Нов. Вр.“ №№ 6,083 и 6,090 (4-го и 11-го февраля), а также замѣтки — в о й, „Образ.“ 7—8, 97—102, и въ „Сбор. Нивы“ 3, 722. Рецензія о французскомъ переводѣ изъ „Rev. scientif.“ въ „Мір. Бож.“ 7, 243.

Обстоятельной критикѣ статью Вундта подвергаетъ П. Мокиевскій: Вундтъ о гипнотизмѣ и внушеніи, „Рус. Бог.“ 10, 1—19, являющийся сторонникомъ гипотезы раздробленія личности. По его мнѣнію, сферы приложенія гипнотизма и психофизиологіи совершенно отличны одна отъ другой: исключительнымъ пунктомъ психофизиологіи является довольно развитое самосознаніе, тогда какъ къ низшимъ формамъ психической эволюціи она не приложима, и здѣсь-то является на помощь гипнотизмъ. Упрекъ въ грубой логической ошибкѣ, которую будто бы дѣлаетъ Вундтъ, едва ли основателенъ: первая изъ приведенныхъ на стр. 16 посылокъ не частная, какъ думаетъ г. Мокиевскій, а общая, и тогда выводъ вполне возможенъ.

148. Вундтъ, В., проф. Связь философіи съ жизнью въ послѣднія столѣтѣ. Рѣчь, произнесенная по случаю избранія въ ректоры лейпцигскаго университета. Переводъ І. Юровскаго. (Международная бібліотека). Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса. Тип. Исаковича. 40 стр. 1,200 экз. 15 к.

Отчасти по случаю столѣтія французской революціи Вундтъ бросаетъ взглядъ на связь философіи, и въ частности нравственной проблемы, съ исторіей. Какъ французская революція была воплощеною философіей французской просвѣтительной эпохи, такъ этика Канта является возведеннымъ въ философскую систему государственнымъ и нравственнымъ сознаніемъ монархіи Фридриха Великаго. Трудно вообразить себѣ большее противорѣчіе, чѣмъ между этикой Канта и тѣми нравственными воззрѣніями, которыя нашли свое выраженіе въ „Декларациі правъ человѣка“. Но и Кантава этика испытала въ одномъ пунктѣ вліяніе духа времени. И тутъ единственнымъ дѣйствительнымъ объектомъ нравственной дѣятельности является единичная личность. Нашъ вѣкъ получилъ въ наслѣдство задачу, которая заключается въ преодолѣніи индивидуализма, въ установленіи нравственнаго міросозерцанія, которое признало бы значеніе отдѣльной личности, но въ то же время не забывало бы и о самостоятельномъ значеніи нравственнаго общенія. Но какъ идеи отдаленнаго прошлаго отразились

на современной жизни, такъ и, наоборотъ, теченіе новѣйшей исторіи оказало, въ свою очередь, вліяніе на философское развитіе идей. Въ настоящее время все сильнѣе выступаетъ на первый планъ нравственная проблема. Если прошлое столѣтіе смотрѣло на нравственность съ односторонней точки зрѣнія права или долга, то въ настоящее время наше нравственное міровоззрѣніе проникнуто мыслью, что долгъ и право суть понятія, всюду связанныя между собой. Если прошлое столѣтіе считало единичную личность реальнымъ объектомъ нравственныхъ цѣлей, то наше современное воззрѣніе отличается убѣжденіемъ, что политическое и нравственное общество стоитъ выше единичной личности. Наконецъ, если просвѣтительная философія видѣла въ интеллектуальной дѣятельности духа высшее благо, то современная психологія и этика признали, что высшую человѣческую дѣятельность представляетъ выросшая изъ чувства и направляющая и мышленіе, и внѣшнія дѣйствія воля.

Интересная рѣчь Вундта переведена очень хорошимъ языкомъ.

Вундтъ. См. Гохеггеръ.

149. Выносливость человѣческаго организма. „Прав. Вѣс.“ № 158. „Рус. Вѣд.“ № 203.

150. Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. Изданіе подъ ред. проф. И. П. Мержеевского. Спб. Тип. Стасюлевича.

Довольно сочувственный отчетъ о 1892 г. въ „Рус. Мысли“ 2, 79с. (библиографическій отдѣлъ).

151. Вѣтринскій, Ч. Ипполитъ Тэнъ и „натуралистическій“ методъ. „Рус. Жизнь“ № 72.

Галилей. См. Зильовъ, Н. Корсаковъ.

152. (Галлюцинація). Объ обманахъ чувствъ. (По поводу международнаго ценза галлюцинацій). Статя Ф. Бр. «Колосья» 1, 53—71; 2, 33—90.

Разсматриваются разныя группы галлюцинацій и иллюзій по иностраннымъ источникамъ.

153. Гальперинъ, Д. С. Очерки первобытнаго права. Изслѣдованіе. Изданіе юридическаго книжнаго магазина Н. К. Мартынова. Спб. Тип. Сойкина. V+300 стр. 2 руб. 5

Большая часть книги посвящена древнерусскому праву. Въ первичныхъ группахъ авторъ не отрицаетъ начала индивидуализма. По мнѣнію «Жур. гражд. и угол. права» (№ 2, 78—82), изслѣдованіе это заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Гамерлингъ. См. Чешихинъ.

154. (Гардіа). Guardia, J. M. Исторія медицины отъ Гиппократъ до Бруссэ и его послѣдователей. Съ согласія автора съ французскаго перевела Надежда Петерманъ, подъ редакціей А. „Дохмана. Казань 1892. Тип. Ильшпенко. X+534 стр. 3 р. 50 к.

Въ книгѣ, написанной живо и интересно, нерѣдко фигурируютъ представители философіи съ древнѣйшихъ временъ до новой эпохи.

Очень сочувственный отзывъ въ „Рус. Мысли“ 1, 25.

Гардіа. См. Ивановскій.

155. (Гарнеръ.) Языкъ обезьянъ. Замѣтка Г. В. «Міръ Бож.» 5, 189сс. О попыткахъ Гарнера изучать языкъ обезьянъ при помощи фонографа.

Гарскій, Л. См. Песковскій.

156. (Гартманъ, В.) Hartmann, V. Die Analyse des kindlichen Gedankenkreises. Anaberg 1890.

Довольно сочувственная замѣтка Н. Горбова. «Вопр. филос.» кн. 17, отд. II, стр. 82—86.

157. (Гартманъ, Э.) Hartmann, E. Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus. Leipzig 1892.

Довольно сочувственный отзывъ Н. Мазаровича въ «Вопрос. филос.» кн. 16, отд. II, стр. 90сс.

Гартманъ, Э. См. Аксаковъ, Басистовъ, Вечтомовъ, Гохеггеръ, Дю-Прель Каро, Фаджи.

158. (Гаузеръ, Каспаръ.) Замѣтка о сочиненіи герцогини Клевеландской «The true story of Kaspar Hauser». «Истор. Вѣс.» 7, 259.

Гаустоферъ. См. Булгаковъ.

159 Гауссъ, Бельтрами, Риманъ, Гельмгольцъ, Ли, Пуанкаре. Объ основаніяхъ геометріи. Изд. физико-математическаго общества къ столѣтнему юбилею Н. И. Лобачевского. Казань. Тип. университетская. VII+121 стр. и 2 таблицы чертежей, 250 экз. 1 руб.

Въ этомъ сборникѣ, предназначенномъ для того, чтобы выяснитъ все значеніе Лобачевского въ наукѣ, помѣщены статьи частью чисто математическаго характера, частью же имѣющія непосредственное отношеніе къ философскимъ основамъ знанія. Больше всего отведено мѣста Бельтрами: Опытъ объясненія неевклидовой геометріи (стр. 1—37), Основная теорія пространствъ съ постоянной кривизной (стр. 38—66). Гипотезамъ, лежащимъ въ основаніи геометріи посвящены мемуары Риманна: О гипотезахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи (стр. 67—82), Гельмгольца: О фактахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи (стр. 83—102), Ли: Замѣчанія на мемуаръ Гельмгольца (стр. 103—108), Пуанкаре: Объ основныхъ гипотезахъ геометріи (стр. 109—121).

Гегель. См. Волинскій, П. Соколовъ.

Гейлинксъ. См. Радловъ.

160. (Геккель.) Новая естественноисторическая религія Геккеля. «Моск. Вѣд.» №№ 144 и 151.

Статья Я. изъ серіи его „Научныхъ писемъ“ (письмо СХХІІІ). Девизомъ статьи авторъ поставилъ: бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ.

Геккель. См. Ивановъ.

161. Гексли, Томасъ. Эволюція и этика. Рѣчь. Переводъ К. Т. «Рус. Мысль» 9, 108—129.

Примѣчанія, которыми сопровождается рѣчь въ подлинникѣ, почти цѣли-

комъ опущены. По мнѣнію автора, этической прогрессъ общества зависитъ не отъ подражанія космическому процессу, еще менѣе отъ уклоненія отъ него, а отъ борьбы съ нимъ. Разумъ, превратившій собрата волка въ вѣрнаго защитника овцы, усміѣтъ же, наконецъ, побороть въ цивилизованномъ человѣкѣ инстинкты дикаря. Статья написана съ обычнымъ остроуміемъ Гексли.

Гельмгольцъ. См. Гауссъ, Горневскій, Ивановскій.

Генгаусъ. См. Швецовъ.

162. (Геній). Близокъ ли геній къ сумасшествію? «Каз. Тел.» № 40.
Замѣтка на модную тему о ненормальности гениальныхъ людей.

Георгиевскій, Гр. См. Вл. Соловьевъ.

Герике. См. Булгаковъ.

Гермесъ Трисмегистъ. См. Вл. Соловьевъ.

163. Герней, Э., Майерсъ, Ф., Подморъ, Ф. Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія. Съ англійскаго «Phantasms of the living». Сокращенный переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ Влад. Соловьева. Изданіе А. Н. Аксакова. Спб. Тип. Демакова. VI+XLI+472 стр. 700 экз. 2 руб.

Часть книги, а именно пять послѣднихъ главъ, сокращенно переведена съ англійскаго самимъ редакторомъ. Въ общемъ, русское изданіе гораздо полнѣе французскаго. Въ предисловіи Вл. С. Соловьевъ предлагаетъ называть оккультическія явленія психургическими. По его мнѣнію, изученіе психургическихъ явленій можетъ похвалиться многими успѣхами, но ни одинъ изъ нихъ еще не упроченъ окончательно.—Что касается многочисленныхъ фактовъ, собранныхъ въ этомъ изданіи, то едва ли хотя одинъ изъ нихъ можетъ считаться вполне провѣреннымъ и твердо установленнымъ.

164. (Гертъ, Э.) Изложеніе его статьи въ «The British Medical Journal» о гѣченіи гипнотизмомъ. «Нов. Вр.» № 6102 (23 февраля).

165. Герье, В. Ипполитъ Тэнъ (1828—1893). «Рус. Вѣд.» № 73 и 79.

Одна изъ лучшихъ статей въ русской литературѣ, появившихся по случаю смерти французскаго философа. Здѣсь Тэнъ разсматривается и какъ историкъ, и какъ философъ. Научный методъ далъ въ исторіи тѣ же результаты, какъ и въ психологіи. Какъ основное понятіе психологіи, человѣческое я, превратилось въ «вереницу событій», такъ и событіе 1789 г. превратилось въ мириаду событій, и изъ него отлетѣла душа, оно утратило то, что придавало ему индивидуальный характеръ, обаяніе и вліяніе, такъ сказать, исторической личности. Художественный образъ былъ для Тэна неразлучнымъ спутникомъ идеи. Художественными образами, нерѣдко весьма реалистическими, изобилуютъ сочиненія Тэна и часто ими заканчиваются. Художественные образы дорисовываютъ его мысль и часто ее замѣняютъ, они не только облекаютъ идею, но иногда служатъ ей оправданіемъ и даже источникомъ. Въ замѣчательной степени въ Тэнѣ соединились сухой анализъ съ пластикой воображенія и страсть къ научной «фактической» истинѣ съ творчествомъ художника.

Гётчесонъ. См. Вл. Соловьевъ.

Гефдингъ. См. Колубовскій.

Гижицкій. См. Алексѣй Введенскій.

166. Гильти, проф. Идеализмъ въ практической жизни. Переводъ А. Острогорскаго. «Образ.» 11, 239—252.

См. слѣдующую статью.

167. Гильти. Искусство работать. Переводъ А. Острогорскаго. «Образ.» 1, 6—14.

Первая глава изъ труда бернскаго проф. Hilty «Glück». См. также «Миръ Бож.» 4, 227с. Рецензія изъ Literar. Centralblatt тамъ же 7, 238. Изъ той же книги Гильти переведены въ «Образованіи» и другія главы. См. слѣдующія статьи.

168. Гильти, проф. Хорошія привычки. Переводъ А. Острогорскаго. «Образ.» 3, 117—125.

169. Гильти, проф. Искусство имѣть время. Переводъ А. Острогорскаго. «Образ.» 4, 165—177.

170. Гильти, проф. Мысли Эпиктета. Переводъ А. Острогорскаго. «Образ.» 5—6, 229—259.

171. Гильти, проф. Счастье. Переводъ А. Острогорскаго. «Образ.» 10, 173—190.

Увѣренность въ существованіи нравственнаго порядка, трудъ и сила воли—необходимыя условія счастья.

Гиляровъ-Платоновъ, Н. П. См. Шаховской.

172. Гиляровъ, А. Н., проф. Гипнотизмъ [по] ученію школы Шарко и психологической школы (1881—1893). (Оттискъ изъ «Университетскихъ Извѣстій» за 1892 и 1893 г., июнь, июль, сент. и окт.). Кіевъ 1894. Тип. университетская (В. Завадскаго). VII+399 стр. 650 экз. 3 р.

Хотя существуютъ цѣнныя монографіи по гипнотизму, но нѣтъ труда, который бы давалъ документальный сводъ экспериментально провѣреннаго разнообразнаго матеріала, пояснялъ этотъ матеріалъ различными теоріями и освѣщала то и другое общими приемами философской критики. Авторъ стремится по возможности пополнить этотъ пробѣлъ. Сгруппировавъ факты, характеризующіе явленія гипноза, и изложивъ самыя разнообразныя взгляды на него, авторъ приходитъ къ заключенію, что мы до сихъ поръ не знаемъ ни того, что такое гипнотизмъ, ни его причинъ. Тѣмъ не менѣе гипнотизмъ важенъ во многихъ отношеніяхъ: онъ далъ поучительный урокъ самодовольной учености, до сихъ поръ отворачивавшейся отъ него; онъ освѣтилъ много доселѣ непонятныхъ историческихъ фактовъ; онъ получилъ примѣненіе въ терапіи. Изученіе явленій гипноза служитъ мощнымъ подспорьемъ для доказательства основной психофизиологической истины монизма, что въ живомъ организмѣ невозможно обособлять душу отъ тѣла, такъ какъ [то и другое лишь двойное выраженіе одного и того же неизвѣстнаго.

По мнѣнію К., въ «Жур. мин. нар. пр.» 11, 184—190, книга г. Гилярова, имѣя чисто компилятивный характеръ, отличается богатствомъ матеріала и довольно обстоятельно знакомитъ читателя съ положеніемъ вопроса. Предъяв-

лять къ ней высокія научныя требованія нельзя. Рецензентъ не одобряетъ нѣкоторыхъ пріемовъ автора.

Сочувственно отзывается «Рус. Мысль» 12, 580с. и А. Токарскій въ «Вопр. филос. и псих.» кн. 20, отд. II, стр. 121сс.

Г и л я р о в ъ, А. Н. См. Бенаръ, Бернетъ, Колубовскій,¹ Лайтфутъ, Фарреръ, Штѣкль.

173. Г и н т о в т ъ, С. Музей и библиотека древней Александріи. «Гимназія» 10, 451—465.

Статья компилятивнаго характера.

174. (Гипнозъ). Изъ темной области душевныхъ явленій. «Нов. Вр.» прилож. къ № 6153 (17 апрѣля).

Англійскій романистъ задумалъ написать романъ, герой котораго умираетъ отъ голоду. Съ этою цѣлью онъ побывалъ въ Россіи у голодающихъ, а также у проф. Люиса, который путемъ гипноза показалъ ему картину голода. Всѣ собранные факты романистъ помѣстилъ въ Pall Mall Gazette.

175. Гипнозъ съ лѣчебною цѣлью. «Рус. Жизнь» № 166. «Нов. Вр.» № 6220 (24 іюня).

Постановленіе медицинскаго совѣта, ограничивающее примѣненіе гипно-тизма.

176. (Гипнозъ). Явленіе гипноза у холоднокровныхъ животныхъ. «Прав. Вѣс.» № 279.

Небольшая замѣтка.

177. (Гипнотизмъ). Искъ за гипнотическія внушенія. «Нов. Вр.» № 6158 (22 апрѣля).

Искъ къ д-ру Кубли. Истица оказалась страдающею маніей преслѣдованія. Опроверженіе со стороны д-ра Кубли въ № 6201 (5 іюня). См. также Л: Вымогательство или психическое разстройство? «Нов.» № 113.

178. (Гипнотизмъ). О гипнотизмѣ. „Книжки Недѣли“ 1, 261—265 (Изъ иностранныхъ изданій).

179. (Гипотезы). О гипотезахъ. «Прав. Вѣс.» № 135.

Воображеніе имѣетъ значеніе неизбѣжнаго и необходимаго элемента въ развитіи философской и научной мысли, а гипотеза не что иное, какъ проявленіе воображенія.

Г и р н г а й м ъ. См. Радловъ.

180. (Гисслеръ). Giessler, M. Aus den Tiefen des Traumlebens.

Замѣтка въ «Мірѣ Бож.» 1, 244 изъ D. Literaturzeitung.

181. Глаголевъ, С. С. Антропологическая проблема въ настоящее время. «Чт. въ общ. люб. дух. проsv.» 10, отд. I, стр. 272 — 327; 11, 363 — 398; 12, 537—585.

Статья, повидимому, служить продолженіемъ статьи, приведенной здѣсь подъ № 184.

182. Глаголевъ, С. Вопросъ о безсмертіи души. «Вопр. фил. и псих.» кн. 19, отд. II, стр. 1—19; кн. 20, стр. 1—26.

Изъ чтеній по «Введенію въ богословіе». Авторъ хочетъ показать, что въ распоряженіи науки нѣтъ данныхъ противъ ученія о безсмертіи души, а также, что безсмертіе должно быть необходимо предполагаемымъ постулатомъ для человѣчества. Разсматривая вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать безсмертіе, авторъ выясняетъ, что такое душа и личность. Изъ теорій о сущности души онъ останавливается на теоріяхъ материализма, психическаго атомизма, пантеизма и психическаго индивидуализма.

183. Глаголевъ, С. Дарвинизмъ и право (S. Novicow. La théorie de Darwin et la justice. Rev. Scient. № 4). «Рус. Об.» 3, 484—493.

Авторъ находитъ въ г. Новиковѣ невысокія моральныя качества въ соединеніи съ незнаніемъ дѣла.

184. Глаголевъ, С. О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго. «Чтенія въ общ. люб. дух. проsv.» отд. 1, 1, стр. 11—61; 2, 199—254; 4, 409—441; 6, 631—659.

Это изслѣдованіе ставитъ себѣ цѣлью показать, что только библейское ученіе о происхожденіи человѣчества съ своей философской стороны можетъ успокоить духъ человѣка и сдѣлать для него дѣйствительность разумною и отрадною, а также, что въ историческихъ, географическихъ, хронологическихъ и вообще научныхъ указаніяхъ Библія не стоитъ въ противорѣчій съ научными открытіями, а напротивъ, даже подтверждаетъ ихъ. Отчетъ о статьѣ даетъ «Стран.» 5, 134—140 (Обзоръ журналовъ).

Окончаніемъ служить, повидимому, статья, приведенная здѣсь подъ № 181.

185. Глаголевъ, С. Что такое преступленіе? (Ferrero. Les têtes criminelles. Rev. scient. № 2) «Рус. Об.» 2, 966—972.

Попытка Ферреро дать генетическое опредѣленіе преступленія несостоятельна. Вѣрованія его обусловлены предвзятою теоріею и плохимъ знаніемъ фактовъ.

186. Глаголевъ, С. С. Чудо и наука. «Бог. Вѣст.» 6, 477—514. Отдѣльно Сергіевъ Посадъ, тип. Снегиревой. Ц. 40 коп.

Люди, отвергающіе чудо, должны представлять міръ вѣчнымъ, безконечнымъ, самосохраняющимся, но такое міропониманіе не можетъ быть выражено въ понятныхъ и логичныхъ формулахъ. Едва ли въ согласіи съ требованіями логики находится монизмъ, сливающій безконечное и конечное въ одно неразрывное цѣлое. Чудомъ авторъ называетъ то, чего мы по своей природѣ не можемъ понять.

Сочувственный откликъ статья встрѣтила у М. Южнаго: Литературно-критическій фельетонъ. «Гражд.» № 165, и въ «Моск. Цер. Вѣд.» № 46 стр. 647.

Глаголевъ, С. См. Надаекъ, Чемена.

Гланвилль. См. Радловъ.

Глинка, Д. Г. См. Яновскій.

187. Гнѣдичъ, П. Единобрачіе и многобрачіе. Бьёрнстерне-Бьёрнсонъ, его этическія лекціи, призывъ къ сѣверной молодежи и его этическія комедіи. «Рус. Вѣст.» 1, 194—218.

Шекотливый вопросъ практической этики о половыхъ отношеніяхъ рѣшается норвежскимъ писателемъ въ смыслѣ вѣрности одного одной.

Гоббесъ. См. Гротъ, Радловъ.

188. Говоровъ, К. Къ вопросу о задачахъ искусства. «Набл.» 4, 165—186.

На тему о тенденціозности въ искусствѣ. Статья полемическаго характера (особенно противъ гг. Скабичевскаго и Протопопова).

Гогоцкій, С. С. См. Колубовскій.

189. Годлевскій, С. Основы современнаго развитія. Очеркъ умственныхъ стремленій XIX вѣка. Спб. Тип. Авсѣнка. 80 стр. 910 экз. 60 коп.

Авторъ старается поставить въ связь развитіе философскихъ идей съ развитіемъ общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Весь смыслъ настоящей эпохи заключается въ борьбѣ убѣжденій съ потребностями и страстями, въ ассимиляціи идей жизнью. Въ области философіи эта борьба сказалась послѣдовательною смѣною цѣлаго ряда призрачныхъ метафизическихъ системъ и паденіемъ вѣры въ возможность абсолютнаго знанія, наряду съ непримѣрнымъ развитіемъ научныхъ знаній, которое неизбѣжно должно привести къ сознанію необходимости умственнаго объединенія чело-вѣчества.

Обстоятельный и довольно благоприятный отчетъ въ «Рус. Бог.» 8, 68—72. Не совсѣмъ сочувственно отзывается С. К., «Вопр. филос. и псих.» кн. 20, отд. II, стр. 120с.

190. Головачевъ, П. М. Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія. «Рус. Шк.» 1, 46—58.

Сдѣланъ небольшой сводъ опредѣленій воспитанія.

Головинъ, К. См. Л. Тихомировъ.

Голубинскій, Ф. А. См. Колубовскій.

Голуховскій, І. См. Колубовскій.

Гольбахъ. См. Радловъ.

191. Гольцевъ, В. А. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 143.

192. Гольцевъ, В. О пессимизмѣ въ современной литературѣ. «Волж. Вѣс.» № 79.

По поводу книги Пелисье.

193. Гольцевъ, В. А. О снѣ и творчествѣ. Рефератъ въ психолог. обществѣ. Отчетъ въ «Вопр. филос. и псих.» кн. 18, отд. II, стр. 160сс.

194. Гольцевъ, В. Раздѣленіе труда, какъ факторъ нравственности. «Рус. Вѣд.» № 190.

По поводу книги Дюркгейма: De la division du travail social.

195. Гольцевъ, В. Соціологія на экономической почвѣ. «Рус. Мысль» 11, 143—155.

Изложивъ социалистическія воззрѣнія Лоріа (Achille Loria. Les bases économiques de la constitution sociale. Paris), авторъ подвергаетъ ихъ критикѣ. Для Лоріа всѣ неэкономическія формы общественнаго строя являются необходимымъ послѣдствіемъ экономическихъ отношеній, несущественною надстройкою надъ основами этихъ отношеній. Право, религія и нравственность вытекаютъ изъ тѣхъ же отношеній. Г. Гольцевъ, возражая Лоріа, указываетъ на противорѣчія въ его взглядахъ и является его принципиальнымъ противникомъ. — За эту статью журналъ получилъ второе предостереженіе.

Гольцевъ, В. А. См. Боборыкинъ, Каблищъ.

196. Горбатовъ, П. А. Бесѣда о «движеніи». Спб. Тип. А. Пожаровой. 22 стр. 500 экз. 25 коп.

На обложкѣ этой брошюры можно видѣть списокъ прежнихъ трудовъ автора, касающихся ученія о движеніи и теоріи единства и непрерывности матеріи. По словамъ автора, въ предыдущихъ сочиненіяхъ движеніе разсматривалось при различныхъ условіяхъ состоянія тѣлъ и частицъ, а въ предлагаемой брошюрѣ онъ желаетъ только напомнить о томъ же, при согласованіи положеній съ началами теоретической механики. Въ туманныхъ разсужденіяхъ г. Горбатова иногда бываетъ очень трудно добраться до смысла. Укажемъ на примѣръ, на слѣдующую фразу: напряженія, «расходящіяся по сферическимъ поверхностямъ, будутъ въ пространствахъ между атомами противоположно пересѣкающимися, а съ внѣшнихъ сторонъ атомовъ совпадающими; т.-е. вліяніе поддерживающаго напряженія къ атому будетъ для другого захватывающимъ напряженіемъ» (стр. 5).

Горбовъ, Н. См. Б. Гартманъ.

Горгій. См. Вл. Соловьевъ.

197. Гориневскій, В. В., д-ръ. Значеніе развитія органовъ чувствъ и ручной умѣлости по взгляду проф. Гельмгольца. «Образов.» 4, 186—189.

На основаніи статьи въ *Populäre wissenschaftliche Vorträge*.

198. Городецкій, Ив. Яковъ Фрошаммеръ (1821—1893). Некрологъ. „Вопр. филос. и псих.“ кн. 19, отд. II, стр. 127—130.

Фрошаммеръ былъ борцомъ за умственную независимость, ревнителемъ педагогики, другомъ и адвокатомъ учительскаго сословія.

199. Горскій-Платоновъ, П. И. Непротивленіе злу. «Бог. Вѣс.» 1, 165—168.

Отрывокъ изъ большой статьи, навѣянной, несомнѣнно, ученіемъ Л. Толстого. Здѣсь все не похоже на автора «Крейцеровой Сопаты».

Госсе (Haussay). См. Оболенскій, Орловъ.

200. (Гохеггеръ). Роль современной философіи въ дѣлѣ воспитанія. Статья Ив. Г. «Вѣс. Восп.» № 5, стр. 1—12; № 6, стр. 29—47; № 7, стр. 18—30; № 8, стр. 6—33.

На основаніи статей Nochegger'a въ *Neue Bahnen* 1893 года подъ такимъ

же заглавіемъ. Выдвигая философское значеніе педагогики и различая въ современной философіи историко-идеалистическое, натуралистически-позитивистическое и примирительное теченіе, авторъ останавливается на типичныхъ представителяхъ каждаго теченія и указываетъ ихъ значеніе въ дѣлѣ воспитанія. Для характеристики перваго направленія онъ беретъ Фрошаммера и Гартмана, для втораго — Спенсера и для третьяго — Паульсена, Вундта и Дильтея. Всѣ они въ большей или меньшей степени тяготеютъ къ специальнымъ наукамъ. Въ педагогикѣ до сихъ поръ господствовало интеллектуалистическое направленіе. Подъ вліяніемъ современной философіи педагогика начинаетъ покидать эту одностороннюю точку зрѣнія.

Грановскій, Т. Н. См. П. Г. Виноградовъ.

Гризингеръ. См. Розенбахъ.

201. Грингмутъ, В. Враги живописи. I. Импрессионизмъ. II. Фотографія. М. Тип. универ. 95 стр. 600 экз. 30 коп.

Надъ европейскимъ искусствомъ во второй половинѣ XIX в. пронеслась пагубная антихудожественная эпидемія, поразившая всѣ виды искусства, но обрушившаяся съ особенной силой на тѣ именно три вида его, которые наше время выдвинуло впередъ, — на литературу, музыку и живопись. Чтобы постичь красоту мірозданія, художникъ не нуждается въ кропотливыхъ экспериментахъ и логическихъ умозаключеніяхъ: онъ постигаетъ въ минуты вдохновенія ту *невидимую* красоту *видимую* міра, которая составляетъ конечную цѣль его искусства. Авторъ ожесточенно нападаетъ на импрессионизмъ и фотографію, какъ на враговъ искусства. По его мнѣнію, импрессионизмъ абсолютную безсодержательность и отсутствіе смысла считаетъ вѣнцомъ искусства. — Брошюра, не смотря на фельетонный характеръ, заслуживаетъ вниманія и не лишена вѣрныхъ замѣчаній.

По поводу брошюры г. Грингмута Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Въ чемъ причина упадка искусства? «Моск. Вѣд.» № 130. Для искусства страшно пониженіе общаго философскаго міросозерцанія. Сочувственно отзывается «Рус. Вѣс.» 8, 347сс. Подробный отчетъ даетъ «Прав. Вѣст.» № 187—189.

Громовъ. См. Зеленогорскій.

202. Гротъ, Н. Я. Декартъ. «Энцикл. Слов.» Брокгауза и Ефрона, т. X. стр. 303—308.

203. Гротъ, Н. Я. Замѣтка редакціи. «Вопр. филос. и псих.» кн. 20, стр. V—VII.

По поводу четырехлѣтняго существованія журнала и перехода его въ собственность Московскаго Психологическаго общества.

204. Гротъ, Н. Я. Нравственные идеалы нашего времени. (Фр. Ницше и Л. Толстой). «Вопр. фил. и псих.» кн. 16, отд. I, стр. 129—154. Отдѣльно: Изданіе 2-е. М. Тип. Кушнерева. 26 стр. 300 экз. 30 коп.

Ницше—представитель западно-европейской изломанности, Толстой—носитель идеаловъ восточно-европейской непосредственности. Одинъ—защитникъ чистаго языческаго міросозерцанія и мечтаетъ перомъ своимъ навсегда раздѣ-

латься съ религіозно-нравственными идеалами христіанства; другой ведетъ энергическую борьбу съ міросозерцаіемъ позитивно-научнымъ и языческимъ, въ имя окончательной побѣды въ жизни человѣчества высшихъ нравственныхъ идеаловъ христіанства. Оба они рѣшительно протестуютъ противъ всего внутренняго духа и строя жизни современнаго человѣчества, противъ традиціонной внѣшней организаціи христіанскаго общества; оба стремятся дать въ жизни человѣка торжество разуму и трезвому анализу. Коренное же различіе обоихъ мыслителей сводится къ противоположному взгляду ихъ на человѣческую природу. Мораль Толстого стоитъ неизмѣримо высоко, и крайность его заключается въ чрезмѣрномъ и узкомъ идеализмѣ и спиритуализмѣ.

По поводу взглядовъ г. Грота на Толстого выступилъ свящ. І. Филевскій со статьей: Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого («Вѣр. и Раз.», отд. нерков., № 11, 711—750), гдѣ, въ противоположность г. Гроту, онъ доказываетъ, что ошибки Толстого заключаются и въ морали: она имѣетъ только образъ христіанской нравственности. Мимоходомъ авторъ полемизируетъ и противъ извѣстной статьи Н. Н. Страхова «Толки объ Л. Н. Толстомъ».

Иного взгляда на значеніе христіанства держится С. Кулябка: Письмо къ редактору. «Вопр. фил. и псих.» кн. 17, отд. II, стр. 130—136. По его мнѣнію, дальнѣйшій нравственный прогрессъ человѣчества будетъ заключаться только въ болѣе широкомъ приложеніи къ жизни христіанскихъ основъ, совмѣстныхъ съ самой высшей формой развитія человѣческаго общежитія.

Со статьей Н. Я. Грота знакомитъ своихъ читателей «Стран.» 2, 312сс. (обзоръ журналовъ). Не называя имени г. Грота, эксплуатируетъ его статью М. А. Орловъ: За границей. „Трудъ“ 5, 461сс.

См. также Скриба, Тихомировъ.

205. Гротъ, Н. Основные моменты въ развитіи новой философіи. «Вопр. филос. и псих.» отд. II, кн. 8, стр. 42—57; кн. 9, стр. 1—18; кн. 10, стр. 1—18; кн. 13, стр. 1—17; кн. 17, стр. 1—25; кн. 20, стр. 41—93.

Это въ передѣланномъ видѣ лекціи по исторіи новой философіи, читанныя авторомъ въ московскомъ университетѣ и политехническомъ музеѣ. Здѣсь разсмотрѣны: Беконъ, Гоббесъ, Декартъ, Спиноза, Локкъ, Беркли, Лейбницъ, Юмъ, Кантъ и др. Ближайшею задачей философіи будущаго, по мнѣнію автора, должно быть устраненіе кореннаго противорѣчія философіи Канта, заключающагося въ томъ, что, принимая апріорныя и абсолютныя формы познанія и дѣятельности человѣка, онъ въ то же время не допускалъ возможности познанія объективно необходимаго и безусловнаго. Реформа совершится не на почвѣ Кантовской теоріи знанія, а на почвѣ какой то совершенно новой, еще никому невѣдомой точки зрѣнія, радикально устраняющей ошибки Канта и въ то же время способной не менѣе надежно обосновать всѣ великія истины интеллектуальнаго, нравственнаго и эстетическаго бытія. Только на почвѣ новой усовершенствованной и глубже обоснованной психологіи вообще, и психологіи чувства и воли въ частности, можно найти новый фундаментъ и для теоріи знанія, и для теоріи бытія, и для философскаго ученія объ основахъ и устояхъ нравственной дѣятельности.

206. Гротъ, Н. Я. П. Е. Астафьевъ. Некрологъ. «Вопр. филос. и псих.» кн. 18, отд. 1, стр. 116—121.

Черезчуръ преувеличенная оцѣнка покойнаго философа, какъ человѣка.

Гротъ, Н. Я. См. Астафьевъ, Александръ Введенскій, Виндельбандъ, Колубовскій, Скриба.

207. (Грубберъ.) Gruber, H. Der Positivismus vom Tode August Comte's. Замѣтка въ «Мірѣ Бож.» 3,240 изъ Rev. philos.

Грубберъ. См. Ивановскій, Орловъ.

208. Грудовъ, В. М. О загробной жизни или о томъ, какъ живутъ люди послѣ смерти. Составлено на основаніи ученія священнаго писанія и твореній святыхъ отецъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. Тип. Вильде. 64 стр.

Книжка, имѣющая нѣкоторое отношеніе къ библейской психологіи, рассчитана, повидимому, на читателей любочной литературы.

Гуго Викторинецъ. См. Вл. Соловьевъ.

209. (Гумпловичъ.) Gumpłowicz L. Die sociologische Staatsidee. Graz. Давая отчетъ о книгѣ, Л. С. «Вѣс. Евр.» 10, 850сс., говоритъ: „несостоятельность основныхъ взглядовъ Гумпловича на столько очевидна, что нѣтъ надобности останавливаться на нихъ подробно“.

Гумпловичъ. См. Гольцевъ.

Гуръ. См. Ивановскій.

210. Гусевъ, А. Θ. „Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 922.

211. Гусевъ, А. Основныя «религіозныя» начала гр. Л. Толстого. Апологетическое сочиненіе. Казань. Тип. универ. 427 стр. 2 р.

Въ этомъ изданіи содержится все то, что авторъ печаталъ въ «Чтеніяхъ общ. люб. дух. проsv.» подъ заглавіемъ «Основныя правила въ нравоученіи графа Л. Толстого» (см. ниже). Значительно расширено только введеніе (стр. 1—31), и прибавлена новая обширная глава о сущности религіи вообще и христіанской — въ частности (стр. 274—423). По мнѣнію г. Гусева, гр. Толстой является самымъ непримиримымъ врагомъ всякой религіи, и то, что онъ выдаетъ за религію, не имѣетъ ничего общаго съ нею. Онъ жертвовалъ всѣми самыми важными и дорогими для человѣчества духовными интересами ради чисто животныхъ потребностей человѣческаго существованія. Онъ думаетъ, будто жизнь человѣческая получить несомнѣнный смыслъ и станетъ вполне счастливою только въ томъ случаѣ, если люди, забывъ живого Бога и все идеальное, высшее, поставятъ единственной задачей своей жизни самоотверженное служеніе матеріальному благоденствію другъ друга.

212. Гусевъ, А. Основныя правила въ нравоученіи графа Л. Толстого. М. Тип. Снегиревой. 212 стр. 1 руб. Первоначально въ «Чтеніяхъ въ общ. люб. дух. проsv.» 1892, отд. I, 10, 341—412; 12, 609—660; 1893, 1, отд. I, стр. 62—150.

Взгляды Л. Н. Толстого, по мнѣнію автора, рѣшительно противоположны и несогласимы съ христіанскимъ ученіемъ о непротівленіи злему, о негнѣвли-

вості, о бракорасторженіи, о клятвѣ, о судахъ, о патриотизмѣ и войнѣ, о христіанской любви къ ближнему.

Сочувственный отзывъ о книгѣ въ «Сынѣ От.» № 94; о статьяхъ въ «Чтеніяхъ» см. «Стран.» 5, 141сс. (Обзоръ журналовъ).

213. Гусевъ, А., проф. Религіозность, какъ основа нравственности. Противъ автономистовъ. 2-е, вновь переработанное и значительно дополненное изданіе. Казань 1894. Универ. типогр. 193 стр. 1 р.

Новое изданіе книги г. Гусева до такой степени расширено и переработано, что на него можно смотрѣть, какъ на новый трудъ автора. Изложивши исторію идейной борьбы противъ союза нравственности съ религіею и указавъ размѣры этой борьбы въ новѣйшее время, авторъ группируетъ доводы автономистовъ въ пользу совершеннаго и безповоротнаго разрыва нравственности съ религіею, выбирая по преимуществу самыхъ яркихъ представителей этого ученія. Далѣе идетъ критика мнѣній автономистовъ о непознаваемости божества, объ отсутствіи убѣдительныхъ доказательствъ бытія Божія, о крайнемъ разнообразіи представленій божества, о разнородности исповѣдуемыхъ людьми религій и о мнимомъ разгромѣ христіанскихъ догматическихъ истинъ при помощи науки и философіи. Разобравъ затѣмъ доводы автономистовъ противъ связи нравственности съ религіею (по ихъ мнѣнію, такая связь наноситъ только ущербъ достоинству и свободной волѣ челоуѣка), а также ихъ взглядъ, что нравственность совсѣмъ не нуждается въ указанной выше нормѣ, авторъ переходитъ къ положительному обоснованію ученія о мотивахъ нравственно-доброй жизни и о средствахъ къ ея достиженію. Автономная мораль, отрывающая челоуѣка отъ религіи, отъ живого общенія и единенія съ Богомъ въ земной и загробной жизни, безмѣрно вредитъ челоуѣческой нравственности и истинно челоуѣческому счастью. Въ заключеніе авторъ обращается съ призывомъ ко всѣмъ, кто не согласенъ съ его взглядами, добросовѣстно и основательно опровергнуть все главное и существенное, что сказано въ его трудѣ по адресу автономистовъ.—Едва ли, впрочемъ, этотъ вызовъ можетъ считаться обязательнымъ для противниковъ г. Гусева, и потому напрасно онъ грозитъ, въ случаѣ отсутствія такого опроверженія его взглядовъ, видѣть нравственно-предосудительное посягательство на интересы челоуѣческой нравственности и счастья въ каждой статьѣ, защищающей автономную этику.

Курьезныя разсужденія вызываетъ книга г. Гусева у Ю. Николаева: Литературныя замѣтки. Автономная мораль. «Моск. Вѣд.» № 325. По его мнѣнію, ученіе автономистовъ—тоже заимствованное, а вовсе не автономное. И если христіанство заимствовало свое ученіе отъ Бога, то автономисты заимствовали свое... отъ древняго змія (!!). Онъ былъ первымъ автономистомъ, онъ создалъ эту философію и научилъ ей нашихъ прародителей. Отвергнувъ Бога на небесахъ, они признаютъ бога на землѣ въ видѣ автономнаго разума, автономной воли.

214. Гусевъ, Е. Е. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 922.

215. Гутниковъ, З. Матеріалы къ изученію о химическомъ составѣ го-

ловного мозга у человѣка. Диссертация на степень доктора медицины. Харьковъ. Университ. тип. IX+412 стр. 3 р.

Очень обстоятельное изслѣдованіе, основанное на экспериментальныхъ данныхъ.

Г ю й г е н с ъ. См. Бобылевъ.

216. Г ю й о. Статья С. Л. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 963.

Г ю й о. См. Козловъ.

217. Г ю н т е р ь. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 969.

218. (Данвиль). Danville, G. Любовь съ психологической и патологической точекъ зрѣнія. Перев. И. О. Юрданскаго. Подъ ред. проф. А. И. Смирнова. Казань. Тип. универ. 32 стр. Первоначально въ приложеніи къ «Невр. Вѣст.» т. I, вып. 3.

Любовь, являясь съ точки зрѣнія физиологической дифференцированнымъ продуктомъ эмоциональнаго развитія, а съ точки зрѣнія психологической—частною разновидностью общаго механизма сознанія, служитъ результатомъ нормальнаго психическаго развитія. Отсюда понятно, что любовь въ своемъ совершенномъ видѣ встрѣчается лишь у людей. Съ этой же точки зрѣнія можно объяснить разныя свойства любви, а также сходство любовной страсти съ явлениями вырожденія.

Статья Данвиля, помѣщенная въ *Revue philos.*, апр., послужила матеріаломъ для статьи Л. Е. Оболенскаго: Любовь, какъ душевная болѣзнь. «Нов.» № 103.

Данилевскій, Н. Я. См. Милюковъ, Вл. Соловьевъ.

219. Данилло, С. Н. Вліяніе ядовъ на сознаніе человѣка. Отчетъ о лекціи въ Собраніи врачей. «Нов. Вр.» № 6114 (7 марта).

Данилло, С. Н. См. Кюллеръ.

220. Данилло, С. Обзоръ работъ по гипнотизму. «Вѣстн. клин. и судеб. психіатр. и невропат.», годъ X, вып. I, стр. 299—305.

Revue de l'hypnotisme; *Zeitschrift für Hypnotismus*; *Lysin*g: *Phénomènes hypnotiques chez les animaux* (*Annales de psychiatrie* 1892, ноябрь); *Lloyd-Tuckey*: *The value of Hypnotism in chronic Alcoholism*, London 1892; *Schrenk-Notzing*: *Die Suggestions-Therapie bei krankhaften Erscheinungen des Geschlechtssinnes*, 1892; *Babinski*: *Hypnotisme et hystérie*, Paris 1891.

221. Дарвинизмъ. Статья Н. К. «Энциклоп. слов.» Брокгауза и Ефрона, томъ X, стр. 132.

222. (Дарвинъ). Чарльзъ Дарвинъ и его теорія. (*Life and Letters of Charles Darwin including an autobiographical chapter. Edited by Fr. Darwin.*) Статья М. А. «Рус. Мысль» 5, 50—72; 6, 1—23; 12, 112—139.

Разсматриваются нѣкоторыя возраженія противъ теоріи Дарвина, и затѣмъ кратко излагается исторія ея возникновенія, появленія въ печати и персона-

чальнаго распространенія. Въ статьѣ много любопытныхъ и поучительныхъ данныхъ.

Дарвинъ. См. Глаголевъ, Чемена, Энгельгардтъ.

223. (Д'Аркуръ, герц.) Политическія проявленія подражательности. Переводъ М. „Рус. Об.“ 8, 731—744; 10, 787—797.

Сокращенный переводъ послѣднихъ главъ сочиненія: *Quelques réflexions sur les lois sociales* (1886). Статья направлена противъ либеральнаго государственнаго строя.

224. Двойное „я“ въ современной наукѣ и литературѣ. „Книжки Недѣли“ 3, 253—259 (отдѣлъ: Изъ иностранныхъ изданій).

Низшее я нашло себѣ много отраженій въ современной литературѣ. Одни видятъ въ немъ успокоеніе (Родъ) и будущность человѣчества (Эфейръ), другіе отождествляютъ его съ бессознательными инстинктами и требуютъ христіанской проповѣди для борьбы съ нимъ (Бурже), или признаютъ его непреодолимымъ (Зола). Нѣкоторые отождествляютъ его съ кровожадностью и сладострастіемъ и видятъ въ абсолютномъ цѣломудріи необходимое условіе человѣческаго счастья.

225. Дебольскій, Н. Г. Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Выпускъ первый. Спб. 1892. Тип. Яздовскаго. 177 стр. 1 руб. 25 коп.

По мнѣнію автора, коренная задача метафизики ума, съ рѣшеніемъ которой связана вся ея участь, заключается въ томъ, чтобы, показавъ, что предметомъ чистой мысли служить умъ какъ таковой, обнаружить, что отсутствіе творческой силы въ нашемъ умѣ зависитъ именно отъ того, что онъ не вполне умъ; выяснить, что въ понятіи полнаго ума необходимо данъ атрибутъ творчества; установить, по законамъ самого ума, возможность происхожденія неполнаго ума отъ полнаго творческаго ума, т. е. отъ Бога. Для разрѣшенія этой задачи нѣтъ надобности открывать какія-нибудь новыя начала, нужна только здравая критика началъ уже существующихъ. Такой именно критики можно ожидать отъ русской философіи.

Отдавая должное недюжинному философскому уму автора, Э. Шперкъ („Вопр. филос. и псих.“ кн. 18, отд. II, стр. 95—98) полагаетъ, что изъ его философіи вычеркиваются не только „самопознаніе ума“, но и мысль, какъ таковая, и въ ней остаются лишь символы, слова, представляющія собой тѣ начала, которыя, какъ сверхчувственные элементы, бессознательно управляютъ чувственнымъ воспріятіемъ. Въ такомъ же родѣ относится къ г. Дебольскому и П. В. Тихоміровъ: *Возможна ли метафизика ума.* „Чт. въ общ. люб. дух. проsv.“ 3, отд. II, стр. 97—132. Онъ признаетъ за книгой много не заурядныхъ достоинствъ. Авторъ ея сдѣлалъ все, чтобы представить главную свою мысль какъ можно убѣдительно. Однако, по мнѣнію критика, гегельянство если и можно раставировать, то только правовѣрное, а не преобразованное въ феноменальный формализмъ.

Дебольскій, Н. Г. См. Колубовскій.

226. (Деволь). *Dewaule. Condillac et la psychologie anglaise contemporaine.*

Замѣтка въ „Мір. Бож.“ 3, 240 изъ Polybibl.

Декартъ. См. Гротъ, Фулье.

Дель (Döll). См. Дюрингъ.

227. (Дельбефъ). Delboeuf, J. L'hypnotisme devant les chambres législatives belges. Paris. Рефератъ. „Пед. Сбор.“ 6, 635с.

Дельбефъ. См. Орловъ.

228. Демковъ, М. И. Греческіе софисты (по новымъ изслѣдованіямъ). «Гимназія» 1—2, 36—56.

Этими „новыми“ изслѣдованіями оказываются, какъ видно изъ выноски къ заглавію, труды Рѣдкина, Гилярова, кн. С. Трубецкаго и переводъ Платона, сдѣланный Карповымъ. Работа чисто компилятивная.

Демокритъ. См. Радловъ.

Деревицкій, А. См. Аристотель, Арреа, Дорьякъ.

Дерингъ. См. Алексѣй Введенскій.

229. (Де Роберти). De Roberty, E. La recherche de l'unité. Paris. Félix Alcan. VI—230 p. 2 fr. 50 c. (Bibliothèque de la philosophie contemporaine).

Новый этюдъ автора тѣсно примыкаетъ къ предыдущей серіи его философскихъ работъ. Здѣсь читатель встрѣтится съ закономъ трехъ фазисовъ метафизики, съ закономъ психической полярности и другими положеніями, выставленными въ прежнихъ сочиненіяхъ г. де Роберти. Въ единствѣ логическомъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ видѣть ту почву, въ которой коренятся всѣ многочисленныя разновидности историческаго монизма, распадающіяся на двѣ группы: монизмъ научный и монизмъ трансцендентный. Монистическая проблема можетъ быть рѣшена высшею психологіей, у которой, впрочемъ, въ настоящее время пока еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ для успѣшнаго рѣшенія этой проблемы. Вступивъ въ періодъ разума, философія вмѣсто того, чтобы оставаться многообразной, дифференцированной, частичной, какъ это было съ метафизикой, станетъ единой, интегрированной и всеобщей. Такая философія будетъ избѣгать индуктивныхъ гипотезъ, такъ какъ онѣ пригодны при опредѣленіи лишь частей цѣлаго, а при изслѣдованіи самого цѣлаго заводятъ насъ въ антиномію; она будетъ идти дедуктивнымъ путемъ къ все менѣе и менѣе отвлеченному, отъ составныхъ частей къ ихъ совокупности, къ однородному понятію о вселенной. Такимъ путемъ она приобрѣтетъ религіозный авторитетъ и будетъ руководить нравственною жизнью человѣчества.

По мнѣнію В. Чуйко („Вопр. филос.“ кн. 19, отд. II, стр. 94—97), авторъ не выяснилъ въ достаточной мѣрѣ своей основной точки зрѣнія. Въ книгѣ г. де Роберти попадаются мѣткія замѣчанія, но въ общемъ онъ не даетъ яснаго представленія о томъ, какую роль понятіе единства играетъ въ психологіи и логикѣ, и какое возможно въ будущемъ рѣшеніе этой важной проблемы.

Довольно сочувственный отчетъ Л. въ „Вѣс. Евр.“ 9, 394с.

Де Роберти. См. Ивановскій, Колубовскій, Соболевъ.

Дефо. См. Лесевичъ.

230. Дехтеревъ, В. Г. Гипнотизмъ и педагогика. Изложеніе доклада и преній по поводу его въ Педагогическомъ Музеѣ. „Рус. Шк.“ 4, 250—259, а также въ „Краткомъ обзорѣ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній“ за 1892—93 г., стр. 136—141 (см. также „Пед. Сбор.“ 10, приложение).

Докладчикъ находитъ возможнымъ примѣнять гипнотическое внушеніе если не всегда, то во всякомъ случаѣ довольно часто въ педагогической практикѣ.

Джаншиевъ, Г. См. Вульфбергъ.

231. Жаппъ, Александръ. Вѣжливость и услужливость животныхъ. „Нов. Вр.“, прилож. къ № 6362 (13-го ноября).

Любопытныя замѣтки по зоопсихологіи.

Джевонсъ. См. Слешинскій.

Джеддъ. См. Н. С., Жизнь.

Джонсъ (Jones). См. Мокиевскій.

Дидро. См. Веселовскій.

Диксонъ. См. Мокиевскій.

Дильтей. См. Алексѣй Введенскій, Гохеггеръ.

232. Диминскій, С. Евреи, ихъ вѣроученіе и нравоученіе. Исслѣдованіе. Изд. 2-е. Спб. Тип. И. Скороходова. LXXXIII + 218 стр. 1,012 экз. 2 руб.

Первому изданію этой книги была посвящена Вл. С. Соловьевымъ очень несочувственная замѣтка въ „Свѣ. Вѣст.“ За эту замѣтку на г. Соловьева съ ожесточеніемъ нападаетъ издатель книги г. Ясинскій въ обширномъ предисловіи, гдѣ онъ доказываетъ, что покойный Диминскій былъ знатокомъ Талмуда и вообще всего, что касается еврейства.

233. (Дицъ). Die z, M. Theorie des Gefühls zur Begründung der Aesthetik. Stuttgart.

Реп. изъ Liter. Centralbl. въ „Мир. Бож.“ 7, 238.

Діаманди. См. Орловъ.

Диогенъ изъ Аполлоніи, Лаэртійскій и изъ Синопа. См. Радловъ.

234. Доброклонскій, А. Очерки изъ исторіи новѣйшаго періода русской церкви. „Душеп. Чт.“

О „ереси“ Л. Н. Толстого 10, 206с.

235. Добросмысловъ, Д. Философія Н. И. Пирогова по его „Дневнику“. „Вѣр. и Раз.“, отд. филос., № 6, 280 — 298; № 7, 324 — 342; № 9, 411—428.

Редакція сочла необходимымъ заявить, что статья доставлена авторомъ одновременно съ выходомъ 16-й книги „Вопросовъ филос.“, гдѣ помѣщена статья г. Пясковскаго о Пироговѣ. Указавши на Пирогова, какъ на авторитетнаго апологета самостоятельнаго значенія философіи, авторъ группируетъ его

взгляды по вопросам о познаниі, объ основныхъ началахъ мірового бытія, о принципахъ практической жизни и въ заключеніе указываетъ на тѣ признаки въ философіи Пирогова, которые могутъ считаться типичными, вообще для русской философіи: это, во-первыхъ,—гармоничность, въ которой у него умозрѣніе находится съ чувственнымъ опытомъ, самобытное духовное начало съ началомъ вещественнымъ, спиритуализмъ и идеализмъ съ матеріализмомъ, а во-вторыхъ,—религіозный духъ его философіи.

Статья г. Добросмыслова излагается въ „Прав. Вѣс.“ № 209, откуда въ свою очередь дѣлаетъ выдержки „Рус. Жизнь“ № 254.

236. (Доказательства). Къ ученію объ уголовныхъ доказательствахъ. «Прав. Вѣс.» № 170.

Вопросъ о томъ, что можетъ служить источникомъ для уголовного суда въ познаниі искомой по дѣлу истинны, не можетъ быть разрѣшенъ а priori, а вполне зависитъ отъ состоянія научныхъ знаній.

237. Долгинцевъ, В. Ѳ. О значеніи арабской философіи. Рефератъ въ Психолог. обществѣ. Отчетъ въ «Вопр. филос. и псих.» кн. 18, отд. II, стр. 166сс.

238. Домбровскій, И. Смерть. Психологическій этюдъ. Переводъ съ пол. В. В. „Каз. Тел.“ № 34, 44—46, 52, 53, 66—69, 78.

Анализъ предсмертнаго состоянія въ видѣ дневника. Этюдъ относится къ области не научной, а художественной литературы.

239. Доррофеевъ, Г. По поводу „Новаго способа разъясненія процессовъ дедукціи“. „Гимназія“ 6—7, 225—237.

По поводу статьи г. Сланскаго („Пед. Сб.“ 1892, 10—12), которую авторъ считаетъ невѣрной по своей основной мысли и полной логическихъ промаховъ.

240. (Дорьякъ.) Dauriac, L. Introduction à la psychologie du musicien. Paris 1891.

Несочувственная замѣтка А. Дѣревицкаго, „Рус. Об.“ 5, 390—398.—Замѣтка въ „Мірѣ Бож.“ 2, 216 изъ Rev. philos.

241. (Достоевскій). Пастырское изученіе людей и жизни по сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Подпись: С. С. Б. „Бог. Вѣс.“ 10, 41—79. Вышло и отдѣльнымъ оттискомъ. Сергіевъ Посадъ, тип. Снегиревой. 39 стр.

Сочиненія Достоевскаго должны быть цѣнны для всякаго, даже независимо отъ его мировоззрѣнія, ибо методъ мышленія автора—методъ индуктивный, психологическій, интуитивный. Покаяніе и возрожденіе, грѣхопаденіе и исправленіе—вотъ около чего вращается жизнь его героевъ. Но Достоевскій, будучи великимъ учителемъ личной добродѣтели, вовсе не отворачивается отъ общественныхъ, народныхъ и культурныхъ идеаловъ.

Очень сочувственно отзываясь М. Южнѣй: Литературно-критическій фельетонъ. „Гражд.“ № 307. Совсѣмъ иного взгляда держится Ю. Ницолдаевъ: Литературныя замѣтки. Духовный журналъ о Достоевскомъ. „Моск. Вѣд.“ № 311. По его мнѣнію, авторъ весьма поверхностно знакомъ съ сочиненіями Достоевскаго и весьма превратно толкуетъ его мысли, точно такъ же какъ и ученіе отцовъ церкви. Мысли автора не ясны и сбивчивы.—Статья о

Достоевскомъ принадлежитъ перу одного изъ видныхъ представителей русскаго духовенства, еще три года тому назадъ помѣшавшаго свои статьи въ „Моск. Вѣд.“ Поэтому читателю едва-ли не покажется загадочнымъ такой отзывъ одного изъ постоянныхъ сотрудниковъ той же газеты. На г. Николаева нападаетъ Н. Р. въ „Гражд.“ № 327 (Неудачная критика).

Достоевскій. См. Случевскій.

242. (Дреэръ.) Dreher, E. Объ эстетическомъ воспитаніи молодежи. „Вѣс. Восп.“ № 5, стр. 144—163.

Изъ журнала Die neue deutsche Schule 1891, дек. Ученіе о прекрасномъ, по мнѣнію автора, должно слѣдовать методу точныхъ естественныхъ наукъ. Но для созданія истиннаго ученія о прекрасномъ необходимо, чтобы дуалистическое міросозерцаніе вступило въ свои полныя права.

243. (Дриль). Болѣзнь, порокъ и преступленіе. Отчетъ о засѣданіи уголовного отдѣленія спб. юрид. общ. „Нов. Вр.“ № 6364 (15-го ноября); „Сынъ От.“ № 312; „Рус. Жив.“ № 306; „Нов.“ № 315.

Отчетъ о преніяхъ по поводу доклада въ „Рус. Жив.“ № 338, „Нов.“ № 344 (Бесплодные дебаты).

244. Дриль, Д. А. Что говорилось на международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ. „Рус. Мысль“ 2, 88—104; 3, 60—78. Центральнымъ вопросомъ конгресса авторъ считаетъ вопросъ о существованіи анатомически опредѣленнаго преступнаго типа, рѣшенный отрицательно. Отчетъ г. Дриля имѣетъ совершенно иное освѣщеніе, чѣмъ отчетъ о томъ же предметѣ г. Чижа („Вопр. филос.“ кн. 16).

Дробишъ. См. Колубовскій.

245. Друммондъ, Генри, проф. Какъ преобразить нашу жизнь. Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Изд. 2-е. Москва. Тип. И. Сытина и К^о. 39 стр., 3.600 экз. 25 коп.

246. Друммондъ, Генри, проф. Миръ съ вами. Рѣчь. Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Изд. 2-е. Москва. Тип. И. Сытина и К^о. 31 стр., 3.600 экз. 25 к.

247. Друммондъ, Генри, проф. Самое великое въ мірѣ. Рѣчь. Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Изд. 2-е. Москва. Тип. И. Сытина и К^о. 39 стр., 3.600 экз. 25 к.

Первымъ изданіемъ всѣ эти брошюры духовно-нравственнаго содержанія вышли въ одной книжкѣ. Съ цѣлью большей доступности переводчикъ разбилъ ее на три довольно изящныя брошюрки, прибавивъ къ каждой изъ нихъ по одинаковому предисловію.

248. Друммондъ. Самое великое въ мірѣ. Миръ съ вами. Преображенная жизнь. Три рѣчи. Съ англійскаго И. К. К. Изданіе И. А. Морозова. М. Тип. Полякова. 95 стр., 3.600 экз.

Изданіе, очевидно, рассчитано на обширный кругъ читателей и потому въ видахъ удешевленія напечатано на плохой бумагѣ.

Дунсъ Скотъ. См. Вл. Соловьевъ.

249. Дурдикъ, Го с. Статя И. Л. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 246.

Дурново, И. С. См. Вл. Соловьевъ.

Духовецкій, Ѳ. См. Вс. Соловьевъ.

250. Духовныя размысленія свѣтскаго человѣка. „Гражд.“ № 188, 215, 223, 230, 244.

Сквозь христіанскую кротость у автора просвѣчиваетъ далеко не христіанская ненависть къ философамъ.

251. Душа (въ этнологическомъ отношеніи). „Энцикл. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 278с.

252. Душа человѣка и животныхъ по ученію церкви. Статя П. Л. Изданіе редакціи журнала „Русскій Паломникъ“. Спб. Тип. Штейна. 24 стр. 35 экз. Первоначально въ книжкахъ иллюстрированнаго журнала „Русскій Паломникъ“ кн. III. Въ отдѣльномъ изданіи на обложкѣ стоитъ полное имя автора: П. Лавровскій.

Между положеніями христіанской догматики и данными опытной психологіи нѣтъ существеннаго различія. При составленіи своего поверхностнаго очерка авторъ не принялъ во вниманіе богатой литературы по библейской психологіи.

253. (Душевно-больные). Вліяніе барометрическихъ колебаній на душевно-больныхъ. „Прав. Вѣст. № 63.

По статѣ, помѣщенной въ Jahrbücher für Psychiatrie.

254. Душевно-больные и ихъ призрѣніе на Руси. Статя А. К. „Нов. Вр.“, прил. къ №№ 6313 (25-го сентября), 6320 (2-го октября) и 6327 (9-го октября).

Краткій историческій очеркъ правительственныхъ и общественныхъ мѣропріятій о душевно-больныхъ. Очерку предпослано описаніе важнѣйшихъ формъ душевныхъ заболѣваній. Въ № 6313 помѣщены портреты И. П. Мержеевского и И. М. Балинскаго.

255. (Душевно-больные). О нравственности душевно-больныхъ. „Прав. Вѣст.“ № 109.

Затронута отчасти рѣчь проф. Чижа на съѣздѣ врачей, помѣщенная въ видѣ статьи въ кн. 7 „Вопросовъ филос.“

256. Дю-Буа-Реймонъ. Статя Г. М. Г. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 362с.

257. (Дюма, А.) Возрожденіе мистицизма въ современномъ европейскомъ обществѣ. Замѣтка N***. „Нов.“ № 142.

Приведено письмо Дюма изъ Temps отъ 3-го іюля по поводу рѣчи Золя.

Дюма, Ж. См. Булгаковъ.

Дюнанъ. См. Ивановскій.

258. Дю-Прель, Карль, д-ръ. Возраженіе Гартмана на отвѣтъ ему Аксакова. „Ребусъ“ № 24, стр. 237сс; № 25, стр. 249с.; № 26, стр. 257с.; № 27, стр. 265с.

Изъ Psychische Studien за 1891 г.

259. Д ю - П р е л ь, К а р л ь, д - р ь. Какъ я сдѣлался спиритомъ. „Реб.“ № 38, стр. 361с.; № 39, стр. 369сс.; № 40, стр. 381с.

Изъ журнала Die Zukunft.

Д ю - П р е л ь. См. Орловъ.

260. Д ю р и н г ь. „Энциклоп. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 394с.

261. Д ю р и н г ь, Е. Критическая исторія общихъ принциповъ механики. Сочиненіе, удостоенное философскимъ факультетомъ геттингенскаго университета первой преміи Бенекке. Съ приложеніемъ дидактической главы объ изученіи физико-математическихъ наукъ. Съ 3-го нѣмецкаго изданія, увеличеннаго и частію переработаннаго, перевелъ Н. Маракуевъ. Изданіе переводчика. М. Тип. Кушнерева. XX + 531 стр. 600 экз. 4 руб.

Переводъ надѣлавшаго много шуму сочиненія Дюринга сдѣланъ тщательно, но нѣсколько тяжелымъ языкомъ. Переведена и вступительная замѣтка Дюринга о вѣдшей судьбѣ книги.

Сочувственно отзывается А. Л. Корольковъ, „Пед. Сб.“ 7, 81.

262. Д ю р и н г ь, Е. Курсъ національной и социальной экономіи, со включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и социализма. Переводъ съ 3-го изданія. Спб. Тип. Шредера. XIV + 556 стр.

Довольно тщательно сдѣланное изданіе.

Несочувственная замѣтка въ „Рус. Мысли“ 2, 72сс., В. Г. въ „Недѣль“ № 3, 92—98. Осторожность въ пользованіи книгою рекомендуетъ „Вѣс. Евр.“ 2 (обл.). По мнѣнію „Сѣв. Вѣс.“ 6, бос., Дюрингъ незаслуженно удостоился чести быть переведеннымъ на русскій языкъ. Это вздорный и претенціозный трудъ.

263. Д ю р и н г ь, Е. Цѣнность жизни. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Ю. М. Антоновскаго, съ биографическимъ очеркомъ Дея и портретомъ Дюринга. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“. Спб. 1894. Тип. Б. Вольфа. 14 + LXXXIII + 222 стр., 1.200 экз. 1 р. 50 коп.

Печаталось первоначально въ приложеніи къ „Рус. Бог.“ за 1892 г. Къ отдѣльному изданію прибавленъ въ сокращенномъ переводѣ, съ дополненіемъ обширныхъ выписокъ изъ автобіографіи Дюринга, очеркъ Дея о жизни и значеніи нѣмецкаго философа (на основаніи брошюры Döll: Eugen Dühring. Etwas von dessen Charakter, Leistungen und reformatorischem Beruf. Leipzig). Переводъ г. Антоновскаго нѣсколько тяжеловатъ.

Съ полнымъ сочувствіемъ говоритъ о книгѣ Дюринга Л. Е. Оболенскій: Обо всемъ. Борець противъ мірового отчаянія и пессимизма. „Од. Лист.“ № 275. Книгу Дюринга необходимо держать около себя, какъ лучшаго друга, который разсѣетъ сомнѣнія и отчаяніе въ каждую данную минуту, когда мрачная полоса набѣжитъ на душу. Такого же рода отзывъ даетъ „Нед.“ № 47, стр. 1507. О статьѣ г. Оболенскаго въ свою очередь сочувственно отзывается В. л. Радугинъ, „Колосъ“ 11, 249с.

Д ю р и н г ь. См. Астрономовъ.

Д ю р к г е й м ь, Э. См. Гольцевъ.

Елеонскій, Н. А. См. С. Страховъ.

264. Елпидинскій, Яковъ. Религиозно-нравственное мировоззрѣніе Плутарха Херонейскаго. Спб. Тип. А. Катанскаго и К^о: II+461+II стр., 500 экз. 3 р.

Это обстоятельное изслѣдованіе не имѣетъ въ виду рѣшить какія-нибудь важныя задачи по исторіи философіи, но знакомитъ читателя съ однимъ изъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о греческой философіи. Авторъ задался цѣлью представить мировоззрѣніе херонейскаго мыслителя, основываясь на его подлинныхъ сочиненіяхъ. Въ его изслѣдованіи не мало также мѣста отводится сравненіямъ съ предшествовавшими и современными Плутарху мыслителями. Въ заключеніе авторъ затрогиваетъ вопросъ, можно ли назвать Плутарха философомъ, и рѣшаетъ его утвердительно. Плутархъ занимался вопросомъ о познаніи, старался выяснить понятіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру, о происхожденіи міра, о природѣ человѣка и его назначеніи, о его обязанностяхъ къ Богу, семьѣ, обществу, государству и къ животнымъ. По своимъ принципамъ Плутархъ очень близокъ къ христіанству, хотя онъ совершенно не знакомъ съ Новымъ Завѣтомъ. Ученіе Плутарха свидѣтельствуешь о высокомъ развитіи его естественнаго нравственнаго чувства и благородствѣ его души, умѣвшей не только вездѣ найти и опѣнить доброе и прекрасное, но и заставить другихъ полюбить его и отвращаться отъ всего дурного и низкаго. Онъ съ поразительною психологическою и жизненною правдою разбираетъ естественные мотивы нравственной дѣятельности человѣка и, показывая превосходство духовныхъ инстинктовъ человѣческой природы предъ низшими животными поположеніями ея, возбуждаетъ интересъ къ добру, истинѣ и правдѣ.

265. Ельницкій, К. Янъ Амосъ Коменскій и его педагогическія идеи. Публичная лекція, прочитанная въ день празднованія 300-лѣтняго юбилея Я. А. Коменскаго, для увеличенія средствъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ Омскѣ. Спб. Тип. В. Дрессенъ и М. Гутцацъ. 30 стр., 1.000 экз. 20 к.

Краткій очеркъ жизни и дѣятельности славянскаго педагога, не представляющій чего-нибудь выдающагося.

266. Ермиловъ, В. Юбилей великой книги. „Рус. Мысль“ 12, 101—111.

По поводу двухсотлѣтняго юбилея „Мыслей о воспитаніи“ Локка, читано въ учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ. Педагогическія идеи Локка въ полномъ объемѣ не осуществлены еще и до сихъ поръ.

Ермиловъ, В. См. Квицъ, Ланге.

Ефименко. См. Сковорода.

267. (Жане, Поль). Единство философіи. Переводъ К. „Вѣра и Раз.“, отд. филос., № 13, стр. 30—44.

Изъ *Revue philos.*, февраль. Философія есть мысль о мысли. Наука мыслить міръ, философія мыслить самую мысль о ядрѣ.

Жане, Поль. См. Ивановскій.

268. (Желиховская, В. П.) Е. П. Блаватская и современный жрецъ истины. Отвѣтъ г-жи Игрекъ г. Соловьеву. Спб. Тип. Суворина. 177 стр. 1200 экз. 50 коп.

См. Вс. Соловьевъ. Полемика очень часто переходитъ на чисто личную почву. На читателя неприятно дѣйствуютъ разоблаченія, касающіяся самыхъ интимныхъ сторонъ жизни покойной основательницы теософическаго общества. Не пощадила г. Вс. Соловьева и г-жа Желиховская.

Отзывы: „Нов. Вр.“ № 6137 (1-го апрѣля); „Нов.“ № 91; „Гражд.“ № 94 (дневникъ издателя). Послѣдній отзывъ не въ пользу автора.

269. Желиховская, В. П. Наканунъ четвертаго измѣренія. „Нов.“ № 184.

Излагается вступленіе къ статьѣ Стѣда, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ Review of Reviews объ опытахъ въ области автоматической телепатіи или психографій.

270. Желиховская, В. П. Незвѣданные міры и незнанныя силы. „Нов.“ № 270, 275, 340, 344.

Авторъ въ своихъ статьяхъ намѣревается сообщать „мнѣнія людей, извѣстныхъ въ литературѣ, о гипотезахъ или новыхъ открытіяхъ въ области отвлеченныхъ знаній“. На самомъ же дѣлѣ, рѣчь идетъ объ оккультическихъ и спиритическихъ явленіяхъ на основаніи статей, появляющихся въ иностранныхъ изданіяхъ.

271. Желиховская, В. П. Современная черная магія. „Моск. Вѣд.“ № 344.

Рѣчь идетъ о гипнотическихъ опытахъ, которымъ авторъ совершенно не сочувствуетъ.

272. (Жермень). Женщина-философъ. „Вѣс. ин. лит.“ 9, 243—247.

Компилятивная замѣтка о предшественницѣ Конта — Софіи Жермень съ попыткой выяснитъ ея значеніе въ исторіи развитія европейской мысли.

273. Животный магнетизмъ и его примѣненіе къ лѣченію. (Изъ отчета парижскаго международнаго магнетическаго конгресса). Изданіе редакціи журнала „Ребусъ“. Спб. Тип. Демакова. 164 стр. 600 экз. 75 коп.

Излагаются сообщенія, сдѣланные на конгрессѣ. Едва-ли можно признать какое-нибудь научное значеніе за всѣми этими сообщеніями. Вотъ болѣе интересныя изъ положеній, единогласно принятыхъ конгрессомъ: 1) человѣческой магнетизмъ имѣетъ цѣлебную силу; 2) магнетическій сонъ не составляетъ непремѣннаго условія при лѣченіи болѣзней, но, если онъ наступаетъ, лѣченіе идетъ быстрее; 3) гипнотизмъ не слѣдуетъ смѣшивать съ магнетизмомъ; 4) необходимо основаніе магнетической школы для научной подготовки магнетизеровъ, хотя, впрочемъ, магнетизмомъ могутъ заниматься и любители; 5) магнетизмъ по своему дѣйствію можетъ быть разграниченъ на двѣ отдѣльныя вѣтви—физиологическую и психическую.

274. „Жизненный токъ“ и его измѣреніе. „Прав. Вѣс.“ № 126.

Объ опытахъ д-ра Барадюка.

275. (Ж и з н ь). Вліяніе различныхъ обстоятельствъ на продолжительность жизни. „Прав. Вѣс.“ № 183.

276. (Ж и з н ь). Явленія жизни въ „мертвой природѣ“. Статья Н. С. „Рус. Вѣд.“ № 301 и 315.

Этотъ любопытный очеркъ составленъ по Сабатье (Essai sur la vie et la mort) и Джедду (La régénération des cristaux. Rev. Scient. 1891, № 26, перв. полугодіе). Если бы жизни, хотя бы въ самомъ элементарномъ, зачаточномъ видѣ, не было въ „мертвой“ природѣ, то немыслима она была бы и въ органическомъ мірѣ.

277. (Ж о л и). Joly, H. Le socialisme chrétien. Paris. Отзывъ Л. С(ло- нимскаго). „Вѣс. Евр.“ 7, 419сс.

278. З а в и т н е в и ч ь, В. З. Къ вопросу объ историческомъ призваніи русскаго народа (изъ журнала „Труды кievской духовной академіи“ 11, 341—365). Кіевъ. Тип. Г. Корчакъ-Новицкаго. 25 стр.

Западъ, выказавъ величайшее могущество въ дѣлѣ подчиненія себѣ силъ и законовъ физической природы, оказался совершенно бессильнымъ въ дѣлѣ уразумѣнія основъ челоуѣческаго духа. Единственный положительный результатъ, котораго достигла европейская философія въ основныхъ пунктахъ своего ученія, состоитъ въ томъ, что она тщательно разрушила все, во что прежде вѣрилъ челоуѣкъ: всѣ же созидательныя попытки ея творчества дали въ результатѣ почти одинъ только пустоцвѣтъ. Утвердить ослабѣвшую и расшатанную мысль на прочномъ основаніи, примирить ее съ даннымъ въ откровеніи религіозно-нравственнымъ идеаломъ и водворить такимъ образомъ въ душѣ гармонію ея силъ, способностей и стремленій, воспитать по этому идеалу челоуѣческую волю такъ, чтобъ она, отказавшись отъ эгоизма, поставила центромъ своихъ стремленій благо ближняго и въ немъ нашла одинъ изъ главныхъ источниковъ своего личнаго счастья,—вотъ та великая задача, которую исторія поставила цивилизаціи будущаго, и къ рѣшенію которой призванъ русскій народъ. Эта роль должна выпасть на его долю не потому, что онъ надѣленъ какими-нибудь особенными дарованіями, или избранъ для этой миссіи высшею силой, но просто потому, что указанная задача ясно сознана и выдвинута жизнью какъ разъ въ тотъ моментъ, когда русскій народъ, достигнувъ въ своемъ политическомъ могуществѣ необходимыхъ гарантій, обезпечивающихъ свободу и безопасность мирнаго труда, и сознавъ необходимость освободиться отъ рабскаго подчиненія чужому вліянію, еще совершенно юный, бодрый, полный свѣжихъ силъ, сталъ на путь свободнаго само- бытнаго развитія.

279. З а г о с к и н ь, Н., проф. Николай Ивановичъ Лобачевскій. (22 октября 1793 г.—12 февраля 1856 г.). „Волж. Вѣс.“ № 271.

Довольно обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности знаменитаго математика.

280. З а к р е в с к і й, И. Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы. Критическій очеркъ. Харьковъ. Тип. Дарре. 233 стр. 700 экз. Первоначально въ „Журн. гражд. и угол. пр.“ 1891, № 9, стр. 71—126; № 10, стр. 1—87; 1893, № 1, стр. 65—132.

Книга состоитъ изъ статей, печатавшихся въ 1891 и 1893 гг. въ „Журн. гражд. и уг. пр.“, съ небольшими дополненіями. Къ нимъ прибавлена статья на французскомъ языкѣ изъ Rev. scientif. 8-го апр. 1893 г. Уголовно-антропологическая школа, по мнѣнію автора, смѣло затронула коренные вопросы социологіи и уголовного права, вызвала энергическое умственное движеніе во всей Европѣ, не только между юристами, но и между психіатрами, медиками и тюремовѣдами. Это движеніе породило множество научныхъ трудовъ, дало толчокъ огромному числу новыхъ изслѣдованій и, между прочимъ, расшевелило ученыхъ криминалистовъ, вставшихъ на теоріи „злой воли“, какъ источника всякой преступности. Шумныя, ожесточенныя, болѣе рѣшительныя, чѣмъ вѣрныя нападки приверженцевъ новаго направленія на юридическую школу уголовного права вызвали отпоръ со стороны представителей послѣдней, и при взаимной тщательной критикѣ обнаружили слабые пункты въ ученіяхъ обоихъ лагерей. Эта полемика уяснила, съ одной стороны, что притязанія уголовныхъ антропологовъ на открытіе стройной системы невѣдомыхъ до того научныхъ истинъ, по меньшей мѣрѣ, неосновательны и слишкомъ самонадѣянны. Стало очевиднымъ, что въ ученіи антропологовъ заключается много неточнаго, недостаточно провереннаго, крайне гипотетичнаго. Съ другой стороны, представители классической школы не могли не почувствовать, что почва, на которой они строятъ одно изъ главнѣйшихъ положеній уголовного права—о нравственной виновности, основанной на метафизическомъ понятіи о свободѣ воли, какъ въ заколебалась у нихъ подъ ногами, и что нѣкоторые изъ современныхъ юридическихъ институтовъ едва ли выдержатъ напоръ смѣлой и вѣрной критики, направленной противъ нихъ.—Въ книгѣ подробно излагаются ученія Ломброзо, Гарафало, Ферри.

На основаніи этого труда даетъ цѣлый рядъ фельетоновъ г. Эльпе: Научныя письма. Уголовно-антропологическая школа. „Нов. Вр.“ № 6185 (20 мая), 6199, 6213 и 6217 (3-го, 17-го и 21 іюня). Сочувственный отзывъ въ „Вѣс. Евр.“ 6 (обл.). Хорошимъ популярнымъ очеркомъ считаетъ эту книгу „Сѣв. Вѣс.“ 9, 74с. Такого же мнѣнія „Журн. гражд. и угол. пр.“ № 7, 41.

281. (Зеландъ, Н.) Seeland, N. Le Tempérament au point de vue psychologique et anthropologique. Congrès International d'Anthropologie. Moscou. Tome II, p. 91—154.

Въ своей работѣ авторъ поставилъ себѣ задачу найти общее опредѣленіе и классификацію темпераментовъ, которая была бы доступна проверкѣ при помощи повседнежнаго наблюденія и въ то же время не страдала коренными противорѣчіями. Онъ имѣетъ также въ виду выяснить при помощи общепризнанныхъ антропологическихъ методовъ, существуетъ ли опредѣленное отношеніе между темпераментами и физическимъ складомъ человѣка. Свои антропологическія наблюденія авторъ производилъ, главнымъ образомъ, надъ солдатами ташкентскаго гарнизона.

Темпераментъ находится въ зависимости отъ строенія нервныхъ центровъ. Они вліяютъ не только на психическія проявленія въ собственномъ смыслѣ этого слова, но сказываются также въ тѣхъ смутныхъ элементарныхъ ощущеніяхъ произвольнаго характера, которыя составляютъ основу такъ называемаго душевнаго склада. Душевный складъ можетъ быть положительнымъ

или здоровымъ, отрицательнымъ или болѣзненнымъ. Отрицательный складъ— принадлежность меланхолическаго темперамента и его родичей—нервнаго и холерическаго. Темпераменты положительнаго характера составляютъ три главныя группы: средній, жизнерадостный и флегматическій. По силѣ настроенія высшее мѣсто принадлежитъ жизнерадостному, по постоянству же настроенія— флегматическому. Кромѣ того существуютъ темпераменты переходные между отрицательною и положительною группою. Запасъ силъ, при- сущихъ нервнымъ центрамъ и темпераменту, какъ ихъ психическому про- явленію, увеличивается или уменьшается подъ вліяніемъ психическихъ и соматическихъ причинъ. Отрицательная этиологія, т.-е. причины пониженія нервныхъ силъ и темперамента, извѣстны болѣе причинъ ихъ повышенія. Хотя порядочное количество индивидуальныхъ и врожденныхъ вліяній отли- чается случайностью, тѣмъ не менѣе самыя глубокія перемѣны, безъ со- мнѣнія, коренятся въ волю.

Работа г. Зеланда встрѣчена сочувственно въ заграничной періодической печати. См. *Science et Progrès. Revue Universelle. Edition C, № 7; Natur № 15 (Halle a. d. Saale)* отзывается о статьѣ автора какъ о *bahnbrechende Arbeit*.

З а т о ч н и к о в ъ, Вл. См. Розановъ.

З в ѣ р е в ъ, Н. А. См. Е. Трубецкой.

282. Зеленогорскій, О. А., проф. Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета. Вліяніе натурфилософіи Шеллинга. „Зап. Харьк. унив.“ кн. 4, стр. 25—36.

Излагается содержаніе рѣчей двухъ профессоровъ Харьковскаго универ- ситета—Коритаря и Громова, находившихся подъ вліяніемъ Шеллинга.

283. Зеленогорскій, О. А. Общая характеристика движенія фило- софіи въ послѣдніе три вѣка въ ея главнѣйшихъ направленіяхъ. Харьковъ. Тип. Дарре. 23 стр. 20 коп. — Первоначально въ „Зап. Харьк. унив.“ кн. 2, отд. оффиц., стр. 1—23.

Рѣчь на актѣ. Взоръ автора съ особенными ожиданіями останавливается на системѣ Лейбница, которая, по его мнѣнію, имѣетъ сродство съ философ- ско-научнымъ направленіемъ XIX в. Если доселѣ естественныя науки вліяли на нравственно-политическія и историческія науки, то въ будущемъ можно ожи- дать обратнаго или, по крайней мѣрѣ, взаимнаго вліянія.

З и г е р т ъ. См. Каптеревъ.

284. (З и л о в ъ, П. А., п р о ф.). Галилео Галилей. Чествованіе его памяти по случаю трехсотлѣтія вступленія его на кафедру математики въ Падуан- скомъ университетѣ. (Протоколъ публичнаго засѣданія варшавскаго общества естествоиспытателей 1-го февраля 1893 г.). Варшава. Тип. варшав. учеб. округа. II+45 стр. 1 портр. 200 экз. Рѣчь проф. Зилова вышла также от- дѣльно, безъ протокола засѣданія. Ц. 50 к.

Брошюра содержитъ краткій обзоръ дѣятельности Галилея и изложеніе его ученія о движеніи. Все это составлено для публичнаго засѣданія проф. Зиловымъ.

285. (З и м м е л ь). S i m m e l, G. Einleitung in die Moralwissenschaft.

выраженного Вами желанія знать мое впечатлѣніе отъ опыта надъ интересующей Васъ больной.

Благодарю Васъ, что сдѣлали меня участникомъ этого опыта, дѣйствительно подтверждающаго, что «есть въ мірѣ вещи, которыя не снились и мудрецамъ», а не только *намъ* (грѣшнымъ и немудрымъ), какъ заключила М-лле М—ва».

Сергѣй Строгановъ.

Слушали: письмо д-ра Ховрина къ А. Н. Аксакову, отъ 20-го апрѣля 1893 года, слѣдующаго содержанія:

«Какъ видно изъ Вашего послѣдняго письма, рѣшеніе М—вой контрольной задачи Рус. Общ. Экспериментальной Психологіи оказалось не такъ доказательнымъ для ясновидѣнія, какъ я могъ ожидать. Недоказательность эта обуславливалась тѣмъ, что внутренний конвертъ протертъ съ двухъ боковыхъ сторонъ, такъ что черезъ оставшіяся его половинки можно было прочесть и провѣрить прочитанное, что и привело въ смущеніе уважаемыхъ членовъ Общества. Такимъ образомъ, съ этимъ письмомъ я лишаюсь возможности доказать то, что дѣйствительно существуетъ, то, что дѣйствительно не должно подлежать сомнѣнію, т. е. способность ясновидѣнія М—вой, и это тѣмъ досаднѣе, что порча конверта, не говорю, — могла, а прямо произошла не по винѣ М—вой, а какъ слѣдствіе извѣстнаго способа обращенія съ нимъ, и притомъ неустраимаго. Вы помните, какъ я уже о томъ неоднократно писалъ и о чемъ должны хорошо знать члены Общества, что М—ва при попыткахъ отгадыванія сильно мнетъ письма, что выражалось тѣмъ, что она, наприм., перебирала и перетирала письмо между пальцами, мяла его въ комокъ и тербила на всѣ лады, иногда же прямо дѣлала попытки порвать, что продолжалось иногда до $\frac{1}{2}$ ч. и болѣе, смотря по интенсивности двигательнаго возбужденія. Предупреждая объ этомъ, я просилъ даже, чтобы не были положены сургучныя печати, но при этомъ предоставлялъ Обществу право придумать какой угодно контроль, лишь былъ бы онъ доказателенъ. И вотъ, Общество придумало свой контроль, какъ нѣчто доказательное въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ былъ сразу и наглядно доказать или неподдѣльность факта, или обнаружить фальсификацію. Получилось же, къ сожалѣнію, что-то неопредѣленное, даже скорѣе обнаруживающее фальсификацію тамъ, гдѣ дѣйствительно суще-

ствуешь несомненный фактъ. Я одного не понимаю, почему Общество, придумывая строгій контроль для констатированія такого важнаго факта, какъ ясновидѣніе, предположило, что внутренней конвертъ, еслибъ онъ былъ полотняный, затруднилъ бы для М—вой рѣшеніе задачи. Разъ предположить, что она ясновидящая, то для ея способности разница между такими средами, какъ бумага и полотно, не должна была бы составлять особыхъ препятствій, тѣмъ болѣе что можно было взять полотно не менѣе тонкое, чѣмъ любая бумага, но за то неизмѣримо плотнѣе, чѣмъ послѣдняя. Если бы соблюдена была эта предусмотрительность, то навѣрное, какъ и Вы справедливо замѣтили, опытъ оказался бы гораздо доказательнѣе. Радуюсь только одному, что цѣлость наружнаго конверта и его печатей остались неприкосновенными и если экспертиза не обнаружитъ ничего подозрительнаго, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то я буду вполне удовлетворенъ и за себя, и за свою больную. Еслибы даже предположить, что М—ва фокусница и умѣла вскрыть искусно наружный конвертъ, то непонятнымъ становится, для чего ей понадобилось намѣренно портить внутренней конвертъ. Вѣроятно, у нея достало бы умѣнья и терпѣнья, чтобы такъ же поступить и съ этимъ, какъ и съ наружнымъ, лишь бы только доказать свою способность. Для меня лично порча внутренней конверта, при цѣлости наружнаго, не имѣла бы никакого значенія и вотъ почему по полученіи Вашего письма, я самъ сначала недоумѣвалъ, какимъ образомъ внутренней защищенный конвертъ могъ подвергнуться порчѣ? Съ цѣлью выясненія себѣ этого недоразумѣнія, я сдѣлалъ подобный же конвертъ, вложилъ въ него запечатанное въ обыкновенный бумажный конвертъ письмо, заклеилъ наружный прочно и затѣмъ въ теченіе трехъ дней подвергалъ письмо тѣмъ же самымъ манипуляціямъ, какимъ подвергала М—ва контрольное письмо Общества. Сверхъ ожиданія, въ теченіе этихъ дней, по вскрытіи наружнаго конверта, оба бока внутренней бумажнаго оказались не только потертыми, но даже протертыми насквозь. Еслибы манипуляціи продолжать дольше, то обѣ его стороны навѣрно отдѣлились бы другъ отъ друга. Если Вы сами потрудитесь произвести подобный же опытъ, то убѣдитесь, что найденная порча внутренней конверта контрольнаго письма должна быть при этомъ необходимою. Примите при этомъ во вниманіе, что М—ва подвергала подобной порчѣ контрольное письмо въ те-

ченіе цѣлыхъ недѣль. Нужно удивляться, какъ еще остался цѣль наружный конвертъ и его печати.

Теперь я отвѣчу на Ваши вопросы.

1-й воп. Записанъ ли у Васъ каждый приступъ къ чтенію, при комъ именно состоялось послѣднее чтеніе и какова картина этого процесса?

Отв. Самъ лично я не вель записи, но, по моему желанію, М—ва ведетъ дневникъ своей болѣзни, начиная съ сентября мѣсяца 1891 г. подъ моимъ контролемъ. Въ этотъ дневникъ она вписываетъ, помимо своихъ болѣзненныхъ припадковъ и ощущеній, также всѣ мои личныя замѣчанія и наблюденія относительно опытовъ съ чтеніемъ писемъ. Такимъ образомъ, имѣется довольно подробный дневникъ, заключающій въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи ея болѣзни. Выписку изъ этого дневника, касающуюся до чтенія писемъ, начиная съ 14 января 1893 года, я Вамъ при семъ прилагаю. Что касается до вопроса, при комъ именно состоялось послѣднее чтеніе, то объ этомъ я уже писалъ Вамъ: чтеніе произведено ею одной, безъ свидѣтелей; о картинѣ процесса этого чтенія Вы узнаете изъ дневника.

2 вопр. Были ли свидѣтели при Вашихъ личныхъ опытахъ чтенія въ Вашемъ присутствіи, и можете ли Вы представить эти свидѣтельства?

Отв. Всѣ мои опыты, равно какъ и опыты съ контрольнымъ письмомъ Общества, я по необходимости долженъ былъ производить одинъ безъ свидѣтелей по слѣдующимъ причинамъ: у себя въ квартирѣ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я не могъ производить какія-либо наблюденія. Гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ это было еще менѣе удобно и могло бы повредить М—вой, какъ больной, за ея отлучки изъ больницы. Оставалась одна возможность производить наблюденія и опыты только или въ пріютѣ Св. Елисаветы, гдѣ она помѣщается, или въ моемъ отдѣленіи лѣчебницы душевно-больныхъ, гдѣ имѣются сравнительно большія удобства для наблюденій, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Конечно, въ лѣчебницѣ мнѣ могли бы помочь въ моихъ наблюденіяхъ мои товарищи, но, къ сожалѣнію, желающихъ систематически посвятить себя этимъ опытамъ между нами не нашлось. Да оно и понятно: каждое такое наблюденіе по необходимости должно было отрывать наблюдателя отъ его прямыхъ обязанностей иногда на часъ и болѣе, что для каждаго было неудобно, да притомъ имъ, какъ людямъ мало заинтере-

сованнымъ въ моихъ опытахъ и не совѣмъ довѣряющимъ способности ясновидѣнія, не было цѣли терять время на эти опыты. При этихъ условіяхъ, если каждый изъ моихъ товарищей и могъ быть свидѣтелемъ, то только случайнымъ, что въ моихъ наблюденіяхъ не имѣло никакого значенія въ смыслѣ достовѣрности свидѣтельства, тѣмъ болѣе что случайное или *новое лицо, особенно недовѣрчиво относящееся къ М—вой, только затрудняло мои личныя опыты.* Это зависело отъ того, что М—ва боялась казаться въ глазахъ другихъ смѣшной своими конвульсіями и капризами, которыми въ большей или меньшей степени сопровождается каждый приступъ отгадыванія. Понятно, что при этомъ ей весьма трудно сосредоточиться въ самой себѣ, на своихъ внутреннихъ ощущеніяхъ, что для успѣха опыта составляетъ все. Даже мнѣ самому лично только въ послѣднее время удалось добиться того, что она совершенно перестала стѣсняться меня во время опытовъ, чѣмъ я и объясняю удачное чтеніе моихъ закрытыхъ писемъ въ моемъ присутствіи. Но при этомъ удача происходитъ только въ томъ случаѣ, если она видитъ *полное довѣріе къ себѣ; стоитъ только мнѣ выразить сомнѣніе—и опытъ не удавался.* Какъ доказательство вліянія привычки и довѣрія М—вой на успѣхъ опытовъ, я приведу два опыта съ закрытыми записками фельдшерицы моего отдѣленія О. Н. Куфаевой, къ которой она относится болѣе довѣрчиво, нежели къ другимъ.

1-ый опытъ: 27-го января въ моемъ присутствіи Куфаева написала для задачи короткую фразу: «приходите ко мнѣ сегодня», которая и отдана была М—вой для чтенія въ конвертѣ. Несмотря на всѣ усилія, М—ва ничего не могла сдѣлать въ теченіе 10-ти минутъ и принуждена была отказаться отъ рѣшенія задачи. Тогда я переписалъ ту фразу своею рукой и отдалъ ей тоже въ конвертѣ для отгадыванія, внушивши ей, что она непременно должна узнать написанное. Послѣ этого записка прочтена была не болѣе какъ въ 3 минуты. Затѣмъ недавно, 12-го апрѣля, Куфаева написала ей другую фразу: «вы должны прочитать мою записку», тоже удачно прочтенную М—вой, только вмѣсто слова «*мою*» она прочла «*эту*». Записка была дана такъ сложенной, что не было никакой возможности ни просмотрѣть, ни что-либо прощупать. Записка написана Куфаевой въ то время, когда М—ва была въ другой комнатѣ. Объ этихъ опытахъ можно справиться у Куфаевой, которая не откажется сообщить о подробностяхъ

опытовъ. Мои попытки заставить М—ву читать письма при другихъ мало знакомыхъ ей лицахъ почти никогда не достигали цѣли. Такъ, подобныя попытки кончились ничѣмъ при докторахъ Скворцовѣ, Андреевѣ. Впрочемъ, какъ я уже Вамъ писалъ, разъ при моихъ товарищахъ, Андреевѣ и Какушкинѣ, она прочла по одному слову. Опытъ съ запиской д-ра Исполатова 28-го января удался только отчасти. Дана была фраза въ закрытомъ конвертѣ: «все въ мѣрѣ превратно». На верху фразы поставлень крестъ. Рѣшеніе задачи происходило въ присутствіи моемъ и д-ра Исполатова, причемъ содержаніе записки я не зналъ. Число словъ фразы и знакъ-крестъ были отгаданы довольно скоро, отгадываніе же фразы продолжалось не менѣе $\frac{1}{2}$ ч., причемъ она сильно мяла и терла конвертъ между пальцами, но узнать что-либо чрезъ конвертъ отказалась. Тогда эта записка была ей дана безъ конверта, но дѣло все-таки подвигалось туго, изъ всей фразы отгаданы были только два слова: «все» и «въ мѣрѣ». О своихъ личныхъ опытахъ, которые я принужденъ былъ производить безъ свидѣтелей, я могу сообщить Вамъ слѣдующее: по возвращеніи въ концѣ декабря изъ Петербурга, я замѣтилъ, что способность М—вой по отношенію къ моимъ закрытымъ письмамъ значительно усилилась. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ и за неимѣніемъ возможности производить наблюденія въ присутствіи другихъ лицъ, я рѣшился производить эти наблюденія одинъ, чтобы хотя для себя лично выяснить, не употребляетъ ли М—ва какихъ-либо уловокъ при чтеніи закрытыхъ писемъ. Этотъ мой скептицизмъ былъ вызванъ послѣ моего сообщенія о М—вой и демонстраціи мною ящика съ письмомъ въ Обществѣ Экспериментальной Психологіи. Демонстрированный ящикъ и для меня лично оказался неубѣдительнымъ, хотя до сихъ поръ недоумѣваю, какимъ образомъ шнурки могли быть растянуты и крышка ящика открылась свободно. Я не могу никакъ допустить, чтобы была стачка между М—вой и моей прислугой, а тѣмъ болѣе между ею и моими домашними. Самъ же я ни разу не давалъ М—вой въ руки ящика и единственная моя оплошность состояла въ томъ, что я часто оставлялъ ящикъ у себя въ кабинетѣ незапертымъ. Но пусть эти мои наблюденія, по существу весьма важныя, будутъ имѣть сомнительный характеръ. Но за то опыты, произденные мною начиная съ 14-го января текущаго года, окончательно убѣдили меня въ дѣйствитель-

ности способности ясновидѣнія М—вой. Всѣ свои закрытыя письма я давалъ М—вой при такихъ условіяхъ, что она не имѣла возможности ни видѣть, какъ они пишутся, ни догадаться о смыслѣ писаннаго, такъ какъ я писалъ записки или дома, или во время писанія высылалъ ее въ другую комнату и писалъ при закрытыхъ дверяхъ. Записки давались или въ конвертахъ, или свернутыми такимъ образомъ, что снаружи не было никакой возможности просмотрѣть написанное. Вручивши записку, я во все время опыта зорко слѣдилъ, чтобы она какъ-нибудь не могла развернуть записку или распечатать конвертъ. Словомъ, весь процессъ чтенія происходилъ непрерывно на моихъ глазахъ. Получивши записку, М—ва начинала усиленно перебирать и тереть ее между пальцами, какъ бы стараясь прощупать, волновалась, капризничала, сжимала записку въ кулакѣ или даже дѣлала попытку порвать, почему часто приходилось ее удерживать. Затѣмъ, видимо, усиленно сосредоточивалась и въ это время просила, чтобы я сидѣлъ неподвижно, что я охотно выполнялъ, помѣщаясь противъ больной и не спуская съ нея глазъ. Черезъ 3—4 минуты М—ва прежде всего объявляла, сколько словъ во всей фразѣ, затѣмъ начинала говорить, какія слова заключаетъ въ себѣ фраза и затѣмъ уже объявляла всю фразу. Такъ какъ эти опыты я производилъ для себя лично, не имѣя въ виду имѣть ихъ какъ доказательства, то многіе изъ нихъ давно уже уничтожены и забыты, и еслибы сама М—ва не постаралась случайно сохранить нѣкоторые изъ нихъ, то я не могъ бы Вамъ представить никакихъ документальныхъ данныхъ для доказательства моихъ личныхъ опытовъ. Къ моему величайшему удовольствію, оказались записанными и числа производства опытовъ. Такимъ образомъ, были отгаданы слѣдующія фразы и въ слѣдующія числа: 14-го января. Даны въ конвертѣ двѣ фразы, отгаданныя весьма свободно. Эти задачи М—ва препроводила Вамъ при своемъ письмѣ.

15-го января. Даны тамъ же двѣ фразы, отгаданныя одна за другою: 1) Земля столкнется съ Юпитеромъ. 2) Что я буду сегодня дѣлать?—Эти задачи были даны безъ конвертовъ, но записки были такъ сложены, что просмотрѣть что-либо было нельзя.

18-го января дана была на руки въ запечатанномъ конвертѣ слѣдующая задача: «Pater noster qui in coelis» *).

*) Подобная задача во всякомъ случаѣ затруднительна, она должна была копировать текстъ безъ его пониманія.

На конвертѣ положены густые чернильные знаки. Этимъ опытомъ я еще разъ хотѣлъ провѣрить, не употребляетъ ли М—ва для распечатыванія влажности. При густо наложенныхъ чернильныхъ чертахъ, во всякомъ случаѣ, при употребленіи влажности должна быть, хотя въ лупу, замѣтна расплывчатость знаковъ. Конвертъ былъ возвращенъ совершенно чистымъ. При разсматриваніи въ лупу нельзя было замѣтить никакихъ признаковъ расплывчатости знаковъ. Нужно замѣтить, что М—ва не умѣетъ читать по латыни.

1-го февраля. Была дана на руки еще задача съ цѣлью провѣрить, употребляетъ ли М—ва при распечатываніи влажность, безъ которой невозможно было вскрыть конвертъ этой задачи. Задача была слѣдующаго содержанія: «не всегда легко бываетъ читать и мои закрытыя письма». Эта записка писана на листѣ плотной почтовой бумаги, вложенномъ еще въ другой такой же. Затѣмъ бумага записки свернута пополамъ и опущена въ конвертъ своими свободными концами, а перегибъ наружу къ открывающейся части его. Къ срединѣ сгиба съ внутренней стороны приклеена однимъ концомъ весьма тонкая и притомъ надорванная въ нѣсколькихъ мѣстахъ бумажная полоска, которая выходитъ затѣмъ на переднюю поверхность записки. Нижній перегибъ полоски также приклеенъ ко дну конверта, а отъ конца полоски идетъ нитка, которая затѣмъ пропущена иглою наружу черезъ конецъ закрывающейся части конверта. Снаружи нитка завязана узломъ и припечатана сургучною печатью. При запечатываніи конверта записка была приклеена къ внутренней поверхности его адресной стороны, равно какъ и закрывающаяся часть конверта тоже по бокамъ нитки была приклеена. По запечатаніи конверта на его склейкахъ сдѣланы густые чернильные знаки. Устраивая такой контроль, я имѣлъ собственно 4 контроля: чтобы распечатать конвертъ, нужно было, во-первыхъ, попортить сургучную печать; во-вторыхъ, нужно было употребить сильную влагу, чтобы отмочить приклеенное письмо, безъ чего нельзя было вынуть самую записку, а это нельзя было сдѣлать безъ расплыва чернильныхъ знаковъ; въ-третьихъ, при открываніи конверта нитка натягивалась и должна была порвать полоску, приклеенную ко дну конверта, чего весьма трудно было избѣгать даже лицу предупрежденному о контролѣ; въ-четвертыхъ, при выниманіи записки, приклеенная полоска тоже должна была по-

рваться весьма свободно на надрѣзахъ. Избѣжать порчи контрольныхъ знаковъ этого письма едва ли возможно даже самому ловкому искуснику въ распечатываніи писемъ, не знакомому съ ихъ расположеніемъ въ непрозрачномъ письмѣ. Это контрольное письмо было отдано М—вой на руки для прочтенія безъ свидѣтелей. На другой день, т.-е. 2-го февраля, письмо было возвращено вѣрно прочитаннымъ безъ всякихъ признаковъ порчи сургучной печати и чернильныхъ контрольныхъ знаковъ. Лупа не обнаружила никакой въ нихъ расплывчатости.

27-го января. Дана мною въ запечатанномъ конвертѣ фраза: «не держите меня; мнѣ нужно ѣхать на съѣздъ врачей», отгаданная вѣрно въ моемъ присутствіи. Того же числа былъ произведенъ описанный уже выше опытъ съ письмомъ Куфавой и 28-го опытъ съ запиской д-ра Исполатова. Вотъ все, что я могу сообщить Вамъ по поводу моихъ личныхъ опытовъ. Будутъ ли они заслуживать какого-либо довѣрія со стороны Общества, или нѣтъ—это вопросъ другой. Я только хотѣлъ сообщить Обществу, что я видѣлъ, какъ видѣлъ и къ какому пришелъ убѣжденію по отношенію способности М—вой.

3 *вопр.* Какъ часто Вы контролировали конвертъ контрольнаго письма Общества и записывали ли Вы эти дни?

Отв. Какъ часто я производилъ контроль письма Общества, то объ этомъ, кажется, я уже писалъ Вамъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Теперь же повторяю: я всегда тщательно осматривалъ наружный конвертъ, какъ только представлялся для этого случай, т.-е. каждый разъ, когда она являлась ко мнѣ съ письмомъ, и всякій разъ, когда приходилось у ней бывать въ пріютѣ, что происходило иногда въ самое неопредѣленное время, и всегда при осмотрѣ конверта ничего подозрительнаго не находилъ въ его наружномъ видѣ. Особенно прочность кнопокъ не давала повода подозрѣвать какія-либо уловки въ распечатываніи. Въ послѣдній разъ я тщательно рассмотрѣлъ конвертъ наканунѣ рѣшенія задачи, т.-е. 20-го числа, и, какъ всегда, ничего не нашелъ въ немъ подозрительнаго. Ваше желаніе относительно справокъ о кнопкахъ я выполнилъ болѣе чѣмъ нужно, побывавъ во всѣхъ магазинахъ, гдѣ только можно было подозрѣвать найти подобныя приспособленія. Я былъ въ слѣдующихъ магазинахъ: у Шютца, Петерса, Рорбаха, считающихся инструментальными и оптическими, далѣе—въ книжныхъ магазинахъ: Булыгина, Зотова, Аб-

рамова, торгующихъ всѣми письменными принадлежностями, быть въ такъ называемыхъ аптекарскихъ магазинахъ: Доможировой, Крюченкова, Лана, торгующихъ также всѣми письменными принадлежностями, дѣтскими игрушками и всѣми возможными новинками, былъ даже въ переплетомъ магазинѣ Москалева, но нигдѣ ничего подобнаго кнопкамъ, наложеннымъ на контрольное письмо Общества, не нашель. На мои вопросы торговцамъ означенныхъ магазиновъ, гдѣ можно найти подобныя приспособленія, мнѣ отвѣчали: «гдѣ-нибудь въ Москвѣ или Петербургѣ»; адреса же магазиновъ, гдѣ продаются подобныя кнопки, никто не могъ сообщить. Дальше искать было негдѣ *).

«Не могу воздержаться отъ нѣкоторыхъ соображеній по поводу контрольнаго письма Рус. Общ. Экспериментальной Психологии. При тѣхъ условіяхъ, что М—ва сильно мнетъ письма при процессѣ чтенія, контроль, придуманный Обществомъ, въ сущности, никогда не могъ быть доказательнымъ. Обществомъ было упущено изъ виду одно очень важное обстоятельство, это—сила и интенсивность, съ какими могла М—ва мять письмо, поэтому порча даже наружнаго конверта еще ничего не можетъ говорить ни за, ни противъ ея способности. Конвертъ она могла даже порвать и все-таки прочесть письмо помощью ясновидѣнія. Слѣдовательно, для Общества предстояло придумать такого рода контроль, который бы могъ наглядно или подтвердить способность ясновидѣнія, или обнаружить фальсификацію. По-моему, контроль долженъ бы быть придуманъ вродѣ слѣдующаго: приготовить подобное же письмо, какъ придумано было Обществомъ, только не въ одномъ, а въ двухъ полотняныхъ конвертахъ, изъ которыхъ внутренній долженъ быть изъ самага тонкаго, прочнаго полотна, наружный пусть былъ бы такимъ же, только между кнопками наружнаго конверта должны быть положены еще сургучныя именныя печати. Внутренній конвертъ долженъ быть запечатанъ кнопками и сургучными печатями. Затѣмъ, какъ само письмо, такъ и внутренній конвертъ должны быть приклеены другъ къ другу. Можно было бы устроить во внутреннемъ конвертѣ и еще кое-что, наприм.: тонкая полоска

---

*) Предположить, что М—ва могла выписать сама кнопки, нельзя, потому что она такъ бѣдна, что никогда даже рубля не имѣетъ въ рукахъ, а за это время, какъ мнѣ извѣстно, никто ей денегъ не присылалъ и не давалъ.

папиросной бумаги, прикрѣпленная къ письму и конвертамъ такимъ образомъ, что при вскрытіи конвертовъ она могла бы необходимо разрываться. Приготовивъ такимъ образомъ конвертъ, на него слѣдовало бы сдѣлать какую-нибудь не разрывающую, тоже контролированную обложку, напимѣръ, изъ твердаго картона. Самый конвертъ нѣтъ необходимости толсто завертывать; достаточно завернуть въ одинъ листъ бумаги, чтобы предохранить сургучныя печати, въ случаѣ если М—ва стала бы въ припадкѣ стучать по письму кулаками или чѣмъ-либо бить по немъ. За то, чтобы не утруждать способность М—вой отгадываніемъ побочныхъ контрольныхъ деталей, какъ напим., чернильныхъ знаковъ на конвертахъ, въ какую бумагу обернуто письмо и т. д., нужно было бы ихъ описать, чтобы М—ва могла прямо приняться за текстъ письма, такъ какъ особенная способность М—вой заключается въ томъ, что она прежде, нежели дойти до отгадыванія текста, должна сначала опредѣлить всѣ малѣйшія, даже побочныя, не идущія къ дѣлу, детали, что и было причиною затрудненія отгадыванія контрольнаго письма Общества. Почему именно у М—вой является потребность отгадывать всѣ, даже не идущія къ дѣлу, детали, это объяснить трудно, только она не можетъ обойтись безъ этого и не въ состояніи приступить къ чтенію самой сути, т.-е. текста, прежде, нежели не узнаетъ всѣхъ мелочей. Изъ всего процесса отгадыванія контрольнаго письма Вы видите, что она шла постепенно, сначала узнала обертку, потомъ наружный видъ наружнаго конверта, затѣмъ знаки на внутреннемъ конвертѣ и только послѣ опредѣленія всѣхъ подробностей, могла приступить къ чтенію текста. На отгадываніе каждой детали она употребила не меньше силъ, чѣмъ на отгадываніе самаго текста. Ей пришлось, въ сущности, рѣшить не одну задачу, а цѣлый десятокъ, чѣмъ объясняется медленность рѣшенія самаго главнаго, т.-е. текста. Если бы былъ устроенъ Обществомъ контроль вродѣ описаннаго мною, то, конечно, оно имѣло бы доказательства, что письмо не могло находиться непосредственно въ рукахъ отгадывающей, оно должно быть тогда совершенно непомятымъ и чистымъ, а слѣдовательно, съ перваго же раза убѣдительнымъ*). Въ самое послѣднее время М—вой была дана еще одна за-

*) При развитіи въ послѣднее время способности М—вой подобный контроль далъ бы очень хорошіе результаты въ смыслѣ доказательности.

дача однимъ изъ моихъ знакомыхъ, дѣлопроизводителемъ тамбовскаго почтово-телеграфнаго округа Сергѣемъ Алексѣвичемъ Строгановымъ. Помимо непрозрачности конверта, онъ придумалъ еще внутренней контроль такихъ свойствъ, что приспособленные внутри конверта тонкія бумажныя полоски должны при вскрытіи разрываться; кромѣ того, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приклеилъ записку къ конверту и запечаталъ своей именной сургучной печатью, сдѣлавъ надпись на клейкахъ. Текстъ письма мнѣ былъ неизвѣстенъ. Письмо вручено М—вой 15-го апрѣля, 16-го я его видѣлъ цѣлымъ, непомятымъ и совершенно чистымъ. 17-го апрѣля она явилась сама, прося находиться при процессѣ отгадыванія. При этомъ она просила не давать ей письма въ руки во время самаго процесса, чтобы не помять его. Весь процессъ отгадыванія сопровождался бурнымъ волненіемъ и конвульсіями. Въ это время я только изрѣдка подносилъ письмо къ ея головѣ, но не давалъ ей его въ руки. Все чтеніе продолжалось не болѣе 20—30 минутъ. Записка отгадана такъ: «есть въ мірѣ вещи, которыя не снились намъ». Это письмо отдано въ тотъ же день автору для точнаго и строгаго контроля. Отгаданное оказалось вѣрнымъ. Сургучная печать осталась совершенно неприкосновенною. Насколько доказательна задача С. А. Строганова, пусть онъ самъ сообщитъ вамъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ считаться вполне умѣлымъ, надежнымъ экспертомъ, какъ опытный чиновникъ почтоваго вѣдомства.

Послѣ опытовъ послѣдняго времени способность М—вой значительно развилась и усилилась, и еслибы нашлись два-три лица, пожелавшія систематически заняться изслѣдованіемъ этого явленія, то я увѣренъ, что она проявила бы ее въ присутствіи другихъ въ самой доказательной формѣ. Будетъ очень жаль, если этотъ феноменъ пропадетъ безслѣдно для русскаго психизма. Съ своей стороны, я взялъ отъ способности М—вой все, что только можно было взять для того, чтобы придти къ тому или другому положительному убѣжденію, и дальше въ этомъ смыслѣ мои личные опыты больше не могутъ имѣть для меня значенія, и потому эти опыты, во всякомъ случаѣ нелегкіе и утомительные, я, конечно, долженъ буду оставить, какъ не имѣющіе теперь для меня лично больше смысла. Пришелъ же я къ убѣжденію въ дѣйствительномъ существованіи способности М—вой не рядомъ случайныхъ наблюдений, но почти двухлѣтнимъ системати-

ческимъ изслѣдованіемъ и вполнѣ строгимъ сознательнымъ отношеніемъ къ вопросу безъ всякаго, съ моей стороны, увлеченія. Дай Богъ, чтобы случай помогъ демонстративно подтвердить мои наблюденія, чѣмъ буду вполнѣ нравственно удовлетворенъ за мой, по справедливости, нелегкій трудъ на пользу русской экспериментальной психологіи. Затѣмъ, я могу о М—вой сообщить еще одинъ фактъ: 13-го апрѣля ей была подъ внушеніемъ сдѣлана докторомъ Яковлевымъ операція вырѣзыванія ножомъ миндалевидныхъ железъ. Операція была безболѣзненна. Въ моментъ самой операціи чувствительность была совершенно потеряна, и М—ва не проявила ни малѣйшаго рефлекса, какъ будто рѣзали не ее, несмотря на то, что операція производилась въ области, гдѣ уже одно прикосновеніе вызываетъ даже у людей здоровыхъ сильный рефлексъ. Д-ръ Яковлевъ дѣлаетъ подобныя операціи не тонзилотомомъ, а ножомъ, что гораздо продолжительнѣе, нежели инструментомъ. Menstrua у М—вой по-прежнему открываются только подъ вліяніемъ внушенія.

Послѣ того, какъ я сдѣлалъ справки въ магазинахъ о кнопкахъ, не считъ нужнымъ объ этомъ скрыть отъ М—вой. Она не только не обидѣлась, но видимо была довольна контролемъ Общества и сожалѣетъ только, что не могла сохранить письмо Общества въ его надлежащемъ видѣ.

Считаю не лишнимъ представить Вамъ также письмо ко мнѣ Строганова по поводу рѣшенія данной имъ задачи М—вой.

Съ нетерпѣніемъ жду результатовъ экспертизы контрольнаго письма Общества и мнѣніе уважаемыхъ членовъ Общества, о чемъ, надѣюсь, Вы не откажете меня увѣдомить.»

Послѣ сего былъ прочтенъ дневникъ г-жи М—вой, который опредѣлено приложить къ протоколу въ извлеченіи.

Почетный членъ Общества А. Н. Аксаковъ доложилъ Обществу слѣдующую экспертизу, сдѣланную имъ надъ конвертами, отправленными г-жѣ М—вой съ задачей Общества.

«Первымъ дѣломъ моимъ было задѣлать полотняный конвертъ точно такимъ же образомъ, какъ былъ задѣланъ конвертъ, переданный д-ру Ховрину для опыта. Это было для меня тѣмъ легче, что я же и задѣлывалъ въ присутствіи Общества помя-

нутый конвертъ. Попытки мои, сдѣланныя въ томъ направленіи, чтобы выяснитъ коренной въ этомъ дѣлѣ вопросъ: *возможно ли вскрыть конвертъ, запечатанный металлическими кнопками, и вновь запечатать его таковыми безъ оставленія видимыхъ слѣдовъ*, привели меня къ слѣдующимъ результатамъ.

При помощи тонкаго, остроконечнаго инструмента, напимѣръ, шила, подводя его подъ выдающіяся снаружи плечики каждой лапки, можно каждую такую лапку при нѣкоторомъ усилии вытянуть наружу, причемъ она должна неизбѣжно разогнуться. По окончаніи извлеченія всѣхъ шести лапокъ на поверхности конверта, несмотря на полную мою осторожность при этой операци, остались явные слѣды—царапины и легкіе разрывы бумажной обложки конверта, свидѣтельствующіе о томъ, что печать подвергалась насилію.

Если лапки кнопки разогнуть съ внутренней стороны конверта (что было продѣлано мною особо съ другимъ конвертомъ), то кнопка вынимается свободно и чисто; разница оставляемыхъ на конвертѣ слѣдовъ отъ извлеченія кнопокъ этими двумя способами становится наглядной (для видимости прилагаю образецъ). Но разгибаніе лапокъ внутри заклееннаго и запечатаннаго конверта *очевидно невозможно*.

По извлеченіи кнопокъ изъ верхняго клапана конверта, отклейка его отъ конверта при помощи положенія на него мокрой тряпки оказалась возможной. По высушеніи конверта подъ прессомъ, слѣды на его поверхности отъ вынутыхъ кнопокъ сдѣлались еще явственнѣе, вслѣдствіе набуханія отъ влаги.

Теперь оставалось продѣлать главное: на прежнія мѣста, пробитыя лапками, вставить и припечатать новыя металлическія кнопки. При этомъ я приложилъ величайшее стараніе къ тому, чтобы лапки новой кнопки были вставлены въ мѣста прежнихъ лапокъ. Въ результатѣ оказалось, что хотя болѣе или менѣе поврежденное поле конверта, находившееся подъ дискомъ старой кнопки, и было закрыто новою кнопкой, но тѣмъ не менѣе ближайшая вокругъ диска новой кнопки поверхность конверта носитъ достаточно слѣдовъ учиненнаго извлеченія, чтобы тотчасъ же отличить эту кнопку отъ неприкосновенной. Кромѣ того, не менѣе доказательной уликой новаго запечатанія является видъ лопатокъ новой кнопки на внутренней сторонѣ [конверта. По многократномъ испытаніи печатанія этимъ способомъ оказалось,

что ни разу лапки кнопки не загибаются одинаково и что большею частью хоть одна изъ нихъ загибается не внутрь диска, какъ требуетъ того машинка, а въ бокъ или попадаетъ внутрь между клапаномъ и конвертомъ. Такъ случилось и на прилагаемомъ здѣсь конвертѣ съ двумя металлическими кнопками, вставленными на мѣсто старыхъ: на одной изъ двухъ кнопокъ двѣ лапки загнулись въ бокъ, причеъ около одной изъ нихъ *ясно видно пустое мѣсто прежняго прокола* и чрезъ лапку другое мѣсто, окрашенное прежнимъ проколомъ красной лапки.

Разсматривая же оригиналъ посланнаго конверта даже въ лупу, нельзя усмотрѣть на немъ ни на одной печати, ни съ наружной стороны, ни съ внутренней *ничего такого, что указывало бы хотя на какую-нибудь попытку извлеченія кнопокъ.*

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что сказанное выше относительно извлеченія кнопокъ и замѣны ихъ новыми, во всякомъ случаѣ, *обуславливается тѣми непремѣнными условіями*, чтобы больной субъектъ д-ра Ховрина имѣлъ въ своихъ рукахъ такую же машинку для печатанія писемъ; между тѣмъ представляется крайне невѣроятнымъ, чтобы г-жа М. могла найти въ Тамбовѣ такую машинку, которая и здѣсь мало кому извѣстна и была найдена только въ одномъ магазинѣ.

Но такъ какъ второй внутренній конвертъ оказался съ протертыми краями, то представляется такое возраженіе: середка полотнянаго конверта оставалась безъ металлической кнопки (по случаю наложенія таковой на средину внутренняго конверта); поэтому не могли ли быть отмочены и отклеены концы всѣхъ четырехъ клапановъ наружнаго конверта, отогнуты и внутреннее письмо извлечено? Для отвѣта на этотъ вопросъ мною былъ приготовленъ пакетъ, совершенно схожій съ Тамбовскимъ; бумажная печать Общества, наклеенная по срединѣ, и всѣ четыре клапана въ пространствѣ между четырьмя кнопками были отмочены, печать снята и клапаны отогнуты. Этотъ конвертъ при семъ прилагается. Сколько я понимаю, внутреннее письмо не могло бы быть извлечено чрезъ сдѣланное отверстіе иначе, какъ очень смятымъ; при его плотности и упругости, образуемой двумя листами вложенной въ него плотной почтовой бумаги, въ 8-ю долю, сложенной вдвое, такой способъ извлеченія оставилъ бы явные слѣды; ничего подобнаго на внутреннемъ конвертѣ не замѣтно.

При этомъ нельзя не упомянуть, что при вскрытіи концовъ клапановъ открывается доступъ къ лапкамъ кнопокъ изнутри; слѣдовательно, представляется, повидимому, возможность осторожно разогнуть ихъ и извлечь кнопки безъ наружныхъ поврежденій конверта. По провѣркѣ на дѣлѣ, это оказалось весьма труднымъ, ибо лапокъ кнопокъ почти не видно, поэтому приходилось бы дѣйствовать какимъ-нибудь остриемъ ошупью и горизонтально; эти старанія оставили бы на полотнѣ явственные слѣды. Такимъ образомъ, уликами послужили бы какъ эти царапины на полотнѣ, такъ и случайные слѣды отъ прежнихъ въ немъ пробоинъ лапками. Понятно, что и въ этомъ случаѣ имѣніе машинки остается непремѣннымъ условіемъ.

Если считать эти два послѣдніе пункта ослабляющими цѣнность продѣланнаго опыта, а также и то обстоятельство, что бока внутренняго конверта оказались потертыми, то вину въ этомъ приходится Обществу взять на себя.

Второй полотняный конвертъ казался лишнимъ усугубленіемъ трудности опыта, а наложеніе металлической кнопки на середину наружнаго конверта оказалось невозможнымъ по наложеніи таковой на середину внутренняго конверта. Еслибъ этотъ внутренній конвертъ былъ также полотняный и еслибъ наружный былъ запечатанъ пятью кнопками, то опытъ былъ бы безупречный. 4 мая 1893 года.»

По выслушаніи этого доклада и по обсужденіи всего вопроса, собраніе пришло къ слѣдующему заключенію: *весьма вѣроятно, что фактъ ясновидѣнія въ данномъ случаѣ былъ неподдѣльный, а потому крайне желательно, чтобы опыты съ 1-жею М—вой были продолжены.*

Приложеніе къ протоколу 7-го мая.

Извлеченіе изъ дневника С. А. М—вой за 1892—93 годы.

24-го декабря. Открылись регулы по внушенію. Былъ приложенъ магнитъ къ низу живота, послѣ 2—3 схватокъ черезъ 5 минутъ очень сильныя регулы. Срокъ регулъ 19-го декабря прошелъ, самостоятельно онѣ не открылись. Потребности къ отгадыванію письма не было.

30-го декабря. Тоска, не ѣла, не спала, внушеніе прекращало тоску на 2—3 часа, затѣмъ она снова возвращалась и доходила

до неистовства: плакала, стремилась куда-то убѣжать, рвала на себѣ волосы, платье. Была сильнѣя потребность къ отгадыванію. Старалась читать письмо, мяла его, терла между пальцами, хотѣла его порвать.

Служанка отняла письмо! Посылала за А. Н. (д-ромъ Ховриньмъ), но онъ почему-то не пошелъ.

Январь 1893 года.

1-10 января. Въ 6 час. вечера самостоятельно впала въ гипнотическій сонъ. Въ теченіе $\frac{1}{2}$ часа въ такомъ состояніи увидѣла знаки на внутреннемъ конвертѣ. По пробужденіи чувствовала себя совершенно здоровой. Потребность къ отгадыванію пропала. Въ 7 часовъ заявила А. Н., что видѣла знаки, что, повидимому, затрудняло отгадываніе самаго текста.

2—3-10 янв. Чувствовала себя совершенно здоровою. Потребности къ отгадыванію не было.

4-10 янв. А. Н. потребоваль отъ меня чтеніе письма. Я ему говорила, что потребности у меня нѣтъ, но онъ вѣрно не повѣрилъ. Попытка кончилась полною неудачей, послѣ стала волноваться, ночь не спала и, въ общемъ, чувствовала себя плохо.

12 — 13-10 янв. Спала плохо, сильно волновалась съ утра, опять потребность къ отгадыванію письма. Идти къ А. Н. было напрасно, тогда я взялась одна за письмо, и что же вышло? Въ 1 ч. дня я самостоятельно впала въ гипнотическій сонъ. Посылали за Хов., но онъ не пошелъ, а сидѣлка меня немогла разбудить, и я проспала до 12-ти час. слѣдующаго дня, т.-е. 13-го января. Ничего не видѣла. Послѣ такого состоянія сильная истерика; А. Н. не приняль меня, а просиль обратиться къ другому врачу.

14-10 января. Съ утра плохо, никакія лѣкарства не помогаютъ. Пошла къ А. Н. и заявила, что я рѣшительно не могу оставаться безъ внушителя. А. Н. былъ такъ добръ, обратиль вниманіе на мои страданія, сдѣлаль мнѣ внушеніе, послѣ чего я успокоилась и попросила дать мнѣ для отгадыванія записочку. Опытъ удался, и я стала совершенно покойна.

15-10 января. Спала хорошо. Съ утра волновалась, потребность къ отгадыванію, даны были двѣ записки А. Н. безъ конверта, отгаданы удачно. Во время отгадыванія сильно волновалась, капризничала, послѣ сеанса успокоилась.